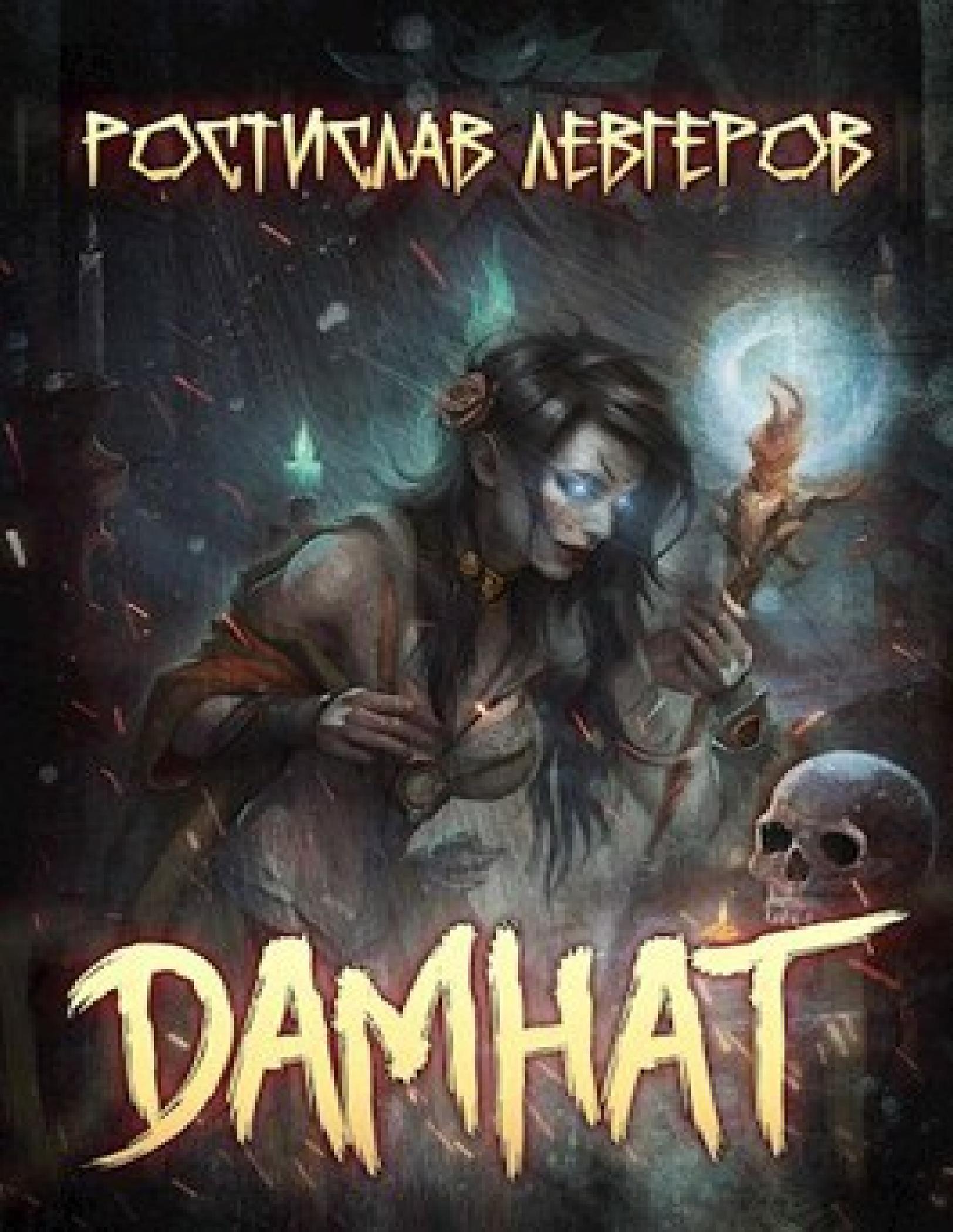

ПОСВЯЩЕНАЯ ЛЕВТЕРОВ

DAMIHAT

Тысячу лет душа обреченного на вечные муки древнего колдуна была заключена в особой печати, позволявшей адептам предвечной церкви обуздывать и направлять дикую магическую стихию, хранившуюся в необъятных недрах аномалии, известной под лаконичным названием Источник.

Тысячу лет империя, понукаемая церковниками, держала под пятой весь мир, не замечая грядущей катастрофы.

Но наступила Проклятая Ночь и напившийся кровью невинных алтарь взорвался, высвободив стихию, осквернившую цветущий край и превратив еще вчера могущественное государство в раздираемую междоусобицей территорию. Магия оказалась под запретом, чем не преминули воспользоваться враги, в том числе загадочная раса имеров, когда-то изгнанная в непригодные для жизни ледяные пустоши.

И лишь единицы знают, что душа дамнага из сломанной печати переселилась в не приметного юношу, которого все считали слабоумным.

Пролог. Пыль и тлен

В этом краю часто случались красивые закаты. Насыщенных багряных цветов. Монаху всегда казалось, что по небосводу словно разлилась кровь и стекла туда, где кончаются горы. Старики из числа созерцателей, утверждали — от магии, не иначе. Арут был наполнен магией Источника до предела. Кажется, сам воздух пропитался ею. Неосвязаемо, необъяснимо. Но осязаемо и слышно.

«Это рождает особое благочестие, дарованное пророком», — говорили созерцатели.

Монах сомневался. Арут рождал вечную головную боль. Или, как говорили ортодоксальные архаиты, осязаемость. «Смиряющий обруч», заставлявший многочисленных отроков, аколитов, причетников, тех же созерцателей, да и самих отцов предвечной церкви быть благочестивыми. Нести волю создателя через слово пророка Анта.

А еще существовал так называемый шепот создателя, или второе проявление магии — слышимость. Шепот непрерывно звучал у тебя в голове. Тысячи, мириады едва различимых голосов, призрачный хор из мира по ту сторону. Монах любил поздней ночью, лежа на топчане, в своей одинокой келье, прислушиваться к нему. В гулкой пугающей тишине, изредка прерываемой храпом послушников, погрузившись в вязкую полудрему, несмолкаемый шепот незаметно складывался в слова. Он почти понимал их, почти... Но каждый раз значение ускользало.

За годы, что монах провел здесь, в сердце Аннаты, в легендарном соборе, в недрах которого таилась та самая шахта, куда доступ открывался тем немногим, кого звали таинниками, головная боль и шепот превратились в нечто, заставлявшие его воспринимать окружающее, мягко говоря, своеобразно.

Да и все они — мелкие церковные служки в огромном, покрытом пылью и тленом, здании, — практиковали философию, суть которой сводилась к тому, что всё — и есть пыль и тлен. Все они были нигилистами, смотревшими на мир через призму боли, смирения и откровенной бессмысленности бытия.

Монах перелистнул страницу и скривился. Сегодня голова просто раскалывалась. От этого проклятия не было никакого спасения. Особенно вредил хмель. Нередко случалось, когда злоупотреблявшие вином иноки сходили с ума. Пьяницы в полоумии всегда буйствовали. Помнится, один решил запереться в клетке и сгореть. Он применил заклинание огня на самого себя, прежде выбросив ключ от клетки...

Другой решил познать, что есть грех? Самый тяжкий. Что будет после? Поразит ли его создатель громом небесным? И начал поедать себя. Таким и нашли бедолагу в «каменном мешке», где он отбывал наказание как смутьян, развращавший умы иноков. Он оторвал собственную ногу и поедал ее...

Монах мрачно усмехнулся. Познать и просветлеть, означало на практике терпеть и пытаться не спать.

И в чем смысл? Любой из них тщетно задавался этим вопросом. Источник по-прежнему был велик и необъятен, но вера их — лишь вера навозных жуков, копошащихся на куче фекалий, и размеры ее, этой самой кучи, неподвластны их скудному разуму. Навозные жуки, возомнившие себя хозяевами мира.

За тысячу лет существования их величественная религия оскудела до гниющей махины, родившей нынешних адептов: престарелого и слабоумного архимага Квотона и его

блядовитую сумасшедшую супругу Марию, поставившую во главе священного воинства Девы Полуденной... любовника. Язычника из задворок их дряхлеющей, распадающейся на части империи. Нечестивца, принесшего в окутанный благовониями, наполненный внушающими трепет напевами сотен богомольцев, прохладный от идущего из шахты холода главного молельного зала Аруты, смешные в своей нелепой жути кровавые ритуалы.

Очередной такой проводила сейчас Мария. Вот свидетельство их собственной никчемности и безразличия: они привыкли к подобному. К кровавой вакханалии в самом центре несущей просветление предвечной церкви. Очередное подтверждение бессмысленности бытия. «Вы ищите, братия, значение там, где его нет, — говорил один пожилой монах, которого все именовали не иначе как Богохульником. Как же его звали на самом деле? Кажется, Медвяном. Медвян. Какое теплое, и в то же время странное имя. — Сами подумайте, что сказано в писании: *пейте нектар божественный, ибо таковым становится в теле зверя*. О чем тут, спрашиваю я вас? Как может нектар иль эфир — кому как нравится — стать священным и пречистым, пройдя сквозь печать, в коем таится зверь, как мы знаем, нечистый? Вот в этом и суть, братия! Верьте в абсурдное!»

Сейчас, вместе с пускающим слюни мужем, от которого вечно воняло мочой, Мария решила принести в жертву идолу... собственного сына. Такого же слабоумного, как и отец.

Отче всеблагодать! Как же получилось, что подобное не удивляет их? Понятен ход мыслей ополоумевшей бабы: есть другой сынок, Петр по прозвищу Усекновитель. Правая рука проходимца-фаворита, словно в насмешку самому создателю ставшего гетманом священного воинства...

Как же болит голова...

Вредно думать обо всем таком. Ничего, кроме еще более поганого настроения это не приносит. Так недалеко и до безумия. В последнее время вообще множились случаи помешательства. И без пьянства. Особо ретивые служки возвещали о грядущем бедствии, о тьме ночной, о звере диковинном, что пожрет их души...

Монах подозревал, нет, он знал, что все дело в магии. В священном эфире, будь он неладен. У кого-то болит голова, а кто-то потрошит местных крестьян на алтаре, куда, вообще-то, должны возлагаться дары, символизирующие жизнь: омела, вино и хлеб.

Монах вздохнул. Сегодня голова раскалывалась особенно сильно. Он посмотрел на окно, забранное решеткой. Сквозь дымчатые нити облаков пробивались пламенеющие алые лучи. И горы как будто горели. По щекам древних исполинов, окружавших долину, стекал не снег, а кровь...

А потом монаха затошнило. Где-то глубоко внутри, из самых глубин донесся глухой, стиснувший голову нестерпимой болью, рокот. Словно сама земля, нескончаемо долгие годы затаив дыхание, выдохнула, наконец. Перед глазами все поплыло. Огонек свечи на щербатой жестяной площадке, жалобно затрепетав, потух, погрузив келью в полумрак. Толстенный фолиант — и зачем ему эта многословная чушь? — захлопнулся, взметнув пыль, зацекотавшую ноздри. Монах чихнул и, морщась и потирая виски, посмотрел в окно.

Едва тлеющий закат очернила... тьма. Темно-синее марево вскинулось в небо и исчезло.

Тошнота подступила к горлу. Его вырвало прямо на книгу. «На ужин была репа с черствыми ржаными лепешками и кислое пиво», — тоскливо подумал монах, глядя на растекавшуюся по обложке жижу, скрывающую название.

«Евангелие от дамната». Запрещенная и проклятая книга неизвестного хулителя,

клеветника и поклонника нечистого, которую, как ни смешно, здесь прочли все без исключения. «Отче всеблагой! — вяло подумал он. — Мы все уже давно сошли с ума, даже не поняв это...»

Падая со скрипучего стула на пол, монах, в последнем проблеске ускользящего сознания увидел, что клочок неба подернулся несмываемой серой дымкой.

Душно.

Монах очнулся и первое, что услышал: тишину. Настолько всеобъемлющую, что его посетило сомнение: а не оглох ли он? Затем пришло осознание, что это, скорее, шум. Настолько оглушительный шум, что его уже не отличить от тишины.

Монах с трудом поднялся. Его шатало так, что он не сомневался: следующий обморок станет последним.

Надо срочно найти укротитель. Вещицу, пылившуюся в его облезлом сундучке невесть сколько времени. Когда-то он купил ее у одного ушлого таинника из числа стражей. Отчаянные были ребята, эти стражи.

— Несправедливо, что книжники ничем не защищены, в общем-то, — дыша в лицо луком и уксусом, сказал страж, вложив в ладонь монаха заговоренный камень. — Книжники читают, стражи стерегут. Так ведь, друже? Мы в одной упряжи. Мы — таинники, так ведь? Может, и ты когда-нибудь спустишься...

Дотянуться бы...

Руки тряслись. Душно, очень душно. Снова подкатилась тошнота.

В сундуке — труха. Вещи, изъеденные молью, преданное забвению прошлое. Пыль и тлен.

И спасительный укротитель. В самом низу, среди мусора и высохших насекомых. Стиснув в руке простой гранитный камень, монах обессиленно повалился на пол, и, глядя в затянутый паутиной потолок, торопливо и сбивчиво начал напевать.

Вместе с облегчением почему-то потекли слезы. Шум был всего лишь тишиной. Настоящей.

Спустя какое-то время монах почувствовал, что достаточно окреп. Пора выходить из кельи.

От оглушившего на мгновение скрипа двери он вздрогнул. Прижав укротитель к груди, выглянул. Коридор пуст.

Каждый шаг отдавался пугающим эхом. Монаху стало непривычно. Пропали шепотки, ушел смиряющий обруч. Появилась почти позабытая легкость, напомнившая детство. Взглянув на камень, он вспомнил того таинника-стража. То, что он принял за уксус... ведь это же было вино?

Кто всегда скрывался в тени? Кто превратился обособленную касту в их безумном мире? О ком ходили легенды?

И кто мог пить вино без опаски начать поедать или сжигать себя?

Из задумчивости монаха вывел пронесшийся по коридорам смех. Смех дикий, звериный. А затем раздался крик. Крик внезапно оборвался, оставив после пугающие отголоски, отражавшиеся от стен.

Замирая, прислушиваясь и вздрагивая, монах двинулся вперед. Он не знал, куда идет и зачем. И что увидит?

Жарко.

Монастырь являлся настоящим лабиринтом. Запутанной сетью однообразных коридоров, сходящихся в главном молитвенном зале — огромном помещении с колоннадами. В преддверии бездны, как они меж собой прозвали спуск в шахту. В коридорах всегда было мучительно темно, дымно, затхло и пыльно. В преддверии бездны — холодно, гулко, сонно.

В нишах крошились под тяжестью веков кости святых. В тысячах крохотных нор, криво и небрежно выдолбленных прямо в массивных колоннадах. И множество чадящих и оставляющих едкий запах свечей — в нишах, на полу, на причудливых ветвистых канделябрах, на каменных постаментах с темными истертыми иконами этих самых подвижников церкви. Чьи имена забывались быстрее, чем ты успеваешь запомнить. Да и зачем? Кому они были нужны?

Пыль, тлен и бессмысленность бытия. И дыхание бездны, укрощаемой ледяными напевами таинников-книжников. И печать с душой нечистого, или дамната, вместе с кубами льда, вносимыми в шахту таинниками-стражами. Только так и сдерживался натиск рвущейся на свободу мистической и непознаваемой силы, живущей в Источнике.

Монах решил идти туда. С укротителем и знаниями книжника (в том числе и запретными) он не боялся.

Монах смахнул пот со лба. Внезапно дорогу преградил человек — пятно, едва освещаемое факелом где-то далеко за ним.

— Постой, брате, — услышал монах хриплый, влажный голос. — Постой! Не слышишь ли?

— Чего не слышу? — поинтересовался монах, отступив на шаг.

— Пение ангелов, — ответил незнакомец. Монах никак не мог вспомнить, чей это был голос. Впрочем, в Аруте жили сотни, если не тысячи послушников. — Пение демонов.

— Нет, не слышу.

— Не слышишь? — незнакомец то ли закашлялся, то ли засмеялся. — Ты глупец, или же сам зверь. Почем мне знать?

— Кто ты?

— Богохульник.

— Врешь. Ты не Богохульник.

— Отныне мы все — богохульники. Кровь, осквернившая святыню нашу, вопиет! Демоны вырвались! Понимаешь ли? Понимаешь ли ты, смрад ходячий?! — последние слова незнакомец проревел.

И кинулся на монаха. Неуловимая тень в полумраке. Монах прижался к стене и незнакомец пронесся мимо. Упал. Всхлипнул.

— Где ты? Где ты, смрад ходячий? — спросил он со стоном. — Почему я не вижу тебя? Дай мне вкусить твою плоть! Дай мне!.. Темно... Задыхаюсь, брате... Спаси! Дай вкусить животное! Дай! Дай! Дай!

Монах, истекая потом, побежал прочь от безумца.

— Дай вкусить!..

Наконец, книжник остановился. Вынул ближайший факел с обруча на стене. «Что произошло?» — не давала покоя мысль. Впереди, в нескольких шагах от него, вповалку лежали мертвецы. Окровавленные рясы; оскаленные рты, вгрызающиеся в друг друга; тесное переплетение рук, ног. Безумие смерти во всей красе.

Монах поспешил прочь. Теперь понятно, что произошло нечто ужасное. Первородная

магия — скверна, сырец, хмарь, — вырвалась наружу. Печать разрушена и...

А что с дамнамом?

Монах оттянул ворот. Очень жарко.

Преддверие бездны было завалено трупами. В самых невероятных позах. Кровь и куски плоти всюду. Здесь царил жуткий непередаваемый запах. Монах даже затруднялся подобрать аналогию, но ясно, что теперь здесь жила сырая магия, смешавшаяся со смертью. Плевать, могла ли пахнуть магия как таковая или нет. Этот запах будет преследовать всегда.

В самом центре, у величественного алтаря, где не так давно Мария-кровопийца предавалась очередной оргии с жертвоприношениями, виднелся одинокий силуэт. Рядом — сбитая из толстых прутьев крестовина с намотанными на нее кишками и увенчанная черепом с обрывками плоти и кусками пропитавшихся кровью волос. Грязный и архаичный культ, который принес сюда из диких мест Рогволод, любовник Марии.

Маленький сторбленный человек не шевелился. «Очередной безумец?» — подумал монах.

— Эй! — крикнул он. Человек не отозвался. — С тобой всё в порядке?

«Глупый вопрос. Хотя, может это таинник с укротителем?»

— Ты слышишь меня? — еще раз окликнул его монах, осторожно подходя и стараясь не смотреть на буйство мертвой плоти. Вздрагивая каждый раз, когда ботинок наступал в лужу крови.

Это был юноша, лет двадцати, может, даже моложе, в простой рясе аколита. Юноша стоял, закрыв глаза и сложив руки на груди. Молился? У ног его — обнаженная женщина. Спина женщины расцарапана. На ногах синяки и кровоподтеки. Как будто ее кто-то насильно. Шея свёрнута под неестественным углом.

Мария. Блудница и кровопийца подохла, прежде обрушив на мир невиданное доселе бедствие. Монах в очередной раз вытер пот с лица. Дышалось все тяжелее. Надо скорее уйти отсюда. Покинуть этот ад.

За алтарем — открытая шахта. Дыра в полу. Массивные стальные створки, изрезанные рунами и письменами, откинута. Круглый колодец, по краям которого вилась узкая, стертая за века лестница, пугал бездонностью. Закружилась голова и монах торопливо отпрянул.

«Столетиями мы жили на вулкане, который мог начать извергаться в любую минуту».

— Скажи что-нибудь, или я уйду. — Слова монаха разнеслись по гигантскому залу зловещим эхом.

Парень встрепенулся, открыл глаза и посмотрел на него.

— Идем. — Монах протянул руку. — Как тебя зовут? Кто ты? Ты понимаешь меня?

Парень, видимо, был не в себе. Еще одно проявление скверны? В его глазах не читалось ни проблеска мысли.

— Поторопимся. Иначе и мы сойдем с ума.

Юноша некоторое время тупо глядел на Марию. Затем свесил голову и покорно побрел за монахом.

Монах набрал в торбу, найденную тут же, на кухне, первую попавшуюся снедь: хлеб, сыр, сухую колбасу. Подумав, положил также бутылку с вином. «Авось в чужих краях доведется опробовать, без опаски выкинуть что-нибудь противоестественное...» Нашел на кухне мешочек для специй, положил туда укротитель и повесил на шею. Подпоясался

потуже.

Поражало безлюдье. Мусор, обрывки бумаг, различная утварь, сено, распоротые мешки с зерном — весь двор захламлен. Несколько зарубленных монахов, следы крови. Очевидно, что все, кто сохранил остатки ума, бежали. Как долго он лежал без сознания? Видимо, полдень давно миновал. Монах то и дело отворачивался, привычно замыкаясь. Он часто так делал, не желая замечать очевидное: всё, абсолютно всё шло к этому концу. Арут — величественный храм, ставший точкой отсчета цивилизации людей, неуклонно деградировал.

Но сейчас предаться спасительной мистической тоске, нырнув в собственный мирок, сплетенный из сотен и сотен прочитанных книг, не получалось. Сейчас монах сам себя сравнивал с рыбой, выброшенной на берег, и переполненный скверной воздух лишний раз подтверждал это.

Небо затянулось свинцовыми тучами. Сухой ветер, чуждый краю лесов, полян и рек, вскоре начал обжигать. Дышалось откровенно трудно.

— Ну что, друг по несчастью? — сказал он как можно веселей, но вышло, кажется, плохо. — Пора покинуть сию юдоль скорби.

Монаха заинтересовали глаза юноши. В них иногда проблескивало какое-то подобие сознания. Монаху казалось, что юноша хотел что-то сказать, но либо не решался, либо просто не мог.

— Как мог ты так... сохраниться? — задумчиво потерев бороду, пробормотал монах. — Ведь при тебе нет укротителя, да и не похож ты... на таинника... И на книжника тоже. Не тот возраст. Кто ты?

Они вышли из распахнутых ворот. Плотная накатанная дорога, петляя, уходила вверх и терялась в поросших густым лиственным лесом холмах.

Тишина. Не поют птицы, неслышно даже жужжание насекомых. Деревья — и это летом! — сбрасывали листву. Листья кружились, подхватываемая мертвым ветром.

Пыль и тлен, провалились они в землю. Не просто занудное философствование, но с этих пор правда жизни.

— Что же с тобой произошло? — продолжал размышлять монах, поглядывая на спутника, покорно бредущего следом. — Кто же ты?

Монах шел, как обычно, ссутулясь, мерно припечатывая дорожную пыль посохом, которым разжился в привратничке. Там лежал с перерезанным горлом тот самый старик Богохульник. Медвян. Монах прикрыл глаза Медвяну и прочел молитву, то и дело прикасаясь к мешочку с укротителем и пытаясь понять, кто убил мятежного старца. Богохульник предсказывал всемирное бедствие, и когда оно произошло, кто-то из злости — ребяческой злости, если честно, — прикончил, в общем-то, безобидного деда, если не считать жалящего языка.

Монах взглянул на спутника и задумался, почему он взял его с собой? Он давно слыл отшельником — тесная и убогая келья была его домом. Но оказывается, когда рушится мир, одиночество тяготит. Истина, часто встречавшаяся в книгах, но столь же часто им отвергаемая.

«...ибо создатель есть пастырь, пасущий стадо... — вспомнил он слова из Священного Писания. — Оказывается, так и есть? Мы все лишь животные...»

Юноша плелся за ним, точно оживленная кукла.

— Кто же ты, горемычный? — то и дело спрашивал монах, заглядывая ему в глаза,

словно надеясь найти там ответ.

Впереди послышался стук копыт. Монах, недолго думая, скрылся в придорожных кустах, дернув за собой юношу.

Мимо промчалась процессия вооруженных людей. С пиками и штандартами. В полном молчании. Лишь звякала сбруя, фыркали кони и скрежетали сочленения доспехов. В краю, где в одночасье вымерло все живое, звук распространялся далеко вокруг. Монах поймал себя на необычной мысли о том, а не разбудит ли это мертвецов на местном кладбище?

Впереди ехал молодой воин. Сосредоточенный, нахмуренный. В серебристом остроконечном шлеме. Плащ со знаком Девы Полуденной.

Монаха прошиб холодный пот. Он посмотрел на юношу рядом. Сходство очевидное.

— Отче всеблагой... Да ты же Иван! Ты сын Марии... Тот, которого... Отче! Что же делать-то? Твой братец, Усекновитель, нас выпотрошит!

Недолго думая, монах схватил Ивана, сына Марии, за шиворот и помчался в умирающую чашу.

Часть I. Отшельник. Одиночество

Иван-отшельник шел по твердому снежному насту, но все равно проваливался. Проваливался по колено, неожиданно, хоть и предсказуемо, и отчего-то это смешило. Хоть и был смех безрадостный. В памяти всплывали снегоступы, что так старательно мастерил пару месяцев назад. Ошкуренные ветви, береста, веревки из жил — и снегоступы развалились буквально после пары вылазок.

В самом деле смешно: столько трудов понапрасну. Через силу. Через растущую с возрастом апатию. Хотя... если подумать, так ли много трудов потрачено? Было время, когда он разводил кур (как давно?). Было время, у него имелся сарай, крохотный, убогий, но всё же! Сейчас на месте сарая — лишь холмик, заросший пыреем. Каждый год отшельник латал забор, перебирал крышу землянки... Но в последнее время ничего, кроме всепоглощающей лени, он не испытывал.

Землянка со временем стала похожа на древнюю старушку. Окаменевшую. Застывшую во времени. И рассохшаяся дверь была лицом этой странной старушки. Он даже дал землянке имя — Мария. Слово пробуждало что-то неприятное, застрявшее глубоко внутри. Дверь осела и прорезала глубокую выемку у входа. В дождь выемка наполнялась водой. Отшельник так часто забывался в сумрачных грезах, что постоянно забывал про лужу. И всегда бился головой о притолоку, благодаря чему будил вечную спутницу — головную боль.

Промокшие ноги. Невидимые иглы, пронзающие мозг. Пустота. Всё — тлен. Пыль и тлен — где он это слышал? Где-то ведь слышал? Слова эти то и дело приходили на ум, как будто кто-то их нашептывал.

Сколько длилось его одиночество? Трудно сказать. В землянке, где-то в углу валялись зарубки на поседевших от времени дощечках, и он боялся перебрать их, и посчитать дни и месяцы, и годы... Да и зачем? Уже давно дощечки заброшены. Словом, он — отшельник Иван (его точно так зовут?) — вместе с тяжестью прожитых впустую лет, превратился в столь же пустую и бессмысленную оболочку. Тень человека. Призрак жизни, которой, может, и не было вовсе.

Зима выдалась не такая холодная, но колючая. Ядовитая. С вечно завывающими в горах по ту сторону реки ветрами. В вое слышался стон. Или даже просьба. Ивану всё мерещилось, что на том берегу кто-то есть. Кто-то зовёт его.

Снега не так много нынче — плохо. И живности мало. Силки пустуют. Тоже плохо. Тогда зачем он идёт проверять их? Наверное, потому что рыба надоела. Мясa бы. Свежего.

Смешно. И грустно.

Иван вышел к ручью. В полынье, вслед за течением тянулись, волнуясь, словно в странном завораживающем танце, нити рогозы. Какое-то время он наблюдал за потоком, вслушивался в журчание ручья, пытаясь, как бывало раньше, расслышать чьи-то голоса, пока не понял, что смотрит сам на себя.

Иван отпрянул. И торопливо, проваливаясь в снег, падая, скользя, покинул это место.

Ему показалось, что на него взглянула смерть.

Немного погодя Иван остановился отдышаться. Да плевать. В землянке, в погребе, или скорее в яме, прикрытой сколоченной из гнутых горбылей заслонкой, ещё есть запас вяленого мяса. Есть сушеные ягоды и грибы. Есть травы — он заварит чаек. И будет вечер, когда можно будет привычно прислушиваться к звукам природы. И будет ночь, когда можно

будет забыться, покаясь на слежавшейся, местами уже плешивой медвежьей шкуре.

Ивану чудилась беспрестанная тоска в волчьем вое; в величавой усталости лосей, апатично проламывавшихся через обветренный сухой подлесок, представлялась некая лесная мудрость; а зловещая, где-то даже сардоническая песнь филина обещала тебе вечное заточение в... бездне. Ледяной, как самая лютая стужа и бесконечно безжизненной.

Бездна. Слово пугало. Нет, не так. За этим словом таился ужас. В бездне кто-то жил Тот, кто пристально смотрит на тебя и ждет. Кто вечно хочет тебе что-то сказать, а может, и подчинить своей воле.

Давно ли он перестал радоваться? Тогда почему ему смешно сейчас? В эту минуту? Или ему кажется? Он сходит с ума?

Отшельник добрал до землянки поздним вечером. С зайцем в руках. Случайно наткнулся и успел оглушить зверька палкой. Может, беляк был ранен или болен? Кто его знает? И потом, так ли это важно? Главное — будет хороший ужин. Он зажарит зайца на костре, любуясь на звёзды.

Разделявая тушку зайца, Иван заметил, что одна лапка и правда повредилась. Что интересно — лапку словно обожгло. Отшельник не придал этому значения.

Ужин и правда был хорош. Пока разделялся с зайцем, настоялся чай — мята, зверобой, клюква и дикие яблоки. Запасы на зиму, которых осталось прискорбно мало.

А потом Иван отправился спать.

Ивану часто снилось, что он сидит в клетке. Во тьме. Иногда он жаждал вырваться из нее, но чаще пребывал в прострации. И всегда в полной тишине. Такая тишина давила. Чем дольше, тем хуже. Постепенно приходило понимание, что на самом деле тишины нет. Есть только шум. Безжизненный и безэмоциональный.

Тишина — это шум? Мысль не давала покоя.

После таких сновидений Иван ходил как оглушенный. Иногда требовались часы, чтобы прийти в себя и унять вездесущую головную боль. В таких случаях он заваривал мяту или просто жевал сушеные плоды боярышника.

Но сейчас тишина ушла. Отшельник услышал голоса. Сотни, тысячи. Несмолкаемый неразличимый шепот. Он вскочил посреди ночи в холодном поту. Огонь в печке погас. Поежившись, Иван накинуд тулуп, натянул сапоги и вышел во двор — в снях запас дров кончился. Пока набирал новую охапку промерзших чурок, в беспорядке приваленных к стене землянки, вдруг явственно ощутил на себе... чей-то взгляд.

Глаза — волчьи? — ярко светились в ночных сумерках приближаясь.

Иван забежал в землянку, схватил кресало, кремень и торопливо запалил факел. Подошёл к остаткам забора, не замечая, с каким оглушающим хрустом ломается под сапогами ледяная корка во внезапно омертвевшем лесу.

На границе света стояли неведомые твари, похожие на волков. Всего трое. У одного из них глаза буквально горели огнем. Но самый крупный и наиболее уродливый зверь был, похоже, слеп. Он водил мордой принюхиваясь.

Несколько минут человек и чудовища разглядывали друг друга, потом странные пришельцы... испарились. Убежали? Иван так и не понял, настолько быстро это произошло. Отшельник долго не осмеливался сдвинуться с места, но потом решил подойти туда, где он видел чудовищных волков. Но на снегу, покрытом тонкой и хрупкой, как стекло, коркой, он не обнаружил ни следа, если не считать темных подпалин. Дым? Иван сразу припомнил

хромого зайца, и его тут же стошнило.

Остаток ночи отшельник провел на пороге, греясь у костерка и мучительно всматриваясь во тьму.

А утром произошло ещё кое-что. Нечто, словно пробудившее его ото сна.

Едва родившийся рассвет — там, за горами, — очернила тьма. Темно-синее марево вскинулось в небо и исчезло.

Весь день Иван сторожил свое убогое хозяйство. Вглядывался в темную массу деревьев, подмечая каждый шорох. Топор, дубина и лук находились рядом, чуть унимая безотчетную тревогу.

И снова в тоскливом завывании ветра слышался зов. В конце концов, за весь день отшельник так устал, что уснул, едва стемнело.

Но сон не шел. Иван смотрел в потолок, озаряемый светом догорающего очага и смутно ощущал чье-то присутствие. Не выдержав, он схватил факел, выбежал из дому...

Падал долгожданный пушистый снег. Безмолвие окружало его. Светила луна. Никого — ни зверя, ни призраков. Немного успокоившись, отшельник опять прилёг.

Но, несмотря ни на что, не спалось. Был кто-то рядом, кто-то, непохожий на зверя, на птицу. Отшельник силился понять, что же с ним происходит, но не находил ответа. Несколько раз вставал, обходил дом, искал неизвестно чего, рыча и плюясь, но тщетно. В эту ночь он так и не уснул.

Наступивший день был чист и прекрасен. Снег накрыл долину пухлой периной, в небе безмятежно лучилось солнце. Но Иван не радовался. Он всё ждал, когда же повторится вспышка. Не отрываясь смотрел на горы. Ступил на лед, покрывший реку, и чуть не провалился в холодную воду. Но ничего не произошло: жуткое индиговое пламя не потревожило покой тех диких мест.

Иван вздохнул. Зевнул — сказала усталость. Побрел в землянку, где, наконец, заснул. Крепко-крепко. И ему приснился сон, не виденный ранее. Какая-то женщина что-то говорила ему, её лицо исказилось горем (или пылало ненавистью?), слова пропитались болью. Поначалу Иван ничего не понимал, но в какой-то момент где-то глубоко внутри него зажегся крохотный огонек — то были воспоминания, пытавшиеся прорваться наружу, сквозь непроходимую чащу инстинктов и привычек, родившихся из-за одичалости. Отшельник проснулся, но облик женщины не исчез. Он испугался и закричал: «Уйди, ведьма! Оставь меня!» Привидение вмиг рассеялось, а сам Иван будто проснулся. Он огляделся, посмотрел на свои руки, ощупал лицо и подумал: «Где я? Что со мной?»

День прошел незаметно и наступила очередная ночь. И опять в сумраке возник глубоко печальный лик всё той же женщины. Губы её чуть слышно что-то шептали. Или кричали? Только сейчас Иван разглядел мертвенно-бледную кожу незнакомки; смутные, колеблющиеся очертания тела, покрытого грязно-бурыми пятнами, — женщина, видимо, умерла насильственной смертью. Отшельник не мог спокойно смотреть на привидение; её облик — смутно знакомый — причинял невыносимые страдания, как будто он чем-то провинился перед ней.

В ту памятную ночь он кричал на нее, он гнал ее прочь.

День не принес облегчения. Иван взволновался чуть ли не до паники, ошеломленный вихрем мыслей, что заполнили его так долго дремавший разум. «Что-то случилось! — думал он. — Вот именно! Там, за горами, произошло нечто ужасное... какое-то бедствие. Что-то,

что-то... Что же именно?»

Иван не находил места — скрытое прошлое, плач привидения, тревога, загадочная вспышка, таинственные звери — всё сводило с ума.

Спустя несколько дней безумия он вышел из землянки и вдруг обнаружил на скамье старца.

— Кто ты? — отпрянув в ужасе, прохрипел отшельник. — Откуда ты пришел?

Но старец как будто не замечал его. Сложив руки на посохе, гость смотрел перед собой немигающим взглядом.

— Кто ты?! — Иван схватил дубину и замахнулся, но в последний момент остановился. Дубина выскользнула, упав в снег.

Старец, подобно тем трем чудовищам, испарился.

Очередная ночь — которая по счету? — не принесла успокоения. Постоянно снилась мать — Иван уже понял, что это именно мать. То живая и окровавленная, кричащая, плачущая, изо рта вместе с предсмертным хрипом вытекает кровь. То мертвая у его ног. Он убил ее? Он убийца родной матери?

Всё настойчивей и громче звучали голоса в голове. И днём, и ночью. Он не знал, куда от них деться. Жизнь его неотвратимо изменилась. Сколько дней и ночей прошло? И когда это прекратится?

Однажды Иван вернулся к ручью — полынью затянуло льдом. Отшельник разбил лёд и взглянул на себя. Он и правда походил на смерть. Измождённый, заросший густой неопрятной бородой. Вернувшись, отшельник долго срезал жёсткие и непослушные волосы, пока не осталась неровная щетина.

Потянулись дни, самые тягостные и беспокойные за все время, что отшельник прожил здесь. Дни и ночи, наполненные сомнениями, образами и призраками наяву и кошмарами во сне.

Призраки... Не всегда это была его мать. Один-единственный раз он увидел на скамье, там, где сидел старец, мужчину, уже в годах, но еще крепкого. Широкоплечего.

— Зачем я делаю это? — грустно сказал мужчина, посмотрев на отшельника. — Зачем прячу тебя от мира? Не лучше ли убить тебя? Но как я смогу? Как я смогу? Не проходило и дня без того, чтобы я не задал себе этот вопрос, человек.

Иван стоял, остолбенело глядя на него и понимал, что давешний старец и этот гость — один и тот же человек. Отшельник нерешительно прикоснулся к призраку, словно надеясь, что он живой, что он из плоти и крови, но... морок тут же пропал.

— Я помню тебя! — изумленно прошептал Иван в пустоту. — Я помню тебя! Ты — тот монах! Мы пришли сюда вместе — ты и я. Я помню! — Иван сел на скамью. — Ты ушел, сказав напоследок что-то... — Отшельник наморщился. — Ты сказал, что сделал всё, что мог... Ты сказал что... Ну же! — Он хлопнул себя по лбу. — Ну же, вспоминай! Что-то о том, что я... не проснусь? Почему? Почему я должен спать? И сплю ли я?

Иван встал.

— Я должен тебя найти, — твердо сказал он. — Я должен пересечь реку и пойти навстречу вспышке. Я должен понять, что со мной.

Неожиданно его обуяла такая слабость, что он едва дополз до лежанки. И провалился в забытие, бессвязно шепча:

— Кто мы?.. Кто мы?.. Всего лишь... всего...

...лишь тени на фоне монументальных стен Шарад-Джана, с его невесомыми арками, парившими на головокружительной высоте; с колоннадами, протыкавшими облака, соткавшиеся из дыма многочисленных курильниц хранящих покой предков. Мы — лишь едва различимые тени, обреченно бредущие в никуда в несмыслимом с начала времен полумраке, окутавшем залы храма, освященного дыханием того, кто вечно тклет.

Долог путь к неведомым, тем, кто может прочесть полотно мироздания. Изречь слово. Даровать мудрость. Или погубить во веки вечные. Величайшая честь. Величайшая жертва. Но он уверен в своей правоте. Он шел к этому всю свою жизнь.

— Чисты ли твои помыслы? — Тень распорядителя упала на него.

— Да, кардат.

— Да не разорвется ткань! Проходи.

Все семеро собрались в круглом зале — на это указывали семь едва заметных искорок горящих фитильков в лампадах у их ног. И всё. Полная тьма. Лица неведомых всегда скрыты.

Как ничтожен он! Как смертен простой книгочей, осмелившийся дойти до неведомых! Сомнения точили естество кудха, будоражили разум, кружили голову. Во рту пересохло, руки вдруг затряслись. Но ради общего блага он должен...

— ... поведать вам о зле, таящемся в диких землях. Зле столь древнем, что даже тот, кто вечно тклет, обошел его стороной. Я выведал это из древних свитков. Столь древних, о сущие, и так глубоко запрятанных, что мне и не верится. В них говорится о язве, о зле. О душах, жаждущих мщенья. Оно скрыто там, где живут нечестивые. Люди.

— Говори, — услышал, а скорее ощутил кудха.

И он стал говорить.

Новая ночь. Все те же кошмары. Только клетка на этот раз оказалась открыта. Ивану снилось, что он сомневается, выйти или нет?

И он покинул клетку.

Новый день. Было пасмурно, шел мокрый снег. Деревья лишились снежного покрывала и стали выглядеть откровенно жалко. С голых ветвей падала капель. Если так продолжится, начнется ледоход и реку тогда не перейти. До чего же опостылел ему этот край! Снова на пороге вода — но на этот раз он перепрыгнул. Вовремя пригнулся, чтобы не удариться о притолоку. И голова не болит. Давно отшельник не чувствовал себя так хорошо.

Он умылся в ведре. Посмотрел на себя в отражении воды. Без бороды — вот так небрежно соскобленной — отшельник выглядел хоть и гораздо моложе, но в то же время... как-то чуждо что ли? Иван не понимал, что именно он усмотрел в собственном изображении. Но позже, вспомнив видение монаха, понял, что нынешний облик его чем-то похож на того загадочного человека, имени которого так и не узнал.

Иван понял, что очнулся от многолетнего сна. Или прозрел, неважно. Тридцать лет сна. Тридцать лет прозябания в забытом всеми богами, или же демонами, краю. Кто его привел сюда и зачем? Тот... монах? Почему монах желал ему смерти? Что с его матерью, которую звали... Марией? Он должен во что бы то ни стало найти монаха и получить ответы. Иначе он сойдет с ума. Он не может находиться здесь ни минуты.

Иван принял решение. Следующим, очень теплым солнечным зимним днем, когда голубой небосвод поражает своей необыкновенной гармоничной чистотой, а белизна снега до боли ослепляет, отшельник взвалил на плечо котомку, полную вяленого мяса и сушеной рыбы, сунул за пояс топор, нож и отправился в путь...

Бьющий без промаха

Отшельник в последний раз взглянул на притулившуюся к реке землянку. Тридцать лет прошли, как один день. Он не знал, как этому отнестись. И пусть. Поправив котомку, он решительно зашагал вперед.

Путь Ивана был труден. Перейдя реку по раскисшему, зыбкому льду, Иван очутился в еще более диком краю, чем родной берег. Предгорье, хаотично поросшее хвойным лесом, казалось враждебным и неприступным. Возвышавшиеся за предгорьем громады подавляли, отшельник малодушно сжался, побежал назад, но, остановившись у крутого яра, задумался. Перед его мысленным взором пробежали все те немногие фрагменты из прошлого, которые еще не выветрились из памяти. Рваные малопонятные куски, напоминавшие, что он пожил-таки и немало.

Иван вспомнил, как они с монахом шли по высыхающему на глазах краю и горячий отравленный ветер жег лицо. Вспомнил, как со стоном вытаскивал раздувшихся клещей на редких стоянках в непроходимых лесах, на перевалах. Как вместе строили жилище. Как сильно простудился и долго пылал в горячке, лежа в только-только построенной землянке. Монах тогда озабоченно смотрел на него и что-то бормотал. «Надеялся, что я умру?» — не без злорадства подумал отшельник.

После недолгих сомнений отшельник рассмеялся. Он решил. И углубился в лес.

Иван шел вдоль ущелья, продираясь через сугробы и непроходимые заросли бурьяна, преодолевая овраги и деревья, поваленные ветром и оползнями. Со скал стекали многочисленные ручейки, соединяясь в один общий бурлящий поток, вливающийся в оставленную позади безымянную реку. Со склонов доносились шорохи, рычание; в чаще блестели глаза хищников.

Когда первый день путешествия подошел к концу, Иван, обессилев, упал. Однако чувство самосохранения, обострившееся в нем за годы одиночества, не позволило отдохнуть. Собрал последние силы, он отыскал подходящий для ночевки грот повыше, в скалах. Развел у входа костер, изготовил из лиственницы лук (благо бечевку прихватить не забыл), настругал стрел и, соорудив постель из веток, заснул беспокойным сном.

Проснулся ночью от пронизывающего холода. Костер погас, и ветер заносил снежные хлопья в грот. С трудом разогнувшись, Иван вышел. В небе висела яркая луна, холодно освещавшая долину. На дне ущелья, там, где вчера Иван топором прокладывал себе путь, он увидел каких-то людей, вооруженных мечами, в черных плащах, в латах и шлемах. Они молча, не спеша, брели, словно выискивая кого-то. Иван счел нужным схорониться в гроте. До рассвета оставалось около двух часов, и он решил не разводить костер. Однако мороз крепчал и к восходу солнца Иван окончательно окоченел. Спустившись, он принялся яростно прорубать дорогу, и постепенно кровь заиграла в нем, принеся спасительное тепло.

Иван шел так целый день, оглядываясь по сторонам, изредка делая привал, во время которых разводил огонь где-нибудь в укромной ложбинке и жарил подстреленных беляков. Странно, что отшельник не заметил на снегу следов ночных пришельцев. Может, это были призраки, как его недавние гости?

К ночи Иван добрался до гор; присыпанные вечным снегом вершины касались облаков, темных в начинающихся сумерках. Забравшись на голый уступ, он быстро заснул, свернувшись у доброго костра. В последний момент отшельник лениво подумал, какой же он

безрассудный, раз засыпает вот так, на проветриваемом всеми ветрами месте, один...

Совсем один.

Иван очнулся стоящим на краю уступа, с топором в руке. Всю ночь он плохо спал, то и дело вглядываясь в темноту и подкладывая предусмотрительно приготовленный им хворост в огонь. Но момент пробуждения не помнил. И сейчас он застыл, с тупым изумлением глядя на ползущих черных воинов. Сырые ветки шипели, сгорая, и огонек, верно, виднелся на много верст вокруг, но...

Черные воины крались бесшумно, странно.

— Эй вы! — вдруг безрассудно крикнул Иван. Воины никак не отреагировали: не обернулись, не прислушались, не замедлили шаг. Отшельник торопливо спустился и буквально плюхнулся на тропу, зарывшись лицом в снег. За спиной колебалось поднятое им эхо. Колебалось, затухая, очень долго, и Иван осмелился подняться, только когда оно окончательно стихло.

«Я что, схожу с ума? — подумал он. — Зачем я это сделал? Зачем закричал?»

Суетливо вскочив на ноги, отшельник завертелся на месте, но воинов нигде не было видно, как и их следов. Призраки, догадался он, точно, призраки. Смех пробрал его, и он облегченно вздохнул. Конечно, лучше призраки, чем настоящие...

Уже карабкаясь в гору, на место ночевки, Иван снова заметил их. Они появились неведь откуда, и впереди ступал, чуть сгорбившись, широкоплечий парень. Совсем молодой, но хмурый, осунувшийся, заросший неровной щетиной, которую он, видимо, сбрасывал кинжалом. Совсем как он сам недавно. В поблекшем от долгой носки и грязи серебристом остроконечном шлеме. Иван прекрасно разглядел его в свете луны и, разглядев, не смог отвести глаз.

В изумлении отшельник бросился воину навстречу, но призрак прошел сквозь него. Все прошли, а Иван всё стоял как вкопанный.

Молодой, хмурый... Отшельник узнал его — это был он... сам?

Долго не двигался Иван, отрешенно глядя на занимающуюся зарю. Что-то подсказывало ему, что призрак — не он. Тогда кто?

Наконец, шок прошел. Иван почувствовал, что основательно замерз — новый день обещал быть еще более холодным. «Надо идти, — подумал он. — Нет, прежде надо разжечь огонь и согреться».

День и правда выдался до жути холодным. Ледяной ветер дул с такой силой, что отшельник задыхался. Тропу, если она существовала, замело снегом, и Ивану приходилось чуть ли продвигаться ползком. За весь день он не съел ни кусочка, ибо в горах, сотрясаемых метелью, царила безжизненность, а в котомке осталась лишь связка сушеных грибов и пара вяленых рыб — всё это отшельник решил приберечь на ночь.

Стемнело, а проклятая вьюга всё не унималась. Иван никак не мог найти подходящее место для ночлега. Вокруг возвышались горы с неприступными склонами. Узкая долина, занесенная снегом почти по пояс, была лишена хоть какого-нибудь укрытия. Ему стало страшно. Он запаниковал. Не выдержав, отшельник закричал, и в беспомощности начал карабкаться вверх. Рукавицы соскользнули, топор потерялся, но он продолжал лезть вверх, не понимая, что делает. Снег хлестал по лицу, и он уже не чувствовал ни рук, ни ног.

Силы быстро покинули его, он мешком скатился и остался так лежать. Он еще помнил

падение, помнил бледные снежинки, крутившиеся над лицом, перед тем как...

Провалиться во мрак.

Иван пришел в себя в пещере, лёжа на влажных ветвях, больно коловших спину, укрытый вонючими шкурами, и, — он откинул шкуры, — совершенно голый, но густо обмазанный чем-то, внешне напоминавшим глину или тонко истолченную кашу из корней. В пользу последнего говорил едкий запах, от которого у него запершило в горле, — отшельник закашлялся. Мазь жгла тело так, что казалось, будто он весь горит.

Оглядевшись, Иван обнаружил в трех шагах от себя маленький костерок, у которого, на длинной гнутой палке, приставленной одним концом к стене, сушилась, шипя и паря, его одежда. За костром, в дальнем углу пещеры сидела, согнувшись, фигура в шкурах.

— Эй! — позвал Иван.

Человек поднял голову, и взору отшельника предстало старческое лицо — выдубленное ветрами и морозами морщинистое лицо дикаря. Дикарь резко поднялся, что-то прокаркал и с недовольным видом подал Ивану мех с водой. Затем скептически оглядел его тело и жестами, перемежаемыми ворчанием, велел смыть мазь.

Поёживаясь от холода, Иван послушно побежал к выходу и наскоро вытерся снегом, затем укутался шкурами и присел к огню. Старик, видимо, охотник, — Иван заметил ржавый топор, лук, копье и пару ножей — без конца бубнил и постоянно жестикулировал. Главным его жестом являлось выразительное постукивание кулаком по голове — мол, какой же ты идиот, ежели решился куда-то идти в такую непогоду.

Иван усмехнулся и также жестами поинтересовался у охотника, кто он такой и откуда. На этот вопрос охотник, конечно, ответил, но Иван всё равно ничего не понял, ибо череда торжественных взмахов и однообразных гортанных выкриков, похожих на заклинание, убедила отшельника только в том, что дикарь в своем племени является весьма важным человеком.

Затем старик взял копье, лук, сунул за пояс топор, и, выглянув наружу (стоял ясный и морозный день), удовлетворенно хмыкнул, повернулся к Ивану и разъяснил ему, что он должен делать в его отсутствие.

Задача на первый взгляд, простая: поддерживать огонь. В действительности же Иван измучился. Старик запасся сырыми дровами — они едва горели. Костер почти потух, но тут Иван разозлился, и, призвав на помощь всё своё умение, справился с проблемой.

Ожидая прихода своего спасителя, Иван переоделся в высохшую одежду и осмотрел окрестности. Судя по всему, он находился неподалёку от того места, где накануне вечером чуть не умер.

Охотник явился ближе к вечеру с добычей — горным бараном. Довольный, он похлопал отшельника по плечу, и что-то сказал, должно быть: «Сейчас мы попируем, приятель».

Так оно и случилось. Охотник быстро освежевал животное, шкуру повесил на палку, потроха сунул в кожаную суму, отнес ее в дальний угол и прикрыл ветками. Тушу разделил на несколько кусков, большую часть которых он упрятал в другой мешок — его он пристроил в другом углу, а оставшееся мясо нанизал на прут и оставил поджариваться.

Наступивший вечер стал одним из самых добрых и запоминающихся в последние годы отшельника, покрытые мраком одиночества. Они ели баранину, запивая ее кипятком, и беседовали, если, конечно, это можно назвать беседой. Как оказалось, старика звали Брумха (или как-то так), что, наверное, переводилось как «бьющий без промаха» — дикарь то и дело

изображал, как мечет копьё. Хотя дикарь — не вполне точное слово. Скорее охотник просто являлся выходцем одного из коренных народностей, населявших эти края. Первое, что понял Иван из слов охотника: здешние края зовутся Веханией.

Вехания. Сколько ни морщил Иван лоб, слово ему ни о чем не говорило. М-да... процесс возвращения памяти представлялся долгим и крайне мучительным процессом. Отшельнику постоянно казалось, что всё виденное им знакомо — еще чуть-чуть и он вздохнет с облегчением, но... воспоминание каждый раз предательски ускользало.

Говорил Брумха на языке, смутно напоминавший его собственный, и вскоре Иван, прислушавшись, уловил много знакомых фраз. Приободрившись сделанным открытием, Иван спросил у Брумхи, сколько ему лет, и старик заговорил о луне, о камнях — отшельник ничего не понял, но, присмотревшись, решил, что охотнику не больше сорока лет — почтенный возраст у диких народов.

Тот, кого он принял за старика, оказывается моложе его самого.

— Я видел вчера, как ты плутал, точно раненый баран, — говорил Брумха. — Твоё счастье, что я был рядом, иначе тебя давно уже съели бы стервятники, либо рех.

Кто такой рех, Брумха объяснить не смог, кроме того, что зверь этот очень большой и очень кровожадный.

— Я сомневался, человек ты или злой дух, — продолжал Брумха. — В этих местах обычно нет никого, кроме зверья. Откуда ты взялся?

— Я пришел оттуда. — Иван указал рукой в ту сторону, где, по его мнению, находилась его землянка. — Я отшельник, жил один в лесу, понимаешь? Совсем один, там, за рекой, в нескольких днях пути отсюда.

Брумха нахмурился.

— Ты колдун! — сказал он. — За рекой живёт колдун.

— Нет. Какой же я колдун? Разве колдун станет замерзать? И вообще, колдуны не живут в землянках, колдуны всемогущи.

— Не знаю, — недоверчиво покачал головой охотник. — За рекой живет колдун. Много зим.

— Нет там никакого колдуна. Там жил я — совсем не колдун, как видишь. Я чуть не умер. Разве я похож на него?

— Да, — нехотя согласился Брумха. — На колдуна ты непохож. Ты похож на бродягу. А колдуна никто никогда не видел, зато он по ночам насылает своих слуг — черных воинов. Черные воины рыскают по земле в поисках добычи, и, увидев её, насылают жуткую хворь — человек умирает в страшных муках. Ты встречал черных воинов?

Иван счел благоразумным отрицательно покачать головой.

— И то правда — если бы ты их встретил, то мы бы не встретились, — заключил охотник успокоившись.

Перед тем как отправиться спать, Брумха сообщил, что намерен отвести его в своё село, на суд старейшин, ибо встреча с чужаком в горах — из ряда вон выходящее событие. Ведь если он не колдун, то кто?

Иван улегся. От дыма потолок пещеры закоптился, по нему текли тонкие струйки воды и срывались вниз, со звонким стуком, от которого раскатывалось таинственное эхо.

На следующий день оба — охотник и отшельник — отправились в путь. Брумха захватил мешок с мясом, потроха оставил. Шли горными тропами (во всяком случае, так говорил

охотник), хотя ни одной тропы Иван нигде не заметил; в долину почти не спускались. Два дня прошли как во сне: изнуряющая дорога, неотступный холод, да заметно увеличившаяся поклажа — охотник подстрелил еще двух баранов. Одну ночь они провели в пещере, вторую на вершине горы, меж двух выступов, похожих на ладони, заботливо прикрывших нечто драгоценное. В эту ночь они почти не заснули из-за страшного холода и сильного снегопада.

Брумха беспокоился. Он говорил, что надвигаются морозы, а идти еще как минимум сутки. К счастью, третий день выдался относительно теплым, чем и охотник воспользовался, до сумерек топя по крутым и непредсказуемым, из-за снега, скрывавшего все опасности, горным склонам. Иван так измучился, что почти не помнил наступившей ночи.

А утром Брумха сообщил ему две новости. Первая — хорошая: вечером будем в родном селе, если погода не подведет. А вот вторая — не очень: черные воины прошли совсем рядом с тем местом, где они заночевали. И впередиидущий имел сильное сходство...

Охотник долго не успокаивался и хотел убить Ивана, но передумал. Связал отшельнику руки, толкнул перед собой и впредь держал под прицелом копья.

Снова отправились в путь. Охотник взвалил на спину отшельнику обе сумки с бараниной. Связанные руки, тяжелая поклажа и враждебность вмиг утратившего всякую благожелательность охотника мало способствовали пути. Приходилось смотреть в оба, чтобы не сорваться в пропасть. Под конец дня отшельник чудовищно вымотался. Проголодался. Мучила жажда. А также мысль о том, как просто, оказывается, заставить себя ненавидеть.

Кажется, Иван и сам начинал себя корить за столь опрометчивый поход. Его путь только начался, а он уже успел чуть не замерзнуть насмерть в пургу и перепугать суеверного дикаря, усмотревшего сходство неведомого призрака со случайно встреченным им колдуном из-за реки.

Смешно.

Так они и пришли в селение охотника. Оно находилось на вершине невысокой горы. Вершина чем-то напоминала чашу. Туда вела предательски осыпающаяся скользкая дорога. Два десятка ветхих хижин, в которых жили одни старики (Брумха, оказывается, был самым молодым), окружали крошечный майдан; в его центре треугольником свалили брёвна. Ни женщин, ни детей, ни молодёжи. Иван так поразился, обнаружив вместо многолюдного племени десять немощных старцев, что невольно рассмеялся и сразу же получил чувствительный укол копьем вбок.

Старцы устроили Ивану допрос. Отшельник честно рассказал обо всем, что знал и помнил, умолчав о некоторых моментах, что смущали его самого. Выслушав, старцы удалились на совещание. Спустя полчаса они окружили Ивана, сидевшего на бревне, воздели руки к небу, хором прокричали нечто вроде молитвы, а, может, и заклинания, или же проклятья, затем кто-то ударил его по голове.

Иван упал без чувств.

Когда Иван открыл глаза, то обнаружил себя в пропахшей нечистотами яме. Она была прикрыта связкой бревен, сквозь которую едва пробивался солнечный свет.

Стоило Ивану приподняться, чтобы получше исследовать место заточения, как подкатила тошнота и он повалился на спину. Сильно болел затылок, видно Брумха — а то, что ударил именно он, отшельник нисколько не сомневался, — приложился как следует.

Пока Иван лежал, собираясь с мыслями и осторожно ощупывая сукровицу на голове, кто-то коснулся его руки. Послышались сопение и возня. Иван взгляделся в сумрак и обнаружил подле себя человека. Большие глаза светились, точно две полные луны.

— Ты кто? — осторожно спросил Иван. — Тоже, как и я... пленник?

— А-а-ах! — рявкнул человек скорее печально, нежели злобно и указал вверх.

Далее он устроил целую пантомиму, из которой Иван заключил, что видит перед собой раба. Это расстроило отшельника, а дальнейшая информация, переданная человеком с поразительной для языка жестов выразительностью, напугала. Раба регулярно били и заставляли выполнять непосильную работу. Ивану тоже предстоит тяжело трудиться, питаясь отбросами и терпя каждодневные побои. Далеко не каждый выдержит. Вот он — раб горделиво ткнул себя в грудь — выносливый и сильный, а три его товарища не так давно померли, и хозяева дали полакомиться их останками (Иван про себя назвал его Прыгуном, за характерную манеру сидя на корточках подпрыгивать).

— Тех троих съели? — ужаснулся Иван. — Правда? Хотя, чему тут удивляться...

Прыгун закивал.

— Не скажешь, что за места, где находимся? — поинтересовался Иван. — Почему тут живут одни старики? А где женщины, мужчины, дети?

В ответ Прыгун продемонстрировал злобный оскал и сразу после этого агонию.

— Всех разорвал хищник? Хищники?

Прыгун кивнул и показал один палец.

— Один хищник? Уж не рех ли?

Прыгун в ужасе замахал руками и уполз в противоположный угол ямы, где и затих. Иван не стал докучать раба расспросами и задумался о своем положении. Что же будет с ним? Неужели его ожидают долгие годы рабства, унижений, избиений? И смерть, после чего тебя в лучшем случае сбросят в какое-нибудь ущелье, в худшем...

С другой стороны, он ведь не просто пленник. Иван вспомнил опасливые взгляды стариков. Они думают, что он колдун? Сомневаются? Может, сыграть на этом? Запугать их? Получится ли, после стольких лет одиночества и молчания?

«Колдун. Оказывается, я колдун. Или, все же раб?» — подумал он и почему-то рассмеялся, чем привел в замешательство Прыгуна, жалобно замычавшего и с мольбой посмотревшего вверх, будто ища там спасения.

«Кого он испугался? Меня?»

Но Прыгун не успокаивался.

— Ты чего? — спросил Иван.

Прыгун показывал на его руки. Отшельник взглянул на них. Огрубевшие, потрескавшиеся, задубевшие на морозе. Узловатые пальцы, потемневшие ногти. Руки человека, привычного к лишениям.

— Не понимаю, — сказал Иван.

Прыгун еще долго тряся в своем углу.

— Ладно, не буду тебе мешать.

Чем дольше Иван сидел, тем хуже себя чувствовал. Болела голова, хотелось пить, мысли путались. Что делать дальше, он не представлял. Как выбраться и продолжить путь?

Вскоре отшельник погрузился в странное состояние между сном и явью. Холод терзал все сильнее, Иван кутался в тулуп и тупо смотрел на собрата по несчастью, проваливаясь всё глубже в зыбкое оцепенение.

Сколько времени прошло — неизвестно. Ивана разбудил шум отодвигаемой заслонки. На миг показалось лицо Брумхи, закрывшего восходящее солнце, затем в яму опустился шест с петлей на конце. С завидной ловкостью охотник накинул на шею еще толком не проснувшегося Прыгуна петлю и вытянул того наверх. Не успел Иван что-либо сказать, как ту же процедуру проделали и с ним. Несколько секунд, в течение которых отшельник, в тщетной попытке глотнуть воздуха успел запаниковать, и он шлепнулся на землю рядом с Прыгуном, точно только что пойманная рыба.

Брумха отбросил шест в сторону, поднял гладко ошкуренную палку и начал хладнокровно обоих избивать. Удары сыпались как из рога изобилия, и толстый тулуп никак не защищал. Иван терпел как мог, а Прыгун всячески извивался, визжал, хватался за палку, что совсем не помогало, а только распалило охотника.

Наконец, экзекуция закончилась и Брумха, пригрозив напоследок палкой, велел им сидеть на месте и ушел.

Иван рассмотрел Прыгуна. Тот был примерно одного с ним возраста, лыс, бородат и беззуб. Во рту болтался обрубок языка.

Минут через десять вернулся охотник и сразу огрел их проклятой палкой. Иван с тоской подумал, что долго он так, похоже, не выдержит. Затем охотник, усмехнувшись, приказал следовать за ним.

Они пришли на то же место, где Иван был вчера, — небольшую площадку, огороженную дряхлыми строениями. Горы кружили голову. Горделиво восседавшие на бревнах старики сурово поглядели на отшельника, один из них прикрикнул на Брумху и тот увел Прыгуна.

— Брумха поведал мне, — поднявшись, сказал один из старцев, облаченный в длинную, до пят, меховую накидку, — что ты говоришь на нашем языке. Понимаешь ли ты меня?

— Да, — кивнул Иван.

— Очень хорошо. — Старик изобразил подобие улыбки, продемонстрировав три кривых желтых зуба. — Очень хорошо. Скажи мне, э-э-э... чужеземец, хорошо ли с тобой обращался Брумха?

— Плохо со мной обращался Брумха, — с вызовом ответил Иван. И добавил, постаравшись придать себе грозный вид: — Я недоволен.

Старики мгновенно смолкли. Повисла напряженная тишина, прерываемая тоскливым завыванием ветра. Решив закрепить достигнутый успех, Иван претенциозно заявил:

— Разве так обращаются с гостями? Что я сделал вам плохого?

Один из стариков с бледными татуировками на дряблом лице и большим посохом в руке, медленно подошел к нему и с вызовом сказал:

— Ты врешь! Ты не колдун! — Он обернулся и крикнул: — Брумха!

Охотник словно прятался неподалёку.

— Я здесь, мудрейший!

— Побей его. Посмотрим, какой он колдун!

Старцы разом зашумели, но «мудрейший» властным жестом заставил всех замолчать.

— Если этот раб — колдун, то великий Аха даст нам знать! — возвестил он. —

Внимайте же, смотрите! Знак! Где знак?! А? Нету знака! Раб!

Иван свесил голову.

Весь оставшийся день Иван трудился, выполняя бестолковую, по его мнению, работу: переносил камни с одного места в другое. Огромные валуны, сложенные в большую кучу у подножия горы, приходилось перетаскивать, либо перекатывать вверх по склону, поближе к селению. Там Прыгун под неусыпным оком Брумхи городил насыпь. Работа опасная — несколько раз камни срывались вниз, лишь чудом не задев его.

Ивана стерегли два старика, вооруженных дубинами. Брумха звал их Барчуком и Печником. Не такие жестокие, как охотник, они большей частью дремали, сидя валунах, попыхивая при этом самодельными трубками.

Каторжный труд продолжался до темноты, и за всё время отшельнику с Прыгуном предоставили только два перерыва, во время которых им давали обильную порцию прескверной на вкус каши. Состояла она из каких-то трав, зерна вроде проса и бараньего жира. Неприятная комковатая смесь. Иван с трудом проглотил несколько ложек и его чуть не вывернуло. Вместо воды пришлось есть снег, что жажду никак не утоляло, а наоборот усиливало.

В конце дня отшельник совсем выбился из сил. Глаза слипались, руки от долгого напряжения тряслись, во рту пересохло так, что слюна превратилась в клейкую массу. Он всё чаще ронял камни. Под конец Иван споткнулся и упал, больно ударившись спиной о кривой уступ чуть ниже (на самом деле уступ спас ему жизнь — лететь было далеко). Потом охотник избил отшельника так, что Прыгуну пришлось поднимать беднягу на собственном горбу.

Иван не помнил, как его, будто мешок с мусором, бросили в яму, как Брумха проявил неслыханную доброту и напоил полумертвого от усталости Ивана теплой водой.

Проснулся отшельник затемно от ставшего уже привычным холода. Он тщетно кутался в изодранный тулуп, но это мало помогало. Не выдержав, Иван закричал:

— Кто-нибудь! Пожалуйста!

Удивительно, но его крики не потревожили Прыгуна, продолжавшего крепко спать.

— Кто-нибудь!

Заслонка приподнялась, и показалось освещенное факелом заспанное лицо охотника.

— Замерз, собака?

— Да, очень. Пожалуйста...

Через пять минут Брумха вернулся с ворохом шкур.

— Грейся, псина вонючая, — с презрением сказал он и, сплюнув в яму, удалился.

Ивану снился сон. Опять его мать, красивая, очень красивая. Но теперь она молчала и смотрела на него с немим укором. Потом исчезла и ей на смену пришла череда видений: бескрайние зеленые поля, неприступные замки. Холодные, величественные — прямые линии, строгие формы, бесконечное однообразие серого камня, покрытого у рва мхом. Громадный зал, наполненный богато одетыми людьми. Дряхлый старец на троне в

сверкающей золотой короне пускал слюни. За ним она — его зловещая мать. А вдали, в темном углу, стоял он — его двойник в доспехах. Двойник смотрел на него с нескрываемым презрением.

Значит, это его брат? Близнец?

Зал гудит от взволнованных голосов.

Потом образы стали стремительно сменять друг друга — кровопролитные сражения, горы, какие-то узкие коридоры, мрачные камеры, толпы, уныло бредущие вдоль пожарищ...

Отряд черных воинов, рыскающих в поисках кого-то, или чего-то, в горах. Который вел его брат.

И главное: Иван отчетливо ощутил присутствие некоей... силы. Чье-то враждебное око, длань, сжимающая мертвой хваткой горло, тень, чье касание бросало в дрожь и заставляло спрятаться.

Утром сцена с петлей и побоями повторилась с похвальной точностью. Не мешкая ни минуты, Брумха повел рабов за собой, предварительно снабдив их твердыми как камень лепешками, дабы они позавтракали по дороге. Иван чувствовал себя разбитым буквально вдребезги, он еле шел и думал, переживёт ли повторение вчерашнего ада. Стоило ли ради этого покидать насиженное место, да еще в самом начале зимы? Почему он был так безрассуден? Неужели тридцать лет выживания в таёжной глуши ничему не научили? И куда пошел? Как найти монаха в столь необъятном, и столь же враждебном, как оказалось, мире?

И кто он такой, в конце концов? Он жертва чьих-то интриг? Или воин?

Или всё же колдун?

Грустные размышления прервал крик — Прыгун неожиданно напал на охотника. Он сдавил тому шею, не переставая испуганно поглядывать на Ивана.

Не без труда отцепив от себя взбунтовавшегося раба, Брумха повалил его наземь и принялся пинать. Прыгун, визжа, плача и уворачиваясь, в крайнем смятении указывал на отшельника, глядевшего на обоих с непониманием.

Повинуясь сиюминутному импульсу, Иван стянул рваные рукавицы и взглянул на израненные руки.

От порезов и царапин не осталось и следа.

Но не успел он обдумать сделанное открытие, как Брумха, усмирив бунтовщика, набросился было на Ивана, но Прыгун не угомонился, и, сплевывая кровь, кинулся охотнику на спину и вцепился беззубым ртом в шею.

Так они и кружились втроём, толкаясь и рыча, покуда не собрались все старики. Кто-то — судя по голосу, мудрейший — зычно крикнул:

— Убейте его!

Иван, которого Брумха в иступленной злобе тряс за ворот, словно грушу, надеясь, по видимому, таким образом сбросить обезумевшего раба со спины, в последний момент заметил сверкнувшее на ярком зимнем солнце лезвие топора...

Сдавленный хрип. Капли крови на лице. Теплые. Короткое смачное ругательство и шершавый кулак охотника, надсмотрщика, дикаря вышиб из него сознание.

Когда Иван пришел в себя, то увидел, как вождь — мудрейший, чтоб его! — хладнокровно отчитывает охотника. Тот кивал, покусывая губы. Тело Прыгуна лежало у их ног. Из расколотой головы вытекала, паря и тут же застывая, темная, густая кровь.

— По твоей вине, только по твоей, — говорил вождь. — Распустил, не глядишь как

следует. Вот и доигрались...

Иван присмотрелся к «мудрейшему». Как оказалось, он сильно отличался от соплеменников — слишком белокожий, в то время как остальные — смуглы, скуласты. Что-то знакомое проскользнуло в облике вождя. «Мудрейший» тоже как будто узнал его, отшельник понял это по тому, как торопливо тот отвернулся и, сказав что-то Брумхе, удалился.

Брумха поискал глазами любимый дрын, и не найдя его, яростно пнул отшельника, всё это время сидевшего прямо на земле.

— Вставай, падаль! Будешь работать, пока не подохнешь, ублюдок!!!

Странно, но утреннее происшествие словно придало Ивану сил. Поведение Прыгуна никак не выходило из головы. Он припомнил первую ночь, проведенную в яме. Его руки явно напугали Прыгуна. Чем? И почему шрамы так быстро — за одну ночь — зарубцевались?

Иван многократно прокручивал события последних дней. Мучительно силился вспомнить, кто он такой на самом деле. Откуда пришел и где находится? Что означало таинственное зарево? Галлюцинация, вызванная пережитым? Если он разгадает эти загадки, то может быть, сумеет выжить?

Брумха бесновался очень долго, непрерывно сыпал оскорблениями, перемежая их с побоями. Но видя безразличие и апатию Ивана, потерял к нему интерес. Покусанная Прыгуном шея охотника распухла, и он с несчастным видом прикладывал к ней снег.

Наконец, наступил обед и только тогда отшельник ощутил, как сильно устал. Спина, претерпевшая множество ударов, не разгибалась, и Ивану пришлось ковылять вслед за Брумхой, согнувшись в три погибели. Тот, против обыкновения (вчера они ели прямо на месте) повёл пленника в одну из хижин.

— Стой здесь и не думай что-либо выкинуть, — предостерег он и, откинув полог, вошел внутрь. — Мы готовы, — послышался его голос.

Через минуту из хижины вышли вождь, Брумха и за ними два старца.

— Тебе нужно хорошенько поесть, — сказал вождь. — Поешь, и к тебе придут силы, необходимые для выполнения работы. Ешь.

И он протянул отшельнику оловянную чашку с большими кусками сырого мяса. Стоявший позади них Брумха злорадно ухмыльнулся.

— Н-нет, — отшатнувшись, сказал Иван. — Я... не стану это есть. Нет, нет!

— Ешь! — не терпящим тоном велел вождь.

Ивана охватил гнев.

— Нет, — твердо ответил он, выпрямляясь.

— Ты будешь это есть. Брумха!

— Слушаю, мудрейший?

— Держи наглеца. Сейчас мы это затолкаем в его глотку.

Недолго думая, Иван бросился бежать. Мысль о том что он должен съесть своего товарища по несчастью, была невыносима.

Но далеко убежать отшельник не смог — охотник прицельно метнул камень беглецу в спину, сбив его с ног. Вождь, не спеша, с достоинством подошел к попятившемуся отшельнику.

— Ты раб до самой смерти, — сказал он. — Пойми это и смирись. Хватит крутиться, будь мужчиной. Брумха.

Охотник рывком поднял Ивана на ноги.

— Может сам? — Вождь по-прежнему протягивал ему чашу. — Не заставляй нас применять силу. Ну?

Но Иван был неумолим. Лучше смерть. Он так разъярился, что глаза застигла пелена. Он плохо понимал, что с ним происходит.

— Нет, — повторил отшельник и выбил чашу из рук изумленного вождя. Далее, не понимая, что делает, обхватил ладонями лицо «мудрейшего» и, взглянув ему в глаза, тихо, зловеще, произнес: — Умри!

Страшный вопль прорезал тишину гор. Вождь, пятясь, повернул лицо к сородичам, показав жуткие рубцы на щеках. Обожженная кожа шипела, кровь, пузырясь, стекала на грудь. На глазах у всех лицо вождя почернело, глаза с неприятным треском лопнули, распространился запах паленых волос и, наконец, вождь рухнул замертво.

Затем Иван, или то, что всё это время таилось внутри его, обратил взор на Брумху. Охотник в отчаянии замахал руками шепча:

— Не надо. Не убивай меня. Я буду...

— Умри, — также спокойно повторил Иван и вытянул в его направлении руки — они источали голубой свет. — Умри!

И Брумха точно взорвался изнутри. Он разлетелся на множество мельчайших осколков, обдав всех и всё собственной кровью и кусками плоти.

А Иван медленно сел на землю и глубоко вздохнул.

А затем потерял сознание.

Иван бежал по лугу, чудесному заливному лугу, сшибая высокую траву, крича, ликуя. Ветер хлестал в лицо.

Миг — и он ощутил невесомость. Вздрыгнул, но потом словно что-то подтолкнуло его — и он взлетел!

Невидимые ступеньки. Лестница из воздуха — Иван оттолкнулся легко, воспарил, приземлился на следующую.

За несколько невероятных, потрясающих, волшебных минут Иван поднялся чуть ли не до облаков. Голова кружилась. Весь мир — леса, поля, реки, горы — лежал у ног.

Иван руками разгонял облака, смех клокотал в горле, смех буквально рвал грудь, наполняя всё тело — каждую клетку — осознанием всемогущества.

Но затем, также внезапно, Иван понял, что находится на невероятной высоте, куда вряд ли могли подняться даже птицы. Он взмахнул руками, удерживая равновесие, и моля о том, чтобы магическая лестница не разбилась.

Но она разбилась. Иван падал. Всё потемнело вокруг, ветер засвистел в ушах, лестница превратилась в щепки, ветви, мусор, пыль. Он тщетно хватался за любую мелочь, но продолжал падать, падать, падать.

Всё глубже и глубже. Воздух становился горячее. Спустя минуту ветер уже обжигал.

Иван проваливался в огненную бездну.

Иван проснулся в темноте, нарушаемой лишь пламенем в очаге. С минуту он непонимающе разглядывал нехитрую обстановку в помещении, где лежал на жестких свалявшихся шкурах, постеленных прямо на земле. Заметив старика, сжавшегося в углу, севшим голосом попросил:

— Пить.

Старик дрожащей рукой подал деревянную кружку. Иван заметил, что он напуган. Утолив жажду, Иван чуть не выронил кружку — настолько был слаб.

— Где я? — спросил он, обессиленно откинувшись на шкуры. — Что со мной?

Старик молчал.

— Как я сюда попал?

— Вы... вы забыли? — запинаясь, поинтересовался старик.

— Забыл?.. — глухо повторил Иван и внезапно всё вспомнил. Пургу, во время которой он чуть не замерз насмерть; дикаря, спасшего его, как оказалось, только для того, чтобы сделать рабом; хмурого вождя с бледным татуированным лицом, и...

Их страшную смерть.

Последнее воспоминание ошеломило, ужаснуло. Захотелось убежать отсюда подальше, но куда? От кого бежать?

— Как мог я... сохраниться? — сдавленно выдавил Иван.

Старик завозился, что-то забормотал. Иван посмотрел на него. На лице, покрытом встопорщенной бородой грязно-седого цвета, читался страх.

— Не бойся, — попытался улыбнуться Иван, что у него, должно быть, плохо получилось. — Скажи лучше, как давно я здесь лежу?

— Дней шесть, господин, — с готовностью ответил старик. И торопливо добавил: —

Олле был плохой человек. Все мы знали об этом. Олле был очень плохой человек. Все мы...

— Перестань, — перебил Иван нахмурившись. — Кто такой Олле?

Молчание.

— Кто такой Олле? — повторил Иван громче.

— Олле... он умер, господин. Его нет — это хорошо. Я — доволен...

— Понимаю твой страх, — снова перебил отшельник, задумчиво глядя на огонь в очаге, представлявший собой полое бревно, обмазанное изнутри глиной, с зевом, куда и загружались дрова. Вверх бревна выходил наружу через крышу. — И самому страшно. Но я не... колдун. Не знал, что обладаю такой силой. Тебе, и всем остальным ничего не угрожает. Запомни и не бойся. А теперь я хочу поесть. Принеси чего-нибудь, только... помягче. Каши может быть. Горло побаливает — вряд ли смогу глотать твердую пищу. Постой! Сначала скажи, как тебя зовут?

— Дуарми, господин.

— Просто Иван. Не господин.

— Иван.

— Да, так. Через полчаса пусть придут остальные. Будет разговор.

Пища, предложенная Дуарми, показалась Ивану божественно вкусной. Конечно, после рабских помоев всё что угодно покажется вкусным. Но еда действительно была отменная — нежное баранье мясо, приправленное травами, мягкие овсяные лепешки.

— Вы с кем-то торгуете? — поинтересовался Иван у собравшихся в хижине трёх стариков, оставив пустую миску в сторону.

— Теперь уже нет, — уклончиво ответил Дуарми, по-прежнему таращась на него объётыми страхом глазами.

— А раньше — да?

— Раньше — да.

Иван вытер руки о шкуры и воззрился на троицу, отчего те смутились и отвели глаза.

— Меня зовут Иван, — выжидательно произнес отшельник.

Старики молчали, насупившись. Наконец, Дуарми, откашлявшись, представил остальных:

— Это — Абрига. — Он указал на старика, крохотные глазки-булавки которого глядели с недобрым прищуром. — Абрига сейчас старейшина. Ну, после смерти Олле, вы понимаете... А это, — старик с окладистой бородой на будто потрескавшемся лице низко поклонился, — Баит. Он шаман. Был шаманом.

«А ведь они стояли рядом с Олле, когда он предлагал отведать Прыгуна», — отметил про себя Иван.

— И что же у вас случилось?

Старики переглянулись.

— Рассказывайте. Не бойтесь.

Дуарми, волнительно потирая руки, пролепетал:

— Госпо... э-э-э... Иван, мы боимся гнева... реха.

Ивану стало смешно. Он решил их припугнуть.

— Кого вы боитесь больше — меня или этого вашего реха?

Старики зашептались.

— Хорошо, — сказал чуть погодя Абрига ворчливым голосом. — Только пообещайте

помочь нам.

— В чем? В борьбе с чудовищем?

— Да, — еще более раздражительно буркнул Абрига.

— Я вам не нравлюсь, — с усмешкой сказал Иван.

— Абрига хотел... — начал было Дуарми и осёкся, вжав голову в плечи. Абрига бросил на него испепеляющий взгляд.

— Дурак! — рявкнул он.

— А я-то думал, — сказал Иван, покачав головой, — почему вы меня не убили? Такой был шанс...

— Мы хотели! — закричал Абрига и добавил уже гораздо тише: — Но... побоялись.

— Что ж, спасибо, что не прирезали, пока ябыл в беспамятстве. Но хватит пустой болтовни. Хочу знать всё — кто такой рех, где ближайшее село, как туда добраться, кто такой Олле — ведь он не из вашего племени, так? Выкладываете всё, что знаете. Обещаю, что подумаю, как вам помочь.

Дуарми с Баитом уставились на Абригу. Тот недовольно фыркнул и после минутного раздумья начал:

— Много лун назад — когда мои волосы только-только начали седеть — объявились в наших краях воины. Их мы никогда прежде не видели — одетые в железо, верхом на животных, таких же, как и у вехан...

— Простите, — перебил Иван. — Кто такие вехане?

— Там, где кончаются горы, начинается земля вехан, — с выражением крайнего презрения объяснил Абрига. — Так вот, у них такие животные — они называются кони. У нас их нет. Итак, воины пришли в горы — мы встретили их радушно, хотя никогда прежде не видели. Но они не оценили наше гостеприимство и перебили половину поселян — а их было много в те времена. Никогда прежде мы не сталкивались с таким жестоким народом, как эти «ястребы». Да, я точно помню — они называли себя «ястребами». Среди них был этот самый сукин сын Олле. Как его зовут по-настоящему, Баит?

— Олеард.

Ивану показалось имя знакомым.

— Олеард... — задумчиво повторил отшельник. — «Ястребы» объяснили, что им нужно было?

Абрига криво усмехнулся.

— Теперь я знаю, что им было нужно. Они искали тебя.

— Меня? — изумился Иван.

— Они искали дамната, так они говорили, — пояснил Баит.

— Дамната? — растерянно повторил Иван.

— Они сказали, что дамнат — очень плохой человек, — сказал Абрига, сверкнув глазами. — Очень, очень плохой. Злой. Они хотели поймать и убить его. В смысле — дамната. В смысле — тебя.

— Продолжайте, — с замиранием сердца проговорил Иван.

— Не добившись от нас ничего, они пошли дальше, — сказал Абрига. — В ту сторону, откуда ты явился. Это было осенью. А в начале зимы Олле вдруг явился в наше селение один, окровавленный, оборванный, изможденный. Он ничего не помнил, но пригрозил нам, что если мы его попытаемся убить, и вообще причинить любой вред, то горько пожалеем. Говорил, что он великий колдун...

Абрига умолк, а потом неприятно рассмеялся.

— И мы — дурачьё — поверили ему. Все эти годы мы жили в страхе перед чужаком!..

— Успокойся, Абрига, — сказал Баит. — Нечего прошлое воротить.

— Нечего? — повысил голос Абрига. — Ты видишь, с чем мы остались? Ни с чем! И по чьей вине? Скажи мне, Баит, по чьей? А?!

— Уж точно не по вине Олле...

— Хватит! — бросил Иван. — Не хочу выслушивать ваши склоки. Итак, Олле оставался у вас все эти годы... При этом ничего не помнил? И уходить не собирался? Нет? Странно... Так, так... А почему ты думаешь, почтенный Абрига, что «ястребы» охотились именно на меня?

— Как бы вам объяснить... — ответил вместо него Баит. — До воинов Олле в наших горах побывали еще одни воины, другие... Мы наблюдали за ними издалека. Не знаю, что им было нужно и кого они искали... Но вождём у них был...

— Я, — закончил за него Иван.

— Да, вы.

— Что с ними стало, вы не знаете?

— Они погибли, — ответил Абрига. — Рех всех разорвал. И тех, кого ты привел, и тех, кого привел Олле.

— Что они искали? И те и другие?

— Проклятие, жившее за рекой. Злого колдуна.

— Как он выглядел, этот злой колдун? Можете сказать? Вы хоть раз видели колдуна своими глазами?

— Видели. Он приходил однажды. Мужчина, бледнолицый, с темной бородой. Широкоплечий. Немного печальный. С посохом.

— Он убил одного нашего охотника, — сказал Баит, — брата Брумхи. Как его звали-то?.. А, неважно! В общем, тот колдун создал ветер. Вскинул посох — вот так! — и выстрелил ветром как из лука. Беднягу...

— Как ветром сдуло? — мрачно усмехнулся Иван.

— Да, так и было.

— Он называл свой посох «гневом богов»! — вставил Дуарми.

— Нет, дуралей! — грозно сдвинув брови, возразил Абрига. — Не так! Он называл посох «хулой богов». Да, именно так — «хула богов»!

— «Хула богов»? — переспросил Иван, и потом задумчиво сказал: — Посох, взятый из кибитки Богохульника. Это был монах...

— Ты знаешь его? — спросил Абрига.

— Да.

— Он тебя пощадил, когда ты его нашёл?

— Можно и так сказать.

— Он и правда могучий колдун?

— Правда.

— Он сейчас там? Ты все это время был с ним?

— Нет. Тот колдун давно ушел. Много лун назад.

— Куда? Почему?

— Хотел бы я знать...

Иван вдруг почувствовал, как на него навалилась огромная усталость.

— Оставьте меня, — сказал он и закрыл глаза.

Иван долго не мог заснуть. Напрягал память, но тщетно. Казалось, вот-вот — и долгожданная вспышка озарит его измученный разум, но нет. Он словно блуждал во тьме, чувствуя, что истина где-то рядом и ее можно схватить рукой. Отшельник злился, и тогда его руки начинали источать еле заметное голубоватое свечение. Он прятал руки под шкурами, тряс ими, словно пытаясь потушить...

Глупо.

Наконец, Иван понял, что им попросту завладевает паника. Но ничего с собой поделатать не мог. Мысли всё время сводились к одному — к нему самому.

Сведения, которыми поделились старики, ничуть не помогли, а наоборот, усилили тревогу и добавили вопросов в довесок к уже имеющимся.

Все-таки он колдун. И — дамнат.

От этого слова веяло могильным холодом. Ивана обуял страх — страх перед собственным прошлым.

В хижину робко вошел Дуарми. Подбросил дров в очаг.

— Не уходи, — сказал Иван. — Прошу тебя.

Дуарми застыл с кочергой в руках.

— Но если ты боишься, — поспешно добавил Иван, — тогда, может быть, кто-нибудь еще?..

— Аиян, — подумав, сказал Дуарми. — Я приведу сюда Аияна. Он странный старик. Самый старший из нас. Аиян слеп. Но... очень мудр. Думаю, он сможет помочь вам в ваших терзаниях.

— Что, по мне видно?

— После нас вы сильно приуныли. Аиян поможет!

— Приведи его.

Вскоре Дуарми привел дряхлого трясущегося деда с лицом, похожим на высушенное яблоко.

— А, необычный гость, — прошамкал Аиян, едва Дуарми усадил его. Дед говорил невнятно, так что Ивану пришлось напрячь слух. — А я хотел с тобой поговорить.

— Слушаю, — сказал Иван, с любопытством разглядывая гостя.

— Луна на небе светит только тогда, когда солнце уйдёт, — бойко начал Аиян. — Да-да. Луна светит только тогда, когда солнца нет. Холод приходит, покрывает горы и низины снегом, и это будет продолжаться до тех пор, когда не придет время отдохнувшей земле плодоносить. Земля словно женщина, понимаешь, сынок? Она должна плодоносить. Земля просыпается ранней весной и, вдохнув полной грудью, даёт нам саму жизнь. И никому не дано изменить существующий порядок, понимаешь, сынок? Как же может иначе-то? Ежели не так, то мы, ее детки, не выживем. Так ведь, сынок?

Глухое бормотанье Аияна усыпляло. Ощувив во всем теле приятную слабость, Иван кивнул:

— Да, это так.

— Я столько лет живу на свете...

«И правда, помог. Надо же...»

— Сколько нас здесь жило... Богов почитали, в праздник весны возносили молитвы и приносили дары... — Потрескивание поленьев почти заглушало слова. — А сейчас уже не

то. Человек пошел против земли, он оторнул материнскую грудь, возомнив себя выше сил природы... — Иван слышал теперь только шум ветра — похоже, поднималась метель. — Только это добром не кончится... — Воюющий в перевалах ветер, тихое журчанье огня, унылое тарактенье дикого и нелепого на вид старика, — все эти звуки эхом отдавались внутри.

— Добром это не кончится. — Резкий и вроде недовольный голос Аияна вывел Ивана из дремы. — Слышишь меня, сынок? Слышь, что говорю-то?

— А? Что?

— Я, конечно, старый и выживший из ума старикан. Но уверен, что такие, как ты — уж не обижайся — суть зло, подлежащее искоренению.

Иван тупо уставился на деда.

— Я не понял, что вы сейчас сказали?

— Боюсь я тебя, — сказал Аиян. — Плохо я вижу, почти совсем не вижу, но зато чую. И вот чую в тебе великое зло. Не пытайся разбудить его. Остайся здесь. Забудь всё.

Иван продолжал оторопело смотреть на странного деда.

— Ну, может, я и зря всё это наговорил, — смутился Аиян. — Прости. Ладно, спи. А я пожалуй, пойду. Эй, Дуарми, дурень безмозглый! Ты где?..

И Иван остался. Во всяком случае, на зиму — так он решил. Он заменил Брумху, чья кровь всё еще темнела на хижинах селения. Ему отдали все охотничьи принадлежности покойного — лук, топор, рогатина с помятым и тупым лезвием, силки, тенёта, жерди для сооружения садков, ножи. Но поселиться в его доме отшельник не пожелал и остался в хижине Дуарми, который, хоть и побаивался гостя, но не возражал.

Иван отлеживался еще пару дней. За это время Аиян рассказал ему историю их народа.

Они называли себя левдами и промышляли охотой. Раньше в горах жило много тысяч левдов-охотников, торговавших с веханами и другими народами с низин.

Однажды — насколько понял Иван, лет триста назад — в горы прибыла армия аннатов. Завоеватели уже прошли войной по владениям вехан, не миновала эта участь и горцев. Аннаты были кровожадны и свирепы. И везде они оставляли горы трупов.

— Мы, левды, — гордо говорил Аиян, — не покорились им, этим проклятым аннатам. В отличие от трусов вехан.

На самом деле покорились, как бы не хотелось Аияну думать иначе. Маленький охотничий народец с тех пор влачил все более жалкое существование. Их количество с годами неуклонно сокращалось, чему способствовал мор — еще один бич, принесенный аннатами. До этого они никогда не встречались с такими болезнями, как оспа, чума, холера. Привыкшие к чистому высокогорному воздуху охотники оказались не готовы к таким испытаниям.

Все чаще молодые уходили туда, где тепло и жизнь не так сурова. До тех пор, пока не осталось одно лишь селение. Аиян винил во всем аннатов — их ненасытную жадность, разнузданность, алчность, жестокость. «Злые духи сделали их такими», — глубокомысленно изрекал старец.

Но у Ивана имелось более прозаическое объяснение. Беда левдов заключалась в том, что на самом деле они обитали не так далеко от равнин — всего-то неделя-другая пути до ближайшего поселка. Аннаты, да и вехане дали горцам возможность заработка. Левды нанимались в армию, разводили скотину, возделывали землю, торговали. К этому

прибавились доступные женщины, выпивка (чему горцы были особенно подвержены) и разбой.

Цивилизация — вот имя их злого духа.

Аиян с горечью поведал, что чистокровных левдов практически не осталось.

— Я, Абрига и Баит — вот последние, — рассказывал он. — Может и еще где есть, но это вряд ли. Мать Дуарми была веханкой, Тарбы — тоже. Йихан — чистый веханин, Брумха, покойник, — тоже. А Барчук и Печник — они помесь, полувехане-полуаннаты. Еще есть Белый... Белый, когда умел говорить, утверждал, что он данвар. Никогда не слышал о таком народе.

Их село превратилось в охотничью заимку. Давным-давно не жили здесь женщины, дети. Только охотники. После того как Олле захватил власть, многие бывалые звероловы покинули обжитое место. Олле славился жестокостью. С ним остались только те, кому некуда было идти.

— Если б не распроклятый рех, — сокрушался Аиян, — народ, может, и вернулся бы. Охота ведь, выгодное дело. Архары, яки, козы, снежные бараны, кабарги — их мясо на рынках отрывают с руками. Но рех — это наше проклятие...

Иван опять задал постоянно мучивший его вопрос:

— Так кто же такой рех?

Аиян ответил уклончиво:

— Еще не время. Сам узнаешь, как время подоспееет.

Спустя несколько дней Иван достаточно окреп. Ранним утром отправился на охоту. За ним неожиданно увязался Дуарми.

День выдался неплохим, солнечным и теплым. С мокрых веток орешника, растущего вдоль быстрого ручья в ущелье, падал подтаявший снег.

Дуарми нес увесистый мешок, откуда сочился неприятный запах.

— Что там у тебя? — поинтересовался отшельник во время привала. Он подозревал что в мешке.

— Там... э-э-э... всякая всячина.

— Ага. Конечно. — Иван глотнул воды из кожаного меха. — Денек сегодня, а? А зима ведь в самом разгаре.

— Да. — Дуарми пристроил мешок рядом и положил на него руку.

— Ладно. Жди меня здесь. Разведи костер. А я пойду. Туда. — Иван махнул в сторону двух отвесных скал, почти соприкасавшихся друг с другом.

— В ту... — встрепенулся старик. — А почему... почему в ту?

«Ага! Все-таки угадал!» — подумал отшельник и требовательно спросил:

— Ну?

— Чего?

— Ты и впрямь «простофиля». Как его звали? — Иван указал на мешок. — Это ведь он? Тот, без языка, Прыгун? Олле емуязык отрезал? Так как его звали? Отвечай!

— Губчак, — виновато буркнул Дуарми. — Его звали Губчак. Мы его купили у вехан прошлой весной. Много мяса отдали. Он был хороший, крепкий работник. Хоть и дурак. Но раб хороший. Много делал. Хороший.

— А зачем язык отрезали?

— Олле сказал, что рабу язык не нужен. А еще Губчак имел дурную привычку скулить. Надоел.

— И часто вы рабов покупали?

— Нет. Просто нижним Губчак не нужен был. Они сами его предложили. Дурак-дураком, и выл к тому же, а нам хоть какая рабочая сила.

— Прыгун... то есть, Губчак сказал мне, что до него были еще рабы.

— Сказал?

— Ну показал. Знаками. Трое рабов.

— А! Эти... Были. Эти из разбойников. Нижние повесить их хотели. Мы забрали Плохие были рабы. Ленивые. Били их, били...

— Это Олле приучил вас к людоедству?

Дуарми сжался.

— Говори, не отстану ведь.

— Олле. Это он. Олле был нехороший. Очень нехороший.

— Что не помешало вам съесть рабов.

— Мы только чуть-чуть. Печень. Сырую правда. Олле сказал, что это ритуал такой. Да и потом, мы часто голодали. Прошлая зима выдалась суровая. Старики болели и Брумха болел... Охотиться некому. Только Баит не ел. Он вообще ушел в свою хижину. Которая в лесу. Там жил. Единственный не ел.

— Вы и вправду кучка дряхлых безумцев.

Старик выглядел жалко, очень жалко.

— Ну а сейчас что? — продолжил расспросы отшельник. — Ты же его не хоронить собрался, так ведь?

— Да, — с неохотой признался Дуарми и указал на проход в скалах. — Там — капище реха. Там мы приносим ему... жертвы. Рех будет недоволен, что мы принесли уже мертвого. Но... что делать. Иначе мы погибнем. Жертва нужна. Хоть какая.

Старик испуганно умолк.

— Рассказывай, раз уж начал. Все равно узнаю. Рано или поздно.

— Хорошо, — вздохнул Дуарми. — На самом деле люди ушли из села не по вине Олле. Они ушли из-за реха.

— А почему рех? Что означает это слово?

— Это Аиян его так назвал. На языке левдов, который уже мало кто помнит, рех означает «исчезающий».

— Исчезающий?

— Да. Каждый месяц — примерно — он требовал себе жертву. Тех рабов мы тоже отнесли. Живых. Двух той зимой, последнего поздней весной. А иначе рех насылал страшные сны. Понимаете?

— Как выглядит рех?

— Никто не знает. Он вселялся в зверей. В медведей, в волков там. Бешеные, злые становились! И глаза черные-черные! Очень бешеные, очень злые! И глаза черные! Страшно...

— Представляю...

— Как правило, рех убивал одного и сразу пропадал. Поэтому все ушли. Остались только мы — никому не нужные старики. Но мы держались. Жертвы приносили. Но живых. Вот как. А теперь мертвец... Рех будет недоволен...

— Хватит причитать. Пойдем, сложим останки Губчака на капище. Посмотрим, что будет.

Пройдя через ущелье по скользким мшистым камням, омываемым весело журчащим ручьем, отшельник с Дуарми вышли на покатый склон, поросший редколесьем. Внизу курчавился упиравшийся в горизонт густой хвойный лес, в недрах которого поблескивала тихая безымянная речка, столько лет поившая и кормившая его. «Где-то там осталась землянка», — не без грусти подумал Иван. На пустыре, у груды камней валялась куча замерзшего мяса, костей, кишок, частей тел животных и людей. Вокруг — следы зверей.

— Вот это и есть капище, — сказал Дуарми, боязливо поглядывая на отшельника. — Надо быстро, — шепнул он и торопливо вывалил содержимое мешка.

Иван содрогнулся — Прыгун, или Губчак уже основательно подгнил — кожа приобрела мраморный оттенок, вспоротый и выпотрошенный живот покрылся блестящей слизью, и в нем копошились черви. С бедер срезаны крупные куски мяса.

— Где вы его держали? — спросил Иван, прикрывая рот и отходя подальше. — Почему он так сильно испортился?

— Укрыли шкурами и подержали рядом с очагом, — сворачивая мешок, ответил старик. — Так надо, госпо... э-э-э... Иван. Но все равно рех будет недоволен.

— Ты же говорил, что рех предпочитает живых.

— Да, но... Абрига решил, что ежели так, то может... сильный запах...

— Глупцы вы! — резко оборвал его Иван. — Пошли отсюда.

Но тут ему стало плохо. В голове словно взорвался ледяной шар и разлетелся на тысячи осколков. Отшельник зашатался и присел, схватился за голову, закрыл глаза. Постарался отдышаться. Возникло странное ощущение — точно он оказался в ином мире, в другом месте. Он хорошо видел все вокруг — горы, лес, небо — но в то же время остро почувствовал, что находится в чужом доме и где-то рядом хозяин, и хозяин совсем не рад незванным гостям...

— Идем отсюда, — еле выдавил из себя Иван. — Дай мне руку...

— Да, да, — пролепетал Дуарми. — Вот он я, держитесь.

— Быстрее, черт...

В тот день они ничего не поймали, если не считать двух зайцев, попавшихся в силки.

Иван прошел в хижину Дуарми, и, не снимая тулуп, повалился на лежанку. Голова раскальвалась... нет, она горела огнем, будто кто-то подогревал ее изнутри.

— Эй, Простофиля! — спустя час полной неподвижности сказал отшельник. Он боялся пошевелиться, ибо в этом случае боль резко усиливалась.

— Да, И... Иван?

«Интересно, он обижается, когда его так называют?» — с какой-то мстительной усмешкой подумал Иван, скосив глаза на привычно сжавшегося в углу старика.

— Есть что-нибудь выпить? В смысле, чего-нибудь крепкого? Опьяняющего, понимаешь?

— Понимаю.

— Ну так принеси! Пожалуйста.

— А что... с вами?

— Принеси.

— Да, да. Сейчас.

Вскоре Дуарми вернулся с корчиком, в котором плескалась остро пахнущая мутная жидкость.

— Это бымпак, — сказал он, улыбаясь.

— Что такое бымпак?

— Мы у нижних покупаем.

— А, самогон.

— Хороший.

Иван залпом осушил спиртное и едва не вырвался. К счастью, Дуарми быстро сообразил и дал ему воды.

— Очень плохой, — прохрипел отшельник, откашливаясь и занюхивая куском пахнущего плесенью сухаря, валявшегося на земляном полу подле очага. — Вонючая дрянь. Редкостное пойло. Много мяса отдали?

— Нет. Бочонок за трех зайцев.

— Так мало? Правильно, нижние наверняка этой мерзостью крыс травят. Ладно, иди. Оставь меня в покое. Я должен поспать.

Ему снова приснилась она, мать. Мария.

Он смотрит в забранное крупной решеткой окно, смотрит, встав на обитый черным

бархатом табурет. Он еще совсем юн. Мальчик.

Большой, вымощенный булыжником двор, окруженный громоздкими однообразными зданиями, в его центре небольшая ухоженная клумба, на которой, вокруг пышного куста падубы росли цветы — вербена, лавр и полынь. В небе ярко светит луна.

Ночь, но во дворе суета. Закованные в броню, вооруженные до зубов воины запрыгивают на коней. Горят факелы, сотни факелов, люди кричат, брань, сутолока, цокот копыт отдается в ушах болью...

И в центре — мать. В белых развевающихся одеждах, длинные волосы распущены.

Она прекрасна. И она ужасна.

— Помните! — кричит она. — Помните!..

Ему страшно. Ему очень страшно.

Вечером на майдане собралось семеро — Абрига, Баит, Дуарми, Тарба, Йихан, Барчук и Печник. Все они неподвижно сидели на бревнах и хранили гробовое молчание.

— Что случилось? — спросил отшельник.

— Аиян умер, — печально произнес Баит, не поднимая головы.

Иван снял шапку.

— Он улыбался, — сказал спустя некоторое время Баит. — Как будто был рад, что уходит.

— Да, — добавил Абрига. — Аиян был мудрецом. Он хорошо знал, что нас ожидает. Знаешь, как он умер? Просто позвал нас и сказал: «Я умираю, братья. Прощайте». И всё. С улыбкой, со счастливой улыбкой на устах.

Нахмутив брови, он уставился на отшельника. Все остальные последовали его примеру.

— Ты был там, у капища, — сказал Абрига. — Ты что-то почувствовал. Тебе ведь стало плохо.

— Да, — едва слышно подтвердил Иван, прислушиваясь к пульсирующей боли в висках. Голова по-прежнему побаливала. Но не так сильно.

— Ну и?

— Что с Белым? Припоминаю, что в первый раз вас было десять...

— Не уклоняйся! — топнув посохом, рявкнул Абрига. — Отвечай!

— Это важно, — упрямо повторил Иван. — Что с Белым? Лучше ответьте мне.

Абрига вскочил, но Баит жестом успокоил старейшину.

— Белый... — задумчиво начал Баит. — Однажды Белый ушел на охоту — один. Он всегда так делал. Станный он был. Ушел и не вернулся. Мы отыскивали его на том же месте.

— Там, где сейчас капище?

— Да.

— И это было... когда? Два года, три?

— Это случилось прошлой зимой. Вернее, перед зимой — с деревьев еще не слетела листва.

— И что с ним в данный момент?

— С тех пор он не двигался. Только лежал, будто мертвец — бледный, худой. Иногда вставал, но всегда молчал. После того, как ты явился к нам, он и впрямь стал больше мертв, чем жив. Но он жив, он дышит. Мы поим его водой, кормим, убираем за ним...

— После случая с Белым рех тревожил вас?

Старики переглянулись.

— Нет, — сказал Абрига.

— Почему вы мне сразу не сказали?

Старики встревоженно переглянулись.

— Почему вы мне не сказали, я спрашиваю?!

— А разве... — недовольно буркнул Абрига и осекся, взглянув на товарищей. — А ведь правда... Как же мы сразу не догадались...

— Покажите мне его, — велел Иван.

Но отшельник так и не решился заглянуть в хижину, где лежал Белый. Дуарми держал полог открытым и его взгляд — взгляд человека недалекого — почему-то насмешил отшельника. Иван нервно усмехнулся и рукавом оттер внезапно выступивший на лбу пот. Попятился.

— Он там... — прошептал он.

— Чего? — громко, пожалуй, слишком громко заинтересовался Абрига. — Кто там? Кого ты имеешь в виду? Белого?

Иван ничего не ответил, вернулся и устало уселся на бревно. То, что он рассказал потрясенным старикам, стало откровением даже для него.

— Рех — это фантом, призрак, дух, — начал он, отрешенно уставившись на пламенеющий закат, окрасивший горы в неповторимый алый цвет. — Работа очень сильного мага. Мага, сведущего в тайных практиках. — «Откуда я всё это знаю?» — подумал Иван, еще раз трясущейся рукой смахнув пот. — Привязанный к месту фантом, материализующийся в момент наивысшего перпетрата. Проще говоря это... создание находит носителя — обычно это зверь, реже человек. Находит тогда, когда цель, задача, заложенная в него создателем, близка к выполнению. Он ее чувствует. Фантом не идеален. Трудно создать нечто такое, что четко выполняло бы всё, что от него ожидают. Со временем фантом выходит из-под контроля. Очевидно, что он был создан для того, чтобы поймать меня. Или следить за мной. Не дать выйти... из плена. Или защитить...

Иван надолго задумался.

— Но потом как раз это и случилось, — с усилием продолжил отшельник. — Рех вышел-таки из-под контроля. Значит, маг, создавший его, либо умер, либо не может... работать. Может, он далеко.

— Чем это нам грозит? — спросил Баит.

Иван поглядел на него со странным выражением лица — смесью злорадства и страха.

— Смертью, — тихо ответил он. — В таком виде фантом непредсказуем. Он начинает взаимодействовать с силами, скрытыми в природе, с крупными магии, живущей в земле, в воздухе, в воде, растениях, зверях. Дикая магия — опасная штука. Непредсказуемая.

— Почему же он нас до сих пор не уничтожил?

— Из-за запаха смерти. Это универсальное средство, позволяющее ненадолго приручать подобного рода... подобного рода вещи. Жертвы, которые вы ему приносили, сбивали его с толку. Магия смерти никому не подвластна. Она словно заразная болезнь и фантом, если можно так сказать, болел ею. Но сейчас он... боюсь, он увидел меня. И это значит, что механизм вновь запущен и тут уже трупами не отделаться.

— А Белый?

— Белый — носитель. Трудно сказать, почему именно он. Видимо, в здешних краях не осталось хищников, вот Белый и... заразился. Белый опасен.

— Если рех за тобой охотился, — рассудил Баит. — Почему он не перешел реку? Ты сам

говорил, что жил не так далеко. Может, он и правда защищал тебя? Ведь «ястребы» так и недошли до тебя! Они все погибли от лап реха — так утверждал Олеард! И это не единственный случай. Знаешь, сколько охотников, да и просто глупцов пытались пересечь реку и познакомиться со злым колдуном? Нет? То-то и оно! Рех — твой защитник. А значит...

— Белый опасен, — упрямо перебил шамана Иван. — Если все так, как ты говоришь, тем более надо его опасаться. Я знаю, что говорю. Не зря у меня так болела голова. Уверен, что у фантома осталась цель — это я. О том, что изначально в него вкладывали, уже не важно. Сейчас рех в теле Белого — настоящий убийца. И это не слабый старик, поверьте мне.

Все потрясенно молчали. Иван продолжил:

— Белый скоро станет его телом — это всего лишь вопрос времени. Вопрос нескольких часов. Если не минут — все зависит от того, насколько фантом силен. А он силен — за тридцать лет моего одиночества он не разрушился. Фантом очень силен. Надо немедленно уходить.

— Как? — Абриге впервые изменила стойкость и голос его дрогнул. — Прямо сейчас? Разве мы сумеем?

— Надеюсь, что сумеем. Фантома всегда привязывают к месту. Это может быть очень большая территория, а может и нет. В любом случае, его владения должны были сильно уменьшиться — неконтролируемый фантом не способен самостоятельно удержать все подвластные ему земли. Так что, шанс есть.

В этот момент отовсюду раздались дикие завывания. Иван вздрогнул, но потом мрачно и как всем показалось, нехорошо усмехнулся.

— Рех идет, — сказал страшно побледневший Баит. — Когда этот ваш... как там... фантом просыпается, звери начинают выть, реветь.

— Да, — отозвался Иван. — Они ведь чувствуют. Они видят магическую ауру гораздо лучше нас, людей. Фантом «просыпается», чем вызывает сильные возмущения в этой никем не понятой, не исследованной субстанции, известной всем как аура. Мы — слепы и глухи по отношению к ней. Но только не звери. Для них это что-то сродни буре.

— Иван, — обратился к нему Баит, взглядываясь в него с тревогой, словно в сумасшедшего, — надеюсь, это не вымысел? Вы же понимаете, столько лет вы прожили в одиночестве...

Отшельник взглянул на шамана.

— Понимаю! — резко ответил отшельник. — И нет, я не сошел с ума. Разве рех — это вымысел? Скажите!

Баит повесил голову. Иван поднялся.

— Слушайте меня внимательно, — обратился он к собравшимся. — В любом случае нам не выжить. И ритуальным убийством просто так не отделаешься. Рех прикоснулся ко мне, он знает, что я здесь, знает, что я близко. Надо уходить. Кто со мной — собирайтесь. Берите только самое необходимое. Сбор через пять минут здесь, на майдане.

Но стоило Ивану зайти в палатку, как выдержка и хладнокровие оставили его. Так хотелось быть просто человеком, а не проклятием!

Он не маг, не дамнат. Нет, черт возьми!

«Надо успокоиться, — подумал он, укладывая в торбу всё, что ему может пригодиться. — Надо успокоиться. Так, что мне надо? В первую очередь нож, топор. Мех.

Поесть...»

Иван обернулся и увидел на пороге Дуарми. Старик плакал.

— Что такое?

— Абрига, Баит, Йихан и Тарба не хотят идти. Говорят — некуда. И Аиян не похоронен. Они стары, им некуда, и Аиян... А Барчук с Печником идут. И я. Я хочу жить. Я хочу еще пожить.

Иван призадумался. Руки дрожали, и он спрятал их, чтобы не выдать волнение.

— Вряд ли они смогут его похоронить, — наконец, сказал он. — Ну да ладно. Их проблемы. Пусть остаются. Ты-то готов?

— Я? — Дуарми вытаращил глаза. — Я... нет.

— Ну так собирайся, — раздраженно бросил Иван, закинув торбу на плечо. — Ждать не буду.

Отшельник помедлил на пороге, еще раз посмотрел на плачущего старика — очень жалкое зрелище, — и с внезапно нахлынувшим презрением сказал:

— Не знаю, зачем с вами вожусь. Нужны вы!

На майдане Абрига, высоко держа факел, гневно выговаривал Печнику с Барчуком:

— Глупцы! Кому вы верите? Это же не наше проклятие! Как вы могли поверить чужаку, безумцу? Да мы его знать не знаем! И куда вы пойдете? Думаете, внизу вам будут рады?

— Значит, никто не идет, — сурово произнес Иван. — Ваше право. Думаете, обманул? Наплел вам тут? Не спорю, сам удивлен. Всёкажется, что сказанное мне нашептал кто-то невидимый. Может мой дух-хранитель? Есть такие? А, левды? Вы еще помните веру предков? Но это ничего не меняет. Как называется поселок? Там, в низине?

— Лесной Удел, — мрачно ответил Абрига. — Иди к нему через ущелье, мимо капища, по лесу. Может, дней за пять и дойдешь, если повезет.

Звериный вой не смолкал ни на минуту.

— Не успокаиваются, а? — спросил Иван скривившись. Его всё больше злил этот тупой старикашка.

— Есть другой путь, — внезапно сказал Баит. — Я покажу.

— И куда ты... — начал было Абрига, но Баит оборвал его:

— Я не бегу от смерти. Но позволь мне сделать это так, как я хочу. Идем, Иван.

Но не успели они сделать и шаг, как из хижины, где лежал Белый, вышел высокий, седой как лунь старик, сохранивший, несмотря на жутко истощенный вид, следы благообразной наружности, так сильно контрастирующей с грубыми чертами всех остальных, что сразу стало ясно — Белый нездешний.

Глаза заволокло глубоким черным цветом. В руке он держал огромный ржавый тесак.

— Белый? — ошеломленно спросил Абрига.

Белый громко засопел и, неуклюже переставляя ноги, двинулся им навстречу. Все попятнулись. Старик с тесаком остановился, вскинул голову и как будто принялся.

— Идем, — тронул Баита за плечо, шепнул Иван.

— Белый, ты... — со слезами на глазах сказал Абрига.

Ивана кольнуло в сердце. На какое-то мгновение он отчетливо увидел последующую сцену. И зажмурился. Дикая, обжигающая головная боль вдруг вернулась. Он опять пошатнулся.

— Белый, ты... поднялся? — дрожащим голосом вопрошал Абрига. — Белый, друг...

«Идиот...»

Белый повернулся к Абриге и с неожиданной для старика силой раскроил ему череп.

Кровь брызнула Белому в лицо, но он как будто не заметил этого, продолжая водить вокруг затянутыми мраком глазами. С лица густым потоком стекала черная, в стремительно надвигающихся сумерках, кровь.

Баит вцепился в оторопевшего отшельника и потащил за собой. Они забежали за одну из хижин и втиснулись в узкое пространство между какими-то досками и каменной насыпью, которую они с Прыгуном-Губчаком не так давно соорудили. Обезумевшие от ужаса старики разбежались кто куда.

Оброненный факел Абриги шипел на снегу.

— Сидим тихо, — сказал Баит. — Может он уйдёт...

— Нет, — ответил Иван. — Это тебе не кровожадный аннат. Это монстр. Он не уйдет.

Отшельник осторожно выглянул из укрытия. Белый стоял посреди майдана.

— Нет, нам не уйти, — произнес Иван. — Он нас заметит.

— Ты же колдун! Сделай что-нибудь.

— Если бы я мог!

— В случае с Олле и Брумхой смог.

— Это произошло само по себе. Я тогда пришел в ярость. Ярость подстегнула, понимаешь? — Иван посмотрел в глаза шаману.

— Понимаю. А сейчас что тебе мешает разозлиться?

— Я боюсь. Боюсь так же, как и ты.

— Что ж, придется бежать. Выхода нет.

— Только куда?

— Есть у меня одна тайная заимка, — нехотя ответил шаман. — Туда и пойдём. Больше некуда.

— Веди.

Они максимально тихо, пригнувшись, перебирались от хижины к хижине. Отшельник заметил, как Белый, перешагнув через Абригу, направился в их сторону. Остановился.

Раздался вскрик, глухой удар, хрип, стук падающего тела, шум посыпавшихся дров.

Следом — тишина, нарушаемая лишь ветром, постепенно стихающим воем да хриплым дыханием Белого, раздававшимся рядом. Совсем рядом.

Баит вдруг сорвался с места и, больше не скрываясь, бросился через ограду во тьму.

— Здесь есть тропинка! — услышал Иван его удаляющийся голос. — Крутая, заброшенная...

Отшельнику ничего не оставалось, как броситься вслед. Он ничего не видел, кроме мельтешения черных пик сосен, звезд, смутных очертаний вершин. Где-то впереди бежал, спотыкаясь и скатываясь Баит.

Спрыгнув с загородки, Иван полетел вниз. Захватило дыхание. Больно ударился копчиком, но, не останавливаясь, поднялся. Снег окружил его распушившимся, слепящим облаком. Он задыхался.

«Где же Белый? Преследует? Преследует, или нет? Где он? Где?»

Иван двинулся вперед, но поскользнулся и угодил в сугроб. Несколько секунд лежал, зарывшись в снег лицом, прислушиваясь к стуку сердца. Затем, постанывая, встал и тут же столкнулся с... Белым.

Носитель фантома находился в шаге. Иван оцепенел. Белый одной рукой — холодной,

как лед — вцепился ему в горло, другой замахнулся...

Заляпанный кровью и мозгами ржавый тупой тесак смутной тенью взметнулся над его головой и...

Ничего не произошло. Холодная ладонь разжалась.

Иван открыл глаза и обнаружил подле себя задыхающегося Баита с палкой наперевес.

— Убей его! — возбужденно крикнул шаман, не отрывая глаз от медленно поднимавшегося демона. — Убей его, что стоишь? У тебя топор! Поруби его на куски! Ну же!

Отшельник не заставил себя долго упрашивать. Хуже всего то, что глаза уже привыкли к темноте и поэтому он всё видел.

Иван ударил Белого топором в лицо, и оно лопнуло, как перезрелый арбуз, обнажив бескровные ткани. Затем, войдя в раж, он отрубил, а вернее откромсал ему голову.

Иван совершенно потерял рассудок. Он все бил и бил носителя, пока тот не превратился в бесформенную кучу мяса и костей. И за всё время из этой кучи не вытекло ни капли крови.

Баит с трудом оттащил отшельника от поверженного врага.

— Хватит, — сказал он. — Всё, хватит. Бежим.

Иван побрел за шаманом, но обронил торбу и топор. Опустился на колени и стал шарить в поисках упавших предметов. Потом его стошнило. Он выbleвал всё до желчи. Но топор все же отыскал.

Нестерпимо болела голова. И светились руки — слабо-слабо.

Потом они бежали, бежали, поддерживая друг друга.

В какой-то момент Баит остановился, вцепившись спутнику в рукав. Он указывал вперед, но Иван увидел лишь темневшую вдали фигуру. Это человек? Или ему показалось и это просто куст?

Мелькнула тень. Беглецы закружились, пытаясь понять, что происходит. Шаман выставил перед собой палку, шепча какие-то заклятия; отшельник стискивал рукоять топора, напряженно всматриваясь в ночной полумрак.

Оглушительно захлопал плащ, и в нескольких шагах перед ними материализовалась фигура человека, закутанного в плащ с глубоким капюшоном. Человек поднял руку, и беглецы ощутили, как кто-то невидимый сжимает им горло.

Они упали, мучительно хватая ртом воздух. «Ну! — в отчаянии подумал Иван. — Я должен спастись!» Посмотрел на руки. Свечения не было. Или ему показалось? Он уже плохо видел, плохо соображал.

Он падал. Падал.

Какой-то человек кружится, точно раненный зверь, загребая руками снег. Как странно, ведь это он и есть. Что он делает?

Он всё глядел на расплывчатое пятно на бледном снегу, и слушал свои же вопли с презрением. Его разбирал смех. Глупец.

Ты глупец, человек!

Лица коснулось дыхание пламени. Пламя подчинялось его воле, следовало движению его ладоней. А дальше отшельник без сил упал на спину и увидел висящий над землей огненный шар. Следом раздался вопль, или, скорее, рев. Нечеловеческий. Как будто что-то рвется. С неистовым напряжением. До боли в ушах. Иван оторопело смотрел на ревуший огонь, охвативший деревянное перекрестье.

Как только перекрестье (где он это видел?) сгорело, Ивана тут же скрутила судорога. Он

потерял сознание.

Придя в себя, отшельник обнаружил Баита — шаман тихо говорил, точно боясь разбудить:

— Ты слышишь меня, Иван? Ты понимаешь, что я говорю?

— Да, — отозвался отшельник. — Что это было? Рех? Фантом?

— Не знаю.

— Что произошло?

— Потом расскажу. Бежим скорее.

Когда они достигли леса, Иван попросил шамана остановиться.

— Пстой, подожди! — взмолился он, прислонившись к стволу дерева. Он плохо видел шамана, лишь неясные очертания, но ему показалось, что тот смотрит на него с неподдельным ужасом. Где-то далеко светила луна, еле выглядывая из-за горной цепи. — Подожди, — повторил он. — Устал, мочи нет. Ноги не держат. Знаю, он недалеко. Но...

— Что но?

— Немогу сказать почему, но... уверен, мы пересекли черту. Но при этом мы наткнулись на ловушку. Тот... идол, то перекрестье, что я спалил. Помнишь? Это была ловушка.

— Чья ловушка? Откуда ты знаешь?

— Не могу объяснить. Не знаю. Но это точно не рех. Рех остался позади. Скорее всего с ним покончено. Он превратится в сгусток магии. Обычной архаичной магии.

— А ловушка откуда?

— Скорее всего от того, кто послал сюда Олеарда.

— Эй, Беркут! — послышался позади них голос. — Беркут! Я к тебе обращаюсь!

Иван обернулся. За ручьем, протекающим вдоль леса, стоял призрак. Человек в рясе. С капюшоном.

— Ты победил, Беркут! Пока победил. Но мы еще встретимся. Запомни меня, Беркут! Я камилл Рогволод, всегда держу слово!

Они шли, утопая в сугробах, по заснеженному лесу, в угрюмом молчании. Шли сквозь внезапно поднявшуюся метель, задыхаясь от бьющего в лицо ветра, спотыкаясь о невидимые под слоем наметенного снега корни, сползая в овраги, выползая оттуда, коченея от пронизывающего холода. Чувствуя, как последние силы покидают их.

Давно наступил день, но он едва ли отличался от ночи.

Ивану было плохо и это еще мягко сказано. Он с трудом различал сквозь завесу бури фигуру шамана, опиравшегося на длинную палку. Шаман то и дело оглядывался и, убедившись, что спутник следует за ним, безжалостно продолжал путь.

Чем дальше они брели неизвестно куда, тем сильнее Иван отдавался во власть апатии. Наплевать на дикую усталость, на одеревеневшие ноги, на замерзшие на лице сопли. Все сильней и сильней хотелось спать.

Заснуть. Прямо здесь, в этой проклятой глуши, в этом проклятом снегу, под этим вот деревом, под любым из сотен и тысяч деревьев.

— Эй! — крикнул Баит, и ударил его по щеке — точно тысяча крошечных иголок коснулось лица. Очень приятное ощущение. — Очнись! Не спи! Еще чуть-чуть! Хижина! Вот там!

Иван слабо кивнул.

И снова двинулись в путь. Два маленьких существа, одни, совсем одни в самом центре разбушевавшейся стихии.

Метель стихла так же внезапно, как и началась.

Из снега торчали шесты. На каждом из них красовались белые, выветренные со временем черепа животных — волков, медведей, лис, козлов. Иван вдруг обратил на них внимание. Не сразу понял почему. Но потом до него дошло.

Здесь жила магия. Архаичная природная магия.

Баит прокричал отшельнику чуть ли не в ухо:

— Дошли!

— Слышу, — спокойно ответил Иван, стряхивая едва-едва гнущимися пальцами снег с одежды. Рукавиц у него с собой не оказалось, и он вынужден был обмотать руки кусками мешковины, отыскавшейся в торбе. — Я в порядке.

— Рад слышать. Я уж подумал, ты не дойдешь.

— Ты плохо меня знаешь. Где же твоя хижина?

— Вот.

На небольшой с виду, но очень живописной полянке, окруженной древними могучими соснами, пихтами и елями стояла приземистая избенка с односкатной крышей, обильно занесенной снегом. Из крыши выглядывала печная труба.

Это жилище и окружал десяток длинных покосившихся палок.

— Магия левдов, — не без гордости произнес Баит. — Отгоняет злых духов. И... еще кое-кого.

— Правда? — иронично спросил Иван.

— Думаю, да. Давай-ка проложим тропинку, зайдем внутрь. Погреемся, поедем — внутри есть все, что необходимо. А потом поговорим. У меня есть что рассказать тебе, Иван.

Час ушел на расчистку снега, который они вынуждены были откидывать руками — нелегкая работа. Под конец они так вспотели, что от них валил пар. Удивительно, как близость очага и кружки горячего напитка придает сил.

Убранство хижины отличалось простотой: посередине стол и две лавки; большая каменная печь занимала почти треть помещения — на ней свободно могло разместиться до трех человек, а на широких полатях, застеленных шкурами и ватниками, еще пара. В противоположной от входа стене имелась низенькая дверка, ведущая, должно быть, в кладовку; там же наверняка находился спуск в погребок.

— Что ж, неплохо, — сняв шапку и вытерев ею пот с лица, сказал Иван.

Иван улегся на полатях, слегка поскрипывавших под его весом, но спал плохо.

Ему снова снилось, что он падает в огненную бездну, падает, объятый страхом, и страх всё растет, растет, растет. Иван кричал, кричал до хрипоты, до боли в горле.

А в бездне, среди потоков лавы, плавали темные фигуры, похожие на чудовищных размеров змей. Он не мог разглядеть их в подробностях, мешало нестерпимо яркое сияние адского пламени, приближавшегося с каждой секундой всё ближе, но знал, что они ждут его.

Они ждут его.

Иван проснулся в холодном поту. Баит мирно похрапывал, наполовину скрытый широкой печной трубой. В печке доверительно потрескивали березовые поленья, и отшельник долго смотрел на них, пока снова не погрузился в дрему и в это мгновение — между явью и сном — он словно оказался на улице.

Вокруг хижины плыл туман, особенно густой около зловещих сторожевых шестов. В тумане скрывались тени.

Тени глядели на него. Он понял, тени изучают его.

Тем не менее на следующее утро Иван проснулся бодрым и отдохнувшим. Баит сунул закопченный глиняный горшок в печку и вскоре оттуда донесся ароматный запах луковой похлебки.

— Ну как? — бодро поинтересовался он.

— Да так. Плохо спалось.

— Магия мешала?

— Да, наверное.

— Привыкнешь. А может... ты ведь колдун... тогда не знаю.

Они поели и, придвинувшись поближе к очагу, начали неспешную беседу.

— Знаю, — нерешительно произнес Баит, смущенно отводя глаза, под испытующим взглядом отшельника. — Знаю, ты их видел. Я имею в виду стражей. Я потом тебе объясню, кто они такие.

— Сколько тебе лет? — неожиданно поинтересовался Иван.

— Мне? — растерялся шаман. — Не знаю точно, но лун пятьдесят с лишком наберется. Зачем тебе?

— Ты крепок, — серьезно ответил Иван, по-прежнему не сводя с него глаз. — И сил у тебя побольше. И спишь ты крепко.

— Ты об этом... Я понял. Может, это магия, а может и здоровый образ жизни. И опыт, накопленный опыт. И выносливость, и умение выживать — мы, горцы, в этом лучше вас, нижецов. Вот ты был на волосок от гибели, — добавил он со слабой улыбкой.

— Почему ты сказал, что ты бывший шаман?

Баит покачал головой.

— Давай не будем. Лучше скажи-ка мне вот что: куда дальше?

Иван расслабился и тихо ответил:

— Не знаю.

— Предлагаю остаться на зимовку. Сам понимаешь, идти нам некуда, да и зима в самом разгаре.

— Ты прав. Если только... нам тут ничего не угрожает.

— Угрожает. Что-то подсказывает мне, что тот человек, призрак которого мы видели — как его звали-то? Думаю, он нас так просто не оставит.

Иван поднял голову и еще раз взглянул на шамана, и он ему тогда показался очень старым со всеми своими частыми глубокими морщинами на усталом лице.

— Но мы справимся, — добавил Баит. — Думаю, мы справимся.

Иван всё сильнее ощущал в себе присутствие некоего человека. Человека, хранящего все тайны его настоящей прошлой жизни. Человек этот словно сидел в темной комнате, куда Иван не мог попасть, не мог туда даже заглянуть. Но иногда ему мерещился его тихий-тихий голос. Именно в такие моменты к нему приходило озарение.

Чертово озарение. Скорее уж проклятие.

Он боялся темного человека.

Иван понял, что уже невесть сколько сидит в полной неподвижности, глядя на огонь в печи и стискивая деревянную кружку в руках. С недавних пор он так сильно уходил в себя, что вскоре начинал будто заваливаться набок. Медленно-медленно падал до тех пор, пока что-нибудь не выводило его из оцепенения.

Так кто же он? Что можно сказать о нём? Вопрос поставил в тупик. Он не мог выделить в себе ни одной запоминающейся черты характера. Кроме одной — он всё чаще раздражался, причем без видимого повода, зачастую даже не понимая, почему и отчего сердится. Без ругани, ворчания или криков. Иван лелеял злобу внутри. Молча, тупо, бессмысленно. Тщетно стараясь обратить ее на темного человека. Так было легче. Пусть у него будет враг, даже если это он сам, его скрытая сторона.

Таким размышлениям отшельник предавался уже который день. А Баит, между тем, весь пребывал в делах: рано утром, надев снегоступы, вооружившись топором, луком и короткой пикой, шаман уходил на охоту и неизменно возвращался с добычей: тушкой зайца, либо коростели. Вечером готовил пищу и разбирался в кладовой — это было его любимым занятием. Там хранилось множество корней и засушенных растений. Каждую травинку шаман внимательно осматривал, сортировал и складывал на предварительно расчищенной полке.

А с наступлением сумерек Баит выходил на улицу и подолгу вглядывался в темноту...

И всё это спокойно, безропотно, лишь изредка поглядывая на Ивана.

День шел за днем. Ивану казалось, что он никак не пробудится, а Баит не вмешивался. Наверное, шаман понимал, как нелегко Ивану. Нужно время, чтобы свыкнуться с мыслью, что ты... нечто необыкновенное.

Иван и сам это понимал. Он замечал беспокойство старика.

Все чаще отшельник просто пребывал в странном полузабытье. Как сон наяву.

Иван лежит на холодном каменном полу, в центре огромного строения, устремив

неподвижный взгляд в куполообразную крышу. Зал наполнен глухим бормотаньем, монотонно вторящим каркающему голосу, периодически выкрикивающему непонятные зловещие слова.

Иван видит костлявые руки, простершиеся над ним. Сморщенный старичок непрерывно что-то шепчет беззубым ртом, проделывая волнообразные пассы. Окропляет его маслянистой жидкостью.

Голоса неожиданно стихают...

Иван вцепился в волосы и шумно выдохнул. «Приди в себя. Хватит. Так недолго и с ума сойти».

— Баит! — негромко позвал он.

— Да? — отозвался тот.

— Помоги!

Шаман выглянул из кладовой.

— Мне плохо, — признался Иван. — Не знаю, что со мной происходит.

Баит присел на край лавки.

— Я вижу. Но прости, не знаю, чем тебе помочь.

На следующий день старик предложил отшельнику сходить с ним на охоту. Вооружившись, ясным морозным утром углубились в лес, по тропинке, проложенной за последние дни Баитом. Через полчаса шаман остановился и указал на пересекавшие тропу следы.

— Три или четыре зверя прошло, — сказал он. — Приглядишься. Ничего не замечаешь?

Иван внимательно осмотрел их и похолодел. Едва заметные. С подпалинами на снегу.

— Похожи на волчьи, — постаравшись скрыть страх, сказал отшельник. — Только... немного странные. И здоровенные. След нечеткий, что странно — ведь снег здесь глубокий. Звери действительно большие. Но они прошли по сугробам легко, не замечая грудью снег. И...этокак будто сажа?

Выдержка изменила отшельнику, и он встревоженно посмотрел на шамана.

— Что это за твари, Баит?

— Их называют адскими волками, или волканами, — невозмутимо ответил Баит. — Ты их еще увидишь. Ночью.

Отправились дальше.

— Они появились недавно, в прошлом году, — рассказывал шаман, раздвигая пикой отяжелевшие под слоем снега ветви. — Но в последнее время показываются все чаще. Это явно магические создания — ты видел следы. Наверняка уже понял, что размеры их весьма велики. А следы... как бы сказать... как будто они едва касаются земли.

— Да, это меня озадачило.

— Поэтому я и окружил хижину сетью духа-хранителя. Хотя это и отняло у меня много сил.

Баит остановился и посмотрел на Ивана.

— Боюсь, на тебя они действуют не очень хорошо.

— Кто?

— Стражи. Тени духа-хранителя.

— Понял. Может быть.

Иван призадумался и добавил:

— Хотя... это правда. В доме мне действительно становится как-то... скверно.

— Хм... не знаю, что делать... — Баит посмотрел на плывущие по небу облака. — И как мы переживём эту зиму. Зверья в лесу всё меньше. Люди тоже обходят эти места стороной. А вулканы уже подходят к самой заимке. Тени «поют», но твари не уходят. Понимаешь?

— Понимаю, — грустно ответил Иван.

— Скажи мне, — серьезно поинтересовался шаман, — что ты почувствовал, когда увидел... шесты?

— Трудно объяснить. Головокружение, покалывание...

Баит остановился и с серьезным видом покачал головой.

— М-да... ты сильный колдун. Могучий колдун.

— С чего ты взял?

— Мм... Я давно живу на свете, Иван. Я знал многих. Шаманов, ведунов низин. И все мы ощущали магию... как это у вехан и аннатов называется?

— Шестое чувство?

— Да, шестое чувство. Именно так. Мы слепы, если подумать. Ты же как будто видишь ее. Ты болееешь ею, по-настоящему болееешь. Ты был крайне изможден, еле-еле стоял на ногах. Но как только мы подошли к дому, ты тотчас обратил внимание на шесты. Хотелось бы знать, — добавил он многозначительно, — что с тобой произошло.

— Я надеюсь, ты мне поможешь.

— Знать бы как. И не опасно ли это. Ладно, пойдём. Там внизу есть хороший ручей. Наберем хотя бы воды, а то, как я погляжу, живности мы сегодня не поймаем.

Спустя несколько дней шаман предложил Ивану провести обряд. Иван тут же согласился, не понимая, что именно хочет Баит. Изгнать из него злого духа? Или помочь понять самого себя? Помочь вспомнить? Плевать, лишь бы что-нибудь. А то он сойдет с ума.

Баит развернул кусочек холстины и показал Ивану ветвистое корневище грязно-телесного цвета.

— Это — корень Аха, — наставительно произнес шаман. — Очень редкое растение. С виду неприметная травка. Думаю, она может помочь тебе, но, опять-таки, обряд... — он вздохнул. — Обряд здесь проводить нельзя.

— Почему? — спросил Иван.

— Причин много. Главное, это священная трава. В ней живет дух самого Аха. Ты знаешь эту легенду?

— Нет.

— Аха — Великий Охотник, которого Суций создал из капли своей крови, а также из камня, воды и дерева. Долгие годы Аха выслеживал Хнаум-Баю, чудовищного зверя, посланного владыкой горных недр. Везде, где ни появлялся Хнаум-Баю, земля усыхала и жизнь прекращалась. И вот однажды Аха, спускаясь по крутому откосу, оступился и упал. Он поранил руку, и чтобы остановить кровь, сорвал первое попавшееся растение — им оказалась вот эта вот травинка. Кровь перестала течь, и Аха бросил травинку на землю, но росток не погиб и дал корни. С тех пор травинка несет в себе частичку Великого Охотника, отца нашего народа. Это растение поистине волшебное. Оно может помочь.

Иван не удержался и фыркнул.

— Все-таки ты зануда, — сказал он. — Какая это по счету история? И везде у тебя боги, охотники, целебные растения, которым нет цены... А толку-то что?

— Не злись. Пойми, нельзя просто так провести обряд. Это ведь не кружку воды выпить. Дай-ка подумать.

— Подумай.

Через несколько минут Баит сказал:

— Ладно. Я сам предложил. Но я боюсь. Неизвестно, что может произойти. Ведь я даже не знаю, что именно мне делать. Как вернуть тебе память. Ты же не одержим, ничем не болеешь, тебя не надо посвящать в охотники... В моей жизни еще не было такого. Всё это может закончиться очень плохо, понимаешь?

— Понимаю и хочу рискнуть. Хочу рискнуть. Будь что будет.

Баит опять замолчал, и на этот раз пауза длилась гораздо дольше.

— Обряд проведем не здесь, — сказал он наконец, хлопнув ладонями по коленям, как будто подбадривая себя. — Надо идти на Ахан. Здесь слишком опасно, из-за «теней» и вулканов.

— Далеко?

— День-два пути. Поступим так: как только наступит подходящий день, мы отправимся в путь. Только потом не вини меня.

— Хорошо. Не буду.

Старик посидел еще, неловко глядя в пол и сжимая колени, затем одел тулуп и вышел. «Наблюдать за вулканами», — не без злорадства подумал отшельник.

Иван тоже заметил чудовищ. Звери появлялись по ночам. Огромные темные твари, с виду мало чем отличавшиеся от обычных волков, безмолвно кружили вокруг заимки.

Всё чаще Иван погружался в состояние патологической задумчивости, во время которого его посещали всё более и более бессмысленные, с трудом воспринимаемые видения. Кроме того, с недавних пор он боялся заснуть, ибо как только его начинала охватывать дрема, к нему являлись «тени» — бесформенные одинокие фигуры с преувеличенной неторопливостью двигавшиеся в плотном тумане.

Тени пугали, черт возьми. И бесили его.

Иван не мог этого больше выносить. Зачастую не хватало сил просто спокойно поговорить с Баитом — тело не слушалось. Не докончив фразы, Иван надолго замолкал, взгляд стекленел, руки безвольно опускались. Поэтому он так уцепился за возможность выяснить о себе хоть что-то с помощью обряда.

Эта мысль стала так навязчиво преследовать его, что он не давал покоя ни себе ни старику, который, несмотря на всю свою сдержанность и вежливость, всё чаще избегал отшельника, или, в крайнем случае, старался промолчать. Вообще-то, говоря о сдержанности, следует иметь в виду покорность — черту характера, пришедшую с годами, с нелегким опытом. Глядя на старика, на то, как он горбился, все время стараясь чем-то занять себя, Иван начинал жалеть его. В те моменты Баит так не походил на того обветренного всеми ветрами сурового горца, с такой непреклонностью противостоявшего буре. Таких людей как он не могут поколебать никакие потрясения, они привыкли выживать и терпеливо, покорно, сносить удары судьбы. Шаман поможет ему.

Прекрасно понимая это, Иван всё же не успокаивался. Больше того, он всё чаще отдавался во власть злобы. Злобы мелкой, душевной, старательно упрятываемой. Постепенно Ивана стало бесить буквально всё — хижина, шаман, переменчивая погода.

Отшельник решил, что дальше так не может. Он заявил Баиту, что отныне будет охотиться сам. Ему надо было хоть на время покинуть заимку и тени, окружавшие его. Это

было, на его взгляд, единственно верное решение. Так он хотя бы избавится от изматывающего ощущения, что за тобой постоянно наблюдают, причем с опаской, недобро.

Да и старик отдохнет от него.

Наконец-то удачная охота — Иван подстрелил лося. Первая добыча за четыре дня.

Разделявая тушу, отшельник задумался: так ли ему это надо? С одной стороны, надоело впустую бродить по безжизненному лесу. С другой — здесь хорошо, в безмолвии, среди вековых деревьев. Свист ветра, сметающего с верхушек сосен снежную пыль, туманом окутывавшую лес; скрип снега; мороз, покалывающий щеки дарили ни с чем не сравнимое чувство спокойствия и единения с природой. Но все это пропадет, как только...

Иван вздохнул. Что ж, мясом они запаслись, голод им не грозит. Баит не торопится, говорит, что скоро будет метель и надо бы ее переждать. Пусть так. Он и сам сомневается. Ну выяснит он о себе всё, что только можно. Что он маг, запертый недоброжелателями в неприступном углу. Что дальше? Мстить? Кому? Тому призраку, в капюшоне? Как же его звали-то? Имя выветрилось из памяти. Да и зачем могущественному колдуну о чем-то беспокоится!

Иван с трудом представлял такой вариант развития событий. Скорее всего, найдется в батраки к какому-нибудь землевладельцу и будет гнуть спину в поле, пока не помрет от болезни или кнута. Либо станет знахарем. Нет. Это уже слишком — что он может? Испепелить одним взмахом руки? С таким умением идти только в разбойники. А там и до виселицы недалеко.

И зачем он покинул свою землянку?

Иван снова взвалил мешок с мясом на спину, но сделав шаг, остановился. В лицо дохнуло... падалью. Он посмотрел на мутный шар солнца, скрытый плотной пеленой серых туч.

День. Не может быть. Ведь сейчас же день! Иван закрыл глаза.

А ведь он хотел быть батраком, знахарем, на худой конец, разбойником... Ничего не надо, пожалуйста! Маленькому человеку ничего не надо...

Взгляни смерти в глаза, — прозвучал внутри него голос. — *Ну же, взгляни смерти в глаза.*

И он взглянул. Прямо перед ним стоял громадный — высотой по грудь — волк. Невероятно мощный зверь — под черной шерстью бугрились до безобразия выпуклые мышцы, сплошное нагромождение мышц. Впечатление усиливала морда — неправильной формы, с большой пастью, усеянной рядом острых клыков. И два тусклых маленьких глаза, точно зверь был слеп. Волкан внушал ужас. Он был как будто слеплен из разных кусков — нескладная уродливая тварь. От волкана жутко несло псиной и жаром. Словно внутри него полыхал огонь. Черная шерсть как будто тлела, осыпаясь мелкими сгоревшими хлопьями.

Несколько секунд, показавшихся Ивану вечностью, зверь разглядывал человека своими тусклыми глазками-бусинками. Затем, припав к земле, медленно подошел к застывшему в неподвижности человеку. Обнюхав его, волкан отпрыгнул и оскалил зубы. Иван стоял, не шелохнувшись. Затем зверь скрылся в лесу.

Иван не стал рассказывать Баиту о происшествии. Но шаман все равно заподозрил неладное.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, ничего. Устал. Но охота была... удачной. Лосенка подстрелил. Удачно вышло. С

первого раза... убил.

Произнеся последнее слово, отшельник вздрогнул, затем, скинув тулуп, сапоги, трясущимися руками размотав портянки, он залез на полати и с головой укрылся шкурами.

Почему же волкан не тронул его? Почему? Потому что он проклятый? Дамнат?

Дамнат...

Метель длилась два дня. Но стоило шаману с отшельником расчистить заносы, как выюга поднялась снова и не прекращалась еще три дня.

Баит ворчал.

— Не иначе Великий Охотник гневается.

— Надо думать, — только и сказал Иван.

Баит вздрогнул.

— Что означают твои слова?

Иван опустил глаза, не выдержав пристального взгляда шамана.

— Его дети умерли, — тихо ответил он.

Шаман горестно кивнул.

А когда распогодилось, шаман заболел. Простудился. Он лежал на печи неделю, и Иван не знал, чем ему помочь, да этого и не требовалось, ибо старый левд сам мог о себе неплохо позаботиться. На то он и шаман. Лишь ворчал, что Великий Охотник гневается и не пускает их в путь.

Иван исподлобья глядел на него и пытался сладить со снедавшей его злобой.

— Завтра отправляемся, — произнес Баит так неожиданно, что Иван тут же вышел из ставшего привычным забвения.

— Хм... — проговорил он. — Наконец-то. Я уж думал, что этот день никогда не настанет.

— Не радуйся, — отрезал старик. — Что-то мне подсказывает, что затея твоя обернется худом.

Иван против воли улыбнулся.

— Поворчи, поворчи, — шутливо сказал он и растянул рот в кислой ухмылке.

«Ах ты! — подумал он. — Видит меня, старый хрен. Добром это не кончится, добром не кончится — сколько раз я это слышал?»

— Пойду, прогуляюсь, — нервно бросил отшельники почти выбежал из хижины. Добежав до чащи, как был — распахнутый — Иван прислонился к дереву и перевел дух. Он вдруг понял, что в тот момент мог ударить старика, так велика была его ненависть.

«Камилл Рогволод, так он назвался, — вспомнил отшельник и плюнул. — Тот призрак. Призрак перекрестья. Рогволод...»

Ранним утром Иван и Баит отправились в долгожданное путешествие.

Один с ликованием, безрассудным и нелогичным; другой с тоской, с предчувствием.

Долгое время шли молча. Вдоль того самого ручья, за которым видели призрака камилла Рогволода, кем бы он ни был. Путь пролегал на восток. Справа возвышалась горная цепь, слева — лес. Через два-три часа ручей свернул, путники пересекли его и подались в горы, уже не такие величественные, как оставленные позади, но не менее живописные.

На ночлег расположились на склоне холма. Вокруг высились скалы, кое-где поросшие

лесом; вдалеке за ними виднелась замерзшая гладь озера.

Развели костер, поели лосятины, отведали бымпак, отыскавшийся в хижине. До чего же мерзкое пошло, но всё же лучше, чем ничего.

— Ты так и сказал, куда идем, — спросил Иван. — Любопытно бы узнать.

Баит молчал, глядя на огонь.

— Не обижайся, — проговорил отшельник. — Понимаю, в последнее время был... немного не в себе, но... ведь ничего тебе не сделал? Сдерживался, как мог. И только потому, что надеялся.

Старик вздохнул.

— Не в этом дело, — наконец, сказал он. — Нехорошо мне, понимаешь? Затея эта не нравится. Зря мы пошли.

— Может, всё и обойдется. Так ты скажешь, куда идем?

— Вон туда, — указал шаман на озеро. — Там наше святилище. Ахан. Место, где по преданию, погребен Великий Охотник.

С этими словами он снова умолк.

— Ну ладно, — сказал Иван и улегся подле костра. — Разбудишь меня, когда спать захочешь.

Шаман продолжал сидеть неподвижно, словно каменное изваяние, не сводя глаз с костра.

К озеру подошли в полдень. Иван сразу распознал святилище — наполовину занесенную снегом кручу, высотой в два человеческих роста. На вершине дольмен — три каменных плиты, сложенных домиком.

Иван внутренне съёжился, ожидая что дремлющая здесь магия незамедлительно даст о себе знать, но ничего не произошло, что озадачило. Однако приставать с расспросами к шаману, хмурому и немногословному, он не стал.

Между тем погода портилась. Поднялся резкий ветер, пригнавший холодные клубящиеся тучи, отчего святилище, как и сама местность, стали еще более унылыми и заброшенными.

Иван понял — здесь, на Ахане нет ничего. Только пустота. Если и существовал тут когда-нибудь бог, то он давным-давно покинул этот край.

Баит скинул с плеча дорожный мешок и пал перед дольменом на колени. Кинув на растерявшегося спутника задумчивый взгляд, торопливо что-то зашептал на своем языке.

Иван присел на камень и стал ждать.

Шаман молился долго. Ветер трепал его длинные седые волосы. Баит вынул мешочек с небесным корнем и продолжая молиться, начал то и дело прикладывать его ко лбу, либо к сердцу.

Закончив, шаман посмотрел на небо и нахмурил брови.

— Опять, — пробормотал он.

— Что опять? — с тревогой спросил основательно замерзший Иван.

— Погода портится. Придется переждать. Ветер разнесет дым и всё будет без толку. Ничего не получится.

— Понятно, — буркнул Иван. — Может, тогда пойдем отсюда, разведем костер где-нибудь в укромном месте, погреемся?

Целый день просидели в пещерке, в десяти минутах от Ахана. Упорное молчание старика все сильнее тяготило Ивана. Отшельник как никогда остро ощущал всю бессмысленность их предприятия. Они пришли сюда, в этот позабытый всеми край, только затем, чтобы опять ждать. Наблюдать за гуляющим по ущельям ветру, за позёмкой на озере.

Старик запирался в себе все сильнее. От былой доброжелательности не осталось и следа. Но Ивану надо поговорить, хоть о чём-нибудь, иначе он сорвётся.

— Что скажешь? — осторожно поинтересовался Иван.

— Ничего, — всплеснул руками старик. — Я не слышу их!

— Кого?

— Духов. Их либо нет, либо они... не знаю, спят. Может, и спят, я не настолько сведущ.

— Я думал ты всё знаешь.

— Никому не дано познать иную сторону жизни. Разве можно заглянуть туда, вернуться и рассказать о том, что видел? Ты знаешь таких людей?

— Не могу сказать. Не помню.

Ночью ветер стих и пошел мелкий снег.

— Пойдем, — сказал Баит. — Сделаем дело. Попытаемся.

И Ивана охватило ликование, которое, впрочем, тут же сменилось безотчетной тревогой. Он задумался, а когда очнулся от мыслей, заметил, что шаман пристально глядит на него.

— Я готов, — как бы оправдываясь, сказал Иван.

Они разожгли костер у входа в дольмен. Затем Баит повторил дневной обряд, а когда закончил, велел Ивану поближе придвинуться к огню.

— Будешь вдыхать дым, — сказал он. — Это трудно, я понимаю, но так надо. Тебе будет плохо, будешь сильно кашлять, но ты постарайся... как бы поточнее выразится... привыкнуть. Дыши ровнее и когда поймёшь — я не знаю, на что это будет похоже, но уверен, что какой-то знак появится, — так вот, когда поймёшь, что Охотник смотрит на тебя, проси. Будь убедителен. Помни, Охотник приходит не всегда. Может не получится.

Закончив, Баит вынул из мешочка щепотку мелко истолченного корня и бросил ее в огонь. После этого, положив ладонь на затылок Ивана, довольно-таки грубо подтолкнул его к костру.

— Ну! Дыши!

Иван сразу сделал, пожалуй, излишне глубокий вдох и тут же закашлялся. А шаман, перебирая четки, начал церемонно расхаживать взад-вперед позади него, беспрестанно что-то бормоча себе под нос. Продолжая кашлять, отшельник бросил на него умоляющий взгляд, но увидев, что тот всецело отдался во власть молитвы, еще разок нерешительно вдохнул дым. Голова закружилась, подурнело, и в какой-то момент он чуть не потерял сознание. Иван еще подумал, может это и есть знак. Черт, как же глупо, должно быть, он выглядел. Ведь это обычная реакция на дым.

Баит подбросил в огонь еще горсть. Иван равнодушно смотрел на то, как сгорают в огне крохотные корешки.

Ничего не происходило. Он робко дышал, дым щекотал ноздри, заставлял слезиться глаза, но ничего не происходило.

Сколько времени прошло, он не знал. Но когда он пришел в себя, костер уже догорал, а

Баит тряс его за плечо.

— Ну? — спросил он нетерпеливо.

— Что — ну? — отрешенно переспросил Иван.

— Вспоминай!

— Я ничего не помню.

— Ты просидел целый час.

— Час?

— Ты смотрел на огонь, и губы твои двигались. С кем ты говорил? С Охотником?

Но Иван ничего не помнил.

— Нет.

— Как — нет?

— Вот так, — ответил Иван. — Мне не повезло. Всё насмарку. Твой Аха не пожелал разговаривать со мной. С таким отщепенцем, как я. С дамнатом. Так?

— Не знаю.

— Как это — не знаешь?

— Откуда мне...

— Всё ты знаешь, старик! — взревел, вскакивая с места Иван. — В свете догорающего костра он увидел, как перекошилось от страха лицо шамана, что взбесило его еще больше. — Всё ты знаешь! Ты привел меня сюда...

— Успокойся, — замахал Баит руками. — В чем ты меня обвиняешь? Ты сам захотел. Я предупреждал...

Но Ивана было уже не остановить. Разум застила пелена гнева. Ему до крайности надоело нытьё старика. Он предупреждал, видишь ли. Он предупреждал!

— Я тебя предупреждал, — оправдывался Баит. — Но ты ведь точно что-то видел. Я уверен, ты разговаривал с Охотником. Придёт время, и ты вспомнишь. Надо подождать.

— Опять ждать? Сколько ждать?! Всю жизнь?! Ты достал меня, старик!

— Не надо, успокойся...

Поздно. Бездумная слепая ярость полностью подчинила отшельника, и он двинулся на шамана. Иван плохо понимал, что делает. Он ударил старика по лицу — тот пошатнулся, схватился на скулу, застонал, но удержался на ногах. Иван ударил снова и снова, он бил его прямо ладоням, которыми Баит прикрылся, затем по голове, а затем... взгляд упал на топор, лежавший рядом. Тот самый топор, которым он убил Белого.

Изувечить! Изувечить его!

Иван схватил топор и всадил Баиту в живот. Мех парки вдавился внутрь раны и быстро стал смачиваться кровью.

Старик не издал ни звука. Раскинув руки, словно пытаясь ухватиться за что-то, шаман хрипел, сплёвывая кровь себе на грудь. Иван ошеломленно смотрел то на него, то на топор и не верил своим глазам.

— Я знал, — выдавил Баит. — О, духи!.. я ведь знал, что так и произойдет.

— Баит! — осознав, что он натворил, Иван повалился перед ним на колени, обхватил его и прижал. — Баит! Что я наделал! Что я наделал! Не умирай, Баит! Я тебя спасу, вытаску только не умирай, не умирай! Прости меня, Баит, прости, я не хотел, я не знаю, что на меня нашло. Не умирай, не умирай!

Иван разрыдался, прижавшись к его окровавленной груди. Он не видел горькой усмешки шамана.

Иван работал не покладая рук. Он заново развел костер, уложил старика рядом. Снял с себя нательную рубашку, разрезал на несколько полосок, затем раздел Баита по пояс. Как мог перевязал ему живот, но это мало помогло — кровь не остановилась и продолжала вытекать и тут же пропитала повязку, и у Ивана создалось устрашающее в своей реальности чувство, что из старика вытекает сама жизнь.

Баит держался стойко, сознание не терял, не стонал и не жаловался, хотя кому жаловаться? Человеку, покалечившему тебя? Он пару раз с трудом глотнул приставленный к губам бымпак, и всё время, стиснув зубы, глядел на небо.

Снег ложился ему на лицо, но он не смахивал его — Иван запретил ему двигаться, чтобы не терять еще больше крови.

Оказав шаману помощь, Иван лихорадочно бросился вниз, к деревьям, и срубил там злосчастным топором пару молодых сосен. Связав их веревкой, к счастью отыскавшейся в дорожном мешке шамана, он соорудил волокуши, не теряя ни минуты уложил на них Баита, бледного, как смерть, и отправился назад, к хижине.

Иван гнал прочь мысли о случившемся на Ахане. Он боялся даже думать о причинах, подтолкнувших его на этот поступок.

А причина одна. Может, она и не имела прямого отношения к самой трагедии, но она с самого начала тупым холодным орудием сидела в нем. Он — дамнат.

Дамнат. Проклятый и осужденный колдун, настоящее имя которого... Беркут?

Рассвело. Иван упрямо тащил волокуши, не давая себе передышки ни на секунду. Снег пошел сильнее; крупные хлопья, лениво кружась в воздухе, падали на непокрытую голову отшельника (шапку он впопыхах где-то потерял), ложились на плечи, постепенно скрывали под собой Баита.

Время от времени Иван останавливался, стряхивал снег со старика, и осторожно слушал, дышит ли он. Шаман еще дышал, но выглядел крайне плохо — осунулся, смертельно побледнел, глаза остекленели. Иван не понимал, в сознании он или нет. И что ему еще сделать, чтобы помочь.

Баит за всё время ни разу не пожаловался, и от этого Ивану становилось хуже некуда. Уж лучше бы он его отругал. Лучше бы он его проклял. Как же тошно! Иван готов был зареветь, совсем как дикий зверь. Заорать во весь голос.

Единственный друг. Баит спас ему жизнь. И Иван поднял на него руку. Сам не зная почему. Поддался грызущему душу демону. Тому самому, Беркуту. Совершенно безвольно, как последний трус. Заиклился на себе, на своей никчемной жизни.

У ручья Иван остановился... и едва взглянув на старика понял, что он умер.

Некоторое время отшельник тупо глядел на уже коченеющее тело, на волокуши, за которым тянулась полоса крови. Затем, боязно озираясь, как побитая собака, побежал прочь. Вбежав в ручей, споткнулся и упал, подняв тучи брызг. Вскочил и снова чуть не упал — течение было быстрым, а дно покрыто скользкими крупными камнями. Выбравшись, наконец, кое-как на противоположный берег, он понесся что есть силы, не разбирая дороги и не останавливаясь.

Некоторое время Иван как ополоумевший бегал по лесу, пока не остановился, чтобы отдышаться. И только тогда подумал, что может заблудиться. Эта мысль немного отрезвила

его. Надо успокоиться. Спокойно обдумать свой поступок.

Ха! Поступок. Убийство — надо называть всё своими именами.

Вероломное убийство.

Иван вновь почувствовал, как волна отчаяния захлестывает его, но усилием воли подавил в себе панику. Сейчас не время сокрушаться. Он должен жить дальше. Жить с этим, как бы трудно ему ни пришлось.

А не лучше ли покончить с собой?

— Нет! — крикнул он.

Нет. О нет. Только не это. Не для того он прошел через столько испытаний, чтобы вот так жалко окончить дни в неизвестной, всеми покинутой глуши. Продолжать жить — это главное. Да, он — убийца. Иван даже приободрился, как ни дико это звучит. Всё стало на свои места. Вплоть до этой роковой ночи он наивно полагал, что ярлык *дамнат* приклеился к нему по ошибке. Он жалел себя, старательно искал врагов, зачастую путая это с поиском правды.

Что ж, он плохой парень, изгой. Пусть так. Но он всё равно выяснит о себе всё. От начала до конца. Кто сделал его таким.

Рогволод?

Иван вспомнил мать.

«Я был для нее уродцем, — напряженно размышлял он, прислонившись к стволу дерева. — Я — уродец, но брат... Кто мой брат? Воин? Плевать, он все равно давно мертв. Но меня превратили в чудовище, в кого-то, кого все боялись. Или я что-то натворил, что-то воистину серьезное, благодаря чему и заработал звание дамната? А потом меня изгнали вместе с монахом. Или не так? Что со мной произошло? Кто я?»

Иван против воли усмехнулся. Ему показалось, что он чуточку приблизился к разгадке тайны собственной жизни, и это принесло облегчение.

— Хватит, — резко произнес он и слова эхом прокатились по лесу. — Надо забыть старика.

Он постоял еще, подумал и добавил:

— Но я искуплю вину. Искуплю, клянусь.

Иван быстро отыскал дорогу назад, но на берегу ручья его ждал неприятный сюрприз.

Три волкана. Некоторое время Иван оторопело глядел на них. «Волканы не тронут меня», — подумал он. Откуда такая уверенность? И как они смотрят — пристально, изучающее, совсем как люди. А может, это и есть люди? Или их души?

Вожак — тот самый, с глазами-бусинками — зарычал и сделал шаг навстречу. Иван бросился бежать, оглядываясь на бегу — волканы не отступали, но и не делали попыток догнать. Иван, поначалу мчавшийся что есть сил, быстро понял, что если бы твари захотели его разорвать, то давно уже это сделали бы, и перешел на шаг.

К хижине пришел ближе к ночи. Остановился на краю опушки. Что-то мешало Ивану сделать еще шаг. От усталости и страха он не сразу понял, что именно. Возвращение далось тяжело. Его ни на секунду не покидал страх. Постоянно казалось, что волканы, пользуясь тем, что он их не видит, вот-вот вцепятся в него и поэтому всё время нервно оглядывался — не приближаются ли? За весь день отшельник так устал бояться, озираться, красться, что силы в конце концов покинули его. Остаток пути он брел, ни о чем не думая, загребая ногами снег (снегоступы он, наверное, оставил на Ахане), и тупо глядя вперед.

И сейчас он озирался, не понимая, почему не идет к заветной хижине, к теплой печке. Хотелось есть и пить. И больше ничего.

Иван обернулся — три волкана неспешно поравнялись с ним, не обращая на него внимания. В этот миг чувство страха покинуло его. Он вдруг понял, что эти дьявольские создания не тронут, скорее наоборот — они... может, они ощущают некое родство с ним?

От этой мысли Ивану стало не по себе. Он вздрогнул и будто очнулся. Понял, что мешало ему двигаться — сильная пульсация магии. Голова гудела и мысли путались, но что-то он всё-таки уловил, какую-то мысль, настойчиво крутившуюся в голове. Даже не мысль, а вызов.

Смотри. Смотри же!

— Куда? — вслух спросил Иван.

Открой глаза. Мы здесь, прямо перед тобой.

Нет, этот голос принадлежал не человеку. Это вообще не голос. Это было похоже на эхо.

Мы здесь.

Иван попытался сосредоточиться. Подслеповатый вожак равнодушно взглянул на него — удивительно, но именно так показалось отшельнику, хотя могло и померещиться, учитывая темноту. Не было даже луны — она скрылась за пеленой туч.

Наконец, Иван увидел. Отливающий синевой туман окутал хижину. В нём — шесть или семь высоких тучных фигур. Одна из них — вроде человек — выдвинулась вперед, и тогда Иван сумел рассмотреть его получше. Это был огромный медведь, стоявший на задних лапах, больше похожих на человеческие ноги. На голове — нечто, похожее на шлем, туловище втиснуто в причудливые шипастые доспехи, в правой руке-лапе — копьё.

Позади него стояли такие же человекоподобные существа в латах — Иван разглядел барса, лиса, горного барана.

— Уходи, — густым басом промолвил медведь.

— Почему? — спросил Иван, чувствуя, как обида, злость нарастают в нём. — Что я вам сделал? Ах да, я убил...

— Мы знали, что так произойдёт, — невозмутимо ответил медведь. — Мы его предупреждали. Но он не послушал нас. — Тут медведь не то улыбнулся, не то злобно ощерился и переглянулся с остальными, хранившими торжественное молчание. Один из них — барс — холодно кивнул. — Любопытство, — добавил медведь всё тем же ровным, ничего не выражающим голосом.

— Раз вы знали, что так произойдёт, почему не остановили его?

— Как? Мы не всемогущи. Он пострадал за то, что призвал Охотника к тебе. Так нельзя. Охотник свят. А ты — выходец из бездны. Охотник запяtnался тобой, дамнат. Поэтому Баит умер.

Иван ошарашено глядел на медведя.

— Вот оно что... — пробормотал он. — Так это вы его убили?

— Нет. Убил его ты.

— Какая разница! То есть... да, я сделал это, но кто вёл мою руку? Ты, медведь? Или твои дружки, что за твоей спиной? Они даже не хотят смотреть в мою сторону! Лиса, баран, барс, кто там еще? — свита Охотника, великого бога, не пожелавшего марасть свои чистые руки кровью человека, единственным желанием которого было стремление помочь мне! Мне — изгою! Проклятому всеми отщепенцу!

— Считай как хочешь. Но ты не пройдешь сюда.

В Иване клочкотала безудержная ярость. Он готов был броситься на них, на эти странные существа. Он посмотрел на руки, сиявшие чистым белым светом.

— Один вопрос, — спросил Иван. — Что именно сказал мне Охотник?

— Уходи. И забирай своих гончих.

На отшельника вдруг навалилась сильнейшая усталость. Бороться с «теньями» было безумием. Он в отчаянии посмотрел на волканов, которых медведь назвал гончими, как будто ища совета. Ведь ему некуда было идти. Слепой вожак подошел к нему, словно почувствовав его смятение, и залаял. Иван прислушался — и лай сложился в слова.

— Приказывай, — пролаял-провыл безглазый. — Без приказа мы не можем ничего сделать.

— Я? — изумился Иван. — И вы меня слушаетесь?

— Ты создал нас. Ты повелеваешь. Приказывай и они умрут. Это будет славная битва. Эти обломки прошлого давно должны сгореть в огне бездны. Последний веривший в них умер от твоей руки, и теперь они не имеют никакой силы. Приказывай.

— Нет! — прозвенел в неподвижном воздухе напряженный голос медведя. — Не делай этого, дамнат. Не давай им волю.

Иван взглянул на него.

— Только что ты прогонял меня.

— Мы надеялись на твое благоразумие.

— Благоразумие? Прогоняя меня одного, в зимний холод, на верную погибель, вы надеялись на моё благоразумие?

— Признаю, нам не устоять в этой схватке. Мы слишком стары. Мы сами уйдем.

— Приказывай. — Вожак подошел вплотную и обжёг его своим горячим и смрадным дыханием. — Одно слово.

Иван развернулся и быстро зашагал прочь. Пусть он умрет в лесу. Ему нет до этого дела.

Но пройдя шагов десять, он остановился. «Куда ты пойдешь? Хватит ли тебе сил умереть? Почему ты не сделал этого за тридцать лет? Кого ты обманываешь? Ты ведь хочешь, чтобы они умерли. Ты ведь хочешь отомстить. За твою искалеченную жизнь. Как ловко они воспользовались твоей судьбой. Направили мою руку — смотрите, еще одна жертва дамната!»

Иван остро ощущал на себе взгляды. Но не обернулся. Он пошел дальше, небрежно бросив на ходу:

— Убейте их!

Часть II. Эндр и Головорезы. Колокольный звон

Угрюмое серое небо озарили багровые вспышки — отсвет многочисленных пожарищ. Толстяк Эндр тяжело вздохнул, взглянув вниз, на обширную равнину. Он находился у зубчатой стены, наверху сторожевой башни.

Горит Тарск, как горели до этого Лакúсса, Длань, Крокóта. Вся Анната объята пламенем — еще вчера мощнейшая держава, а сегодня...

А сегодня ее втаптывают в грязь нелюди, или, иначе, имéры. И их верные псы — дикие племена севера. Остатки разбитой у Тарска армии короля Канга рассеялись по разоренной стране. Те из них, кто добрался до столицы, еще надеясь дать отпор захватчикам, рассказывали, что нелюдей ведет некто Ассáдха. И все народы, разбросанные по ледяным пустошам — биммы, добеи, вореи — присягнули ему на верность.

Аннаты не понимали, как северяне могли преклонить колено перед презренным имером. Даже сейчас, когда дыхание смерти коснулось каждого, местные самозабвенно рассуждали о грязных безмозглых дикарях, которых таинственный народ, века скрывавшийся в труднодоступных ледяных пустошах, прикормил, точно они и в самом деле были всего лишь животными. Неблагодарные! вздыхали приспешники короля. Как есть собаки! негодует чернь.

Но Эндр понимал, в чем дело. Иноземец всегда быстрее ухватывает суть. А суть в том, что аннаты веками гнобили непокорных северян. Истребляли, облагали непомерной данью, угоняли в рабство, насаждали культ церкви Предвечного, а после Проклятой Ночи — маниакально уничтожали любое проявление магии. Преследованию подверглась даже такая архаичная и сомнительная магия, как шаманизм.

Настал час расплаты.

Ассáдха... знать бы, кто это такой...

И вот, полчища этого загадочного властителя уже здесь — у стен Басилита, столицы Аннаты.

— Мы должны выстоять, — бубнил князь Анастасий, главный советник короля Канга Мстителя. Вернее, бывший советник. Потому что король умер. Пал в бою под Тарском. Его изрубленное тело лежит сейчас на мраморном постаменте в тронном зале, накрытое королевским стягом. Над телом рыдают молодая жена, пятая по счету, дочь, сын, приближенные, знать, — куча прихлебателей и лизоблюдов.

И только Анастасий, человек, которого Эндр терпеть не мог — такой же толстый, как и он, но при этом рыхлый, сладко пахнувший, прилизанный, — стоял на сторожевой башне вглядываясь в медленно чернеющий горизонт. Ветер трепал его жидкие седеющие волосы.

— Мы должны, мы должны... — повторял он без конца. — Мы должны собраться, дать отпор. На кону ведь всё. Наши жизни, родина...

— Заткнись, — бросил Эндр.

— Простите... что вы сказали?

— Я сказал заткнись. Не тошни и так блевать хочется.

Эндр с невыразимым презрением оглядел князя. «А ведь этому выскочке всего-то тридцать пять лет, или что-то около того», — подумал он. Внезапно ему захотелось уйти отсюда, но прежде отвесить этому розовощекому борову хорошего пинка. Уйти в любимую таверну «Однорогий лось», выпить там кислого пивка — у старого подлеца Матвея иного не

бывает, — и порубиться в кости со своими боевыми товарищами: чертовым занудой Мёдом, брюзгой и чистоплюем Беддэхом, кобелем и похабником Тимьяном, загадочными братьями Калладом и Аркерой, болтуном Киrom Ослепительным (а он требовал называть его только так и не иначе) и конечно же его, толстяка, большим другом Вёргой — парнем, знающим толк во всем, что касается войны и оружия.

И что он здесь делает?

— А что ты здесь делаешь, а? — неожиданно для себя поинтересовался Эндр у князя. — Чего сюда припёрся?

Анастасий испуганно захлопал глазами. Странно, наверное, было видеть их вместе — высокого благообразного сановника с длинной раздваивающейся бородой и мечом, ржавеющим в инкрустированных драгоценностями ножнах, и рыжебородого кривоногого коротышку-плебея в латанной-перелатанной кольчуге и кривым косарем за поясом.

— Оцениваешь ситуацию, советник? — продолжал Эндр. — Знаю я тебя, козел бородатый. Сейчас ты пойдешь туда, где лежит этот ублюдок, накрытый тряпкой, и произнесешь пламенную речь, которую ты в данный момент так старательно выдумываешь. Так, или нет?

Анастасий так изумился, что не нашелся, что ответить.

— Ты прав, — вздохнув, добавил Эндр. — Аннатам грозит гибель. Но даже сейчас ты, и такие как ты, думаете лишь о себе. Власти захотелось, да?

— Э... вы не правы, друнгарий Эндрат Поморник.

— Брось. Я уже сорок лет живу не свете, участвовал в нескольких десятках сражений, так что ты мне голову-то не морочь. Посмотри-ка лучше туда — видишь вон те черные точки? Это, дружок мой, не люди, и не звери, это — имеры. И они сожрут нас с потрохами. Вот к чему привел вас Канг — бестолочь, редкостная взбалмошная бестолочь! Съешьте!

— Не понял?

— Съешьте, говорю! Вот то, что выросло на вашем огороде! Избавились от магов? Выкорчевали вредную поросль? Съешьте!

Эндр смачно плюнул Анастасию в ноги, развернулся и пошел прочь, но у лестницы остановился и обернулся.

— Знаешь что, советник? — сказал он задумчиво. — Расскажу-ка я тебе напоследок одну байку, которую мне на днях поведал мой приятель Мёд. Однажды один король решил избавиться от воробьев. Велел их всех уничтожить — дескать, вредные, бесполезные птицы. И знаешь, к чему это привело?

— Знаю, — мрачно ответил Анастасий. — В стране расплодилось насекомые, что привело к гибели урожая, голоду и...

Эндр удовлетворенно кивнул и начал спускаться.

— Спасибо за совет! — вдруг крикнул ему вслед князь Анастасий, бывший советник короля-мстителя, но толстяк Эндр, наемник, его не услышал.

Над городом раздавался колокольный звон. Заунывный, монотонный, гулкий звон. Не прекращаясь ни на минуту, он нес над Басилитом свою скорбную песнь, заглушая порой гул многочисленных голосов, скрип телег, грохот молотов о наковальни, лязг железа, ржание коней, резкие выкрики командиров.

Древняя твердыня канувших в небытие королей Аруты — до сих пор никем не

покоренная — готовилась к осаде. Полчища Ассадхи уже стояли под её стенами.

Над городом раздавался колокольный звон, возвещая о скорой битве. Скорей всего, последней для Аннаты — горделивой империи, когда-то владевшей всей цивилизованной Арахной.

Каллад с раздражением посмотрел в сторону храма и подумал, что за кретин с такой идиотской настойчивостью трезвонит в колокол? Целый день — с раннего утра. Кому это надо? Он посмотрел на полуденное солнце, вернее на желтое пятно, красующееся в центре затянутого мертвой свинцовой пеленой неба. Сейчас ему казалось, что он никогда не видел голубого неба. Что здесь всегда царила осень. Ерунда, конечно, но всё же...

Ведь он родился тридцать лет назад, наутро после Проклятой Ночи.

Каллад поёжился. Говорят там, за их спинами, в Аруте, ещё страшнее. Там нет даже такого скудного солнца. Там только тьма.

Тьма и всё что она в себе таит — излюбленная тема солдатских баек. За годы небылицы так тесно переплелись с реальностью, что уже отличить ложь от правды. Разве что самому там побывать. Каллад мрачно усмехнулся. Если Басилит падет, то людям — тем, кто уцелеет, — придётся отправиться туда. Иного выхода нет.

Если, конечно, их пропустят через кордон.

Колокольный звон прекратился. Но спустя пару минут возобновился, только на этот раз в более медленном темпе.

— Уже хоронят нас, — сплюнул Аркера. — Паскуды.

Каллад посмотрел на него и снова усмехнулся.

— Думаешь, звонарь устал? — Аркера-Лучник понимал его без слов. Это была необыкновенная, или, как говорил Эндр, магическая связь. Можно сказать, Аркера слышал мыслисвоего сводного брата. У них была одна мать и разные отцы. Отца Каллада — сельского знахаря — повесили на его же глазах за колдовство, после чего он — мальчишка пяти лет — онемел. Отца Аркеры Каллад до смерти забил мотыгой, после того как тот спьяну избил мать. Ему было двенадцать. Год спустя мать стала шлюхой и в один прекрасный момент изгнала их из дому.

Интересно, что же с ней случилось? Она жива? Вряд ли. Шлюхи, как правило, долго не живут.

— Точно устал, — отозвался прислушивающийся Беддах. — Отдохнул бы, бедолага.

Вся шестерка друнга Эндра сидела на парапете крепостной стены — так называемом боевом ходу. Тимьян дремал, или делал вид, что дремал — он всегда подчеркнуто наплевательски относился ко всему. Даже к женщинам — грубил им, зубоскалил, и это, что удивительно, приводило их в восторг. Но вообще-то Каллад сильно сомневался, что хоть одна по-настоящему приличная женщина обратит на него внимание. Беддах чистил и смазывал свой арбалет — он редко занимался чем-то другим. Мёд думал о чём-то — Каллад знал, что через какое-то время он непременно что-нибудь скажет. Что-нибудь умное. Любит, сукин сын, поумничать. Верга с Эндром отсутствовали, а Кир, высунувшись в просвет между зубцами, глядел на равнину перед крепостью.

Басилит славился неприступностью благодаря крайне выгодному, с фортификационной точки зрения, расположению. Город находился в ущелье, прорезавшей горный хребет — Собачью Цепь. Вдоль Собачьей Цепи протекала речка Стремнинка, омывавшая стены крепости. Улицы города, раскинувшегося на склонах прилегающих гор, стекались к главной артерии крепости — королевскому проспекту. Начинаясь от северных ворот, проспект вёл

прямо к площади перед эффектным королевским дворцом, находившимся на вершине Белой — к резиденции королей вела широкая лестница, опоясывавшая гору. Кроме как через Басилит, войти в Аруту больше неоткуда. Существовало, конечно, множество горных троп, но вряд ли по ним можно было провести многотысячную армию.

Ассадхе предстояло выполнить, прямо скажем, непростую задачу: преодолеть не самую глубокую, но быструю и шумную Стремнинку, шириной в десять, а то и более саженей в самом узком участке — как раз перед воротами; снести массивную кованую решетку и обшитые стальными листами ворота, изготовленные из особо прочного ледяного дерева, растущего только на островах на крайнем севере, или забраться на высокую крепостную стену, построенную по всем правилам военного искусства — со сторожевыми башнями, варницами двумя бастионами, врезанными в скалы. На бастионах находились так называемые «лапы» — громадные метательные машины. «Лапы» стояли на специальных круглых постаментах — тарелках, представлявших собой нечто вроде огромных кабестанов. Благодаря этому с десятков крепких мужчин по усмотрению командующего могли развернуть машины — радиус стрельбы существенно расширился. За крепостной стеной имелась еще одна — внутренняя, чуть пониже внешней.

К тому же у Басилита вместо обычного навесного моста существовал так называемый «язык» — понтонный мост — два массивных деревянных блока, скрепленных железными крюками. «Язык» вытягивался из воротного проезда, где он обычно лежал, наворачиванием цепей, проложенных по дну реки на барабаны на противоположном берегу. Чтобы мост не сносило течением, один конец цеписо стороны крепости фиксировался крюками, продетыми в кольца, вмурованные в стены; с другой стороны цепь стопорилась специальными клиньями. На всё про всё у мостовой бригады уходило до получаса.

Однако страх перед имерами был настолько велик, что горожане сильно сомневались в успехе обороны — впереди был многочисленный и безжалостный враг, позади выжженная мертвая Арута, край ночи, монстров и пепла.

А запасов продовольствия, по слухам, хватит максимум на пару месяцев.

— Эх, а народу-то, — протянул Кир Ослепительный. — Кошмар. Откуда столько народу-то? Земли не видать...

— Ждешь, когда кто-нибудь пустит тебе болт в лоб? — ехидно поинтересовался Тимьян. Он частенько подшучивал над этим щеголем. Чего тот вполне заслуживал.

Кир повернулся к нему.

— А там и некому.

— Чего «некому»? — фыркнул Тимьян. — Изъясняйся понятнее, задница.

Кир терпеливо вздохнул и сказал:

— Там варвары с севера. У них кроме топоров ничего нет. А те палки с веревками луками назвать можно с большим трудом. Верно, Лучник?

— Верно, — подтвердил Аркера. — Ихними дубинами только кур убивать.

— А вот интересно, — Кир почесал щеку, — почему же одни дикари-то? Добеи, биммы, кто там еще? Дикари, одним словом. А где ж имеры? Хотелось бы взглянуть на них, хоть глазком.

— Это будет последним, что ты увидишь в своей никчемной жизни, Ослепительный, — прозвучал зычный голос Эндра.

— Ого, вот и командир, — сказал Тимьян и потянулся. — А где твой дружок?

— Пошел куда-то. По делу. Вечно его куда-то несет. Тут с минуту на минуту сеча

начнётся, а он...

— Правильно делает, — сказал вдруг Мёд. Он скрестил руки на груди и высокомерно — был у него такой грешок — взглянул на толстяка. — Ты куда торопишься? Сдохнуть мы всегда успеем.

— Умно, — кивнул Эндр, коротко рассмеялся и повторил: — Умно. А может, и правда лучше поскорее покинуть этот сраный мир? — Эндр мотнул головой в сторону храма, где вот уже часов семь трудился неутомимый звонарь. — В ином, наверное, веселей? А, братцы?

— Один калека мне сказал как-то, — изрек Мёд с глубокомысленным видом, — что несмотря на все ограничения, наложенные на него богом, жизнь таит в себе много возможностей, которыми грех не воспользоваться.

Эндр снова кивнул.

— Умно. Ничего не скажешь, умно. В общем, пошел ты к чертям собачьим, Мёд. Не морочь мне голову. Мне ее и так уже сегодня основательно помучили.

— Чего там, наверху? — поинтересовался Аркера.

— Ничего хорошего, — ответил Эндр. — Грызня. И похоже, Анастасий берет вверх. Кипр теряет сторонников.

— Что ж тут удивительного, — сказал Аркера. — Кипр хочет сдать город.

— Не совсем так, — буркнул Эндр, посмотрев на равнину. — Он хочет... как это... эвакуировать принца и принцессу. Сберечь королевскую семью — вот что старый хрыч болтает. Это, дескать, даст народу надежду. Но вообще-то он задротыш. Поэтому его и не любят.

— Анастасий не лучше, — сказал Тимьян, не открывая глаз.

— Анастасий говорит хорошо, — сказал Эндр. — Даже слишком. Строит из себя... чучело соломенное. Дадим бой, ляжем костями и всё в таком же духе. Сплошная истерика. Как раз то, что нравится толпе. Ну их, не хочу даже вспоминать это сборище идиотов.

— Ну, — задумчиво произнес Мёд, — говоря такое, он сильно рискует. В случае неудачи народ его первого и обвинит.

— И пусть, — сказал Тимьян. — Нам-то что?

— А неудача будет, — вздохнул Беддах. — У них маги...

— Не брюзжи! — сказал Эндр.

— Пораженчеством охвачен весь город, — сказал Мёд. Чертов умник, подумал Каллад. Иногда он доводит до бешенства. А всё потому что у него нет меры. Всё хорошо в меру — и глупости и остальное. — Тарск, Крокота тоже считались неприступными, но пали за...

— Хватит, Мёд, а? — прервал его Аркера, как всегда безошибочно почувствовавший настроение брата. — Лучше бы ты байку какую нам рассказал что ли.

— Я тебе что, скоморох?

— Эй, посмотрите-ка сюда, — сказал вдруг Кир.

Все вскочили и посмотрели на равнину. Множество человек подкатили к берегу около сорока здоровенных камнеметов. За ними пять крепких коней и две дюжины человек толкали странное сооружение на колесах, похожее на длинную хижину с двускатной крышей, покрытой листовым металлом, и необычными, клиновидными железными воротами. Еще дальше, за плотным строем воинов виднелись осадные башни — туры — покрытые сырыми воловьими шкурами. Кроме того, Каллад разглядел множество квадратных деревянных сооружений помельче, и тоже на колесах.

Эндр недоверчиво понаблюдал за действиями неприятеля и с видом знатока сказал:

— И чего ты удивляешься? Камнеметы не видел?

— Сразу так много?

— Н-да, жару нам, чую, зададут.

— Ладно, это понятно — камнеметы, мать их. Но что это за чудище они волокут? Что за орудие? В первый раз вижу. Домина какая-то. Может, какая магическая штуковина?

— А шут его знает...

— Магическая штуковина у меня в штанах, — сказал Тимьян, заглянув между зубцами. — И больше ни у кого. А это домина, задница, зовется «черепахой», а в ней скрыт таран. Они переправят ее через Стремнинку, закрепят с помощью тросов, чтобы течением не сносило, подкатят к воротам и станут долбить.

— Еще раз назовёшь меня задницей, паскуда, и я твою магическую штуковину заткну тебе прямо в глотку!

— А ну закройте рты, придурки! — рявкнул Эндр и задумчиво пригладив бороду, произнес: — Так, я кажется понимаю. Прикрылись железной крышей, значит. Чтоб смолой не обжечься. Умно. Только я не пойму, зачем им туры? Они что, прямо в реку с ими зайдут?

— Не знаю, — буркнул Тимьян.

— Таран, — хмыкнул Беддах. — Это было б полбеды, ежели б таран. А вдруг там ихние маги? А? Станут колдовать...

— Да ну тебя, пердун, — фыркнул Тимьян. — Там «журавль» — подвесной таран. Сколько лет живешь на свете и не знаешь ничего.

— Не знаю и знать не хочу, — надулся Беддах. — Это ты у нас любишь шептаться с Вергой, а после выпендриваться.

— А там, — Аркера указал на замеченные его братом передвижные квадраты, — камнеметы, только помельче?

Тимьян прищурился.

— Нет, — сказал он наконец. — Не знаю. Похоже на крытые повозки. Может, там буравы — для разрушения стен, или это просто прикрытия для проведения каких-нибудь работ. Например, для засыпки... — Тут Тимьян взглянул на реку и хмыкнул.

— Для засыпки реки ты хотел сказать? — насмешливо поинтересовался Мёд. — Ну, речку-то им не запрудить. Это ж безумие.

— Ну его на хрен, — огрызнулся Тимьян. — Придет Верга, спрашивайте у него.

— Так, — хмуро сказал Эндр. — Хватит болтать. Кажись, сейчас начнется. Прячемся что ли, братцы? Как бы нам бошки не поотрывало.

Над городом раздавался колокольный звон. И неожиданно он вызвал у Каллада щемящее чувство тоски. Как будто вскоре придется с чем-то расстаться. С чем-то дорогим. Вот только с чем? Чего у него есть такого? Кроме Аркеры и боевого братства?

Защитники прибывали — все больше и больше. В основном лучники. Проходили мимо компании Эндра, здоровались как-то скованно, походя. Некоторые, скорее по привычке, шутили — грубо, сально, — но шутки эти, как ни странно, приводили всех в еще большее уныние. Напряжение витало в воздухе.

Каллад посмотрел во двор. Между внутренней поллой стеной, в которой находились все важнейшие помещения — склады, оружейные, конюшни, кузни, — и внешней имелось пространство шириной в десять сажений, так называемый захаб. Ближе к внешней стене варилась смола в огромных котлах, солдаты лебедкой поднимали на стену мешки с камнями и складывали у баллист с катапультами.

Устоят ли они против врага, который, если честно, ждал своего шанса без малого тысячу лет? Каллад не знал, что и думать.

Тот миг, когда началась осада, Каллад пропустил. Впрочем, как всегда. К такому нельзя привыкнуть. Еще пару секунд назад в голове жила отчаянная мысль, что ничего не будет и те, кто собрался на том берегу Стремнинки, разойдутся...

И вот уже война.

В воздух взлетели камни. Половина угодила в стену, другая залетела внутрь. Кого-то задело, снесло со стены, убило на месте. Кто-то завопил так, что кровь застыла в жилах. Один бульжник зацепил зубец, взлетел почти вертикально вверх и свалился в котел, расплескав содержимое — трёх человек окатило кипящей жидкостью. Двоих ошпарило насмерть, третий покабыл жив. Как раз он и орал.

Раздался возглас: «Убейте его! Он же не выживет!», но никто к обожженному не подходил. Бедняга так и продолжал кричать, пока из кузни напротив не вышел парень в кузнечном фартуке и не отрубил несчастному голову секирой.

Каллад подумал, что этот грохот, вопли, прочее — именно так хохочет война, растаптывая надежду на то, что ничего не произойдет и все разойдутся. Во имя мира.

— Гац, сукин сын, — зло бросил Эндр, взглянув на разбитый чугунный котел. — Это его жадность. «Побольше масла, побольше смолы! Всё что можно ради победы! Поджарим врага!» Понатыкали везде котлов, вот теперь и пожинаем. Жирный козёл. Сам небось сидит сейчас у себя и каплуна жрёт.

— Кто такой Гац? — поинтересовался Тимьян.

— Архидракон, мать его. Командующий армией Аннаты.

— А как он может... — начал было Тимьян, но не успел договорить.

Град камней обрушился на стены. Враг метал не только камни, но и «ежи» — железные шары с шипами. Народ спешно укрывался за стеной, под стеной, в башнях, варницах. Поднялся страшный переполох. Толкотня, суета, брань. Если бы Каллад был новичком, подумал бы, что поднялась паника. Разве может быть какой-никакой порядок в такой анархии?

Может, и еще как. Во всяком случае, он надеялся на это.

В воздухе клубилась густая колючая пыль, на голову сыпались обломки кирпичей. Огромные, весом пудов в шесть — семь валуны, казалось, сотрясали стены. Каллад заметил, что в захаб залетают ящики с кусками дохлых животных, мешки с полуразложившимися крысами, кошками и собаками.

— Жгите это говно! — командовал кто-то.

Несколько ящиков с падалью окатили смолой и подожгли.

— Долго это будет продолжаться? — поинтересовался Кир, сидевший на корточках между двумя хмурыми арбалетчиками в башне.

— Долго, — ответил ему седой сержант в изношенной бригантине, глядевший через в бойницу на равнину.

— Дай глянуть, — сказал Эндр, и, бесцеремонно оттолкнув сержанта, посмотрел в узкое отверстие. — Стоят. Не движутся. Хм...

— Так они, собаки и делают, — мрачно проговорил немолодой мужчина со скорбным лицом. — Поначалу забрасывают камнями, всякой гадостью и так несколько часов. А после множество рабов под прикрытием щитов быстренько засыпают ров. Мне рассказывали, что не успели в Тарске они и опомниться, пыль, так сказать, с голов стряхнуть, как уже эти волосатые дикари на турьях на стены полезли.

— Эх, не сдюжить нам! — послышался вздох.

— Ерунда, — бодро возразил Эндр. — У нас пять или шесть «лап» на бастионах, они-то ихние машины разломают в раз...

— Все не разломают, — так же невесело продолжал грустный солдат. — А вместо порченных новые будут. Их тьма. Они как муравьи — им несть числа. Погибнем мы, ребята. Смерть нам. Как есть сгинем. И поделом. Вот и доигрались, мать нашу так.

— Бежать надо! — послышались голоса. — Смываться к чертовой матери!

— Тарск держался два дня, — не унимался старый нытик и Эндр посмотрел на него так, что Каллад испугался за мужика. Но тот ничего незамечал. — Но потом появились эти, — солдат понизил голос, — еймеры, мать их так. Верхом на змеях. Чтоб мне подохнуть, вот честное слово! На драконах или что-то вроде того. И уж тогда Тарску и пришел конец.

— Не брещи, поганец! — всполошился Эндр. — Какие такие драконы?

— Да на хуя нам это нужно! — взвизгнул кто-то. — Бежать, бежать надо! Гац вместе с капитанами и рыцарями отсиживаются внутри, а мы головы подставляй! Бежать! Ясно же, что дело пропашее!

— Да куда бежать-то? — спросил скорбный. — Некуда бежать, только подышать и остается...

— В горы, ёб твою мать! В горы, бля!

— Да вы что, сучье племя, трусили? — зарычал, обнажив косарь, Эндр. — Да знаете ли вы...

— А ты захлопни пасть, наемник! Катись к себе, откуда ты там вылез, выродок!

— Да как ты смеешь?.. — побагровел Эндр, но сержант опередил его:

— Ну-ка порядок! Плут, Терентий, Марк — успокойтесь! Вы в бою!

— Да пошел ты, — зловеще прошептал тот, кого назвали Плутом и обнажил кинжал. — Режем их, ребята...

Каллад закрыл глаза. В эти моменты он всегда как бы... расслаблялся.

В полумраке башни сверкнуло лезвие меча и роняющая крупные капли крови голова Плута полетела в толпу мятежников, уже готовых броситься на своих товарищей. Обезглавленное тело простояло несколько секунд, изрыгая из шеи фонтаны крови, потом рухнуло на пол. Каллад, стискивая руками меч, вызывающе смотрел на шарахнувшуюся толпу.

— Что за... — заикнулся сержант и покрылся холодным потом. До него доходили

рассказы о Калладе и его умении убивать. Наемник мог, не напрягаясь, порешить их всех. — Так будет со всеми, кто еще посмеет раскрыть рот! — нервно крикнул он, стараясь унять дрожь в руках. — Дисциплина! Всех, суки, поубиваю! Сам!

Тем временем, обстрел продолжался, не прекращаясь ни на минуту. Солдатам приходилось отсиживаться в укрытиях, ибо неприятель бил плотно и часто. Очень плотно и остервенело часто. Всюду валялись искалеченные тела убитых — тех, кто не успел спрятаться, либо имел неосторожность высунуться.

Дрожь стен, стоны раненых, гром сотен барабанов северян оглушали. Пыль, к которой добавлялись чад кипящей смолы и яд горячей падали мешала дышать. Стало темно так, что даже бледное солнце почти скрылось. От вони вспотевших тел, гнилых отрыжек, пердежа подташнивало. Но выйти нельзя. Прошло от силы полчаса, а уже столько всего накопилось внутри. Надо уносить раненых в лазарет. Пополнять запасы стрел. Менять еще не использовавшиеся, но уже поврежденные баллисты с катапультами. Нагромождение булыжников сильно затруднит передвижение защитников и доставку боеприпасов на стену. Но делать нечего. Надо держаться. Когда-нибудь первая волна прекратится и тогда можно будет расчистить захаб.

Наконец, интенсивность обстрела начала стихать. А кажется, что прошла вечность. В бой вступили «лапы», уже нанесшие урон, чем вызвали переполох в стане неприятеля — масса людей засуетилась вокруг крайних орудий, поворачивая эти огромные махины в сторону бастионов. Но их усилия были напрасны — бастионы находись слишком высоко, на склонах гор, и камни не долетали до цели. Первые успехи немного воодушевили защитников — понеслись бравурные выкрики и оскорбительные выпады в адрес врага.

— Двинулись! — истерично заорал сержант и несколько человек, поскользываясь на скользком от крови полу, вытекшей из Плути, прильнули к бойницам.

Невероятное количество рабов, толкаясь, уворачиваясь от хлыстов столь же многочисленных надсмотрщиков, толкали к реке большие телеги, груженные щебнем.

— Проглоти меня огненная бездна! — сказал Эндр. — Сколько же у них народу! Никогда столько не видел!

— Неужели они хотят засыпать Стремнинку? — сказал старый солдат, глядя на происходящее на противоположном берегу.

— А это возможно? — спросил Эндр.

— Нет, конечно.

— Я слышал, что у ворот она наиболее мелкая.

— Гм... Вы, как я слышал, родились у моря. А море, должно быть, очень глубокое, но поверьте, и той глубины, что есть, вполне достаточно. Тем более, что Стремнинка-то быстротечна. Она бежит по камням... Словом, вряд ли. Это надо целую гору насыпать. Хотя... их столько что... даже и не знаю...

В крепости раздался звук рога.

— Капитаны Гаца, — буркнул сержант. — Вовремя.

— Почему нет людей на стенах?! — донесся до них крик. — А кто будет отстреливаться?

— Это что же? — проворчал сержант, нервно покусывая грязные ногти. — Подставлять головы под удар?

Кир Ослепительный хлопнул его по плечу.

— Смотри Эдму это не скажи.

Между тем, этот самый Эдм — с виду бравый вояка, закованный в сверкающую броню, нагрудник которой украшал затейливо вытравленный орнамент, в позолоченном шлеме, и с большим мечом на поясе, — въехал во внутренние ворота в сопровождении двух дюжин рыцарей с флагами и штандартами. Едва осмотревшись, старший капитан королевских войск, или дракон, — эту должность он занимал всего-то неделю, с тех пор как под Тарском вместе с королем Кангом пал легендарный военачальник Дорт — заорал что есть мочи. Эдм обладал громовым голосом и пользовался этим вовсю.

— Солдаты!!! — ревел он, спрыгнув с коня, выхватив меч из ножен и, несмотря на тяжелые доспехи, довольно-таки ловко перебираясь через препятствия к стене. — В бой, в бой, бездельники! — Эдм размашисто взбежал по деревянной лестнице на стену, отчего она буквально заходила ходуном. Следом, пытая и отдуваясь, засеменяли рыцари. — Чего попрятались, точно крысы? — Он снял шлем и взглянул на робко выглядывавших из башен воинов со странной смесью гнева и озорства. — Бойтесь, что вам на головы камень свалится? Бойтесь умереть? Умереть, ребята, — умереть здесь и сейчас, — это самое лучшее, что нам остается! — сказал он, немного погрузнев, после чего, несколько театрально, добавил: — Тогда умрем! Не за короля, не за кого-то там! Умрем за свободу! Стрелки, арбалетчики! Занять позиции! Выкатывайте катапульты! Какого хрена они стоят без дела? Бейте по крысам на том берегу! Хотят реку запрудить! Что за идиоты! Эй, сержант! Ты что мнёшься? Командуй, командуй! А, вот и старина Эндр! Как твои наемники? В носу ковыряются? И за что Келаврий вам только платит?

Эндр пробурчал что-то вроде: «Королевский казначей — жадная скотина», но дракон Эдм его не слушал:

— У тебя есть бойцы, проверенные бойцы. Можно сказать, превосходные! Пусть перебираются ближе к воротам.

— И что нам там делать?

— Что делать, что делать... во-первых, возьмешь оборону ворот на себя — нам нужны хорошие, опытные командиры, их у нас раз-два и обчелся. Скажешь, что я тебя послал. А дальше разберешься на месте.

Эдм развернулся, но сделав несколько шагов, остановился и не оборачиваясь, бросил:

— Разружьте таран. Понял? Любой ценой.

— Да, дракон.

То, что всем сейчас нужно — бесстрашный командир, дракон, чтоб его. Каллад почувствовал, как против воли у него начинает закипать кровь, и с отвращением сплюнул.

Защитники занимали места у стены. На рабов, продолжавших толкать телеги и надсмотрщиков посыпались камни, дротики, стрелы и болты. За телегами нельзя было спрятаться, к тому же они хорошо разламывались после попадания ядер катапульт. Однако многие прекратили стрелять, разглядев в рабах... своих соотечественников.

— Они обречены! — кричал сержант. — Что поделаешь, это война! Или мы их, или они нас. Еще пару залпов, ребята!

Пленники гибли десятками. Берег Стремнинки быстро заполнился трупами и ранеными, валявшимися вперемешку с опрокинутыми и раскрошенными в щепки навесами, щитами и телегами с щебнем. Поняв, что засыпать реку вряд ли удастся, неприятель возобновил обстрел.

«Это была глупая идея, — подумал Каллад, с болью глядя на гибнущих аннатов на том берегу. — Или же наоборот, смелая. Но все равно глупая»

К счастью ребята на бастионах не спали — они целенаправленно уничтожали вражьи камнеметы, причинявшие столько бед.

Эндр со своей боевой шестеркой и еще с полусотней бойцов, прибыли к воротам. Там они застали толпу растерявшихся солдат.

— Что тут у вас? — спросил Эндр, сразу же почуяв неладное.

Солдаты молчали.

— Ага, понял, — вполголоса сказал Эндр. — Лазутчики. И что?

— Да ничего, — услышали они. Здоровенный лысый детина с булавой в левой руке и маленьким круглым щитом в правой, перегнулся через парапет на боевом ходу и смерил всех презрительным взглядом. — Мы тут втихаря подрезали вашего сержанта, значит... Взяли кучу ваших в плен. Попробуйте теперь выбить нас!

— Сука, вот чуяло мое сердце! — чертыхнулся Эндр.

— Поднимемся, командир? — спросил Аркера.

— Поднимемся.

— Эй! — с угрозой крикнул лысый. — Вы чего это перемигиваетесь? Вы куда это? К нам в гости? Смотрите, братцы — еще друзья! Давайте, давайте! Все равно не успеете, ха-ха-ха!

Эндр с наемниками подошли к надвратному помещению. Лысый ждал, усмехаясь.

— Взгляни-ка лучше сюда, умник, — указал он за спину. — Гляди-ка, что тут у нас!

Каллад потянулся к мечу, но рука замерла, так и не схватившись за рукоять.

Дюжина северян держала в заложниках несколько солдат.

— Открываем ворота, мужики. — Лысый широко улыбнулся. — Никто и не заметит. Надо признать вы не вовремя, но что делать. Бруд, Костолом, Топтач, ну-ка, возьмите их на прицел. Только не дергайтесь, ладно?

— Вы не откроете ворота, — процедил Эндр. — Вас здесь капля в море. Начнется заварушка — а она как пить дать начнется — и вы все поляжете тут, точно овцы. Думайте, болваны. Хотя, чего тут думать, вам все равно кранты.

Лысый посмурнел, размышляя. Вокруг кипела битва: на крепость продолжали обрушиваться бесчисленные неприятельские снаряды, ломая, круша, сметая и убивая всё на своем пути, защитники свирепо отстреливались, в том числе поражая живой заслон из сотен соплеменников — охваченные лихорадочным возбуждением, окровавленные, запыленные, вспотевшие солдаты не думали, что возможно их стрелы поражают друзей, а может и родственников. Командующий обороной Эдм бегал где-то и его надоедливый голос разносился по стене.

Никто не обращал внимания на кучку нервно разглядывающих друг друга людей.

— Может, и поляжем, — согласился лысый. Голос его дрогнул. «Бойтся всё-таки, мудило. Чего ожидал? — подумал Каллад. — Что мы сложим оружие, поднимем руки и скажем, что сдаемся?» — Но наши там, внизу, поднимают ворота. Так что, перережем мы сейчас друг дружке глотки, или нет, — всё равно. Наше дело задержать вас.

Мёд шепнул друнгу на ухо:

— Командир, надо прорываться в надвратную. Там стоят чаны со смолой, выльем в дыры-убийцы на головы дикарям... Это поможет, а то внизу сукины дети хорошо так забаррикадировались... Можем не успеть.

— Эй, толстяк! — крикнул лысый. — Заткни-ка пасть своему шептуну. Да-да, я о тебе

говорю, бледная морда.

Мёд смерил северянина презрительным взглядом и толкнул друнга в бок. Эндр размышлял, покусывая губы. Каллад знал, о чем. «Внезапность. Пока северяне дотянутся до мечей, Аркера успеет пристрелить трёх-четырёх. Я тоже прикончу пару-другую. Придётся пожертвовать несколькими жизнями наших, но что поделаешь. С другой стороны...»

— Бери Кира с Беддахом и вниз, — тихо скомандовал Эндр Меду. — А то тут тесно как-то. Управимся.

— Добро.

— Всё, мужики, погнажи. Ебашим их!

Один из заложников, крикнув: «Чтоб вас, собачье племя!», столкнул с боевого хода двух, повалил третьего, прежде чем был заколот. Буквально через несколько секунд замертво пали трое лазутчиков, пронзенные стрелами Аркеры. Первая угодила в глаз лысому. Вторая попала в шею стоявшего подле долговязого воина. Третья — в захватчика из задних рядов. Он попятился к двери, ведущей внутрь, но был к ней же пригвожден стрелой.

Эндр, Каллад и Тимьян вклинились в самую гущу врагов и заложников. Мёд поспешил вниз.

Каллад косил северян направо и налево. Он и сам не понимал, как это у него получается, но главное — быстрота. Короткий и легкий меч давал преимущество в схватках, особенно в узком и ограниченном пространстве. Укол — острие угодило врагу в щеку; еще укол и меч вошел другому в ямку в основании шеи; следующий диагональный восходящий удар рассек бедро третьему; затем короткий горизонтальный разрезал обшитую мехом кожаную куртку, до ребер расцарапав грудь.

Кровь жертв летела в лицо, Каллад чувствовал во рту ее густой солоноватый вкус и начинал входить в экстаз, во время которого он совершенно терял голову и в то же время становился более холодным и расчетливым, чем обычно.

Эндр действовал не так стремительно и изящно. Он размахивал своим косарем, как мясник топором. На внешней части косаря имелся ряд пилообразных зазубрин, из-за чего друнг буквально кромсал жертву, вызывая потоки крови.

И всё это время Аркера стоял за их спинами и методично расстреливал северян из своего высокого лука и свои ему нисколько не мешали.

Схватка длилась минуту. Больше половины северян погибли, оставшиеся укрылись в надвратной. Защитников полегло трое, но многих ранило.

В это время Мёд с остальными наемниками и присоединившимися к ним лучниками обстреливали спрятавшихся за мешками, бочками и телегами северян, которые уже сняли засовы с ворот и начали вращать барабаны, поднимавшие решетку.

Лазутчики пытались запереться в надвратной, но тщетно — Эндр булавой лысого разломал дверь, прежде скинув пригвожденного стрелой мертвеца и первым ворвался внутрь. Один из северян закричал: «Сдаемся!», но крик захлебнулся в вырвавшейся из горла крови — Тимьян со злобным оскалом воткнул в него свой двуручник.

В замусоренном сводчатом помещении котлы со смолой уже остыли, зато имелись камни. Внизу лазутчики, яростно отбиваясь, уже распахнули одну створку ворот.

— Бросаем! — рявкнул Эндр. — Не то пропали!

Недолго думая Эндр, Тимьян и Каллад принялись швырять в дыры камни, в то время как Аркера, едва взглянув вниз, посылал туда стрелы. Одну за другой. Эндр с Тимьяном — запальчиво, не особо заботясь о том, куда именно; Каллад — прицельно, насколько

позволяло небольшое отверстие. Враги, еле сдерживавшие натиск дружины Мёда, в отчаянии начали стрелять вверх. Болты, звякнув о потолок, падали, что изрядно развеселило Тимьяна. Он громко хохотал и зубоскалил.

— Я всегда знал, что у дикарей дерьмо вместо мозгов! Вон как воняет!

Очень быстро всё прекратилось, о чем возвестил Мёд.

— Эй, там! Хорош! Дело сделано. Прикончили сволочей.

— Лады! — крикнул в ответ Тимьян.

— Запирайте ворота! Опускайте решетку! — скомандовал Эндр и побежал на стену, бросив своим товарищам: — Айда, посмотрим, что там снаружи!

А снаружи враг, поняв, что диверсия не прошла, и проникнуть в крепость просто так не получится, поспешил пустить в ход таран. Из двух отверстий в клиновидных воротах «черепahi» вылетело два крюка, раскрутившие тросы. Крючья зацепились за уже опущенную решетку, и всё сооружение стало медленно подтягиваться к воротам. На том берегу несколько человек протягивали к барабанам, на которые в обычное, мирное время, наматывалась воротная цепь, такие же тросы. Таким образом, зафиксированный с обеих сторон таран приобретал необходимую для свершения осадных действий устойчивость.

— Сгореть мне в бездне! — сплюнул Эндр. — Каковы! Нет, ты посмотри! Каковы!

— Если у них всё получится, — отозвался Тимьян, харкнув в реку, — то эта хрень причинит нам немало хлопот.

— Что делать-то?

— Пусть подплывают ближе, — сказал Аркера.

— Что будешь делать?

— Увидишь.

Таран медленно подплывал. Тросы буквально трещали от напряжения. Прячущиеся за щитами на колесах вражеские арбалетчики всеми силами прикрывали продвижение «черепahi», но многие болты не долетали до цели. Бурные воды реки пенились от падающих в нее смертоносных орудий.

Аркуера снял с плеча дорожный мешок и вынул оттуда несколько пузырьков и паклю. Намотав паклю на кончик стрелы и смочив их в жидкости пузырьков, лучник подошел к просвету меж зубцами.

— Долетит, — сказал он.

— Думаешь, получится? — недоверчиво спросил Эндр. — Куда хоть целиться будешь? А если не загорится?..

— Загорится, командир. Еще как загорится.

Аркуера взглянул на друнга. Эндр развел руки в стороны.

— Тогда я спокоен.

В это время вернулись остальные наемники.

— Ха! — весело сказал Кир, вытирая кровь сослегка оцарапанной щеки. — Верю, это будет нечто. Аркера никогда не промахивается, правда?

Тем временем таран достиг середины Стремнинки. Аркера посмотрел на развевающиеся флаги на башнях, на хмурое небо, вынул из-за пазухи сухарь, надкусил его, отдал половину Беддаху, незамедлительно сунувшего его в рот, и, продолжая жевать, сказал:

— Зажигай, брат.

Не успела первая стрела достигнуть цели, как он послал следом еще одну и еще. Аркера всегда стрелял очень быстро, и многим казалось, что он толком не целится. Ближний

барабан с уже намотанным на него тросом загорелся ярким, ослепительно ярким синим пламенем. Осаждающие тут же принялись заливать его водой и это было роковой ошибкой. Раздался оглушительный взрыв, раскидавший несколько человек. Когда дым рассеялся, каменный барабан... расплавился. Продолжавший гореть конец веревки скрылся под водой. Плавающий таран содрогнулся. Трос с крюком, зацепившимся за решетку, не выдержав тяжести неуклюжего сооружения, лопнул. Спустя несколько секунд порвался и второй. Черепаха, увлекаемая течением, быстро разворачивалась.

Аркера сел, прислонившись спиной к зубцу.

— Вот и все, — сказал он, ковырнув немытым пальцем налипшую на зубах хлебную мякоть. — Дело сделано.

— Ух ты! — восхитился Эндр. — Что за адское зелье, если не секрет?

— Секрет, — ответил Аркера.

Эндр брел в таверну «Однорогий лось» — до боли привычное место. Брел по мостовой, вдоль которой горели костры, согревая солдат, в чьих хмурых лицах ясно отражалась усталость и... скажем честно, обреченность. Позади шли, негромко переговариваясь, остальные: братья, Беддах, Тимьян, Кир — непременно Ослепительный — и Мёд.

Битва отгремела. И осаждающие и защитники с наступлением сумерек отправились на отдых, переводить дух, зализывать раны и ждать следующего дня.

Можно сказать, первый день остался за аннатами, но это порадовало разве что дракона Эдма, да и то, вряд ли. Уничтожено множество вражеских камнеметов, отправлен в свободное плавание таран, вовремя обнаружены лазутчики, пытавшиеся открыть ворота. Убито немало северян. Попытка сломить дух аннатов, бросив на передовую живой щит — пленных соотечественников — провалилась. Изрядно пощербленные стены и башни по-прежнему возвышались неприступной преградой, и речка Стремнинка всё так же текла, оправдывая своё название и сводя на нет любые попытки ее форсировать.

Но, несмотря на это, в стане захватчиков царило оживление. Часовые растерянно наблюдали за сотнями и сотнями костров, с тревогой вслушиваясь в тысячи пьяных, а порой и по-настоящему звериных выкриков. Северяне били, насиловали и всячески издевались над пленными. Демонстративно подводили их — окровавленных, со страшно распухшими от побоев лицами — к берегу и перерезали им горло. Угрожали, что завтра защитникам конец и такая смерть ждёт всех. Защитники терпели. Закрывали глаза и молились.

Они не верили в победу.

Потому что на закате в небе появились драконы. Стремительные, дымчато-серые твари с багровыми глазами повергли людей в шок.

Мало кто знал, что это всего лишь дайры — фантомы имеров. Сотканые из воздуха и мертвых напевов призраки.

Заведение Матвея украшало разнообразное оружие, развешенное на стенах. В их числе попадались и довольно интересные экземпляры. К примеру, сломанный двуручник с извивающимся лезвием, являющийся, как утверждал Матвей, точной копией легендарного «Пламени» Полуденной Девы, и выковали этот ржавеющий кусок железа в незапамятные времена кузнецы, лично знакомые с полумифической спутницей пророка, и сломали его не где-нибудь, а в бою с неверными. Увы, это был обычный фламберг, так распространенный в Кальвенте. Еще имелся клевец, которым тридцать лет назад убили последнего высшего мага Басилита Уперита. И это тоже вранье. Как известно Уперит вообще пропал и его так и не нашли.

Странное чувство юмора у вояк. И фантазия их порой переходит границы. Но Матвей свято верил в то, что «трофеи» подлинные, не обращая внимания на смешки и подтрунивания.

Внутри пустовало. Матвей — тучный мужчина с грозно всклоченными бровями и грязным передником, — был хмур как никогда. А за традиционным столом наемников Эндр — в углу, неподалёку от кухни — важно восседал последний, седьмой наемник.

— Ага! — воскликнул, хлопнув в ладони, Эндр. — А вот и Верга! Где ж ты был, приятель? Всё представление пропустил! Рассказывай, где пропадал.

Верга поднял голову, невозмутимо посмотрел на вошедших, ничего не ответил, и продолжил ужинать куском мяса, хлебом и кружкой пива. Мясо он поглощал с помощью ножа и пальцев. Дело в том, что Верга, — худощавый брюнет с частой проседью и продолговатым костистым лицом — был выходцем из малочисленного племени раавентов, проживавших на севере Данварии. Раавенты славились странными обычаями. Среди прочего раавенты не признавали ложек и вилок.

Съев половину, Верга тщательно вытер руки о платок, затем потянулся так, что кожаный камзол с многочисленными металлическими заклепками заскрипел. Далее он, под пристальным взглядом рассевшейся вокруг компании, хлебнул пива, вытер усы, и, ни на кого не глядя, произнес:

— Сначала вы.

Следует отметить еще одну примечательную особенность Верги — крайнюю невозмутимость. В его невзрачных серых глазах сквозили иной раз глубокое равнодушие, порой — хмурая сосредоточенность и всё.

Недовольно поморщившись, Эндр поведал о событиях прошедшего дня, активно перемежая речь проклятиями.

Каллад испытывал к раавенту двойственные чувства. С одной стороны непроницаемость Верги, пребывавшая с ним всегда и везде, раздражала. С другой — Каллад признавал его превосходство. Мозговой центр их братства, Верга имел странную привязанность к земляку — Эндру. Верга служил под началом Эндра в то время, когда толстяк в самом деле занимал пост друнгария королевских войск Данварии, и остался с ним после изгнания с родины вследствие какого-то скандала, о котором ни Эндр, ни Верга никогда не распространялись. При этом Верга превосходил Эндра и в знатности рода, и по уму, и в плане владения оружием.

Каллад про себя усмехнулся. Так или иначе, толстяк хоть в чём-то уступал им всем. Но он их командир, и до сих пор никто в этом не усомнился. Больше того, они по-своему уважали и ценили его. Эндр был для них чем-то вроде талисмана. Но все равно, преданность Верги — по слухам дворянина с незапятнанной репутацией — удивляла. Он оставил перспективу стать одним из приближенных короля Данварии, стать, может быть, одним из крупнейших чиновников страны ради безродного выскочки. Почему? Из-за чего такая почтительность и внимание к толстяку, бывшему в молодости пиратом?

Слушая, Верга нервничал. Незаметно, но Каллада не обманешь. По тому, как часто подносил раавент кружку ко рту, по числу глотков пива, по тому, как разрезал мясо, как брал ломтик тонкими пальцами многое можно сказать. Да, сейчас он явно пребывал не в духе — нож застывал на куске, взгляд устремлялся в пустоту, но затем, словно очнувшись, Верга принимался немного более резко разрезать кусок, совсем чуть-чуть. И причины тревоги не только успехи защитников крепости, не приведшие итоге ни чему, но и кое-что еще.

Если Верга где-то пропадал, то не зря.

— Теперь ты, — закончил Эндр, и, обернувшись, крикнул: — Эй, Матвей, черт брюхатый! Заснул там, что ль? Тащи пожрать что-нибудь, да и выпить! Сколько уже сидим!

Матвей в ответ выругался, но через несколько минут вышел в сопровождении дочери-помощницы. Они поставили на стол миски с жареной говядиной, пиво, огромную сковороду с яичницей, несколько головок лука, сыр, хлеб. Вид у хозяина таверны был угрюмый.

— Ты чего насупился, родимый? — поинтересовался Тимьян. — Денег у нас нет, и вряд ли будут, но ты не расстраивайся...

— Заткнись, Тимьян, — осадил его Эндр. — Вечно ты со своими глупыми шутками.

Что-нибудь случилось, Матвей?

Трактирщик раздраженно махнул рукой.

— Ухожу я! — чуть не крикнул он. — Покидаю вот насиженное место! Манатки вот собираю! Телега уж во дворе стоит...

— Чего это вдруг? — поинтересовался Кир Ослепительный.

— А разве ж непонятно? Кранты нам, ёж в твою мать! Уносить ноги надо, пока не поздно! В общем, мужики, без обид — пару-тройку часов, и закрываемся. Навсегда...

— Не дрейфь, пузо, мы победим, — ободрил его Тимьян.

— Не смешно! — обиделся Матвей.

— Тимьян! — рывкнул Эндр. — Закрой свой блядский рот!

— А что такого-то?

— Хочешь по башке схлопотать?

— Нет.

— Так-то. Помалкивай. — Эндр посмотрел на Матвея, нервно вытиравшего полотенцем руки. — Я тебя понял, брат. Потом поговорим. А нам сейчас надо кое-что обсудить.

Трактирщик, кивнув, удалился.

— Ну, — потребовал Эндр, — начинай. Не тяни вола за хвост.

— Сейчас, — ответил Верга и протянул руку к кувшину с пивом, чтобы пополнить кружку, но Эндр решительно отбросил ее в сторону.

— Сколько лет я тебя знаю, — проворчал Эндр, — но никак не могу привыкнуть к твоей манере умничать. Рассказывай, чтоб мне пропасть!

Верга послушно убрал руку (в который раз Каллад подметил почтительность жеста и в который раз подивился тому, как может конь благородных кровей склонять голову перед диким кабаном), и, чуть помолчав, голосом ровным и даже отстраненным, начал:

— Как тебе должно быть известно, исан, сегодня после обеда я намеревался посетить Томаша-оружейника. Томаш давно обещал привести мне пару карвийских кинжалов...

— Покажи! — чуть ли не хором попросили Аркера, Кир, Тимьян и Эндр.

— Позже.

— Вот так всегда, — поморщился Кир Ослепительный. — Наведет туману, а потом оказывается, что все твои штучки, Верга, — полная дрянь.

— Не носи чепухи, беда ходячая! Много ты понимаешь! — возмутился Тимьян, и Каллад, чей меч когда-то подарил ему именно Верга, с готовностью кивнул.

— Ну, хватит уже! — устало произнес Эндр. — Потом потреплется! Молчание! Верга говорит.

Но Верга не спеша наполнил кружку, сделал мучительно долгий глоток, удовлетворенно вытер усы, посмотрел на окружающих, как бы удостоверившись, достаточно ли хорошо он подогрел их интерес, и едва-едва, буквально самым краем рта, улыбнувшись, продолжил:

— Так вот. Я отправился к Томашу, ибо, несмотря на осаду, дело действительно не терпело отлагательств. Разумеется, те кинжалы стоили немалых денег — это понимал даже не имевший представления об их истинной ценности Томаш, и торг предстоял нелегкий, но я — и вы знаете это не хуже меня — не лыком шит, и умею доставать нужные мне вещи, не имея необходимой суммы денег. К тому же Томаш мой давний партнер, ая оказывал ему некоторые услуги, так что проблем возникнуть не должно было.

По дороге мне встретился Хадина — капитан дворцовой стражи. Я имел с ним

некоторое знакомство. Мы пожали друг другу руки, обменялись парой ничего не значащих фраз. Как оказалось, он тоже направлялся к Томашу. Не могу сказать, что Хадина искренне обрадовался совместной прогулке. Как раз наоборот — неискренне обрадовался. Но я не придал этому значения — Хадина старый интриган, как и все во дворце. Ему всегда есть что скрывать.

Прибыв к оружейнику, Хадина согласился подождать, пока я улажу дела. Томаш явно нервничал, и было заметно, что он стремился поскорей от меня избавиться. При этом оружейник частенько посматривал на Хадину, как бы прося ему помочь. Томаш давно отдал бы мне кинжалы, но купеческая хватка не отпускала его. Капитан, кстати, тоже волновался, что меня несколько удивило — по его же словам, он никуда не торопился. Словом, оба что-то скрывали.

И тут в лавку Томаша вошли еще двое — кажется, сановники из дворца. Лица знакомые, но кто именно и какие должности занимают — не припомню. С их приходом Томаш и Хадина окончательно потеряли терпение и попытались спровадить меня, ссылаясь на очень важные дела. Я, однако, был непреклонен и заявил, что без кинжалов не уйду. Тогда Томаш сдался и уступилих мне, можно сказать, за бесценок — беспрецедентный случай! Я откланялся, а Хадина, как бы оправдываясь, сказал мне вслед, что-то вроде: еще встретимся, старина, не обижайтесь. Я послал их — мысленно, конечно же — куда подальше, и, довольный, поспешил к вам. Но чем дальше я шел, тем сильнее убеждался, что здесь не всё чисто. Я развернул полотно, в которое были завернуты *мои* кинжалы...

С этими словами Верга вынул из-за пазухи два неприметных с виду боевых кинжала — клиновидное обоюдоострое лезвие, длиной чуть побольше ладони; рукоять, оплетенная тонкой стальной проволокой; круглая гарда, — и положил их на стол.

— Ну, и что в них особенного? — с сомнением проговорил Тимьян, повертев их в руках. — Нет, конечно, ножички дорогие, спору нет — сталь отличная, заточка безупречная, рукоять... видел я нечто подобное пару раз. Здесь, в Аннате, такие рукояти не делают. Они чем-то похожи на кинжалы, которые в Хаэрте зовутся анвелле, в переводе — «невидимка». Только анвелле поменьше размером.

— Глянь-ка на клеймо мастера, — сказал Верга. — Золотая пчела — знак Серого.

У Эндра вытянулось лицо. Он выхватил кинжалы из рук Тимьяна и стал внимательно, почти благоговейно рассматривать их.

— Не может быть, — произнес он с придыханием. — Неужели это работа Серого?

— Мало того, — сказал Верга. — Клинок заговорен «безмолвными братьями».

— Кто такие «безмолвные братья»? — спросил Аркера.

— Секта воинов-магов в Данварии, занимающаяся охраной короля и его семьи.

— Н-да... — протянул Эндр. — Я всего могу от тебя ожидать, но это... это уже нечто! Как они попали к тебе?

— Это длинная и скучная история. Кинжалы у меня и это факт.

— Ничего не понимаю, — сказал Кир. — Серый, «безмолвные братья»... может, объяснишь, Верга?

— Это сталь особой выделки, с добавлением компонентов, придающих ей ряд свойств, которыми обычные клинки не обладают. Не просто острота, прочность, баланс. Это также... как бы выразиться поточнее... приспособляемость. Эти кинжалы не тупятся, не плавятся, не теряют качеств на морозе. Они также неподвластны магии, но могут ее распознавать.

— Идеальное оружие для убийц... — пробормотал Тимьян, как-то странно глядя на

кинжалы.

— Естественно, Томаш ни о чём таком не знал.

— Ясно, — мрачно сказал Эндр. — Ты развернул тряпицу и увидел...

— Да, исан. Именно так. Сталь светилась еле заметным голубоватым свечением. Неподдалёку находились маги, или продукты их деятельности. Поясню. Кинжалы созданы в Данварии, то есть, практически, на другом краю света. И заточены под магию древних, подистинную магию, как говорят. Такие кинжалы изначально, в седую древность заговаривали для выслеживания и убийства шаманов бадров. А вот магию Источника они вряд ли учуют.

— Имеры, — как всегда глубокомысленно изрёк Мёд.

— Ничего не понимаю, — сказал Тимьян. — Кто такие шаманы бадров? Какое отношение они имеют к имерам? Имеры ведь живут на крайнем севере, а вы из острова на самом юге. Значит, и ваши эти... как их? Бадры! Они тоже оттуда? Не понимаю.

— Имеры с бадрами когда-то были одним народом, — разъяснил Верга. — Понял? Нет? Это родственники, хотя, по современным бадрам этого никак не скажешь. Я продолжу, хватит глупых вопросов. Где-то рядом находились имеры, а конкретно, в доме Томаша. И я немедленно решил выяснить всё, что возможно. Кинжалы, как я уже говорил, неподвластны магии — то есть, маг имеров, при желании, не смог бы меня отследить. Так что я мог прятаться спокойно. — Верга умолк, обвёл всех немного загадочным взглядом, и продолжил: — И я выяснил. Во всеми возможными предосторожностями забрался на чердак как раз над комнатой, где и находилась моя проштрафившаяся компания в полном составе. И был с ними еще некто. Кое-как, насколько позволяли щели в полу, я разглядел его. Существо — как еще *это* назвать, не знаю — было облачено в просторный балахон с глубоким капюшоном, надвинутым ниже некуда. Существо было невероятно худым. Оно сидело в кресле и за весь разговор ни разу не пошевелилось. Такое впечатление, что пустой балахон просто расстелили на кресле. И оно не произнесло ни слова. При этом Хадиана и остальные с ним как бы говорили, и даже отвечали на вопросы.

— Как это? — спросил Кир.

— Телепатия, — ответил за Вергу Мёд. — Существо, которое ты видел, зовётся агурра́х. Это искусственное создание. Доподлинно не известно, что оно из себя представляет, но есть предположения, что агуррахи — бесплотные духи, вроде призраков. Это посланец имеров. Так называемый аватар. Магия имеров — это магия мертвых.

— Проклятие... — стиснув зубы, процедил Эндр. — Драконы в небе, дикари у стен, а теперь еще и призраки в крепости...

— Дайры, — невозмутимо поправил его Мед, — не драконы. Это тоже аватары, тоже призраки. Простые призраки. Акт устрашения, ничего более.

— Хм... — почесав затылок, произнес Эндр. — Что ж, что-то подобное следовало ожидать. Что еще знаешь, Мёд?

— Могу добавить: агуррахи — разведчики, шпионы. Они могут подчинять волю людей, могут насыпать кошмары — это такой способ воздействия на выбранную жертву. Но им можно противостоять. Они не так устойчивы, как, к примеру, илло́фриеры имеров. Аватары-убийцы, проще говоря. Есть еще мервы, но они создаются из мертвецов. Мервы — такой расходный материал. Тупая солдатня.

— Так. Теперь ты, Верга. О чём был разговор?

— О том, как сдать имерам город, исан.

— Что и следовало доказать, — буркнул Аркера.

Тимьян усмехнулся.

— В деталях, — сказал Верга, — эту тварь интересовало положение дел в крепости, какие настроения в обществе и во дворце. Трудно было понять, что им монстр приказал, но судя по комментариям этих болтунов, он звучал примерно так: сеять панику, и кончать тех или иных деятелей. И еще я понял, что северяне будут продолжать штурмовать Басилит. Северян очень много. Имеры не торопятся. Они будут ждать, когда мы созреем и либо не уберёмся в Арут, либо не падём им в ноги.

— Ясно, — вздохнул Эндр. — Анастасию и его партии грозит гибель.

— Да, наверное.

— Я бы сказал, — добавил Тимьян, — всем грозит гибель, не только Анастасию.

В этот момент их занимательную беседу прервал трактирщик Матвей.

— Всё, мужики, — насутился он. — Закрываюсь. Уж не обессудьте.

— Ну, раз так, — сказал, пожав плечами, Эндр, — то что ж. Спорить не будем. Сейчас, только дай доесть.

— Да вы всё больше болтаете, — проворчал Матвей. — А есть, совсем не едите. А мне еще дел невпроворот. Вещички собрать, таверну закрыть, окна заколотить... и до утра не управлюсь.

— И куда ты намылился, родной? — поинтересовался Тимьян.

— Известно куда, — ответил Матвей, нахмурившись больше прежнего. — Туда. В Арутию. Куда ж еще-то. Дорога одна.

— Старик, не дури, — сказал Эндр, отхлебнув пива с видом бывалого и много знающего человека. — Ты сам-то веришь в то, что говоришь? Там погибель, это ж дураку ясно. Самое лучшее, что тебя ожидает — это разграбление твоего обоза. А если вспомнить об обитающем там нечистом зверье... Ведь, если подумать, ты не один такой. Зуб даю — весь город на тюках сидит. Утром все дороги на юг будут забиты народом. Если, конечно, вас выпустят, в чём я сильно сомневаюсь. Я с Анастасием немного знаком, так что знаю, что говорю. И даже если выпустят, или сам как-нибудь вырвешься... Как через кордон пройдешь? Кордон никак не пройдешь. Остается в горы. А это верная смерть, поверь.

Матвей надулся, точно большой ребенок. Видно было, как он разрывается между надеждой и отчаянием.

— Люди болтают... — невнятно произнес он. — И... надеюсь, что не... разграбят... Бог поможет...

— Это который? — насмешливо поинтересовался Тимьян, отправив в рот кусок мяса. — Предвечный? Э-э, старик! Это крамола!

— Бог — это самое последнее на кого бы я надеялся на твоём месте, — сказал Кир, стряхивая крошки со стола.

— А я и... — огрызнулся было трактирщик, но потом привычно махнул рукой: — А ну тебя, Тимьян. И тебя, Кир.

— Ослепительный, дорогой мой, — мягко, но непреклонно поправил его Кир. — Кир Ослепительный — не забывай, пожалуйста...

— Брось, парень, — осадил его Эндр, допив пиво. — Не приматывайся.

— Но я Ослепительный! — упрямо повторил Кир.

Эндр побагровел и метнул в него косарь, который, чуть не задев ухо, воткнулся в стену.

— А Киром Безухим стать не хочешь? — прорычал друг. — А? Чего молчишь?

Кир сглотнул и уткнулся в свою тарелку.

— Всё, хватит, — сказал Матвей. — Выметайтесь. Я закрываюсь.

— Глупости, — подал голос Тимьян. — Если уж Басилиту суждено пасть, то никакие запоры твой клоповник не спасут. Его разнесут в щепки. Так что не запирай заведение. Оставь нам на попечение.

— Нет. Я заколочу здесь всё. Я так хочу.

— Ну, как знаешь, — пожал плечами Тимьян. — Не знаю, что и посоветовать. Боюсь, ждёт тебя костлявая. Я вот бывал в гостях у костлявой. У костлявой тоскливо. И опасно. Очень опасно, чтоб мне сгнить. У костлявой безысходно. И там растёт трера... Это такие светящиеся грибы. Которые гаснут, когда кто-то умирает...

— Ладно, — скомандовал, поднимаясь, Эндр. — Поднимайте задницы. Уходим. Завтра новая мясорубка, а послезавтра еще одна и так до тех пор, пока мы не лишимся голов.

— Может, оно и к лучшему, — буркнул Беддах.

Матвей, с несколько виноватым видом проводил их, и уже на улице вдруг сказал:

— А знаете что, мужики? Давайте-ка со мной? Зачем вам тут оставаться? Это верная смерть! А вместе мы в горах может и... так чего, а? Я так думаю, нельзя выиграть войну, не веря в победу. Укатим куда-нибудь, например в вашу Данварию, или в Пеш, или в какой другой вольный город поближе. Устроимся, заживем. Ну, что скажете?

— А это мысль, — осторожно высказался Кир.

— Мысль убогая, — парировал Мёд, скрестив руки на груди. — Наняться к какому-то трактирщику и сбежать, точно нашкодивший пацан — однозначно, не по мне.

— Знаешь что, Матвей, — сунув большие пальцы за пояс, сказал Эндр. — Сегодня япил у тебя неразбавленное. Никто не заметил? Нет? Эх, вы... Мне это показалось странным.

— Ну я... — замялся трактирщик. — К чему ты это?

— К чему?

— А, я понял. — Матвей сразу сник.

— Вот. Ты понял. Молодец. Ты всегда был подлецом, Матвей. Потчевал нас всякой дрянью и плевать на всех хотел. А теперь ты с горестным видом плачешься нам. Друзей нашёл? Я тебе не верю.

— И не надо. Ладно, я пошел. Бывайте.

— Валяй. Не обижайся. Я напоследок тебе скажувот что. Знай и помни — жадная ть скотина, Матвей. Ты мелкая жадная скотина. Такие как ты всюду пролезут. Так что мы тебе не нужны. Пошли, парни.

И Эндр решительно, не дожидаясь остальных, зашагал прочь. Ребята скупое утешили трактирщика: «Не бери в голову, приятель. Ты же знаешь толстяка. Вскипит, наговорит с горяча, а потом как ни в чём ни бывало... Денек выдался, сам понимаешь».

— Эй, командир! — окликнул Эндра Тимьян. — Постой, куда ты? Давай потолкуем.

— О чем?

— Может, и правда сдёрнем отсюда? На юг? В Кальвент, к примеру. Вот в Кальвенте никогда не был. Мы же наемники! Работу везде найдём.

Эндр подошел к Тимьяну вплотную и взглянул на него так, что тот отшатнулся и тихо сказал:

— Ага, понял. Наверное я, как всегда, не вовремя.

Новое задание

Наемники Эндр всегда ночевали где придётся: в гостинице, казарме, в разнообразных питейных заведениях, преклонив головы на прямо стол, или вообще в поле. В поле чаще всего. Либо в лесу.

Мёд, по обыкновению отправился в библиотеку, где так любил проводить время (не только ради книг и ученых бесед с архивариусом, но и по причине привязанности к его смазливой дочери). Остальные отправились в бордель «Чернильница», надеясь, что хозяева заведения не поддались панике и не закрылись.

А вот Эндр отправился к давней подруге Марише, вдове рыцаря, погибшего лет пятнадцать назад где-то на юге, на границе с Кальвентом — вечным врагом Аннаты.

Стоило друнгу подумать о ней — женщине, давно утратившей гибкость форм и девичий блеск в глазах, — как сердце забилось чаще. Любую свободную минуту он стремился посвятить этой тихой, кроткой толстушке. Он забывался, он пьянел, вдыхая ее неповторимый аромат — молока и хлеба, трав и домашнего уюта.

Потрепанный жизнью предводитель шайки наемников и незаметная одинокая женщина, мать беспутного сына-выпивохи и дочери-куртизанки, давным-давно забывшей о ее существовании, — странный союз.

Эндр направлялся к ней с тяжелым сердцем. Что-то подсказывало ему — свидание может быть последним. Он торопился, ступая по узким петляющим улочкам, то вверх, то вниз. Не замечая ярко освещенных окон; повозок, груженных разнообразным скарбом; впряженных в них лошадей; суetyащихся слуг, мешающих всем детишек. Город не спал. Люди готовились покинуть гибнущий, как им казалось, город. Почему так? задумался бы Эндр, будь ему до этого дело. Не потому ли, что Басилит — когда-то оплот веры, карающая длань пророка и центр цивилизации, — не помнил войн уже много веков? Или это пресловутые агуррахи распространяли панику, подобно навозной куче, расточающей вонь?

Плевать, лишь бы еще разок увидеть вдову.

Дом Мариши находился в одной из удаленных и тихих улочек. Маленький ухоженный дом; лужайка, где когда-то цвели цветы, ныне превращённая, стараниями Эндра, в каменный сад; старый сонный пес на цепи у крашенной в белый цвет конуры, — всё это, по мнению Эндра, походило на жилище доброй феи.

Мариша ждала. Как всегда, накрыт стол — яблочный пирог, фрукты, легкое вино. Как всегда она сидела за ним, сложив свои белые, как кипень, руки на переднике, встречая его одними лишь глазами — спокойными, всё понимающими, мудрыми.

Эндр отстегнул ремень с косарем, снял куртку, подошел к сделавшей шаг навстречу Марише и крепко ее обнял.

— Соскучился, — горячо шепнул он ей на ухо. От него исходил терпкий, дурманящий запах пота, пива, гари и он знал, что ей нравится, как он пахнет. Он напоминал ей бывшего. Может быть, она до сих пор ждет его. Пусть. Эндр и не думал обижаться. Может, он и был им, в какой-то мере. Эндр никогда о нем не спрашивал.

Обычно она прижималась к нему, проводила ладонью по щеке, по колючей бороде, но сейчас вдруг отстранилась.

— Эндр, — произнесла она.

— Что-то случилось?

— Мы не одни. У нас гость.

Только сейчас друнг заметил в темном углу человека.

— Кто?

Гость вышел на свет.

— Советник Кипр?.. — изумленно выдохнул Эндр, продолжая сжимать подругу в объятьях. Невысокий, тщедушный старичок с крысиным лицом и обширной плешью на голове, облаченный в грубую холщовую рясу, низко поклонился и неловко вскинул руками, как бы оправдываясь. Странно было видеть главу секретной службы короля в простом вретисе.

Странно было видеть его здесь.

— Простите меня, друнгарий, — торопливо проговорил он. — Не подумайте ничего такого! Я, собственно, к вам и пришел.

— Я это уже понял, — хмуро бросил в ответ Эндр, усаживаясь за стол и наливая себе и гостю вина. Присев рядом, Мариша сжала его руку, как бы подбадривая. Эндр слабо улыбнулся ей и обратил взор на старика — в недавнем прошлом первого советника короля. — Я вас слушаю. С чем пожаловали?

— Полагаю, вам не понравится то, что я вам... предложу.

— И всё же вы пришли.

— О, да! Боюсь, что... — Кипр вдруг осекся и вздохнул. И в этот момент Эндр неожиданно увидел перед собой человека, уставшего от долгой жизни. Не «хитрого крыса», как его величали практически во всей Аннате, а много знающего, и оттого, быть может, страдающего старика. Эндр переглянулся с подругой — она тоже уловила в ночном визитёре эту, смущающую своим откровением, перемену и насторожилась. «А чему удивляться? — подумал Эндр. — Если уж советник нашел меня здесь, более того, явился лично, то дело действительно серьезное».

— Говорите прямо, — без видимой причины раздражаясь — была у него такая склонность — бросил друнг. — Я устал и хотел бы вздремнуть. День был непростой. Война, осада, знаете ли. Хоть пару-тройку часов на сон урвать. Наши дикие друзья по ту сторону стены ждать нас не будут.

— Понимаю, понимаю. — Советник после минутной слабости вновь совладал с собой, вернув привычный бегающий взгляд, суетливые манеры и приторную вежливость. — И буду... прямолинеен.

— Весь внимание.

— Я хотел бы чтобы вы, со своей боевой семеркой, препроводили принца и принцессу в Кальвент. Конечно же тайно, и уж конечно, не во дворец короля Миро, а в одно укромное местечко, где они будут в безопасности. Я скажу, куда именно. Естественно, будет оплата, все как положено.

За свою жизнь, чрезвычайно богатую на приключения, друнг не раз вел подобные беседы, и поэтому знал, что прежде чем на что-либо соглашаться, надо предварительно выведать у нанимателя всё что можно. И один из лучших способов — сбить нанимателя с толку.

— Вы хотели бы?

Кипр натянуто хихикнул.

— А вы не такой простой, как кажется, — сказал он. — Хорошо. Я расскажу вам всё, что знаю. Иначе наша беседа зайдет в тупик и мы ни о чем не договоримся. Только

прежде... — советник кашлянул и скосил глаза в сторону Мариши.

— Можете ничего не скрывать, — невозмутимо отреагировал Эндр. — Мариша точно не проболтается. Я ей доверяю как себе. К тому же вы уже раскрыли, зачем пришли. Чего еще скрывать? Так что не тяните. Говорите как есть.

— Хорошо. С вашего позволения, госпожа Мариша, друнгарий. Я начну.

— Конечно же, господин советник, — с легкой улыбкой ответила Мариша, но затем, словно не силах совладать с собой, взглянула на Эндра. Только теперь он почувствовал — с болью — как она боится потерять его.

Друнг ободряюще улыбнулся в ответ. Он хотел поддержать вдову — всё нормально, мысленно говорил он ей. Всего лишь очередное задание, каких много. И она безусловно слышала друга, но вряд ли это рассеяло ее опасения.

— Итак, — продолжил Кипр, — речь о принце Дакси и принцессе Ниа. Отвечая на ваш следующий вопрос, друнгарий, скажу, что не только я хочу сберечь их жизни. И вообще, постановка вопроса неверна. Это не чья-то прихоть, или блажь. Это дело государственной важности. Именно так. Оставим в стороне проблему сохранения династии, хотя это тоже имеет значение. И не последнее, кстати. Главную роль играет здесь необходимость. Я сказал: «дело государственной важности»? О я неправильно выразился. Это, господин друнгарий, судьба. На кону судьба нашего народа. Жить нам, или исчезнуть.

— Кажется, я понимаю, к чему вы клоните, — проговорил Эндр.

— И к чему же? — с интересом спросил советник.

— Давайте не будем играть в кошки-мышки.

— Я просто хочу сказать...

— Вы намекаете на Источник, — грубо оборвал его Эндр. Он терпеть не мог в людях такие манеры, а у Кипра они проявлялись, кажется, совершенно неосознанно — говорить намёками, путать собеседника, выведывать, вынюхивать. И все это обильно приправляя пафосом. — Сейчас даже последний дурак мнит себя знатоком тайн Источника. Чего только не болтают на площадях.

— Вы угадали, — снова вздохнул Кипр. — Всё дело в Источнике. Честно сказать — я не претендую на роль, как вы сказали, знатока тайн Проклятой Ночи. Но, — понизил он голос, — я знаю, я практически убежден, что Дакси — этот странный мальчик — является... ключом.

— Ключом?

— Да, да! — с горячностью подтвердил советник. — Ключом. Вы разве не знаете? Легенды гласят, что Источник был открыт благодаря именно такому ключу. То есть человеку, сумевшему не только прочувствовать скрытую в Аруте магию, — колодец с необъятными залежами невиданной до той поры силы, — но и воспользоваться ею. А для этого он должен был обладать способностью уравнивать две противоположности — стихию природы, или видимый и воспринимаемый нами мир, и стихию магии, или нечто, глубоко спрятанное в этой самой природе. Таким человеком был Ант, основатель нашего государства, изначально, согласно легенде — простой пастух. А как мог простой пастух стать великим магом? Вы никогда не задавались этим вопросом?

— Как-то недосуг думать об этом...

— А зря. Очень даже зря. Есть такая теория — теория, скажем так, предначертанности, простите мне мой научный язык. Анту предначертано было стать великим. Ключом, проще говоря. Поспрашивайте Мёда, он об этом знает много больше меня. Итак, Дакси и есть ключ.

тот, кто очистит Источник от скверны и вернет нам былое могущество.

— И почему вы так думаете? Пацаненок что, проявляет способности? Никогда об этом не слышал.

— Давайте не будем углубляться в недра прикладной и теоретической магии, тем более, что мы в ней ничего не смыслим. Скажу лишь, что думать так есть серьёзные основания. Канг, знаете ли, не всех адептов истребил.

— Тогда я задам другой вопрос, — всё с тем же спокойствием спросил Эндр. — Почему мы?

Вместо ответа Кипр, словно выполнив самую тяжелую часть работы, откинулся на спинку стула и обессилено опустил руки на подлокотники.

— Госпожа Мариша, — тихо произнес он. — Будьте добры, наполните наши кубки вином. В горле что-то пересохло.

Эндр ждал, искоса поглядывая, как советник с жадностью осушает кубок. Он хорошо знал что ему скажет советник, он много раз слышал эти слова.

— Эх, Эндрат, дорогой, — сказал, наконец, Кипр. — А кто же, кроме вас?

Они лежали в темной комнате на кровати, тесно прижавшись друг к другу, и молчали. Им обоим было тяжело. За четыре года не раз приходилось расставаться, но теперь над ними нависла неотвратимость, именуемая смертью. Всегда можно на что-то надеяться. Так или иначе враг всегдабыл известен, и хоть чуточку предсказуем.

Но не сейчас. Сейчас их враг — древний, уже почти сказочный народ.

Мариша долго сдерживалась, и наконец всхлипнула.

— Я буду ждать, — шепнула она, глядя на его полускрытое в сумраке лицо. — Такова моя судьба. Опять полюбила солдата...

Эндр молчал. На душе скребли кошки.

— Буду ждать, — повторила она, и тут он ясно ощутил на себе ее взгляд. Она смотрела на него совсем как девчонка, ждущая чуда. И разозлился. Будь он проклят! Он вернется, даже если ему придётся пройти через огненную бездну.

Эндр обнял ее еще крепче, так, что она слабо охнула и поцеловал в лоб.

— Давай спать, — сказала он. — Завтра тяжелый день.

Следующим вечером Эндр стоял, прислонившись плечом к массивной каменной кладке, внутри захламленного портала, ведущего в заброшенный амфитеатр. Когда-то бывший гордостью империи аннатов, нынче амфитеатр представлял собой разве что обломок былого величия. В последние тридцать лет сорняки вытеснили чахлые, дурно пахнущие травы-адапты — дети Проклятой Ночи — придавшие этому громадному примитивному сооружению поистине загробный вид. Вокруг валялось несколько громадных обомшелых валунов, наполовину зарывшихся в землю, заброшенных сюда лет триста назад магами, для расправы над восставшей чернью. В небе плыли черные тучи, дул неприятный холодный ветер, тревожно свистевший в лабиринтах обрушившихся трибун. Идеальное место для встречи — толстяк отдал должное изобретательности Кипра — так как амфитеатр пользовался в городе дурной славой. Но это уже история.

Эндр находился в прескверном настроении. С раннего утра он глотал пыль на стене. Крепость держалась, несмотря на предчувствие неминуемого конца. Многие бойцы как огня боялись призрачных драконов имеров, исторгавших из бестелесных глоток леденящий душу

воплъ. Везде мерещились вражеские лазутчики. У многих начался кровавый понос. Сыграла тут роль падалъ, закидываемая захватчиками, или это была магия имеров, теперь неважно. Важно, что сам Эдм слег с этой хворью. А без молодцеватого военачальника боевой дух упал ниже некуда.

Обстрел камнями не прекращался весь день. От грохота болела голова и закладывало уши. Глядя на стену, создавалось впечатление, что ее старательно грыз некий зверь, настолько плачевно она выглядела. Тем не менее, стена держалась.

К концу дня захватчики спустили на воду сразу шесть здоровенных плотов с турами. Воины на них пытались зацепиться за стену крюками. Три башни снесло течением, три облили смолой и подожгли. Пока отбивались от этой напасти, проморгали таран. Такой же, как и вчера. Только вместо веревки — цепи. И закрепили северяне их на расстоянии недостижимой для стрел Аркеры. Едва началась долбежка, Эндр с товарищами тихо слинял. И от этого чувствовал себя поганей некуда.

Сколько раз, после встречи с Маришей Эндр предавался мыслям о безмятежной оседлой жизни. Несбыточная мечта — он понимал это всегда. Он вспоминал о годах, проведенных в скитаниях, во время которых его единственными заботами были поиски какого-никакого заработка, да крыши над головой. О годах, потраченных на выпивку, приятелей, и девок на ночь, чьи лица он с трудом припоминал спустя пару часов после расставания.

И вот теперь в его сердце поселилась она. Как тяжело осознавать, что он оставляет ее одну, в городе, осаждаемом ордами северян и имеров, и ничего не может с этим поделать. Эндр боялся даже подумать о том, что может с ней случиться, и как он переживёт это. Но, вместе с тем, как не отправиться в путь? Такова его натура — он солдат, хоть и с подмоченной репутацией. Хотя, кому сейчас в той же Данварии есть до этого дело? Его разжаловали, лишили всех привилегий, в том числе и этого треклятого титула — друнгарий. Как быстро они забыли о его заслугах! Теперь, должно быть, так же быстро забыли и о его позоре.

Эндр думал о любимой женщине, нервно сжимая рукоять косаря, попробовавшего на вкус жизни многих и многих его недругов. Близость клинка — единственного оружия, оставшегося при нём еще с пиратских времен — всегда вселяла уверенность. Но не сейчас. Эндр не умел любить, иногда бывал груб, немногословен, ленив. Вот и сейчас толстяк чертыхался, злясь на запаздывающих друзей, злясь на себя, на Кипра, на сумрачную погоду, более всего угнетавшую привыкшего к палящему солнцу южанина.

О этот унылый, промозглый край! Здесь живут злые люди, готовые перегрызть друг другу глотку за пустяк. Аннаты — грязное пятно на теле Мидиарахны — сколько раз Эндр слышал эти слова! Ни традиций, ни веры, а только лишь неуёмная жажда власти над всем миром. Ради господства эта нация угробила миллионы людей. И надо же такому случиться — именно здесь он и повстречал ее, тихую вдову.

Ладно, хватит киснуть. Друнг осмотрелся. Ага! Верга давно тут. Зная о сердечной привязанности командира — именно так и переводилось слово исан — Верга тактично скрывался в тени.

— Выходи, — буркнул Эндр.

Верга приблизился. Толстяк посмотрел на него.

— Как ночь? — скорее по привычке поинтересовался он.

Любой другой на месте Верги смутился бы, либо же наоборот, принялся — как Кир, например, — похвалиться подвигами. Только не Верга. Соитие являлось для него чем-то

сродни молитве. Трудно сказать, получал он от совокупления удовольствие, в том смысле, в каком всякий человек понимает это. Любая шлюха, начиная от самых дешевых, кончая дорогими светскими наложницами, прекрасно знали крайнюю изобретательность и скрупулезную требовательность Верги в интиме, и относились к нему двойко — кто-то его боготворил, кто-то считал ненормальным.

— Очень даже неплохо, — хладнокровно ответил он.

— Выполнил всё, что намечал?

— В полном объеме, исан.

— Со сколькими... э... медитировал?

— С тремя.

— Твоё число.

— Да, исан.

— Старые подруги?

— Были две новенькие, но я остался ими доволен. Делали все, как я просил.

— М-да, теперь нескоро нам придется... медитировать. — И толстяк, не совладав с чувствами, сплюнул.

Верга промолчал, опустив глаза.

— Ну, ладно, — сказал Эндр, выпрямившись. — Ты знаешь, зачем я вас сюда привёл?

Кстати, где остальные?

— На подходе.

— Итак, ты догадываешься?

Вместо ответа Верга кивнул куда-то в сторону.

— Они уже здесь.

— Кого ты имеешь в виду?

— Вам лучше знать, исан.

Эндр скептически оглядел две представшие перед ним хрупкие фигуры. Принцессе Ниа только-только исполнилось семнадцать, и была она, по мнению друнга, слишком уж изящна, что лишний раз подчеркивали облегающий кожаный костюм и сапоги до колен. Однако тонкие черты лица, острый нос, плотно сжатые губы, густые и длинные черные волосы, дерзко смотревшие карие глаза в ответ на оценивающие взгляды, которые, ничуть не смущаясь, бросали на нее мужчины, в особенности Тимьян и Кир, убедили Эндра в том, что она не простая штучка. Девчонка явно не подарок. На ремне висели два рондела — поговаривали, Ниа умела неплохо с ними обращаться.

Дакси, тринадцатилетний паренек, видимо уже привык к своей исключительности — его надменный, но вместе с тем, несколько отстраненный взгляд ясно говорил об этом. Высокий и нескладный, принц держался холодно и отчужденно. Внешне он походил на сестру, и даже слишком, но бледность и привычка горбиться делали его бледной тенью эффектной Ниа. Книжный червь, подумал толстяк. Ему будет ох как тяжело в их нелегком пути. И если с сестрой — сразу видно, воинственной стервой — проблем не возникнет, то с сопляком придется помучиться. И ладно, его проблемы, решил друнг, мы ему не в няньки нанимаемся. Парни быстро выбьют из него дурь, сделают нормального мужика. А чтобы возмужание прошло более-менее плавно, он доверит его Мёду. Умник сумеет найти к нему подход. Отлично, так он и сделает.

Принц и принцесса поглядывали на них с плохо скрываемым недоверием.

— Ну? — спросил Эндр. — Чего молчите?

— А чего говорить? — с вызовом ответила Ниа.

— Где ваша охрана?

— Ее нет.

Эндр переглянулся с товарищами.

— Как нет?

— Вот так. Мы одни.

— Странно...

— Что еще хотите знать? Спрашивайте быстрее.

— Есть ли у тебя парень?.. — с приторной улыбкой поинтересовался Кир, но друнг пнул его по голени.

— Еще слово... усёк? — прорычал он, даже не посмотрев на скривившегося от боли Кира.

— Усёк.

Ниа смерила Ослепительного презрительным взглядом.

— Мы здесь не на увеселительную поездку собрались, — обращаясь ко всем, отчеканил Эндр. — Я хочу, чтобы все вы уяснили себе это. Никаких капризов.

— Это вы нам тоже? — захлопав глазками, спросила Ниа.

— Да! — рявкнул Эндр так, что девушка отшатнулась. — Я спрашиваю, ты и твой братец отвечаете! Ясно? Ясно, или нет?!

— Да, — ответила принцесса, опустив глаза. Что ж, хорошо, отметил про себя Эндр. В их поединке взглядов он одержал победу — маленький, но успех.

— Итак, — продолжал Эндр. — Почему вы одни?

— Нам никто не нужен, — недовольно ответила принцесса.

— Это не ответ.

— Что вы хотите услышать? — с обидой спросила Ниа. — Я не понимаю, что вы хотите от нас?

— Какие инструкции вы получили от Кипра, как так получилось, что вы одни и без охраны? И еще. Я вижу, что вы напуганы. Кто вам угрожал? Нам надо знать всё. Объясни почему. Путь нам предстоит нелегкий, и чтобы оградить себя от какой-никакой угрозы, нужно знать врага, так сказать, в лицо. Усекли, умники? Мы ваша охрана и это значит, что нам можно доверять. Конечно, мои парни не принадлежат к... как это? к эсысканному обществу, кроме, пожалуй, Мёда. Так что привыкайте. Никто вам сопلي утирать не будет. Ух!

Произнеся столь продолжительную речь, толстяк даже вспотел. Тимьян хмыкнул и подмигнул насторожившимся подросткам. В ответ Ниа, совсем как разъяренная волчица, оскалила зубы — в шутку или всерьез, не понять.

— Так, — передохнув, продолжил друнг. — А пока вы будете все мне рассказывать, Верга, братья, Беддах и Кир метнутся за лошадьми, провизией... Вооружитесь, прихватите всё что нужно и для наших подопечных. А Мёд и Тимьян останутся со мной. У вас обоих язык подвешен хорошо. Только, Тимьян, будь серьезен. Я, да сгинуть мне в огненной бездне, в очень и очень плохом настроении. Никаких, блять, переглядушек! Первый же прокол — и я, чертов умник, воткну свой косарь в твою грязную жопу! Ты меня понял?

— Понял, понял, — с самым невинным видом заверил его Тимьян. — Не надо так шуметь.

— Удавлю тебя, — с неожиданной яростью прошипел Эндр, вперив побагровевшие глаза в немного побледневшего Тимьяна. — Вы с Киром уже давно напрашиваетесь. Не хотите быть членами нашего братства? Ну и валите! Вы мне уже вот где!

— Даю слово, что всё будет в порядке, — распрямившись и положив руку на эфес меча, со всей серьезностью, на какую был способен, ответил Тимьян. Эндр внутренне усмехнулся — экзекуция была показательной. Чувствительный удар по самолюбию Тимьяна. Он теперь главный враг Эндрана долгое время. Вон, как окрысился. Отыграется, паскудник, исподтишка обязательно отыграется. Надо быть начеку, чтоб не стать жертвой какой-либо хохмы. На большее не решится, и не потому, что побаивался Верги, либо еще кого-нибудь. А потому что Тимьян, как ни крути, был неотъемлемой частью их братства — дружины наемников, называемой в народе «головорезами Эндра».

— Ну? — поторопил друнг, после того как Верга с остальными ушли. — Долго ждать? Время-то идёт.

— Нам никто не угрожал, — отозвалась Ниа, посмотрев на брата с укором, на что тот никак не отреагировал. — Во всяком случае... ну, напрямую. — Девушка смолкла на минуту, напряженно раздумывая, как показалось Эндру, над тем, о чём стоит умолчать, затем продолжила: — Сразу после похорон отца Кипр забрал нас к себе. Он... ну, он держал нас взаперти. И под охраной. И сам никого не принимал, кроме Анастасия, и то один раз. Кипр тогда с ним долго спорил. А вчера Кипр сказал нам, что... это... мы должны идти. Одни — охране он не доверял, боялся шпионов Анастасия. Сказал, куда идти и велел быть осторожней. Никому на глаза не показываться. Объяснил, что нас будут ждать... Сказал, что это важно, и что-то про Анастасия говорил, и о троне, о сохранении династии, о том, что надо нас оградить от башни на востоке...

— Оградить от башни на востоке? — переспросил Мёд.

— Да.

— Я слышал часть разговора старого с Анастасием, — впервые за всё время подал голос Дакси. — Кипр уверял его, что вордуры идшукантов хотят нас заточить в ту башню. А это значит, что нас надо скрыть до поры. Анастасий возражал... Короче, у вордуров свои планы на нас, у Анастасия — свои, у Кипра... тоже свои. Будто мы не люди, а сундук с золотом...

— Что за башня? Зачем вас туда хотят заточить? — поинтересовался Тимьян.

— Не знаю, — раздраженно буркнул принц. — Кипр изъяснялся намёками. О башне, о ключе. А Анастасий все болтал о каких-то воробьях, пожирающих насекомых...

— Чего, чего? — поморщился Тимьян, и, взглянув на товарищей, бросил: — Анастасий, верно, спятил. А?

— Не спятил, — мрачно проговорил Эндр. — Кажется, я понял, что он имел в виду.

— И чего же?

— После поговорим. Так, что еще?

— Да ничего, — ответила Ниа. — Всё.

— Точно?

— Точно.

— Ладно. Идите, погуляйте. Походите здесь, только чтобы мы вас видели.

Троица проводила взглядами принца и принцессу, пришедших в еще более унылое расположение духа.

— Давай, не томи, толстяк, — попросил Тимьян. — Что ты там понял.

Эндр нахмурился еще сильнее.

— Помните байку о короле и воробьях?

— А, эту, — проронил Мёд.

— Какую такую байку? — поддался вперед Тимьян. — Ну-ка, ну-ка, расскажите мне.

Эндр с надеждой посмотрел на Мёда, но тот сделал вид, что пребывает где-то далеко.

— Однажды один король решил известить всех воробьев в своем королевстве, — нехотя начал друнг. — Они ему мешали, он считал их никчемными созданиями, не приносящими никакой пользы. И после истребления большинства этих птичек, в королевстве развелось столько всякой ползучей нечисти — в смысле, букашек всяких, мух, тараканов, — что

король, поняв ошибку, велел прекратить их убивать, а наоборот, всячески оберегать. Это я рассказал Анастасию эту историю, дня четыре назад. И он, видать, понял ее по-своему.

— Бред какой-то. При чём тут это? — спросил Тимьян, как показалось Эндру со своей обычной издевкой, что его взбесило:

— Да как это при чём?!

— Что ты орёшь? Я просто не догоняю.

— Башня на востоке, — задумчиво произнес Мёд, рассеянно приглаживая бородку. — Видимо имеется в виду Батхос.

— Что еще за Батхос?

— Твердыня, принадлежащая идшуканте, охотникам на магов. Загадочное место. Кажется, именно там находится логово их вожака Рогволода, да будет он проклят! В общем, замысел Анастасия ясен — он хочет возродить магию, чтобы с ее помощью противостоять имерам. А заодно и Рогволоду. Именно поэтому ему и понадобился Дакси.

— О чем-то таком и я подумал, — согласился Эндр, усевшись на валун. — Анастасию понадобилось, типа, знамя борьбы с дикарями. Кипр наоборот, полагает, что аннатам на этот раз не сдюжить, и лучше припрятать потенциального королька до лучших времен. А насчет охотников Рогволода что думаешь, Мёд?

— Думаю, Кипр блефовал. Одному Рогволоду известно, какой прок от всей этой заварушки извлекут его псы. Но прок ублюдки извлекут как пить дать.

— Ага-ага, — вставил Тимьян. — Значит, Анастасий с Крысом проявили такой интерес к малюткам почившего короля, в том числе полагая, что в них есть немалая предрасположенность к магии. Только мне кажется, что у Дакси... как бы это сказать... Вряд ли он станет магом. В нём ничего нет такого.

— Не тебе судить, знаток, — огрызнулся друнг. — Ты-то что в этом понимаешь?

Мёд задумчиво посмотрел на брата с сестрой.

— Согласен с Тимьяном, — неожиданно сказал он.

— Вы что, сговорились?

— Послушай меня, Эндр. Меня никто не спрашивал, кто я на самом деле. Никто из нас никогда никого не принуждал признаваться в прошлых грехах. Но сейчас, думаю, пришла пора. Я бывший аколит. Тридцать лет назад я учился в Аруте и даже достиг первой ступени. Так что я знаю толк в магии. Нас этому учили в первую очередь — определять, восприимчив ли человек к *потоку*. Такой же принцип использует идшуканта. Кстати, аколиты, стражи и прочие и составили позже ее основу. Насколько я вижу — хотя могу и ошибаться, такое тоже бывает, — Дакси, что называется, «слеп».

— «Слеп» или нет, не нам решать. У нас есть задача, и мы ее выполним.

— А не может ли быть Ниа... — нерешительно протянул Тимьян.

Мёд пожал плечами.

— Может. Но нам об этом ничего не известно, не так ли? Почему у предвечников не водилось женских монастырей? Ведь в писаниях есть женщины — та же Дева Полуденная, и Косб Премудрая...

— Бабам доверять такое нельзя, — саркастично заметил Тимьян. — Одна баба уже устроила нам. До сих пор расхлебываем...

— Ты имеешь в виду Кровопийцу? Марию? Но она не была магом. Она была всего лишь злобучей стервой.

— Хватит трепаться, — оборвал Мёда Эндр, поднимаясь с валуна. — Всё понятно, что

ничего не понятно. У нас есть задание, и мы его выполним. Ждём парней.

Спустя два часа вернулся Верга со спутниками. Они привели оседланных и снаряженных в дорогу лошадей. Тотчас разгорелся спор, когда именно им следует трогаться в путь. Эндр требовал идти немедленно, Верга склонялся к мысли, что это стоит сделать глубокой ночью.

— Ты не слышишь голос разума, исан, — терпеливо объяснял он друнгу. — Ворота закрыты, и стража никого не выпускает. У южных ворот столпилась куча народа — все груженные, с детьми и так далее. Там невыносимая давка. Стража не церемонится, пускает в ход пики. Глашатаи со стен объявляют об особом указе совета — как ты понимаешь, ни одного человека не выпускать.

— Жуть, Эндр, правду говорю, — подтвердил Кир. — Люди с ума сходят. Я забрался повыше, на крышу, и своими глазами видел, как это мудачье — стражники — зарубили несколько особо рьяно негодовавших горожан. Толпа кипит — так и кажется, что вот-вот люди бросятся и растерзают их. Нет. Ворота однозначно запечатаны. Туда соваться — точно в пекло. Либо нас толпа раздавит, либо стража посечет.

— И что делать? — взмахнул руками Эндр. — И что изменит ночь?

— Может, есть потайной ход? — с надеждой спросил Аркера.

— А ты знаешь его?

— Нет.

— Ну и заткнись!

— Успокойся, Эндр, — спокойно сказал Мёд. — Что-то ты сегодня совсем расклеился. Кричишь, ругаешься. Истерикой делу не поможешь. Думать надо.

— Вот и думай. У тебя ума много, придумай что-нибудь.

— Думаю, думаю. И кажется, придумал. Есть ход.

— Да, Мёд, — сказал Аркера. — Ты здесь родился, ты должен знать все потайные местечки. Где пролезть, просочится. Незаметно.

— Вы с Калладом тоже здесь родились. Не так ли?

— Мы не такие умные, как ты, Мед. Мы простаки.

— Десять человек на лошадях, — покачав головой, проворчал Беддах. — Да вы что? Вряд ли такая орава останется незамеченной. Как бы не замели нас. Обратно на стену. Дикарей с нелюдями бить.

— Ты прав, веханец, — согласился с ним Верга. — Ведь мы, по сути, покинули поле боя.

— Это чревато, — сказал Кир.

— Надо бы разделиться, — предложил Аркера.

— Отряда на три, — посоветовал Тимьян.

— И выслать пару ребят — братьев, например, — на разведку, — подытожил Верга. — Уверен, что поступок Кипра не останется незамеченным. Надо бы нам соблюдать осторожность.

Эндр всё это время сидел на камне, хмуро глядя в землю. Он не сразу заметил, что на него обращены взоры окружающих.

— Ну, командир, — сказал Тимьян. — Выноси решение.

— Мёд, — обратился к несостоявшемуся магу друнг.

— Слушаю.

— Где то место? Ход, или что там у тебя?

— На северо-восток отсюда. В тупике Кузнечной улицы. Там проживает один мой старинный приятель, его зовут Иво. Он нас проведет. У него в сарае есть потайной лаз, он обнаружил его случайно. Как я думаю, его прорубили лет триста-четыреста назад, во время восстания молотобойцев...

— Ладно, ладно... — оборвал его Эндр. — Меня не интересует, кто и когда его прорубил. Важно другое — о нем знает кто-нибудь?

— Никто кроме... — Мёд замялся.

— Ну? Договаривай.

— Никто, кроме десяти человек. Из этих десяти в городе остались только я и Иво. Остальные разъехались кто куда. Воспользовавшись лазом. Но это было давно.

Эндр пристально взгляделся в Мёда.

— Что-то ты темнишь, умник. Кто ты?

— Отложим этот разговор на потом, хорошо?

— Ты уверен, что мы там не попадём в засаду?

— Толстяк, кончай, а? — вспыхнул Кир. — Какая муха тебя укусила сегодня? Ты что, Мёду не доверяешь? Сколько лет вместе бок о бок в говно по самые уши кунались, и теперь ты ему говоришь — кто ты? Может, нам всем тебе исповедаться? Лично у меня тоже есть что скрывать, и что же, на меня тоже станешь коситься? А, отец родной?

Гневная отповедь немного отрезвила Эндра. Он отвел глаза в сторону и буркнул:

— Всё, проехали.

— Знаешь, Эндр, — произнес Мёд. — Я понимаю твои опасения. И я об этом подумал.

— О чём?

— О неприятных сюрпризах, что могут нас поджидать на пути. К тому же — я забыл упомянуть — проход ведет в недра гор, и на кого мы можем там наткнуться — кто знает?

— Всё, всё! — решительно заявил Эндр. — Другого выхода все равно нет. Кир, идешь вперед. Ты у нас лучше всех умеешь лазать по крышам, просачиваться, как говорит Аркера. Возьми с собой своего дружка Тимьяна. Поняли, надеюсь, куда идти? Зачистите путь. Не убивать! Просто спровадьте куда-нибудь. Валить только в крайнем случае. Свидетели нам ни к чему. Потом возвращаетесь. Постарайтесь до темноты. Если все в порядке, еслитихо, никого нет, вы снова пойдете вперед. Препятствие — сигнальте. Я, Мёд и... Верга, да, Верга — с Дакси. Идем за вами. Братья и Беддах с принцессой после нас. Встречаемся у тупика Так, — Эндр посмотрел на небо, — примерно через пару часов стемнеет. Идите. Ждем вас. Идите, идите, и смотрите, чтобы не вляпались.

Едва стемнело, Кир с Тимьяном покинули амфитеатр. Ехали быстро, не разговаривая, поглядывая по сторонам и стараясь не упустить ни одно движение, ни один взгляд.

Похоже, никому до них не было дела. Оно и понятно — горожанам, оказавшимся, по всеобщему мнению, на краю гибели, не до каких-то там всадников. Вояк самых разных мастей в последнее время развелось и так полным-полно, чтобы на них обращать внимание. Однако Тимьян понял — что-то не так. Чувствовал интуитивно. Анастасий запер ворота затем, чтобы не выпустить королевских деток. Тимьяна несколько не смущало, что это объяснение звучит несколько вызывающе, может даже абсурдно. Узреть суть, именно суть, а не ее подобие, — одно из главных правил, которое Тимьян усвоил за годы обучения в монастырях «Бессмертных Ии». Чаще всего это незначительная деталь, безделица,

затерявшаяся в калейдоскопе непрерывно сменяющих друг друга событий, но она помогала выбрать правильный путь. Чтобы отбросить лишнее, нужна смелость, ибо в таком случае ты непременно предстанешь бездушным человеком, идущим по головам.

Тимьян был отличным убийцей, учителя гордились им. Время, проведенное в этой одиозной секте, чье название вызывало дрожь чуть ли не во всех странах, возвели пренебрежение всем и вся в недоступную никому степень. Дошло до того, что в один прекрасный момент Тимьян ощутил себя рабом. Он принадлежал черным монахам весь, без остатка. Никто не уходил от них — говорили ему. Никто? Не в его случае! Колебания развеялись. Он возжаждал свободы.

И сумел их перехитрить. Единственный. Совершил, можно сказать, невозможное. А после с головой поспешил окунуться в бурлящий, неуёмный, изменчивый мир, бывший всю жизнь где-то в стороне. Тимьян спрятал страх расплаты от содеянного далеко-далеко, почти забыл. Почти. Ведь сколько лет прошло. Вряд ли кто помнит его в Карте. Исчез без следа — так, как его и учили.

Итак, толстяк вляпался в неприятную игру. И пешками в игре стали жители города — сотни и тысячи простых обывателей, объятых ужасом. Тимьян нисколько не жалел горожан — их проблемы. Они всего лишь толпа.

Кипр, конечно, рискнул, отдав толстяку парня с сестрицей в придачу. Отдал внезапно, торопливо, можно сказать, спихнул, избавился, точно от тяжелого груза. Тимьян ох как не верил в искренность советника — старика с болезненной, но тщательно скрываемой тягой к спиртному. В стремление хитрого крыса ни много ни мало, спасти мир. Тимьян так и не смог подавить усмешку, стоило подумать об этом. Слишком просто. Вот хорошие ребята, а вот — плохие. Нет, так не бывает. Кипр понял, что Анастасий просто заберет деток силой, и вспомнил об их братстве.

Уж он знает блядскую людскую натуру как никто другой. Всегда и везде люди стараются нагадить друг другу. Тимьян считал, что даже перед смертью любой, кому есть что терять, будет хвататься за своё зубами.

Тимьян почувствовал на себе пристальный взгляд. Кир, как и следовало ожидать, заметил его кривую улыбку. И наверняка истолковал ее по-своему.

— Что? — недовольно бросил Тимьян. — Говори, если в твоей пустой башке есть хоть что-нибудь, кроме...

О нет, Кир, этот прыщ, слишком серьезен. Хотя Тимьян откровенно недолюбливал «детеныша» толстяка, но в глубине души понимал, что без некоего антипода, противоположности ему самому — ловкому пройдохе, как он сам себя называл, — служба в братстве не стала бы такой занятной. Может, это и есть дружба, странная привязанность, выражавшаяся в постоянных подначках и издевках. Если честно, Тимьян многое прощал долговязому рыжему южанину.

Глядя на веснушчатое лицо Ослепительного, с трудом верилось, что он, по его же словам, индариец. Что-то путает, подлец. От тех грязных волосатых дикарей с побережья Огненного моря Кир взял только пронзительно-черные глаза, так не вязавшиеся с остальным обликом. Впрочем, откуда Кир знает о собственном происхождении? Прощельга вырос в необъятных портовых трущобах Киртина, где ошиваются отбросы со всего мира. Тимьян бывал там — ужасное место.

Сейчас Кир сосредоточился, как никогда. Это с ним бывало. Парень немного страдал исполнительностью — привычка, выработанная в рабстве.

— Предлагай, — просто сказал Тимьян.

— Зайдем в харчевню, — восторженно вскрикнул Кир. — Тут, за углом, на перекрестке. Она, кажись, так и зовется — «На перекрестке». Что-то вроде...

— Зачем?

— Одна из примыкающих улочек и есть Кузнечная. Короче — у харчевни на терраске есть столы, где можно, не привлекая ничего внимания сесть, вроде как попить пивка...

— А, понял. Понаблюдать за обстановкой.

— Да. Ты в этом большой мастак. А обзор там хороший.

— Ну а ты куда?

— По крышам, до тупика. Ты меня ждешь.

— Ясно.

Тимьян бесстрастно проводил глазами быстро удалявшегося Ослепительного — пригнувшегося к холке коня, словно пытавшегося слиться с окружающей серостью, раствориться в тесных улицах с их никогда не рассеивающимся запахом тлена и человеческих отбросов, скрыться под тенью усталых, налезавших друг на друга домов. Тимьян спрыгнул с коня, привязал к коновязи у входа. Неторопливо вошел.

Типичное для средней полосы заведение — темное, освещенное всего-то двумя свечами, стоявшими на пустом прилавке, за которой виднелась лысая голова дремавшего хозяина. Пузатые бутылки, стоявшие на грубо сколоченных полках, бочки у стен, метла валявшаяся на полу, прямо на пороге, массивные балки, поддерживавшие крышу, длинные столы у стен. Отличие этой забегаловки от сонма подобных в наличии терраски — такие распространены в южных странах.

За одним из столов, почти в полной темноте, сидел один-единственный посетитель.

— Просыпайся, родимый, — хлопнув ладонью по прилавку, сказал Тимьян трактирщику, поглядывая при этом на человека во мраке. Тот приветливо махнул рукой. Тимьян кивнул в ответ. Скрывается от кого-то, либо просто хочет посидеть в одиночестве. Достаточно заурядная личность, судя по движениям, выражению лица — плохо видно, но Тимьяну достаточно и того. Забыть о нём.

Трактирщик, протирая глаза, испуганно воззрился на позднего гостя.

— Пивка, — сказал Тимьян.

— Ага, — без лишних вопросов ответил тот.

— Почему ты не закрываешься? — спросил Тимьян, мрачно взглянув на поданный ему напиток. Сильно разбавляет водой, гад. Но сейчас не время предъявлять претензии. Вполне возможно, что хозяин и так едва сводит концы с концами.

Трактирщик сразу как-то расслабился, даже подобрел.

— А зачем? Выпускать-то всё равно не выпустят. Да и куда идти? Надеяться на чудо? А вот... — тут он осекся и виновато посмотрел на Тимьяна.

— Расслабься. Всем и так ясно, чем всё закончится. Так ведь? Или нет?

Тот неловко пожал плечами. Тимьян взял кружку и пошел к выходу.

— Э... — подал голос трактирщик.

Тимьян обернулся.

— Что-то не так?

— Да нет. Просто хотел спросить, вы на терраске будете?

— Да, а что?

— Да нет... я просто... ежели что надо...

— Я крикну тебе, не волнуйся.

— Хорошо, как вам будет... угодно.

— Вот и ладненько. Не потей так, мужик, всё нормально.

Улица пустовала. Тимьян откинулся на спинку сплетённого из ивняка кресла, сделал большой глоток пива, поморщился. Кислое, и отдаёт протухшей рыбой. До чего же мерзкая питейная — унылая какая-то. Даже нехорошо стало на душе.

Тимьян задумался — а не слишком ли странно он выглядит здесь, совсем один? Окинул долгим изучающим взглядом перекресток. Тишина. Ни движения. В этом-то и подвох. Конечно, здешний переулочек находится вдалеке от центра событий, отголоски которых, тем не менее, слышны. В Басилите таких укромных местечек полным-полно. Но всё же...

Он слишком подозрителен? Ведь родной Хаэрт остался далеко позади. Иногда ему казалось, что там все только тем и занимаются, что следят за друг другом. Вот уж действительно — царство гадюк. Местный народ по сравнению с ними — простаки. Сборище тупых мужиков. Все, кто дальше Кальвента, северяне, одним словом... в общем, на их лицах написано, кто они такие. Придурки, как вон тот убогий, в углу.

Стоп. Тимьян обернулся и увидел, как «убогий в углу» — неопрятный, дерганый тип с век не мытой шевелюрой и услужливым выражением лица, — приближается к нему.

— Добрый вечер, господин, — промямлил он. — Не разрешите ли мне, так сказать, присоединиться...

Отказ вызвал бы подозрение у вероятных наблюдателей. У тех, кто сидит в засаде — а они сидят, должны. Вся его настороженность, еще мгновение назад подвергшаяся сомнению, вернулась. Не стоит отворачиваться от с таким трудом возвращенной подозрительности. Она не раз спасала.

— Садись, — ответил Тимьян.

— Я вам не помешаю. Я, ммм....

— Выпить хочешь?

— Виноват... да.

— Хорошо. Эй, хозяин!

Трактирщик тут же прибежал.

— Налей несчастному. За мой счет.

— Сей же час.

«Убогий», схватившись за преподнесенную кружку пива обоими руками, торопливо проглотил содержимое и с видимым облегчением вытер засаленным рукавом усы. Все его повадки — льстивая улыбка, трясущаяся голова, преувеличенно осторожные движения, — свидетельствовали о том, что данный субъект являлся беспробудным пьяницей. Совершенно заурядный тип. Вряд ли возможно сыграть такого — как бы ни был искусен актер, его всё равно видно. «Странно, — промелькнула мысль у Тимьяна, — сколько лет прошло, я всё еще жду их. А они, скорее всего, уже и позабыли про меня. Не такой уж и выдающийся я был ассанер, за что подвергался разнообразным наказаниям, на которые Бессмертные большие мастера. Я прославился только тем, что сумел бежать, создав, однако, неприятный прецедент. Хмм... На их месте я бы однозначно решил — раз сумел один, смогут и другие». Это-то обстоятельство и не давало покоя Тимьяну последние годы, превратившись если не в навязчивую идею, то в нечто, способное омрачить настроение.

— Как тебя звать? — продолжая поглядывать по сторонам, поинтересовался Тимьян. Напротив старый хромой фонарщик разжег уличный фонарь, бормоча при под нос

ругательства.

— Ох, знаете, добрый господин, моё имя, я имею в виду настоящее, ну, то, что, как вы сами... кхм... понимаете, дадено было мне с рождения, моей... это... мамой, уже покойной... ну...

— Так как же?

— Смеяться будете.

— Ну так позабавь меня.

— Неиз... кхм... это... Неизбежность.

— Оригинально. Видно твоя мамаша была большой шутницей.

— А вы знаете, — придвинувшись, прошептал Неизбежность, — с этим связана... кхм... ис... э... история. Ну, как вы... изволили сказать, оригинальная, я бы даже сказал, в высшей степени занимательная история. Хотите, расскажу?

— Валяй.

— Только, — Неизбежность, всем телом облокотившись на стол, потянул Тимьяна за рукав, — может... простите... еще по кружочке?

Тимьян не любил когда его трогали — привычка, приобретенная в монастыре. Любое прикосновение таит опасность — враг может бросить заклинание, уколоть отравленной иглой, да что угодно. Поэтому он машинально отбросил от себя грязные пальцы пьянчуги, а затем толкнул его в грудь. Неизбежность замахал руками, и, пытаясь удержаться на месте, вцепился Тимьяну в... запястье. В полной ярости от такой наглости, Тимьян вывернул ему руку, отчего тот со стоном согнулся в три погибели, и врезал бедняге сапогом по лицу.

Неизбежность несколько секунд стоял, словно слепой, вода перед собой дрожащими руками, и роняя со сломанного носа кровь, затем неловко уселся на землю.

— Исчезни, — коротко бросил Тимьян, усаживаясь на место.

Неизбежность всхлипывал, размазывая по лицу кровь рукавом.

— Ты слышал? Сгинь, погань!

Неизбежность поднял на него глаза — покорные, смиренные глаза человека, привыкшего к побоям, затем вскочил, и, не разгибаясь, ретировался. Тимьян хмыкнул. Фонарщик, ставший свидетелем сцены, не переставая ворчать, поспешил удалиться.

Такое впечатление, подумал Тимьян, что здесь и впрямь нечисто. Даже не верится. Остается дожидаться Кира.

Однако спустя какое-то время Тимьян почувствовал, как у него заболела голова. Он огляделся так, точно видел перекресток впервые. В глазах помутнело. В полном смятении осмотрел себя, поднес ладонь, к которой притронулся Неизбежность, к лицу. Ничего. Или... еле заметное красное пятнышко? Покраснение?!

Стоп. А это имя? Как его? Неизбежность? Неизбежность...

И тут его осенило. Он в ужасе вскрикнул и схватился за голову, но тут же зашатался, и чтобы не упасть, облокотился о стол. На лбу проступил холодный пот.

Не может быть. Этого просто не может быть. Достали таки.

Силы стремительно покидали его. Тимьян плюхнулся в кресло так, что оно чуть не развалилось.

В последнем проблеске ускользающего сознания, бывший наемный убийца заметил, как свет единственного уличного фонаря, в котором тонкое оранжевое пламя трепетало, точно пойманная в сачок бабочка, заслонили выросшие будто из под земли фигуры двух человек.

— Эт думвад, — прошептал Тимьян, проваливаясь в небытие.

Огонек в фонаре, вспыхнув, погас.

Мертвая тишина

Кир оставил коня в самом неприметном месте, какой только сумел найти: на задворках сгоревшего дома, у высокого каменного забора, рядом со смрадной кучей — что именно там находилось, и что чувствовало животное от такого соседства, Кира ничуть не интересовало. Осколок (какое имя!) никуда не денется. А если и денется — невелика потеря. Всё равно придется расстаться с лошадьми. Не тащить же их в Мёдов проход. Как бы самим не застрять в треклятой кишке. Чертовы подземелья. Так что, к демонам конягу. А вообще, Кир не сомневался, что Осколок (нет, какое имя!) останется цел и невредим — вряд ли кто захочет связываться с таким парнем, как он. Здесь может находиться только ворьё, мародеры. Ворьё чует опасность за версту, а от увешанного оружием человека в черном, шныряющего ночью по укромным местам, ожидать можно только неприятностей.

Итак, Кир почти на месте, что радует. Основательность — вот что главное. Никаких промашек. От хорошо выполненной работы, причем выполненной вдумчиво, старательно, получаешь удовлетворение, осознание собственной значимости. Конечно, так получается не всегда. Чаще всё идет наперекосяк, бывает, Кир просто не в настроении. В такие моменты тобой движет хаос. Рука промахивается, глаз не видит...

Бойня на стене — как раз такой случай. Ничего, кроме раздражения подобные события не вызывают. Лучше в разведку. Нет ничего приятней разведки.

Кир понимал, без самолюбования тут не обошлось. Для всех в отряде Эндр он являлся — скажем прямо — раздолбаем. Или даже неженкой. Красивым мальчиком. Исполнительность воспринимали как желание выслужиться, угодить. Нет, подумал Кир, омрачившись. Не желание выслужиться, нет. «Парнишка приручен к дисциплине», — так заявил толстяк, впервые представив Верге. О том, что парнишка — раб, выросший в безумно дорогих борделях Ассалея — резиденции властителя Индари, толстяк умолчал.

Скрыл Эндр и то, как там умеют выбивать дурь из головы, и вколачивать взамен желание беспрекословно повиноваться.

Крайне неприятно вспоминать прошлое. Может, поэтому он и назвался глупым в своей претенциозности прозвищем Ослепительный, и прикрывался им, будто щитом. Хотя, Ослепительный он не только поэтому. Но это секрет. Больше всего Кир ненавидел жалость к себе, и лучше прослыть дураком в их пестрой компании, чем позволить с притворным сожалением похлопывать себя по плечу.

Да, Эндр обманывал остальных, говоря, что Кир сбежал от хозяев — владельцев горнорудных шахт в Гуджру — чтобы потом нищенствовать в Киртине. Что парень побывал в аду. Ребят в братстве не обманешь. Черт возьми, даже Беддах не поверил. Веханец тогда усмехнулся, Кир хорошо запомнил. Но если командир врет, значит так надо. На самом деле друнг попросту нашел его, десятилетнего пацана, в пустыне. Пухлый и изнеженный купец игрался с ним до тех пор, пока на караван не напала одна из многочисленных шаек, рыскавших в пустыне (сговорившаяся, кстати, с охраной любителя детских ласок). Кир уцелел, забившись под повозку. Уж что-что, а исчезать он умел, как ни кто другой.

Эндр взял его себе в слуги, но со временем сделал воином и сподвижником.

Кир ловко вскарабкался на крышу сгоревшего дома, от которой остались только обугленные стропила и часть обрешетки, осторожно подполз к краю, и выглянул на улицу. Никого. В застывшей тишине таилось нечто противоестественное. Неужели все ушли

защищать город? Или подались к южным воротам? Кир помотал головой, прогоняя прочь ненужные размышления, которые, стоило расслабиться, заполняли мозги, словно какие-нибудь паразиты. Сейчас не до этого. Быстренько выполнить дело, разведать, что и как, и вернуться к Тимьяну.

Губы тронула тень улыбки. Вот уж кто любит поискать призраков у себя в голове. Кир видит этого деятеля насквозь. За всей грубостью и цинизмом Тимьяна скрываются комплексы, комплексы и еще раз комплексы. Тимьян вечно ждет. Только кого? Кто за ним охотится? Никто не знал, а задавать лишние вопросы в братстве не принято.

Ладно, пора двигаться. Кир скользнул на землю, перемахнул через забор и прокрался к следующему дому. Тот был сложен из горного камня — признак состоятельной семьи. Квартал, видать, далеко не бедный, и одинокое пепелище, где остался Осколок, казалось чахлым деревом посреди цветущего сада.

Кир выглянул в проулок. Парадный вход, конюшня, еще какие-то строения. Свет нигде не горит, лишь мертвая тишина, прерываемая отголосками сражения и карканьем воронья. Далее во мгле нависавших гор утопала еще парочка дворов. Кузнечная, она. Настораживало запустение. Почему, отчего? Не может быть, чтобы паника настолько овладела жителями, что все в одночасье побросали свои дома. Всегда найдется упрямец — и не один — готовый остаться вопреки всему.

Странно.

К зажиточному дому примыкал каменный забор. Кир с минуту вслушивался в звуки, доносящиеся изнутри, точнее, к отсутствию таковых, затем влез на забор, подпрыгнул и забрался на крытую черепицей крышу.

Стемнело окончательно. Бледный закат напрочь скрылся за горами.

Едва сделав шаг, как Кир ощутил чье-то присутствие. Замер. Нет, в доме определенно никого. Обитаемое жилище всегда, даже несмотря на гробовую тишину, испускает какую-то теплоту что ли. Он не вор, но способность подкрадываться незамеченным всегда подсказывала, где есть люди, а где их нет. Но тогда кто же следит за ним?

Внутри разлился холодок. Внезапно Киру захотелось, как когда-то в детстве, забиться в укромное место. И замереть.

К нему приближалась нежить. Он не видел и не слышал ее, не представлял, что это такое и как выглядит, но все-таки знал, что оно тут, рядом. Кир лихорадочно прикидывал дальнейший план действий. Убежать, вернуться назад? А успеет ли?

С другой стороны, его ли поджидает тварь во мраке? Или просто что-то вынюхивает? Тоже разведывает? Как ни крути, но человек, так некстати объявившийся здесь, не может не заинтересовать таинственное существо. С какой стати человек разгуливает здесь? Почему не на крепостной стене?

А может, он себя накручивает? Нет, оно здесь, Кир явственно ощущал что-то вроде холодка. Кир спрыгнул во двор. Приземлившись на кусты, затрепавшие под ним, он поднял голову и увидел, как на него падает крылатое существо.

Растрепанные длинные волосы; горячее, слишком горячее дыхание, сопровождавшееся напряженным сопением, больше похожим на шипение змеи. Существо обрушило на него меч, но Кир успел откатиться и выхватить свой клинок.

Существо замахнулось снова. Кир парировал. Лязг, искры. «Оно меня добьёт, — запаниковал Кир, отбивая новый выпад. — Оно же невероятно быстрое, быстрее даже Каллада. Надо уносить ноги». И Кир побежал, даже не понимая куда.

Но наткнулся на стену — как оказалось, он повернул к дому. Кир нашарил рукой дверь, вломился внутрь, помчался вверх по лестнице, сшибая мебель, падавшую, кажется, с оглушительным грохотом — такая тишь стояла вокруг.

Но существо не отставало. Кир оглядывался и видел два немигающих огонька. Ввалился в первую попавшуюся комнату и запер дверь на засов.

Боги! Как же страшно! Несмотря на растущий ужас, Кир попытался оценить ситуацию — сказалась многолетняя закалка. Как-никак, а с Эндром уже двенадцать лет.

Итак, Ослепительный попал-таки в переделку. Кир постарался вспомнить то, что рассказывал в таверне Мёд. Что-то об аватарах, проще говоря, призраках. Что-то об оживленных трупах, или мервах. Аватары имеров могут околдовывать людей. Страх и усталость — откуда они взялись? Теперь понятно. Преследователь, наверное, из боевых. Как Мёд их назвал? Илло... Илло... Плевать. Главное, не поддаваться панике. Какие у него варианты? Выпрыгнуть в окно? А может... спалить дом? Пожар привлечет внимание, глядишь, и отпугнёт монстра.

Кир отпрянул от двери, неожиданно почувствовав, что *она* совсем рядом, по ту сторону. Его мерзкое свистящее тяжелое дыхание говорило об одном — тварь действительно нежива. Странное создание. Ни призрак, ни плоть. Нечто, оживленное магами имеров. Сгусток тьмы.

Какое-то время спустя оно вдруг ушло. Кир слышал, как стихает, удаляясь, сопение воина-призрака. Вдохнул с облегчением.

Кир всмотрелся в помещение, где находился. Угадываются очертания шкафов у стен. Кресла вокруг стола. Он подошел к столу и стал искать свечку. Нашел. Разжег и то что увидел, поразило.

В креслах сидели, судя по всему, жильцы дома — мужчина, женщина, две девочки. Ссохшиеся фигуры, на лицах которых застыло выражение бескрайнего ужаса. Кто мог сделать с ними такое? Ведь не могли же они просидеть здесь сотню лет? На столе ужин — цыпленок на фарфоровом подносе, хлеб, вино в кувшине. Еще... час назад хозяева были живы.

Кир резко оглянулся, привлеченный скрипом двери. Засов на его глазах отодвинулся. На пороге возник человек — бледный юноша, одетый в черное, до пят, платье, перехваченное кожаным поясом. Клинок в руке. На неподвижном, точно маска, лице жили только ярко-красные глаза. Потом драпировки, ведущие в смежные комнаты, всколыхнулись, и в помещение вошло еще четверо двойников первого.

Кир опустил голову и вздохнул. Мервы воняли падалью.

Только мервов здесь не хватало.

По глубокому убеждению Каллада, с самого начала всё пошло не так. Они должны были дождаться Тимьяна с Киром. Стемнело, но их нет. А это означало одно — парни попали в беду. Тимьян с Киром бывалые, знают, что и как, но, как видно, где-то не доглядели. После истории, рассказанной Вергой, можно ожидать всякого.

«Идите, и смотрите, чтобы не вляпались», — вспомнил Каллад слова толстяка. Удивительно, твою же мать! Вот как, оказывается, гибнет страна. Одни отчаянно ломаются в запертые ворота, другие напрасно отдают жизни, третьи строят друг против друга козни.

Каллад не сочувствовал никому. Бежишь — ты трус. Отдаешь жизнь, зная что зря, — дурак. Вонзаешь нож в спину ближнему — подонок.

Но ведь и он бежит! Тоже трус? Может быть, их настигнет смерть в пути, может им

придется убивать ради пацана с девкой — придурки? Подонки?

Эндр долго не находил себе места. Всё порывался броситься на поиски и с большим трудом поддался уговорам.

— Если там засада, тем более надо затаиться, — говорил Верга.

— Друг мой Верга, — отвечал друнг. — О чем ты говоришь? Засада? Если кто и знает, что мы затеяли, знает также, куда, в какую дыру мы полезем, то почему бы ему не явиться сюда и не уложить нас прямо здесь? А?

— Логично, — кивнул Верга.

— И что же делать? — спросил Беддах.

Эндр был категоричен.

— Идти на выручку.

Мёд покачал головой.

— Это не разумно, — сказал он.

— А ты бы помолчал, умник!

— Хватит, Эндр. — Мёд, похоже, начал сердиться, что с ним случалось крайне редко. Разумеется, в слове «умник» нет ничего плохого, но то, как слово произнес командир, от которого сегодня уже неплохо, совсем неплохо, досталось Тимьяну, вывело из себя даже этого чистоплюя и философа.

И бывшего магика.

Противоречивые чувства испытал Каллад, услышав его признание. Казалось, известие должно было вызвать, по крайней мере, сочувствие — Мёд являлся очередной, подобно ему с братом, жертвой Великой Охоты короля Канга. Однако Каллад, напротив, проникся к нему еще большей неприязнью. Так бывает — человека недолюбливаешь вопреки смыслу, лишь поддаваясь эмоциям. Да, он понимал — Мёду досталось, но ничего не мог с собой поделать. Не нравился ему этот выхолощенный тип и всё. И чем больше Каллад проникался к бывшему аколиту антипатией, тем сильнее старался не выдать себя. Черт, в немоте, оказывается, есть свои преимущества. Не надо никому объяснять, почему ты такой мудака.

В какой-то момент Каллада осенило, что многие в их отряде откровенно раздражают. Наблюдая за товарищами, он с каким-то изощренным удовлетворением подмечал в них те или иные недостатки. Интересно, так у всех бывает, или это другая — негативная — сторона молчания? Раз не говоришь, сиди и слушай. А слушать порой невыносимо. Так и хочется двинуть в глаз... Тимьяну, например. Аркера — а брат, естественно, видел всё, что с ним творилось, но почему-то молчал, — когда-нибудь скажет: «Похоже, засиделся ты, браток, без дела».

Тем временем Мёд продолжал:

— Почему неразумно? Да потому что, мы не знаем, что с ними. Кто задержал парней, куда они встряли, что произошло — это ты можешь сказать наверняка?

— А может, твой Иво навел на них кого-нибудь? Вордуров, людей Анастасия, или таватаров твоих.

— Нет. Иво глухонемой. Последствие пыток в застенках идшукантов. Такого парня как он не сломают даже все демоны бездны. Так вот, если и идти, то нужно быть предельно осторожным. Предельно. А вот ребята, как мне кажется, недостаточно серьезно восприняли угрозу.

— И виной этому ты, исан, — добавил Верга.

— Я?!

— Ты знаешь, насколько Тимьян мнителен. У нас ответственное дело. — Верга взглянул на поникших, потерявших интерес ко всему Дакси и Ниа. — А ты набросился на него. Выбил его из колеи.

— Ладно, пусть так, — проворчал Эндр. — Набросился. Что с того? Тимьян у нас баба а не воин. Мнительный... что там еще? Ему, значит, надо прежде сопли утереть... так что-ли? Нет? То-то и оно. Я говорю — кончаем языками трясти. Идём.

— Может, еще подождём? — предложил Аркера.

— Сколько ждать? До утра? Пока не рассветет, и мы не окажемся у всех на виду со своим... э... товаром?

— Не знаю, не знаю, — с сомнением покачал головой Мёд. — Что-то ведь произошло. И что именно — непонятно. Нам отсидеться бы...

— В Басилите нигде не отсидишься, — отрезал Эндр. — Вот что я придумал — идём все вместе.

— Нет, — практически хором ответили ему остальные.

Эндр даже раскрыл рот от удивления.

— Лучше разделиться, — пояснил Верга. — Как и задумали. Нельзя попадаться всем скопом. Те, кто пойдут позади — я имею в виду братьев и Беддаха с принцессой — будут наблюдать за нами. Если мы влипнем, они увидят.

— И что ж хорошего?

— Сами спасутся, и, кто его знает, может и нас вытащат.

— Послушайте, — сказал вдруг Мёд. — Я вот что подумал... Я могу отследить Тимьяна. То есть, с помощью магии. Как бы выразится попроще... понять, что с ним происходит в данный момент. Если он в беде — я узнаю.

— Ни к чему, — отрезал Эндр. — Я и без магии все понял. Он в беде, как пить дать. Может это имеры, а может и... старые дружки.

— О чем ты? — спросил Аркера.

— Не важно. Итак, по коням.

Тут вмешалась Ниа — и голос ее дрожал от ярости.

— Вот как? Всё решили за нас?

Все недоуменно уставились на нее и на Дакси. Принц снисходительно улыбался.

— Сдается мне, мы для вас нечто вроде дорогой безделушки! — запальчиво выкрикнула она. — Всё обсудили — те пойдут с моим братом, те со мной. А как же мы? Вы нас спросили? Что мы чувствуем?

— Послушай, Ниа, — примирительно сказал Беддах. — Не кипятись. Понимаю, тебе тяжело расставаться с родным братом...

Но принцесса, даже не посмотрев на веханца, вперила в Эндра полный по-ребячьи страстной ненависти взгляд. Она буквально прожигала его насквозь. Но друнг ничуть не смутился, более того, он сразу перешел в нападение:

— Во, блять! Да зачем мне это нужно? Задарма подставлять шею! За какую-то горстку золота, причем, наверняка, не самого чистого! Все, мужики, отбой. Мы тут чуть глотки друг другу не перегрызаем, головы ломаем, как быть, а эта... эта красавица сопливая еще и недовольна! Что ж тебе еще надо, дорогая? Попку тебе утереть?

Аркуера не удержался и прыснул со смеху. Смущенная столь гневной отповедью, Ниа беспомощно посмотрела на брата. Принц выпрямился и решительно сказал:

— Будет тебе, сестра. Идемте, господа.

— Вот это я понимаю, — уже совсем другим тоном сказал Эндр. — Молодец, парень.
Раз решили, значит отправляемся.

Кто со мной говорит?

Каллад посмотрел вслед удаляющейся тройке Эндра, сопровождавшей принца. Юноша по-прежнему самозабвенно предавался размышлениям (судя по всему, это было его естественным состоянием), из которого выходил лишь изредка, и только для того, чтобы окинуть наемников весьма запоминающимся взглядом, представлявшим собой смесь высокомерия, апатии и любопытства. О последнем говорили его глаза — в них нет-нет да пробегала искорка. Хотя, скорее взгляд парня напоминал холодное, отчужденное наблюдение, подобно тому, как изучают какую-нибудь необычную мелкую букашку.

Дакси слабо улыбнулся в ответ на эмоциональный поцелуй сестры, забрался на коня, и, свесив голову, уехал. Постепенно ночь поглотила их размытые, будто и не существовавшие никогда, фигуры. И в этот момент Каллад почувствовал — совершенно неожиданно — как внутри него всё опустилось. Как будто безвозвратно терялось нечто дорогое. Этой ночью многое изменится.

Каллад помотал головой, прогоняя наваждение, посмотрел на брата, на веханца и задержал взгляд на девушке. Ниа, похоже, пребывала в смятении. Девушка напрасно вглядывалась в лица мужчин, хранивших сосредоточенное молчание. Что она в них надеялась найти?

Годы молчания — добровольного затворничества, превратившегося, по сути, в особое состояние, из которого Каллад теперь вряд ли когда-нибудь выйдет, научили смотреть вглубь вещей, подмечать малейшие изменения настроения. Вот и сейчас он видел принцессу насквозь. Ниа боролась с собой. В ней бурлила гамма противоречивых чувств, но она старалась держать себя в руках.

Что ж, молодец, не раскисает. С понятиями девка. Но утешать ее, — нет, точнее будет сказать: поддерживать, — он не станет. Не умеет, да и не хочет. Как и Аркера. Брат вообще отличался редкостным простодушием. Безразличный, невнимательный и беззаботный парень. И совсем не чуткий. Чтобы обхаживать такую вот штучку, как Ниа, нужно быть хоть немного... Нужно воспитание, короче. А какое оно у них? По сути, их воспитателем стал Эндр. Вместо учтивых слов — проклятия, вместо цветов — подзатыльники. Ну и как тут быть? Почему толстяк доверил девицу им, а не Мёду, например? Из Мёда вышла бы отличная нянька.

Иногда Каллад завидовал брату. Аркера никогда ни о чем не задумывался, в отличие от него самого. Так казалось не только ему. Остальным тоже. Но Аркера уж точно ничем не походил на Тимьяна, с кем его постоянно сравнивали. Брат скромнее, честнее и ему, в сущности, нечего скрывать. В последние годы Аркера стал вести себя тише, чаще держался в тени, всё больше помалкивал. Каллад с удовлетворением — так, наверное, чувствовал бы себя любой старший брат, наблюдавший за тем, как взрослеет младший, — видел, как Аркера мужает.

Ниа, тем временем, вроде как нашла себе друга — Беддаха. Не удивительно. За вечным брюзжанием и нытьем скрывался добряк. Обветренное квадратное лицо самого старшего среди них наемника с годами как-то поникло, приобрело как бы усталое выражение, что особенно выражалось в прищуренном, словно смеющемся взгляде.

Беддах протянул девушке флягу.

— Глотни винца, что ли, согрейся.

— Я не замерзла.

— Да ты что? А мои глаза говорят об обратном. Послушай меня, детка. Знаешь ли ты, что плоток хорошего вина равен поцелую... в твоём случае самого, что ни на есть, красивого парня. Ну, такого, например, как наш Аркера.

Ниа улыбнулась в ответ, невольно покраснела после упоминания о поцелуе и скептически осмотрела Аркеру, который, кстати, не обратил на нее никакого внимания. Брат словно прислушивался.

Так и не дождавшись, когда же девушка возьмет у него флягу, Беддах сам отпил из нее, но не успев проглотить жидкость, насторожился. Медленно закрутил пробку, пристегнул флягу к ремню.

— А я уж подумал, что мне показалось, — прошептал Аркера.

— Нет, — ответил Беддах. — Какая-то буча там, определенно. Как бы мужиков не замели.

— Прячь лошадей, а мы на трибуны, — сказал Аркера, и, не дожидаясь остальных, помчался наверх. Каллад схватил девушку за руку и, скорее инстинктивно, стиснул ее. Он хотел поторопить принцессу, но та, скорчившись от боли, с негодованием отдернула руку, и побежала за братом. Каллад, в намерения которого не входило ничего плохого, пожал плечами и поторопился следом.

Карабкаясь по полуразрушенным трибунам, Каллад услышал, как Аркера пошутил:

— Смотри не провались, красotka. Этим камням уже столько лет, что страшно подумать.

— Беспокойся лучше о себе, мужик, — парировала она, вложив в последнее слово всё своё презрение. Аркера остановился — его задел тон. Брат посмотрел на девушку, и ее грациозные движения, ловкость, недоступная им, покоробленным многочисленными схватками воинам, тонкая невесомая фигура, развевающиеся волосы, лицо — по детски серьезное, но в то же время дышавшее скрытой в ней силой, тут же выветрили из его головы все колкости.

«И не надо, — мысленно сказал брату Каллад, подойдя к нему. — Эта девушка способна свести с ума любого. А тем более нас. Ведь кто мы? Пара мужиков и есть. Так что оставь ее в покое».

Каллад толкнул брата и указал наверх. Там находилась башня. И на нее уже забралась Ниа. Она помахала им и скрылась за парапетом.

— Вёрткая bestия, однако, — буркнул Аркера, балансируя по узкой стропиле. — Забралась, не моргнув и глазом. Как бы не ухнутья отсюда.

Каллад посмотрел вниз, на заваленную битым кирпичом и мусором землю, и вздохнул. Как бы не ухнутья, точно. Как мужик какой-нибудь.

Ниа показала вниз, а потом приложила к губам палец. На пустыре перед амфитеатром, покрытом скрюченными, словно грешники в бездне, кустами черного змеевика, слышались приглушенные голоса и цоканье копыт.

Когда братья приблизились к ней, она зашипела:

— Что вы копаетесь?

Аркера сразу же припомнил ей обидное «мужик»:

— Молчи лучше, *женщина*.

Он хотел сказать «баба», но... не смог.

Не успели они проехать и сотни шагов, как Эндр внезапно услышал:

— Эй вы! Стоять!

Тысяча демонов! А ведь чуял, чуял что так всё и произойдёт. С самого утра Эндр словно не своей тарелке. Он был на грани — еще чуть-чуть, и окончательно бы потерял над собой контроль. Когда-то давно, наверное, в прошлой жизни, так и произошло. Точно так же. Ничто не предвещало беды. И всё из-за мелочей, которые накапливались, накапливались...

А впрочем, что это он? Не слишком ли накручивает себя? Выдержка, хладнокровие — вот что ему не хватает. Покажем этим засранцам, кто бы они ни были.

Эндр знаком велел напрягшимся товарищам остановиться. Обернулся. Сзади к ним приближались всадники.

Много всадников.

Один из них дунул в рожок. Спереди послышался ответ.

— Похоже, мы в западне, — слишком уж спокойно сказал Мёд.

Эндр фыркнул.

— Спасибо, а то я не понял. Я, чтоб мне стореть, тупой!

Мёд не отреагировал и Эндр сплюнул. «Все, надо успокоиться, — подумал он, вдохнув поглубже. — Успокоиться...»

— Кто такие, я спрашиваю? — прозвучал свирепый голос. — Эй, кто-нибудь! Посветите, наконец! Нутром чую, пташки наши попались!

Эндр машинально вынул косарь, наблюдая, как вокруг сжимается кольцо факелов.

— Несоветую дурить! — сказал всё тот же обладатель крайне неприятного лающего голоса. В тоне говорившего промелькнула... насмешка и облегчение. Рано успокоился, гад.

Эндр попытался рассмотреть окруживших людей, а главное — предводителя всей этой шайки. В руке приятно тяжелел старый добрый косарь. Поубивать бы всех, с ненавистью подумал он, глядя на людей в вороненых доспехах и серых плащах. На щитах до боли знакомая эмблема — молот, вокруг рукояти которого обвилась алая роза. Среди них обращали на себя внимание двое: суровый старик, облаченный в старые простецкие доспехи и, судя по внешности, данвариец. Соплеменник и здесь? Что-то во внешности этого человека, также одетого во все черное, показалось ему знакомым...

«Поубивать бы! — Эндр охватывало отчаяние. — Черт, как же быстро все закончилось. Вот и оказались в безвыходном положении. Правда. Ведь это же охотники. Куда же без них-то!»

— Убери-ка ты тесак, дружок, — продолжил горлопан. — Неужели думаешь справиться с полусотней? Ты же не колдун, а? Колдун, или нет? Смотри-ка, вот твои приятели особо не рыпаются. Понимают, что к чему.

Словоохотливый командир оказался на удивление щуплым мужичком с крысиным лицом и остроконечной рыжеватой бородкой. На голове у командира красовался слишком уж громоздкий шлем с крыльями, придававший ему несколько комичный вид. Кто это такой, Эндр не знал. Однако голосище у него был устрашающий.

— Давай-давай, спрячь своё кромсало, — велел капитанвордуров.

— Ничего не поделаешь, исан, — проговорил Верга. — Подчинимся, а там, может, выкрутимся. Посмотрим. Спрячь косарь.

— Хорошо, — просто ответил Эндр и сунул косарь за пояс. — Ты кто, шавка?

— Но-но! Выбирай выражения. Меня зовут Григ. Это всё, что вам надо знать. Скажу честно, мы уж вас обыскали. Старый пес Кипр спутал нам все карты. Уже с ног валимся,

весь город обшарили. Случайно наткнулись на вас, в самом деле, случайно. Так ли, братцы?

В ответ раздались голоса — все больше равнодушные, усталые.

— К делу, — сказал друнг.

— Не строй из себя тупицу, дружок мой толстый.

— Спорим, — ледяным тоном произнес Эндр, глядя Григу прямо в глаза, — что ты умрешь раньше, чем вся твоя затраханная свора успеет моргнуть.

Григ побледнел, но быстро пришел в себя:

— Попробуй. Хочешь смерти? Попробуй. Давай-давай! Сдохну я, и что с того? Тебя, недоумка, и твоих людей это не спасет, да вдобавок и проблем подкинет. Так что, не советую выёживаться.

— Мне всё равно, — тем же тоном продолжил друнг. — Еще раз из тебя вылетит нечто непотребное в мой адрес, и ты умрешь, и еще с пяток с тобой отправлю, чтобы они тебя провожали на тот свет как подобает — как знатного засранца.

— Хватит! — рявкнул Григ, залившись багрянцем. — Больно ты остер на язык, наемник. Ты хоть понимаешь, во что ввязался? Не в свое дело ввязался. Ты даже не представляешь, какая игра закружилась вокруг вас, глупые вы люди. Как это говорится? Пал бы на стене смертью храбрых со своими головорезами, — и то хорошо, хоть на что-то пригодились бы. А теперь уж извините. Не по вашим зубам добыча, — он кивнул на сохранявшего полнейшее спокойствие Дакси. — Надо было понять это, друнгарий... как там тебя? Поморник вроде. Говори быстрее, где остальные твои бойцы! Вместе с девчонкой. Ведь она с ними, я угадал?

— Глупый вопрос, шавка. Катись в бездну.

— Понял. Не хочешь говорить. Что ж, я и не настаиваю. У нас найдутся люди, способные разговорить таких как ты, наемник. Поехали! Поехали, поехали!

С этими словами Григ развернулся, пришпорил коня и поскакал. Эндр со злостью сплюнул. Всё-таки крысеныш его одолел. Крысеныш был так уверен в себе, что даже не огляделся. Крысеныш знал, что одно из копий ткнётся тупым концом в спину толстяка, принуждая его следовать за ним.

И оно ткнулось.

— Пшел, кому сказано!

— Надо уходить. — Беддах произнес это таким будничным тоном, что Ниа стало как-то не по себе — столько во всём этом было... привычки что-ли. Привычки к лишениям, трудностям. Привычке смотреть смерти в глаза — только сейчас она поняла, что это не просто расхожее выражение.

Веханец присоединился к ним спустя пять минут, спрятав лошадей в одном из подтрибунных помещений. Ниа невольно восхитилась им. Он взобрался к ним с легкостью старого, опытного человека: неторопливо, точно зная, куда ступить. В нём определенно чувствовалось то, что она называла *судьбой*. Беддах нёс в себе нечто, висящее на нём непосильным грузом. Осознание этого разжигало у неё нешуточное любопытство.

Заметив, что принцесса пристально его разглядывает, веханец одарил её своей ни на что не похожей усталой доброй улыбкой, потер себе щеку и повторил:

— Надо уходить. Что скажете, парни?

Аркера стиснул зубы от досады.

— Ничего не поделаешь. Надо. И откуда только взялись? Как навели, сука!

— Все-таки вовремя мы разделились, не то и нас сцапали бы, — сказал Беддах.

— Надо уходить, — повторил Аркера.

Ниа вспыхнула:

— Как?! — и тут же смутилась. Девушка знала их меньше дня, а уже... успела привязаться к ним? Или это от безвыходности? Сколько времени прошло с тех пор, когда она разглядывала их, ни много ни мало, с оттенком отвращения, старательно внушая себе, что на самом деле выше их. Она... она королевская дочь, а не надоедливая игрушка, от которой, судя по всему, не знают, как избавиться.

Ниа нехотя признала, что в этих неопрятных, дурно пахнущих ребятах, с их грубым, злым, и в то же время таким забавным командиром, есть что-то такое. То, чего она никогда не находила в отце, в придворных, в хитром крысе, в надушенном приторном Анастасии.

Они настоящие, вот что.

Можно сказать, старый Беддах впустил ее в их дом — такой же неопрятный, захламленный нерешенными, попросту позабытыми проблемами, холодный от их скованности, молчания — ведь у таких мужчин не принято изливать друг другу душу. Ей там не понравилось, но девушка уже осознала, что так просто его не покинет. И потом, ее — всё-таки принцессу — уже так давно окружали сомнительного вида личности, уже так давно она жила в ожидании грядущего — чего именно, не важно, — что само слово принцесса воспринималось ей как насмешка.

— Можно, конечно, — начал рассуждать Аркера, — постараться перестрелять их. Уверен, десятку я сниму. Но это максимум. А что потом? Калладу спускаться нельзя — все-таки с нами принцесса. Положеньице! Нее, затаимся. Понаблюдаем.

Каллад с Беддахом согласно кивнули.

— И вы так и бросите их? — почти жалостливо спросила девушка. — Может, все-таки последовать за ними?

— Придётся переждать, — ответил Аркера. Ниа выглянула из-за парапета и взглянула на толпу вооруженных всадников — охотников на магов, старых знакомцев, — окруживших ее брата с тремя сопровождающими наемниками. Прислушалась. До нее донеслись обрывки слов, но смысла она так и не уловила. Эндр, вначале взявшийся за свой уродливый короткий меч — пожалуй, самую страшную деталь в нём, страшную именно своей долгой памятью, — с неохотой сунул его обратно. Двое других, как и Дакси, вели себя на удивление спокойно.

— Они не будут сопротивляться, — донесся до нее хладнокровный голос Аркеры. — Они будут ждать удобного момента. Как и мы. Сейчас мы будем сидеть. Тихо и незаметно. Очень осторожно проследим, может. Рисковать нельзя. Что думаешь, веханец?

— Ничего другого не остается. Следить, ловить момент. Хотя, как вытаскивать их из лап вордуров, даже не представляю...

«Оставим лошадей и пойдём за ними налегке», — раздалось в ее голове. Она вздрогнула и с опаской осмотрелась, не понимая, что происходит. Голос тихий, вкрадчивый, до боли отчетливый, он и пугал и притягивал одновременно.

«Будем следить. Надо отбивать ребят во что бы то ни стало».

— Что происходит? — застонала она, схватившись за голову. — Скажите мне, что это?

Она заметила, как переглянулись братья.

«Ты... меня слышишь?» — снова прозвучал голос.

— Кто это? Кто со мной говорит? — прошептала она, ощущая, как страх захватывает всё сильнее. Аркера взял ее за руку и спросил:

— Скажи, Ниа, ты его слышишь? — и указал глазами на Каллада.

— Его?!

«Меня».

Каллад пристально смотрел на нее.

«У нас с братом невидимая связь. Мёд говорил: телепатическая. Мёд говорил, что на такое способны только очень близкие люди. Как мы: я и мой брат Аркера. Мёд утверждал, что это магия, что это нечто неподвластное никому, ни одному магу. Воссоздать такое не поможет ни один Источник, какой бы могущественный он ни был. Так почему же *ты* меня слышишь?»

— Хватит! — чуть не закричала девушка, спохватившись лишь в последний момент. — Хватит меня пугать! — ее голос задрожал. — Уйди, пожалуйста, — сказала она Калладу, закрывая лицо руками.

Беддах, все это время недоуменно переводивший взгляд с одного на другого, приобнял принцессу и мягко сказал:

— Ладно вам, парни. Потом разберемся что к чему.

Он отнял руки от ее лица и посмотрел на нее. Ниа не плакала. Она уже взяла себя в руки.

— Я готова, — твердо произнесла она.

Интерлюдия. Смятение во мраке уходящей ночи, где нет зла, нет добра. Лишь червь

Смятение

Иван долго брел по лесу, загребая ногами снег. Растрепанный, ошалевший, ничего не видя перед собой. Натыкаясь на деревья, падая. Хрипя и отплеываясь.

Или это ему казалось? И он только лишь стоял на месте?

Мгновение назад (или вечность?) перед ним разворачивался танец призраков. Беззвучная, захватывающая дух битва теней. Один за одним пали древние животные-обереги, чьи бесплотные тела рвали столь же бесплотные волканы. Кровь из ран неумовимо испарялась, не оставляя и следа. Он сомневался, видит это, или спит?

Иван долго брел по лесу, тяжело переставляя ноги в отсыревших сапогах, проламываясь через кусты. Снег таял на лице. Свинцовое небо царапали черные ветви, напоминавшие Ивану скрюченные пальцы какой-нибудь сказочной ведьмы.

Волканы неслышно следовали за ним.

— Не молчи! — закричал вдруг Иван, всколыхнув девственную тишину леса и обернулся. Эхо еще долго жило, постепенно затухая, а отшельник, прислушиваясь, думал, что голос-то не его, а кого-то другого. — Не молчи, прошу, не молчи... — добавил уже шепотом, прислонившись к стволу дерева. Он замерзал.

«К кому я обращаюсь? К этим тварям? Зачем они идут за мной?»

Безглазый был рядом, обдавая лицо горячим дыханием и облизывая окровавленную морду. Легкий, почти невесомый ветер сдувал с вожака крошечные хлопья дыма. Иван измученно подумал, на что же похож запах из пасти зверя?

Похож на пепел, на души тысяч сгоревших в огне глубин, неведомых глубин — запах древний, как само время.

Один взмах, услышал он. Одна мысль. Слово. Повелевай!

— Уйдите, — прошептал он, падая. — Исчезните. Дайте мне умереть...

Иван очнулся насквозь замерзший, ночью, посреди леса. Во тьме чащи горели огоньки. Дрожа, он двинулся в путь.

— Скоро рассвет, — бормотал он, стуча зубами. — Скоро рассвет.

Огоньки вспыхивали всё реже, удаляясь.

На краю опушки, под деревьями, притаился знакомый скит. Из снега торчали шесты. На каждом из них красовались белые, выветренные со временем черепа животных — волков, медведей, лис, козлов.

«Просто покосившиеся шесты, ничего более», — с некоторым облегчением подумал Иван. Дверь хижины занесло снегом. Отшельник непослушными коченеющими руками отгреб вход.

Внутри было стыло, пахло плесенью, шерстью и тихой пересушенной травой.

Иван стал торопливо закидывать дрова в печку. Потом долго и как-то мучительно искал кремень и огниво.

И вдруг вспомнил того, кого убил...

Где-то далеко, у безымянного ручья, заносило снегом окоченевшее тело старого шамана. Разъехавшиеся примитивные волокуши служили ему погребальным одром.

Северный ветер пел скорбную песнь.

Аха, великий охотник, склонился над последним левдом, роняя слезы из хрустальных глаз.

когда поймёшь, что Охотник смотрит на тебя, проси...

«Завтра вернусь, — твердо решил Иван, разжигая огонь в печи. — Повторю обряд».

Негнущиеся пальцы приятно покалывало. Хотелось спать.

«Завтра».

Во мраке уходящей ночи

Когда Иван вернулся к дольмену, уже поздним вечером, опять бушевала пурга. Иван пал на колени, там, где они со стариком Баитом пару дней назад разожгли костер.

Тело шамана лежало позади. За ним тянулся заносимый снегом след от волокуш. По небу струились тяжелые неприветливые тучи, лишь усиливая бесконечное одиночество человека в этом диком краю.

— Я принес тебе твоего сына, Великий Охотник! — прокричал Иван, прикрываясь от ветра. — Возьми его и ответь на мои вопросы! Я знаю, что ты здесь! Скажи мне, кто я? Кто я?!

Вокруг озера чернел лес, но Ивану показалось, что тьма окружила его.

— Я умру здесь! — ревел он, глядя в бездну неба. — Не хочу быть, и не хотел быть! — слова его словно сливались с воем бури. — Я сдохну здесь! Или покажись! Скажи что-нибудь, скажи!!! Скажи... Кто я такой?..

Он подполз к шаману, схватил его за ворот шубы и потащил в дольмен. Положил на камень посередине. Бледный лик мертвеца, покрытый инеем, смотрел осуждающе.

Затем отшельник вынул нож и обнажил запястье.

— Довольно с меня, — тихо произнес он.

И в тот момент, когда ледяное лезвие коснулось его кожи, нож выпал из рук и Иван провалился в забытие.

— Смотри, Ансталлаи! — воскликнула она. — Это же баргүтэ!

Процессия остановилась. Колыхнулось полотнище со знаком сущего, того, кто вечно придет. Ансталлаи — высокий, величественный, в белых одеждах — посмотрел на небо. Следом обратили взоры ввысь остальные — призрачные в таких же белых накидках, в высоченных куполообразных деревянных колпаках посреди поросшей мелкой травой долины. Со всех сторон их окружали неприступные горы, роняющие со своих необъятных склонов мишстые валуны, что лежали всюду в беспорядке.

Небо было кристально чистым и там парил беркут.

— Хороший знак, — сказал Ансталлаи торжественным напевным голосом. Она всегда вздрагивала, когда слышала этот глубокий и чарующий голос. — Баргүтэ — птица из легенд. Священная птица. Это сакральное имя возвеличит его. Хороший знак.

— Воистину, — хором отозвались остальные.

— Да, мой муж, — сказала она, поцеловав младенца. — Воистину, Иолáриё принесет нам славу. Он станет достойным тебя, мой муж.

— Я очень надеюсь, — ответил он и редкая улыбка осветила его суровое идеальное чело. — Очень надеюсь, что... вещающий ошибся.

— Вещающий очень стар, мой муж, — сказала она, убаюкивая захныкавшего

ребенка. — Он помнит еще землю предков. Он ошибся. И суций благоволит нам — вот знак.
Беркут парил на невысказанной высоте, выискивая добычу.
— Тот, кто вечно прядет, — все так же призрачно произнесли верные, протянув руки небу. — Да благословен он будет. Вот знак!
— Воистину, — печально сказал Ансталлаи, легонько погладив щечку сына. — Да сбудется.

Иван поскользнулся и упал. Он находился посреди озера. Буря стихла и небо очистилось, явив звезды. Отчего-то Ивану стало даже жарко. Почему он не замерз, в своем безумии, в центре стихии? Что-то подсказывало, что отныне ему всё нипочем.

Медленно и как-то нехотя приходило понимание, что он не один в себе самом.

«Я не просто человек, — думал он. — Ведь это все меняет. Как же я забыл! Я — дамнат. Мне всего лишь надо... вспомнить»

Подо льдом сгущался мрак. И оттуда на него смотрело лицо. Размывающиеся, еле различимые черты некоего древнего воина.

Иван поднялся и поплелся в пещеру. Великий охотник умер. Охотник был ничтожен по сравнению с ним. Ахан теперь — груда камней.

«Хватит сходиться с ума. Я должен собраться и понять. Понять. И вспомнить»

Иван лелеял огонь. Подставлял ладони, прислушивался к его потрескиванию. Огонь успокаивал. Когда ты один во мраке, и лица твоего касается тепло костра, кажется, что ты спасен.

Но он — дамнат — и есть тьма и холод. Спасен ли он?

К отшельнику приходило понимание, что здешняя магия ушла, уступив место *ему*. Оставалось только понять, что *он* такое. Как-то смешно осознавать, что ты — вселенское зло.

Зла нет, вспомнил он чьи-то слова.

— Если бы я мог понять, кто я! — обхватив голову руками, простонал Иван.

Чтобы вспомнить, надо понять, человеке. Перед ним на какое-то мгновение возник облик монаха. Широкоплечий, волосы с проседью, во взгляде — печаль, мудрость и поиск.

Иван вскочил.

— Зачем ты привел меня сюда? — крикнул он в пустоту. Зажмурился, потер переносицу, пытаясь выудить из глубин памяти события прошлого. — Я должен найти тебя! Как же тебя звали...

Слова не важны. Не важен и смысл. Важны лишь мы и то, что мы хотим добиться, изрекая слова. Ты понимаешь меня, человеке?

Иван улыбнулся. Монах часто говорил с ним, глядя на него с толикой сожаления.

«Понимал ли ты, друг, с кем имеешь дело? Понимал ли, от кого и зачем прячешь? Наверняка. Ведь ты мудрец. Ты спас меня, и понял»

В голове возникали сменяющие друг друга образы. Долгий путь по пыльным дорогам. Частые монологи этого странного монаха, в которых звучало — и правда, звучало ведь! — проклятое слово дамнат. Порой монах, не замечая вокруг ничего, пускался в пространные рассуждения. Книжная мудрость изливалась из него успокаивающим душу потоком.

— Я радуюсь, — бормотал Иван, подбрасывая в костер дрова. Языки пламени играли на его усталом лице. — Хотя радоваться нечему. Ну и пусть. Я должен найти тебя.

Смутный образ возник в голове: монах, уже немного постаревший, сгорбленный,

уходит, тяжело опираясь на посох. Иван сидит на скамье, у своей землянки, и тупо смотрит на землю. Перед ним деловито снуют полудохлые куры, склевывая просыпанное в примятую траву зерно. В деревянной бадейке, с пеньковой веревкой вместо ручки, плещется только что пойманная рыба.

Я сделал все, что мог, сказал монах, оглянувшись и поправив котомку на плече. Надеюсь, ты не проснешься никогда. А ежели это случится, то что ж... так тому и быть. Но сначала ты найдешь меня. Ты будешь следовать невидимому пути, подчинившись бессознательному демону, живущему в тебе. Прощай, Ваня.

Он был очень несчастен, этот монах.

Где нет зла, нет добра

Посреди болота притаилась незаметная хижина. Вела к ней извилистая тропка, сложенная из трухлявых стволов деревьев. Иван улыбнулся, опершись о длинную палку, которой он прощупывал почву. Чтобы найти монаха, мало следовать невидимому. Пришлось пройти немало лиг, блуждая по неприветливому краю.

— Долго же я шел к тебе, монах, — сказал он.

В полуразвалившейся хижине, среди крайне аскетичного убранства — лишь дощатая кровать, покрытая соломенным тюфяком, грубо сколоченный стол с единственным кувшином на нем и чугунный сосуд на полу, наполненный углями, — сидел он. Ветхий старец, слепой. Трясущийся. И посох, в которого старец вцепился.

Мутный свет, лившийся сквозь местами порванный ястык, превратил бы хозяина в невидимку, если бы не его седины, белевшие в полумраке.

— Входи, кто бы ты ни был, — сказал он слабым дрожащим голосом.

Иван сел рядом.

— Тот самый посох, — сказал он, положив суму на земляной пол и вздохнув. Тут пахло сырой землей.

— Тот самый, — кивнул монах. — Взял его в привратничкой. Это посох Богохульника. Помнишь Богохульника? Да нет. Вряд ли.

— Не всё. Но большинство. Богохульника не помню. А помню... вот как пробирались мы лесом, задыхаясь от горячего ветра. Помню, как опадала желтевшая прямо на глазах листва. А наутро от нее оставалась только пыль. И мне казалось, что на сапогах моих... мертвая природа.

Монах улыбнулся.

— Да. Так и было, так оно и было. Каково там нынче?

— Не хотел бы очутиться там.

— Но многие шли, идут сейчас и будут стремиться попасть туда. Странно, не правда ли?

— Странно.

Монах кашлянул. Пошарил рукой по столу, схватил кувшин.

— Пуст. Принеси воды, человек, будь так добр. Дай старику утолить жажду.

Иван отыскал ручеек за домом, набрал воды. Помог монаху напиться.

— Хорошо, — пригладив бороду сказал монах. — А то я уже плохо хожу. Да и не вижу ничего.

— Ты сильно постарел, дорогой друг.

Монах хихикнул, а затем пощупал лицо Ивана.

— Ты тоже, Ваня. Ты тоже.

Помолчали. Наконец монах спросил:

— Итак, человеке, ты нашел меня. Зачем?

— Чтобы получить ответы.

— Чтобы получить ответы... Хочешь, значит, вспомнить... А что я могу сказать тебе?

Ты Иван, сын Марии Кровопийцы...

— Мне неинтересна *она*, — нахмурившись, прервал старца Иван. — Я не хочу ничего знать об... сыне Марии. И плевать на того... кто там был моим отцом?..

— Квотон, архимаг. Безумный старик, прозванный Слабовольным. А ведь так и есть, слабовольный...

— ... И кто был моим братом, что охотился на меня в горах Вехании...

— Петр Усекновитель, палач и убийца. Страшный был человек...

— ... Меня интересует дамнат. Я слышал, как Рогволод назвал меня... назвал его Беркутом. Расскажи мне все, что знаешь, друг!

Монах вздрогнул, услышав это имя.

— Рогволод, Рогволод... Он впустил тьму в Арут...

Старец умолк на некоторое время, затем, уставившись невидящим взором прямо перед собой, забормотал, тихо и как-то самозабвенно:

— Я все спрашиваю себя, долгие годы спрашиваю — зачем спас тебя? Старался убедить себя же, понимаешь, человеке, что делал это из какой-то цели. А цель всенепременно должна быть великой. Как же иначе-то? И боялся признаться, себе же самому, понимаешь, признаться, что просто... боялся. Боялся я, Ваня, боялся. Что демон — тот, что внутри тебя, овладеет мною. Боялся сгубить душу. Вот так. Вот и весь секрет. Потому и прятал тебя. Потому и ловушки ставил. Чтоб никто не нашел, и не прошел...

— Не знаю, благодарить тебя за это, или нет, — сказал Иван, хмурясь. — Кстати, рех, или как его... фантом — твоих рук дело? И волканы... Что это за магия?

— Хе-хе... это древняя магия, Ваня, древняя. Магия эта зовется гвеллед. Придет время и тот, кто стоит за твоей спиной, подскажет тебе, что это такое. Ибо он знает. Он все знает.

— Волканы мне сказали, что я их создал.

— Так и есть.

— Но как?

— Тебе лучше знать.

— А ты откуда знаешь? Тебе кто подсказал?

— Арут, сынок, многое скрывал в себе. Очень многое... А я был неутомимым искателем...

— Так ты не ответил на мой вопрос.

— Это какой же?

— Кто такой Беркут? — Иван задумался на мгновение, припоминая видения в Ахане, потом несмело добавил: — Его ведь звали... Иола... Иолариё? Ты его имеешь в виду, говоря о демоне?

— Так и есть. Иолариё, чистокровный древний, и Беркут — его сокровенное имя. Каждый имер, ежели по-нашему, получает в младенчестве такое. Его и имею ввиду. Он и демон, и...

Монах запнулся, как будто подбирая слова. Высохшие пальцы нервно шуршали по отполированной за годы поверхности посоха.

— Я хочу знать! — крикнул Иван и тут же смутился. — Прости, друг...

— Давай-ка я расскажу тебе историю. Она небольшая. Жил да был один древний. Искал он мудрость. Искал познание, тайну. И нашел, представляешь? Нашел-таки мудрость. И мудрость эта гласила: «Нет зла и нет добра. А есть лишь равновесие» И понял он, что равновесие есть мера всего. И прозрев, отправился в путь. Это — путь кúдха. Понимаешь?

— Нет.

— И я долго не понимал. Только вот сидя здесь, в одиночестве, я долгое время размышлял. Все последние годы — это сплошь мысли, мысли, мысли. Можно ли назвать демоном существо, которое жаждало вылечить природу. Во благо всем живущим. Понимаешь, человече? Прислушайся к себе же. Может, найдешь ответ.

— Еще вопрос, друг.

— Спрашивай.

— Кто убил ее?

— Кого? Марию? Не знаю. Честно. Думаю, что не ты. И не он. Ты был чист, руки не были заляпаны кровью. Да не способен ты был, в том-то состоянии...

Монах еще раз прикоснулся к лицу Ивана. Шершавое, сухое прикосновение. Иван вздрогнул.

— Более не скажу ничего. Ибо уже дал тебе больше, чем должен был. Буду ли проклят, или буду забвен спасительно? Время покажет.

— А как же я, друг? Что ждет меня?

— Только ты ответишь на этот вопрос. Если честно... Даже не представляю, какого тебе, *Иолариё*. После стольких-то лет заточения и мук, коих не осмыслить нам никогда. Прощай. Оставь старика умирать в тиши.

Иван закинул за плечо суму. На пороге обернулся и спросил:

— Как тебя зовут, монах? Ты так и не сказал.

— А я позабыл. Словно меня и не было.

С этими словами монах... исчез. Иван долго стоял, не веря своим глазам.

Лишь червь

Иван не знал куда идти, и потому шел куда глаза глядят. Он устал. Вяло размышлял, а не померещилось ли ему все это? Был ли монах? Было ли прошлое, было ли настоящее? В какой-то момент остановился, задумавшись, что не знает, кто он. Кем себя считать? Неведомым существом из далекого прошлого, или слабоумным — блаженным, как говорили монахи, — двойником зловещего душителя?

Иван был растерян. Он возвращался назад, к хижине, и с отчаянием видел, что там никто давным-давно не живет. На столе — многолетняя пыль. Чугунок валяется в углу. Тюфяк истлел. Под вечер бесплодных блужданий, в прямом и переносном смысле, стало страшно. Ему начало мерещиться, что Беркут стоит за ним. Дышит в затылок.

— Ты — червь, — слышал он в шуме ветра, шорохе листьев, скрипе деревьев, кваканье лягушек, уханье выи. — Ты — червь. Исчезни. Исчезни, червь, червь, червь...

Иван прилег на траве, рядом с дорогой и забылся тревожным сном. Холод от сырой земли проникал в него, засасывал под землю. Иван задыхался. Тонул, и просыпался. Переворачивался на другой бок и все повторялось.

И снилось ему, как *нескладного имера, в сером балахоне до земли, лица которого он так и не сумел разглядеть, с позором изгоняли соплеменники.*

Имер этот шел, сгорбившись, надвинув на глаза капюшон, и надменные древние

проводжали его, осеняя себя знаком ткущего и приговаривая:

— Он разорвал ткань. Горе нам.

А потом оказалось, что это он и есть. И непривычные для всякого древнего слезы тихо текли по щекам.

По его щекам.

Ночью Иван в очередной раз проснулся. На этот раз от шума. Кто-то ехал по дороге. Несколько человек. Поскрипывала кожа, устало фыркали кони. Иван вышел на дорогу. Луна светила прямо в лицо.

— Ты кто такой? — послышалось из темноты. Лишённый интонации голос напоминал удар плетью.

— Червь, — ответил Беркут.

Часть III. Охотник и видящая. Леший

Огонек лучины затрепетал и погас.

— Проклятие, — прозвучал в темноте голос — глубокий обволакивающий баритон с легкой, весьма приятной хрипотцой. Охотник на магов всегда говорил, лениво растягивая слова, из-за чего ей казалось — особенно когда она его не видела, вот как сейчас, например, — что стоит открыть глаза, и перед ней окажется вельможа, как и полагается: утонченный, манерный, предупредительный. Слегка в годах; с бородкой клинышком, чуть затронутой сединой; в бархатном дублете, глубокого синего цвета; в алом атласном шарфе, присборенном на груди с видимой небрежностью...

Раздался стук кремня о кресало и спустя минуту лучина, вставленная в рогатину, наконец-то занялась тихим устойчивым пламенем.

Лив отвела глаза. Она не могла долго смотреть на темное, обветренное лицо с обширными залысинами; лицо неподвижное, изборожденное частыми морщинами; смотреть в глаза, хоть и голубые, но иссеченные крохотными кроваво-красными трещинками; следить за потрескавшимися, плотно сжатыми губами. Тоскливый человек, как она называла про себя охотника на магов. Весь его облик говорил о неизбывной печали, о смертельной усталости. С ним не о чем было поговорить, он никогда не смеялся, но изредка улыбался, и скупая ухмылка очень красила того, кто когда-то слыл весельчаком — она не сомневалась в этом, видя, как разительно менялся облик охотника, как извечная заскорузлая маска тоскливого человека вдруг уступала место утонченному, манерному, предупредительному вельможе...

Она и боялась его и жалела (о, как бы хотелось узнать спутника поближе!). В охотнике на магов по имени Адриан, предпочитавшем странноватое прозвище Капканщик, скрывалась тайна. Воспоминания, которые он запрятал в такую глубину своей души, что они, видно, пугали его самого. Может, он и был когда-то этим вельможей и манера говорить — это отголоски прошлого? Ведь она — *видящая*, она смогла бы разгадать эту загадку, если бы... посмела. Но не хотелось влезать в душу Адриана. И страшно и неловко. Да и кто она такая? Девчонка. Хотя, если подумать, само слово — Капканщик — говорило о том, что еще не всё потухло в недрах его души. Адриан был склонен к самоиронии. Он — охотник, она — его капкан.

— Ты проголодалась? — спросил он.

— Да, — тихо ответила она, и, на секунду подняв на него робкие, обрамленные удивительно красивыми, выразительными ресницами, глаза, сказала чуть громче: — Да, очень. И устала.

Адриан кивнул.

— Сиди. Я сейчас.

И вышел, осторожно притворив жалобно заскрипевшую дверь. Они находились в захудалом постоялом дворе, где-то на задворках королевства Анната, где именно, Лив и не желала знать. Лив была *видящей*, хотя капкан — более точное наименование того, чем девушка занималась вот уже два года. Ее задача — не давать пользоваться «тайной стихией», как ее называли в идшуканте, магам, колдунам, ведунам и прочим. Тяжелая работа, требующая предельной концентрации внимания, постоянного напряжения и точного выполнения всех правил, которым она научилась в Батхосе — цитадели разрушителей Канга.

Лив расслабленно вздохнула. Теперь можно спокойно помечтать. Поговорить вслух. Сама с собой. Снова и снова выдумывать истории и их героев — бесстрашных рыцарей, прекрасных дам, магов, нищих, странников, да кого угодно! И тут же — вести диалоги, прикидываясь то тем, то этим, имитируя голоса, жесты, движения...

Бывало, Капканщик заставлял ее врасплох, что дико смущало. Хуже всего — охотник делал вид, что ничего не замечает. До того, как попасть в идшуканту, и предстать перед этим ужасным стариком — камиллом Рогволодом, с тех пор игравшим роль главного злодея в ее переполненном красками мирке, — Лив не раз слышала от соседей в родном селе, что она немного... того. Перешептывания, слухи, даже мысли — девушка слышала их, видела, знала наперед все предрассудки, которые рождаются, когда толпа сталкивается с чем-то, выходящим за рамки обыденного. И эта предсказуемость, как ни странно, успокаивала и наполняла чувством сострадания к людям. Бедным и несчастным людям не дано то, чем она может пользоваться всецело. Мечтать.

Мечтать!

Нет, она безумна, упрямылись они. Она одержима. Ведьма, гореть ей в аду. Рыжая бестия. Вся их ненависть, подозрительность растворялась в ее неумной фантазии. Вдохновляла.

Высокая, худощавая, плоская, угловатая девушка с необычайно бледным лицом, состоящим, казалось, из острых стремительных линий, на котором горели диким огнем те самые серые глаза с ресницами, словно взмах крыла. Глаза как будто воспаленные, под ними пролегли тени от недосыпания — следствие профессии. И вьющиеся волнующиеся рыжие волосы — густые, крепкие. Парни сторонились ее, считая некрасивой, но вот Рогволод сказал — и, похоже, совершенно искренне, она умела распознавать фальшь, как никто, — что прекрасней женщины не видел. Она тогда смутилась и растерялась. И камилл, поняв, что его заявление выглядит несколько необычно, добавил, что истинная красота раскрывается не сразу.

Красоту, сказал он, загадочно усмехнувшись, надо искать. А после — оберегать.

Рогволод нанес значительный урон столь тщательно выстроенному дворцу грёз. Роль блаженной устраивала девушку. Ее никто не трогал, а разговоры, сплетни — да пусть! Что с того? Но теперь Лив стала деталью огромной, громыхающей, завывающей, смердящей махины под названием идшуканта. Официальное наименование этой зловещей организации, если она правильно помнит, звучит следующим образом: «отдел разыскания и лишения теургии служащих бывшей Предвечной церкви при короле Канге». В брюхе идшуканты множество искалеченных судеб, а на челе красуется сияющее адским огнем око властелина, этого дряхлого, трясущегося старца. Несмотря на возраст камилл по-прежнему вселял ужас. По-прежнему одним мановением руки пресекал жизни.

Вернулся Капканщик. Поставил на стол миску с жареными бараньими ребрышками, несколько вареных картофелин, две кружки пива, ломоть хлеба — еще горячего. И яблочный пирог.

— О! — восхитилась она. — Откуда у тебя деньги? И к чему такое обильное угощение?

(За два года странствий с ним Лив привыкла к неприхотливой, можно сказать, к аскетичной пище).

— Я узнал, где искать дамата, — ответил он после краткого раздумья. А потом... улыбнулся и добавил: — И еще у меня сегодня день рождения. Выпьешь пива?

— А почему бы и нет? — весело ответила она, протягивая руку к кружке с пенным

напитком.

Но после первой радости от того, что Адриан наконец-то, хоть чуточку, и так неожиданно приоткрыл дверь на пути к ней как к другу, а не просто как к тени рядом, пресловутому капкану, известие о том, что дамнат обнаружился, вмиг наполнило сердце смутной тревогой.

Лив нахмурилась и он, словно почувствовав ее беспокойство, сказал:

— Он в Вехании. В селении под названием Лесной Удел. Это у самой границы Вечных Гор. Неделя, может, больше. Возьмём лошадей, доберемся быстрей.

— Как ты узнал?

— Получил сигнал от *самого*.

— От... от камилла? Во сне?

— Во сне, Лив. Как же еще? Только старик на такое и способен. Мерзавец сам вскрылся.

— Как мы его узнаем?

— Узнаем, поверь.

Капканщик откинулся на спинку стула.

— Это будет главным делом моей жизни, — проговорил он, закрыв глаза и глубоко дыша, словно вдыхая некий неповторимый аромат. — Безусловно, главным. Поймать подлеца дамната. Из-за кого всё и произошло. О-о!.. Это непременно нужно отметить, Лив. Мне даже дышать стало как-то легче. Надо же...

Лив молча кивнула. От былой радости не осталось и следа. Не зная почему, но предстоящее дело всё больше и больше пугало.

Они остановились на ночлег в заброшенной лачуге, случайно обнаруженной в лесу, в стороне от тракта. Лачуга — покосившаяся, с прорехами в крыше, стены поросли мхом, — подвернулась очень даже кстати: небо нахмурилось, грозя разразиться ливнем.

Нет, подумала Лив, нахмурилось — не то слово. Небо затянулось тучами очень даже устрашающего вида, налилось до предела.

И вечером ливень грянул, с молнией и громом, от которого сотрясались стены ветхого домика. Лошадей пришлось завести внутрь, что мало помогло — крыша протекала как решето.

Тем не менее, было в этом ненастье что-то завораживающее, и в то же время угнетающее. Лив почему-то вспомнила, как бегала под таким вот дождем, громко шлепая босыми ногами по теснящейся в дорожной колее воде, по мокрой, тяжелой и колючей траве. Мать ругалась, мать грозилась отлупить ее, но Лив, охваченная каким-то неземным ликованием, неслась куда-то, а вслед ей тревожнолаяла, спрятавшись в будке ее любимая лохматая Неста.

Как предавалась мечтам, закопавшись в пряное сено. В раскрытые ворота сенницы врывался косой дождь. В неистовом водяном вихре гнулись деревья; бежали с полей, укрывшись чем попало, запоздавшие пахари; пастухи погоняли коров и овец, отчаянно сквернословя...

Как плакала у себя в комнате, уткнувшись лицом в подушку, отвергнутая... как же его звали-то? А дождь сочувственно бил в стекло.

Это было так давно. Кажется, в прошлой жизни ей пришлось распрощаться с мечтами о первом поцелуе, о семье, об огненно-рыжей дочке — непременно огненно-рыжей! —

которая обязательно будет хохотушкой; о конопатом, может быть, сынишке — нескладным, неуклюжим, но серьезным, как всякий мальчишка, пытающийся выглядеть взрослее, чем он есть. Она будет готовить им горячие пшеничные лепешки и клубничный пирог и рассказывать сказки на ночь. О Принцессе-жабе, о Полуденной Деве и рыщущем в ночи призраке Печального Рыцаря. А дети будут смеяться, и визжать от страха. А потом она обнимет мужа. Муж будет пахнуть махоркой, потом, щетина будет колотиться... Он поцелует ее и шепнет, своим глубоким бархатным голосом что-то бесконечно нежное. Он скажет ей, что любит ее...

Любит ее... Ах, опять этот воображаемый, но такой близкий Адриан... Где же ты, милый мой Адриан?

Невеселые мысли переполняли Лив весь вечер. Скучный ужин и шквальный поток воды, с гневом, как ей чудилось, трепавший этот всеми богами позабытый край, только усилил их.

Капканщик стоял под дырявым козырьком на пороге, и молча, угрюмо (всё как всегда, пропади он пропадом) взирал на завесу дождя, поливавшую раскачивающиеся деревья и жалобно гнущуюся траву. Капли стекали с лица, словно высеченного из камня.

Она нашла место более-менее сухое, расстелила плащ и предалась размышлениям.

Лив никогда так не боялась, как в последние дни. Всё из-за человека, которого им предстояло «сковать», или «взнуздать», как любил выражаться Рогволод.

О дамнате она знала крайне мало. В Батхосе вообще люди предпочитали больше помалкивать. Поговаривали, что дамнат был (и есть — иначе, зачем они здесь?) необыкновенно могущественным магом. Единственным в своем роде.

Но от бдительного ока Лив не ускользнуло, что некоторые обитатели Батхоса, — старые служки Предвечного, бывшие правоверные маги, променявшие свою религию на служение Рогволоду и помогавшие ему в его дьявольских делах, — лишь усмехались в ответ на эти слова. Или ей померещилось? Может, за усмешкой таился страх? Может и так, она ведь такая фантазерка.

Еще она слышала, что мать дамната была убийцей. Настоящим исчадием ада. Но самое главное — что послужило причиной Проклятой Ночи, что же там случилось, — всегда находилось под жесточайшим запретом. Вроде как всё произошло по вине Рогволода, или тех, кому он служил до своего возвышения. С другой стороны, вот Капканщик уже обмолвился однажды, что именно дамнат нёс вину... или как он там сказал?

Лив вздохнула. Если она начнет думать об этом, то наверняка забредет в мыслях в далекие дали.

Деревня Лесной Удел — всего-то десяток домов — примостилась на узком участке земли, между порожистой речкой и горами, густо поросшими хвойным лесом. С гор спускался клочковатый туман, окутывая речку призрачной дымкой. Двускатные крыши срубов выглядывали из тумана, словно спины диковинных зверей.

— Нужно переправится на ту сторону, — озвучила Лив в общем-то очевидную истину. Капканщик бросил на нее равнодушный взгляд, в котором всё же проглядывалась толика раздражения.

Они стояли подле хлипкой сторожки. Рядом находился паром — простой плот с бортами. На нем лежали скатанный в бухту трос и четыре длинющих шеста. Ни слова не говоря, Капканщик вошел внутрь.

Паромщик — взлохмаченный парнишка — вылетел из сторожки с жалобным криком.

Так же мрачно и отрешенно Капканщик схватил несчастного за шиворот, будто какого-нибудь котенка, потащил к реке и окунул в воду.

Кажется, он держал его под водой нескончаемо долго. Лив шагнула было в их сторону, но заставила себя смириться. Лучше не злить спутника понапрасну. Да и потом, сама тоже взвинчена. Нескончаемо долго — это ведь по ее понятиям. А на самом-то деле, может прошло всего несколько секунд.

— Чё вам надо?! — захлебываясь, заорал паромщик. Вода струилась по плоскому лицу. — Вы ж чё? Вам же ж за это...

Капканщик захотел вновь искупать бедолагу, но Лив не выдержала:

— Оставь его.

На какое-то мгновение Адриан задумался и отпустил парня. Паромщик отбежал, отплевываясь и высмаркиваясь.

— Нам нужно переправиться на тот берег, — обратилась к нему Лив. — Позарез нужно, понимаешь?

— Да кто ж против? — ответил паромщик. — Да я... я ж вот он. Надо, так скажите. Только сейчас нельзя. Туман, ёж твою мать. Бестия ж коварная. С ней шутки плохи.

— Бестия?

— Ну вот... речка. Бестия.

— Ладно, — изрек, наконец, Капканщик. — Подождем.

— Ну, а я о чем! Щас туман рассеется. Пара часов, господа.

На этом разговор закончился. Паромщик, которого Лив про себя нарекла Подсолнухом, удалился в сторожку, где устроился с обиженным видом, изредка громко и совершенно неожиданно чертыхаясь.

Спустя час туман рассеялся и заморосил дождик. Подсолнух вышел и, стараясь не глядеть на Капканщика, так и простоявшего на берегу в полной неподвижности, стащил паром на воду, обнаружив недюжинную силу и ловкость.

— Хватайте, — сказал он, бросив им шесты. — Будете помогать.

Бестия не зря так называлась. Паром то и дело норовил завертеться волчком. От Лие толку было мало, но Капканщик управлялся с шестом ничуть не хуже Подсолнуха.

Прибившись к берегу, паромщик обвязал веревку вокруг пня, торчавшего у самой воды. Помог спустить коней на берег, после чего поспешно отвязался и поплыл обратно.

Лив понаблюдала за ним некоторое время. Она опасалась, как бы его не снесло в быстрине, но напрасно — не прошло и трех минут, как Подсолнух благополучно добрался до того берега.

— Зачем ты так с ним обошелся? — спросила она Капканщика, не надеясь, впрочем услышать ответ.

— Отстань, — бросил он, поднимаясь по тропинке вверх, ведя коня под уздцы.

«Ну вот, как обычно. Будто я не его боевая подружка, а несмышленная девчонка. Обуза».

Дождь продолжал накрапывать.

Лив окинула утомленным взглядом деревню. Однообразные деревянные постройки, типично в веханском стиле — она уже насмотрелась на зодчество этого народа. Девушка недолюбливала восточных соседей, хотя и не понимала, почему. Может, из-за Рогволода?

Поправила заплечный мешок, вздохнула и поспешила за спутником.

Они не сразу нашли трактир. Пришлось побродить по деревне. Бросались в глаза

ухоженность и чистота — необычная черта. Вехане довольно неряшливый народ. Многие их села откровенно поражали обилием мусора и заброшенностью. Однако Лесной Удел вряд ли походил на идиллические лубочные картинки, так распространенные в Вехании. Скорее это была чистота кладбища. Странное сравнение, но глядя на посеревшие от времени избы, тишину, лишь изредка прерываемую лаем собак, Лив подумала именно так. Где дети? Бабы с коромыслом? Где старики с трубками в зубах? Такое впечатление, что едва завидев непрошенных гостей, все попрятались по домам. Да, их визиту обычно никто не радовался, но не до такой же степени...

Один из домов несколько отличался от остальных величиной и некоторым изяществом. Из большого сарая рядом доносился стук молота о наковальню. Слышались голоса. Буквально в нескольких шагах за кузней начинался лес.

Понятно. Жилище кузнеца. У вехан кузнецы — особо уважаемые люди. Один из местных богов, кажется, являлся кузнецом — об этом рассказывал как-то Рогволод.

Редкие жители, не совладав с любопытством, разглядывали их откровенно враждебно. В конце концов, по совету древнего старика, сидевшего у ветхой избы на завалинке, и курившего пахучий самосад (дед показался причудливым изваянием, слепленным из глины и из корней усохших деревьев, эдаким сказочным персонажем — Лешим), они углубились в лес. Там, на опушке и обнаружилось окруженное приземистым забором питейное заведение — изба с пристроенным к ней навесом. Под навесом, за одним большим столом, сидели мужики, и пили, судя по запаху, самогон, и ели мясо.

Из дому выглянула горбатая женщина, вытиравшая покрасневшие, словно ошпаренные кипятком руки засаленным передником, и тут же скрылась. Капканщик медленно осмотрел собравшихся и остановился на толстяке с чрезвычайно тяжелым и неприветливым взглядом. Видимо наличие такого же грязного, как и у хозяйки, фартука на необъятном брюхе, натолкнуло охотника на мысль о том, что неприветливый толстяк и есть трактирщик.

Трактирщик — Дёготь, тут же назвала его Лив, — как и остальные долго ждал, когда же, наконец, незнакомец вымолвит хоть слово (на Лив, робко прятавшуюся за спиной спутника никто не обратил внимания, что ее, если честно, немного задело). Но Капканщик молчал, глядя трактирщику в глаза с какой-то роковой неотвратимостью. Трактирщик не выдержал (чего и следовало ожидать) и отвел глаза, буркнув при этом:

— Кто такие? Чего надо?

— Мы хотели бы подкрепиться, — ответил Капканщик, сев на свободное место. Лив осталась на месте, держа обеих лошадей под уздцы. Он обернулся и бросил ей: — Что стоишь? Стреножь коней и присаживайся.

Вот тут все уставились на нее. Кто-то сказал:

— Ух ты, какая!

— Жопа плоская и сисек нет.

— Заткнитесь, идиоты! — рявкнул трактирщик. Лив шмыгнула за стол, поближе к Адриану. За время странствий мужчины не раз отпускали в ее адрес шуточки, почище этих. Несколько раз ею пытались овладеть силой, но Адриан был начеку. Но зачастую до этого не доходило. Мужчины, даже самые разбитные и безбашенные неизменно охладевали, стоило услышать, кто она и кто ее спутник.

— Это не кабак, — нагло сказал Трактирщик, несмотря на наличие посетителей в изрядном подпитии. Кое-кто уже дремал, положив голову на стол. — У нас тут пьяницам не рады.

Капканщик молчал, равнодушно разглядывая лес.

— Ты слышал, чего я сказал? — повторил Дёготь.

— Добрый человек, — вмешалась Лив. — Мы издалека...

Трактирщик воззрился на нее с такой яростью, что она отшатнулась.

— Мы пришли издалека, — продолжила она, собравшись с духом. — Мы ищем... человека.

Услышав последнее, народ стих. Кто-то застыл, не донеся кружку до рта.

— Скажем так, нехорошего человека.

— Да-а это ж охотнички! — вскрикнул старичок, худой и весь какой-то ломкий. — Вот от братцы! Вот и дождались, шоб мне повалится!

— Заткнись, старый! — осадил старичка Дёготь.

— А чего такого-то, Индро?

— Заткнись, я сказал.

Деготь, ах, нет... Индро не сводил с девушки глаз.

— Нам бы поесть, люди добрые, — сказала Лив, глядя на свои руки. — Мы никому не причиним хлопот. И вреда не причиним. Даю слово. Мы только зададим пару вопросов и... и скоро уйдем.

— А «скоро» — это когда?

— Не ваше дело, — ответил Капканщик и кинул на стол пару серебряных монет.

— Понял, — сказал трактирщик, засовывая монеты в карман. Хотя выражение его лица никак не изменилось (наверное, родился с такой скверной миной на физиономии, подумала Лив), он немного смягчился. Да и прихлебатели приободрились. — Только хочу предупредить, гости дорогие, — добавил он. — Мы тут люди простые и честные. Мы не будем наушничать властям, и не будем никого выдавать, ни на кого указывать не то жебудем. Не будем и точка. Вынюхивайте, чтоб вас, высматривайте — мы вам не помощники и к нам не лезьте. Все понятно?

Лив кивнула. Капканщик усмехнулся.

— Эй, женщина! Ленка, дура ты эдакая! Вошь колченогая! Что, спишь? Сейчас как вдарю, манда! Тащи поесть гостям.

Пока несчастная женщина — (Цветок. Точно Цветок, пусть увядший, жалкий, но Цветок. Распухшее ухо ясно свидетельствовало о крутом нраве деспотичного мужа), — раскладывала перед ними деревянные миски с вареным горохом и жареным мясом, пучки зеленого лука, ломти хлеба и кружки с темным и густым, как патока пивом, Лив заинтересовалась мужчиной, сидевшим на противоположном конце стола. Мужчина был полностью сед, несмотря на довольно молодой возраст (лет сорок, может, больше). Оспины на лице не уродовали, а даже как-то облагораживали. Придавали шарм. Заметно, что мужик породистый. Облачен в кожаный фартук, но на шее шарф, который он постоянно поправлял, хотя на улице тепло. Наверняка это и есть кузнец.

Капканщик тоже обратил на него внимание.

Здесь пахло землей. Сырой такой, затхлый запах. «Старость, — подумала Лив. — Вот на что это похоже. Здесь пахнет старостью».

В очень ограниченном свете лучины виднелись почти черные от копоти балки и часть бревенчатой стены, обильно покрытая мхом.

— Надо бы завтра наведаться к кузнецу, — прозвучал голос Адриана во тьме.

Лив только хмыкнула в ответ.

Они остановились в доме у того самого лешего, что сидел на завалинке. Напросились — ничего лучшего Лив не придумала, а Капканщику было все равно. Старик представился как Матвян или Бадян — она, если честно, не расслышала. Да и зачем ей его имя? Леший подходит больше. Трактирщик стал Дегтем, а кузнец... кузнеца она почему-то назвала Родриком.

Капканщик лежал на охапке сена. Лив сидела на скрипучем плетеном кресле, накрытом тулупом.

— Зачем мы пойдём к... — Лив чуть не обмолвилась: «к Родрику», но вовремя удержалась. Ещё подумает, что влюбилась. И если бы Адриан в ответ посмеялся над ней, позубоскалил... О! Она бы даже обрадовалась. Но...

И тут ей пришла в голову неожиданная мысль, настолько неожиданная, что она пропустила мимо ушей слова Капканщика:

— Мне он показался наиболее цивилизованным человеком во всей этой усохшей глуши. Да и тебе тоже. Я это заметил. Так что завтра нанесем визит. Кстати, ты почувствовала что-нибудь? Ты слышишь меня? Спишь, что-ли?

Ведь она любит его. Не Капканщика, нет. Она любит Адриана. Того самого вельможу в бархатном дублете глубокого синего цвета.

— В общем, ты меня поняла. Побеседуем с ним. А потом прогуляемся в лес. И постарайся поймать след.

Может, поэтому равнодушие и черствость спутника так ранят? А если призадуматься... Самую сильную боль причиняет вот это чудовище, Капканщик, внутри которого и прячется Адриан.

За время, проведенное у Дегтя (редкостная скотина, даже Капканщик это признал), они по большей части помалкивали. Отдельвались ничего не значащими фразами. При этом Капканщик выразительно посматривал на нее. Он был нетерпелив. Да еще и слегка пьян.

И ведь она почувствовала магию. Очень слабый след. Но ничего ему не сказала. Пока. Говорить о столь неуловимой, исчезающей ниточке преждевременно. Ее спутник во взведенном состоянии, а значит может выкинуть что угодно. И хорошо, если, по обыкновению, выразится о ее неумной фантазии.

А магический след, или, скорее, дымка, нечто такое, что не выразить словами, заинтересовал девушку не на шутку. Лив притронулась к шкатулке в дорожной сумке. В ней лежал сковывающий амулет из руин Арута. Вещица, наполненная скверной. Носить эту страшную вещь она училась долгие четыре года. Четыре года неистовых головных болей, ночных кошмаров и много чего еще...

Лив сравнила след с чем-то древним. Забытым. Причем забытым нарочно. К этому примешивалась какая-то грязь. Ворожба местных. В Вехании полным-полно местечковых божков, и здесь, в Лесном Уделе, наверняка есть что-то подобное. Скорее всего какой-нибудь зловещий культ с человеческими жертвоприношениями... Стоп. Она опять начинает фантазировать.

Леший по-прежнему сидел на завалинке, глядел на звездное небо, смолил свой самосад и бормотал. Дед определенно был не своим уме. Но он нравился Лив. Она надолго запомнит его.

— Узри, узри! — бормотал он, как-то беспокойно похлопывая себя по коленям. — Тьма, как есть. Тьма. Куда бы ты не пошел. Тьма, как есть. А возможно ли узреть тьму? Ведь

тьма — ничто. В том-то и дело. Вот в чем суть. Узри тьму, человеке, и откроется. Вот только. Что откроется-то?

Леший вздохнул.

— Более не скажу ничего, — едва слышно сказал он. — Более ничего. Все пыль и тлен. Все пыль и тлен. И тьма.

Цветок, испачканный дегтем

В лесу почему-то пахло гарью.

Капканщик сидел на пеньке, смотрел на Лив, расхаживающую среди деревьев. Смотрел так, будто она наивное и глупое дитя, силой навязанное ему — могучему воину и безжалостному охотнику, разрушителю судеб. Провалиться ей на этом самом месте, если он так не думает.

— Ну что? — спросил он, с шумом вогнав в ножны кинжал, которым чистил ногти. Руки у него всегда были ухожены.

«Он наверное думает, что *искать* — словно книгу прочитать», — подумала девушка.

— А ты сам что-нибудь... ощущаешь? — неожиданно заинтересовалась она. Просто ей до смерти надоело каждый раз рассказывать о том, что чувствует.

Капканщик снял шляпу и повертел в руках.

— Что я должен ощущать?

— Например... чем пахнет?

— Чем... лесом.

— Где-то был пожар...

— Чего?

— Да нет, ничего.

— Знаешь что, Лив, — сказал Капканщик, вставая. — Я «ощущаю» только одно: если я зря сюда пришел, то это будет величайшим разочарованием в моей жизни. — Он подошел к ней вплотную. Заглянул в глаза. — Плохо себя чувствуешь? Меня не обманешь. Говори!

— Я не могу понять, — ответила она. — Тут точно есть магия. Но... мне как-то скверно становится. Что-то непонятное.

— Может, дамнат постарался?

— Не знаю... Может, тут не один маг.

— Не один?

— Это только догадки. Пожалуйста, не расспрашивай больше.

— Больше и не надо. Кажется, я начинаю понимать. — Он наклонился к ней и произнес чуть тише: — За нами следят.

Капканщик поймал соглядатая внезапно. Лив даже не успела ничего понять. Только что шел, думая о своем, как вдруг кинулся в ближайшие кусты. Затрещали ломаемые ветки, раздался детский крик.

Соглядатаем оказался паренек лет двенадцати в немного великоватом кожаном фартуке, усеянном ожогами от искр.

— Ты и твой хозяин либо слишком хитрые бестии, — сказал Капканщик, отвесив пареньку оплеуху, — либо вы являетесь полными идиотами. Думаешь, я не замечу пытящего и сопящего сопляка, да и еще и в таком одеянии. Явно не для прогулок по лесу. — Капканщик скептически оглядел его, держа за воротник мятой рубахи землистого цвета. — Веди к хозяину.

— Нет, — послышалось в ответ.

— Чего ты сказал? — спросил Капканщик, накручивая ворот рубахи на кулак.

— Пусти, пусти гад! — захрипел паренек, багровея и в отчаянии цепляясь за руку охотника.

— Не расслышал. Чего?

— Не надо, — попросила Лив. — Он же задохнется!

Капканщик ослабил хватку.

— Не упрямясь, — сказал он. — Лучше посодействуй. Тебе зачтется. А иначе смерть.

Ну, так как? Скажешь что-нибудь?

Последовал кивок. Капканщик разжал кулак, и паренек рванулся прочь, но охотник успел его подсесть. Мальчишка упал, тут же вскочил и получил удар сапогом по лицу. Лив зажмурилась, но успела заметить, как веером разлетелась кровь из разбитого лица. Кузнечный подмастерье как-то сдавленно крикнул, упал и затих.

— Ты его убил! — охнула Лив.

Капканщик пожал плечами.

— Вряд ли. Эти живучие. Не то что в столице.

Он наклонился к нему и побрызгал в лицо водой из фляги.

— Кажется, нос сломал. — Адриан потрепал паренька по щекам. — Ну, приходи в себя, гаденыш. Очухался? Понял теперь, что со мной шутки плохи?

Капканщик рывком поставил его на ноги. Мальчишка застонал. Лив не выдержала:

— Может, поласковой с ним?

— На всех ласок не напасешься.

«Вот и весь ответ, — подумала девушка. — От тебя-то ласки не дождешься. Если ты вообще способен на что-то такое».

— Хватит сопли размазывать. Скажешь, наконец, кто тебя послал, или еще добавить? А?

— Тебя кузнец ведь послал? — как можно участливей спросила Лив. — Зачем?

Паренек взглянул на нее с ненавистью. «Шлюха, — читалось в его глазах. — Подстилка гребанная».

— Не стоит тратить на него время, — сказал Капканщик. — Этот не оценит твоей доброты. Просто он боится, а так бы сказал, что о тебе думает. Да? Эй, дружок! Я начинаю терять терпение.

Паренек всхлипнул, потрогал сломанный нос. Подбородок, шея и грудь покрылись кровью.

— Я от *Отца*, — сказал, а вернее, прошипелон.

— Кузнец тебе отцом приходится?

— Нет. Не отцом. Он... он... ну, учитель.

— И чему он вас учит?

— Волш... э... всякому. Мудрости. Кузнечному делу.

Взгляд Капканщика был красноречивей слов.

— Как его зовут?

— Родерих.

Капканщик пнул мальчишку, точно котенка. Тот влетел в кузницу с истошным криком. Мелькнули глаза, полные неподдельного страха. Трое подмастерьев побросали инструменты и с недоумением уставились на распластавшегося на дощатом полу собрата, размазывавшего по лицу сопли пополам с кровью, а потом на непрошенных гостей.

Капканщик вынул меч. Подмастерья подались назад.

— Где Родерих? — поинтересовался он тоном, не предвещавшим ничего хорошего.

Лив еще раз вздрогнула, услышав это имя. Совпадение поразительное...

А совпадение ли? Она вспомнила слова Рогволода. Совпадений не бывает. За каждой мнимой случайностью таится закономерность. Ко всему этому примешивался слабый, но устойчивый «запах» чего-то древнего, забытого.

В одном Лив была уверена. Не может быть Родрик... Родерих дамнатом. Слишком просто.

А вот Капканщик полагал, что кузнец — один из приспешников дамната. Близость проклятого колдуна кружила ему голову. Сводила с ума. Конечно, он никогда не отличался изысканностью манер, но аристократическое прошлое (Адриан точно из дворян, уверяла себя Лив) всегда давало о себе знать. Грубость и жестокость охотник сочетал с хитростью, терпением, хладнокровием.

Однако здесь, в Лесном Уделе он действовал напролом.

— Отец! — закричал один из подмастерьев — обильно вспотевший малый в фартуке, одетым прямо на голый торс. — Отец, иди сюда, тут гости! Те, кого ты ждал, Отец!

Лив взглянула на спутника и испугалась. В эту минуту Капканщик был готов убить всех.

Это не выход, подумала она. Ну, порешит он этих ребят, может, даже всю деревню, а дальше что?

Тут появился Родерих, и вовремя.

— Стойте, стойте! Уберите-ка оружие! — Кузнец подошел к Капканщику, едва обратив внимание на побитого ученика. Острие меча охотника уперлось в его грудь.

— Андрик, — приказал Родерих, не оборачиваясь, — отнеси Павло в дом. Пусть о нем позаботятся.

— Где он? — зарычал Капканщик.

— Вы о ком? — невинно поинтересовался кузнец и улыбнулся ей. Каждый раз, когда он смотрел на нее, внутри разливалось тепло. Что-то здесь нечисто. И девушка догадалась, в чем дело.

— Послушай! — обратилась Лив к спутнику и опустила руку с мечом. — Давай не будем сходить с ума. Я думаю, господин... Родерих?

— К вашим услугам, сударыня. — Кузнец учтиво поклонился.

— Я думаю, господин Родерих достаточно умен, чтобы не делать глупостей?

— Разумеется!

— Отойдём? — спросила она, глядя на спутника.

Капканщик напряженно думал.

— Ладно, — наконец, сказал он. — Отойдем, но ты, умник, стой здесь. Скажи своим, чтоб не приближались.

— Хорошо, хорошо! — Кузнец поднял руки в знак мирных намерений.

Вышли из ворот.

— Стой там, — напомнил Капканщик кузнецу. — Дернешься — умрешь. И это не просто слова.

— Я понял.

— Держи руки так, чтобы я видел их.

— Все понятно. — Родерих был поразительно спокоен. Уверен в своих силах, подумала Лив. Напрасно.

— Что ты хотела? — резко спросил Капканщик.

Тут Лив разозлилась.

— Во-первых, — начала она, — я не готова к встрече... с дамнатом. Потому что, ты мне ничего не говоришь. Как будто меня и нет вовсе. Я не настраивалась, никак не готовилась. А ведь мы не какого-то там травника ловим. Во-вторых, я не думаю, что Родерих сообщник дамната.

— Почему ты так думаешь?

— Родерих — колдун. Тот, кого местные зовут ведуном.

Капканщика удивленно посмотрел на ухмылявшегося кузнеца, за спиной которого переминались с ноги на ногу вооруженные чем попало подмастерья, глядевшие с плохо скрываемой ненавистью.

— Колдун? Ведун?

— Мелкий. Последователь какого-то местного языческого культа. Пытается меня охмурить.

— Охмурить?

— Что-то вроде приворотной магии.

— Почему ты думаешь, что он не связан с дамнатом?

— То, что таится вот тут, — она кивнула на кузнеца, — сбивает с толку. Мне надо сосредоточиться, а ты... ты ведешь себя так, что я беспокоюсь. — Лив смахнула упавшую на глаза прядь. — Знаешь что? У кузнеца мы *его* не найдем.

Капканщик неопределенно пожал плечами. Что выражал этот жест, Лив так и не поняла.

— Ладно, — произнес он после короткой паузы. — Что ты предлагаешь?

— Засесть на пару дней в доме у Лешего. То есть у того деда, — торопливо поправилась она. — Мне нужно время, чтобы сосредоточиться. Ты и сам знаешь. Давай успокоимся. Дамнат был здесь.

— Все-таки был?

— Не уверена... Но...

— Достаточно. Мне этого достаточно, Лив. Я знаю тебя. Мы его поймаем.

Лив вздохнула и опустила голову. Капканщик... нет, Адриан неожиданно ласково взял ее за подбородок.

— Прости меня, Лив. За всем этим я забыл, что кроме меня еще есть ты.

У Лив буквально захватило дух. Он никогда не разговаривал с ней так. Так... нежно.

— Но я должен казнить Родериха, — будто бы издалека донесся его голос. — Ты знаешь наш кодекс.

— Что? — Действительность вернулась не сразу, но вернувшись, словно окатила ее ушатом ледяной воды.

— Проснись. — В голосе Капканщика зазвенели стальные нотки. — Мы должны их казнить. Всех.

— Нет. — Обида мгновенно захлестнула ее. Он что, играет с ней? Догадался о тайной влюбленности? «В Адриана, не Капканщика», — поправила она себя виновато. Вот, значит, как? — Нет! — повторила она решительно. — Если мы хотим, чтобы все местные начали нас ненавидеть, то давай, казни ведуна. Ведуны, если хочешь знать, в этих местах играют роль мудрецов, врачей. Часто ими бывают кузнецы. Это уважаемые люди, к которым идут за советом, за лекарством, изделием. Казнить такого человека нельзя. Наоборот. Он может нам помочь. Ты что, с ума сошел? — Лив почувствовала, что начинает кипятииться. «Нет ничего страшнее обманутой женщины», — где она это слышала? Неужели опять от камилла?

Капканщик пошел на попятную.

— Ладно-ладно. Меня занесло. Пусть живет. Пока.

— Нет! — отрезала Лив с испугавшей ее саму категоричностью. — Мы должны поймать дамната. Ведун нам ни к чему. Позволь мне с ним поговорить? Если ты не станешь лезть напролом, Адриан, — Лив сделала ударение на его имени, — мы уговорим его нам помочь. Он должен многое знать.

— Хорошо. Но не зови меня больше этим именем. Никогда...

— Не буду, если ты не станешь дурить. И еще...

Капканщик, словно почувствовав неладное, застыл в ожидании вопроса.

— Не надо со мной так.

— Как?

— Не играй со мной. Не выпускай из себя Адриана. Женщины тоже могут быть опасны.

Капканщик на мгновение помрачнел. Видно, вспомнил что-то из давно забытого прошлого.

— Договорились. Пойдем, посмотрим, как ты будешь вербовать в помощники человека, чьему подмастерью я только что сломал нос.

«Ненавижу его. Капканщика».

Лив обратила внимание на стоявшую у забора треснувшую бочку, из которой вытекал деготь. Он залил охапку полевых цветов. Лив показалось это странным совпадением. Деготь-трактирщик, его жена Цветок...

«Дёготь испачкал цветок», — отрешенно пронеслось в мыслях.

В центре обширной горницы находилось кованое и откровенно уродливое чудище. Многорукое антропоморфное существо с глазами из аквамарина. Вокруг были рассыпаны цветы, в медных плоских зажженных свечи. Обнаженная девушка, распростершись перед идолом, с чувством молилась:

— Зажги во мне свет, о великий создатель сущего! Зажги во мне свет, бесконечный предвестник благого! Дай объять малую часть необъятного! Утешь слугу свою! Зажги во мне свет!

— Молитва девы сострадательному Кру, — скромно объяснил Родерих. — Она просит дать ей дитя.

«Это же тот самый Кру, — ошарашенно подумала Лив. — Тот самый... Мне же рассказывали... Кто мне рассказывал? Отец Малентий, нет? Рогволод, он же из круан...»

— Уйди пожалуйста, Терния, — попросил Родерих. — Не смущай гостью. Она, кажется, не привыкла к нашим обычаям.

Терния, с вызовом взглянув на потупившуюся Лив, вышла, покачивая бедрами. Почему-то чужая нагота смущала.

— И чего она голая?

Родерих опять улыбнулся. Лив уже начала раздражаться.

— Только с незапятнанной, незамутненной дурными помыслами душой можно обратиться к сострадательному Кру. Нагота символизирует искренность и чистоту воззвания.

— И он подарит ей ребенка?

— Подарит. Конечно, подарит. Дарица — та кто принимает дар сущего, должна возлечь с возлюбленным в полнолуние здесь же, пред его очами и тогда зачнется жизнь.

— Этот возлюбленный — вы?

Слащавая улыбка в мгновение ока стерлась с лица.

— С чего вы взяли? — хмуро спросил кузнец. Сейчас он показался ей уставшим и несчастным.

— С того, что я — видящая идшуканты Канга, а мой спутник — охотник на колдунов. А вы, добрый человек, — архаит, пытающийся навесить на меня приворот. Дальше продолжать?

Иногда Лив могла быть убедительной.

— Будьте благоразумны, и я даже не заберу ваш *крючок*, — продолжила она. — Вот такая я добрая... В отличие от моего спутника. По разбитому носу вашего подмастерья вы уже должны были понять. Что это, кстати? Я о крючке? У кузнеца это, должно быть, что-нибудь вроде ножичка...или точильного камня. А?

— Монетка. Простая золотая монетка, выкованная вместе с изваянием Кру. Благословенная вещь. Кру благословил ее в пламени моего горна.

— А... Монетка, понятно. Давайте уйдем отсюда. Мне здесь как-то неуютно.

— Тогда пройдемте в беседку.

«Слишком ухоженный сад, для простого кузнеца», — подумала Лив, разглядывая ровно подстриженные клумбы и россыпи цветов. Среди них расхаживали, кроме Тернии, еще две нагие девушки. Родерих провел гостью в уютную виноградной лозой беседку, где на круглом гладко отшлифованном дубовом столе стоял кувшин и две чашки.

— Выпьете? Вино собственного изготовления.

К кузнецу опять вернулась проклятая обходительность.

— Тоже дарицы? — не обращая внимания на предложение, поинтересовалась Лив, указав на девушек.

— Тоже, — не моргнув глазом, ответил Родерих.

— С чистой и незапятнанной душой?

— Пока нет, но... Требуется время.

«Ох и подлец. Ну и шут с ним, развратником».

— Скажите, разве сама статуя не является крючком?

— Да что вы! — махнул рукой Родерих. — Куда уж мне, простому-то кузнецу. Такой большой накопитель сможет осилить разве что... сам камилл.

Родерих многозначительно вздернул бровь.

— Знаете что? — гневно отрезала Лив, — я скажу словами Капканщика, моего спутника: таких, как вы, камилл Рогволод видит разве что на виселице. Всё понятно?

Родерих налил себе вина, пригубил.

— Вы пришли в мой дом, — сказал он. — Избили моего подмастерья. Угрожаете мне. И при этом надеетесь, что я вам помогу. А между прочим, я единоверец с камиллом Рогволодом. Круане своих не бросают...

Лив засмеялась.

— Ах, если бы вы знали Рогволода так же хорошо, как я... Если бы вы знали, кто такие круане на самом деле...

В этот момент в беседку вошла одна из девушек.

— Может, пригласишь новенькую на наш сладкий шабаш? — томно поинтересовалась она, обняв кузнеца за шею и призывно взглянув на Лив. Где-то в саду захохотала Терния.

— Ты что, дура?! — взорвался Родерих, оттолкнув девушку. Она оторопело посмотрела на него. Узкий лоб, нос картошкой — типичная деревенская простушка. Лив так и назвала ее про себя — Картошка. Терния заливалась смехом. Решила подшутить над подругой. — Убирайся! Забирай свои манатки и уматывай к себе, идиотка! И вы тоже! Вы все! Слышите меня? Пошли вон! Вон!!!

Смех в саду оборвался. Родерих жестом подозвал к себе Тернию. Та несмело сделала несколько шагов и остановилась на безопасном расстоянии. Прикрыла груди и лоно руками.

— Шутишь со мной? — зашипел Родерих, схватил кувшин и швырнул в «дарицу». Вино расплескалось, забрызгав цветы. Терния увернулась и заплакала.

Затем они убежали.

— Глупые шлюхи, — сказал кузнец, устало плюхнувшись на скамью.

— Вы и правда морочите им голову о детках? Или же местным нечем платить вам за услуги и вы берете в услужение их дочерей, я права?

— И то и другое и всякое, — угрюмо ответил он. — Да-да! Такой вот я мерзавец! Только вот... в последнее время это не доставляет мне никакого удовольствия.

— Ой-ой-ой! — насмешливо протянула Лив. — Какой вы несчастный, какой одинокий... Вы же не местный? Вы веханец, но... Из столицы? Из Логи?

— Да. Что вам надо? Можете сказать? Спрашивайте и уматывайтесь.

— Дайте я вам скажу, кто вы такой на самом деле?

Кузнец удивленно вздернул бровь.

— Родерих, — начала Лив, — вы должны понимать, что мы здесь не просто так. И я вам не «дарица», которую, заговорив, можно потискать перед вашим истуканом. Такого слова, кстати, нет. Итак. Вы — бывший *причетник*, или *отрок* — вы еще молоды, значит были *отроком*. После Проклятой Ночи вы какое-то время скрывались. Нанялись в ученики кузнецу. Во время «Великой Охоты» были разоблачены и сосланы на каторгу. Скорее всего в Ткему. Только там ставят клеймо на шее, а еще там вы переболели оспой, болотной лихорадкой или чем-то таким. Поэтому носите шарф? Я угадала? А после освобождения вы осели здесь, может, не сразу, покрутились по свету... Почему Кру, можете сказать? Вы же должны знать, что Кру никак не может быть сострадательным. Это кровавый культ.

— Не знаю, — с самым мрачным выражением лица произнес Родерих. — Скажу вам, как человеку умному — такие здесь редки, как вы понимаете, — я хотел очеловечить своего врага. Может, не до конца отдавая себе в этом отчет. Сколько раз я проклинал Канга и Рогволода, вдыхая ядовитые испарения болот! Сколько раз, лежа на гнилой соломе в бараках, пылая в лихорадке, кормля блох, пиявок и прочую нечисть я воображал, как перерезаю глотку этому проклятому старику! Что я ему сделал? Чем заслужил? Я был *отроком*, да, то есть совсем еще ребенком. Умел разве что зажигать свечи, затуманивать... Простейшие заклинания. Это, по-вашему, угроза? Долгие, долгие годы я жил с этой ненавистью в душе. В конце концов она превратилась в манию, что ли... Поэтому и Кру. Ненависть превратилась в... религию. В веру. Я и сам, должно быть, поверил, что Кру — сострадательен. Думаете, я сумасшедший?

Лив не знала что ответить. Она опустила глаза. По столу ползла божья коровка.

— Не знаете, что сказать? Думаете, я спятивший извращенец, пользующий деревенских дурочек? А что лучше, скажите мне, — любить их, или потрошить?

— Давайте вернемся к делу.

— Уходите от ответа? Вам нечего сказать? А как бы ответил на это камилл?

— Задайте этот вопрос сострадательному Кру. Все! Хватит! Не надо тут плакаться. Ответьте на мои вопросы, и мы оставим вас в покое. Пользуйте ваших пташек сколько вам будет угодно. Пусть они вас жалеют. Итак. Мы ищем колдуна. Сильного и очень опасного колдуна. Он был здесь, в Лесном Уделе — я это знаю. — (Лив далеко не так была в этом уверена, но кузнец не должен об этом знать). — Он пришел с гор. Может быть, вернулся обратно. Что вы об этом знаете?

— Почему вы обращаетесь именно ко мне?

— А к кому? К Дегтю?

— К Дегтю?

— Простите, к трактирщику. Как его... Индро.

Родерих усмехнулся.

— Деготь... Обычно он Боров. Потому что, похож на это славное животное...

— Не отвлекайтесь.

— Хорошо-хорошо. Я понял. Если колдун, то к кому он пойдет, как не к ведуну, ну конечно же. К архаиту, как вы изволили выразиться.

Родерих повертел в руке чашку.

— Пить охота. Вы позволите?

— Давайте быстрее! — нетерпеливо ответила Лив. «Я становлюсь такой же, как Капканщик», — подумала она с толикой страха в душе. Что с нами *он* делает? Он, дамнат?

Родерих вернулся с новым кувшином и чашкой.

— Выпьете? — спросил он, наливая себе вина. — Нет? Да что вы, отменная вещь! Ну смотрите... Так, о чем я? Ага, вспомнил. Да. Был здесь один бродяга. С гор. Странный тип. Определенно, что-то в нем есть. Не скажу, что... Что-то незнакомое, чуждое. Какая-то аура... даже не знаю, с чем сравнить. Немного ауры, не сказать чтобы все это выпирало в нем, но... определенно, что-то такое... Как будто что-то внутри него... — Родерих пощелкал пальцами. — Что-то спрятано в нем, словно что-то дремлет. Так мне показалось. Я, конечно не охотник, с практиками вашими не знаком...

— Вы с ним разговаривали? — перебила Лив. — Как давно? Как он выглядел? Куда пошел?

— Как он выглядел... да обычный бродяга, какие спускаются изредка с гор. В овчинном тулупе. Приходил ранней весной. Еще снег лежал. Лет пятидесяти. Брода с проседью. Взгляд такой... немного затравленный, диковатый. По первому впечатлению, слегка тронут умом. Перекинулся с ним парой фраз.

— О чем?

— Он принес несколько шкур, мясо... куски руды. Обменял на кое-какое снаряжение, меч, флягу, холщовую сумку... все, что надо в дорогу. Знаю, что говорил с... Дегтем. — Родерих кратко рассмеялся. — Простите, не удержался. Кажется, запаса у него провизией. Переночевал у меня в сарае, рано утром ушел. До того, как все проснулись. Куда — не скажу. Не знаю. Честно. Да и не хочу знать. Не понравился он мне. И девочкам, кстати, тоже.

— Больше ничего? Точно? Ваши «дарницы» тоже перед ним сиськами трясли?

— С ума сошли? Нет, конечно.

— Этой чести удостоилась только я?

— Ну простите меня, горемычного! Да, я пытался наложить приворот, каюсь. Вы понравились мне. Как вас зовут, можно поинтересоваться? Мое-то имя вы знаете.

— Лив.

— Лив... — с чувством повторил Родерих. — Вам никогда не говорили, Лив, что вы... невероятно красивы? В вас есть что-то неземное, ускользающее...

— Прекратите!

— Не смущайтесь. Гордитесь. Гордитесь своей уникальной красотой — послушайте моего совета. Может быть, когда-нибудь она спасет вам жизнь.

Лив не знала куда деться. Она нервно теребила сумку. «Соберись, дуреха! Не позволяй заговаривать себе зубы!»

— Он видел истукана? — сердито спросила она.

— Нет. Стану я приглашать в дом всякий сброд. Вообще, он... все время был задумчив. Как-то слишком погружен в себя.

— Все? Больше ничего не вспомните?

— Нет, пожалуй.

У калитки Родерих остановил ее.

— Совсем забыл, а вы не даже не спросили. Он сказал, как его зовут.

— Как?

— Его зовут Беркут.

Капканщик точил меч, сидя рядом с Лешим на завалинке. Мельком взглянул на Лив и, как ни в чем не бывало, продолжил свое занятие. А Леший все так же тихонько бормотал.

— Ну? Что молчишь? — спросила Лив раздраженно. «Опять... — подумала она. — Опять я жду Адриана... На что я сержусь? На себя? На него? На извращенца кузнеца? Он сделал мне комплимент. А я вспыхнула, будто несмышленка какая...»

— И чего ты нукаешь? — Капканщик прислонил меч к стене и посмотрел на Лешего. Как будто с интересом.

— Тьма вселенская ползет, — бормотал свое Леший. — Скоро. С востока, с севера...

Лив вышла из задумчивости.

— Чего ты нукаешь, спрашиваю? — повторил Капканщик. — Что с тобой?

— Ничего.

— Тогда рассказывай. Ждешь особого приглашения?

— Может, наедине? — спросила Лив, кивнув на старика. — Вдруг Леший кому разболтает?

— Леший... — протянул Капканщик. — Что скажешь, старый?

— Тьма! Испили нектар божественный, что таковым становится в теле зверя? Испили, или нет? Ну, вот и тьма...

— Знаешь, как зовут Лешего, как ты его называешь? Его зовут Медвян. Если я правильно понял из его бормотания. Он явно сумасшедший. Может, бывший церковный служка. Но он мне нравится, что странно.

— И что?

— Нравится он мне...

— Напоминает твоего дедушку? — неожиданно для себя самой спросила Лив.

— Что? — Адриан словно смутился. На миг, и снова стал прежним собой. — Больно ты пронырливая, детка. Рассказывай смелее, дед нам не враг.

Лив кратко рассказала обо всем, что видела и слышала. Голые девки никак не заострили его внимание. Хоть бы хмыкнул, что ли?

— И куда он пошел, кузнец не знает? Точно? Может брешет? Нет? Хм... Плохо.

Капканщик встал, потянулся. Хрустнули суставы.

— Надо нанести визит к борову трактирщику.

«Дегтю, — машинально поправила его про себя Лив. — Дегтю и жене его Цветку».

У трактира стоял, задумчиво крутя сигарку тот самый худой, ломкий старичок — Хрустальный Человечек — тут же придумала Лив.

— Не ходите туды, — сказал он.

Капканщик, по своему обыкновению, даже не посмотрел в сторону старичка, продолжив путь. Лив нерешительно остановилась, глядя вслед спутнику, грубо постучавшему в дверь.

— Почему? — поинтересовалась она.

— Бушует, — ответил Хрустальный Человечек. — Слышите? Что-то Ленка, глупая натворила. А может и отпрыск ихний.

— Отпрыск?

Хрустальный Человечек затаился.

— Да. Сынишка ихний. Ну, если так можно говорить.

Капканщик еще раз постучал. В ответ раздалось:

— Пошел вон!

— Повтори-ка еще разок, не расслышал? — с угрожающим спокойствием спросил Капканщик.

Сразу повисла тишина.

— Сынок-то ихний, — заговорщицки понизив голос, сказал Хрустальный Человечек, пуская дым прямо в лицо Лив, — чудище!

— Что вы говорите! — отмахиваясь от едких клубов, сказала она.

— Да-да! Настоящее чудище. Проклятие, самое настоящее проклятие. Кузнец сказал, что за грехи ее.

— Кого?

— Ленки, кого же еще. Блудила, паскуда эдакая. Вот Кру и наказал.

Испачканная охапка полевых цветов.

— С кем блудила? Не с кузнецом ли?

Хрустальный Человечек остолбенело уставился на Лив. Даже сигарка выпала изо рта. Но ответить он не успел — Капканщик выбил дверь. Лив поспешила за ним, а следом и приставучий дедок, подняв с земли сигарку, отряхнув и снова сунув в рот.

В трактире, на кухне лежала несчастная Ленка, Цветок. Над ней возвышался с ремнём в руке Индро. Деготь. Ленка, рыдая, судорожно прикрывалась порванным платьем. На спине атели следы от ремня.

Опрокинутые кастрюли со сковородками, перевернутая кадка с высыпавшимися помоями, разбросанные всюду ложки, вилки, ножи, рассыпанная мука...

Индро шумно дышал, вытирая пот со лба.

— Чего? — прохрипел он, оглядывая непрошенных гостей диковатым взглядом. — Чего вы, мать вашу, творите?

Вместо ответа Капканщик кулаком ударил трактирщика в живот. Удар короткий и быстрый, как молния. У трактирщика начисто вышибло дух, он густо покраснел и рухнул рядом с шарахнувшейся в сторону женой.

— Ну ничего себе... — пробормотал Хрустальный Человечек. — Дак вы ж его убили!

— Еще один... — проворчал Капканщик, наклонившись к Индро. — Убил, убил... Не убил. Пока. Сейчас очнется. Позаботься о ней. — Он кивнул на Ленку, в ужасе жавшуюся к стене. — А тебе чего надо? — Дед испуганно попятился. — Нет, стой! Здесь останешься. понял? И брось самокрутку! Не переносу дым.

В подвале, прикованный за шею к цепи, сидел грязный ребенок, одетый в смердящие лохмотья. Судя по бессмысленному выражению лица, парнишка был умственно отсталым. Впечатление усиливали заячья губа, две бородавки на лбу, непропорционально большие уши, искривленный позвоночник и кривые, даже какие-то перекрученные ноги.

Перед ним лежала мятая жестяная миска с остатками овсяной каши. Деревянная кружка валялась рядом. Солома, оглобли, ведра, медные тазы, старый хомут, мягое седло и прочий хлам вокруг.

И на мальчике имелись следы тяжелой руки садиста-отца. Или отчима-садиста? Лоб пересекала едва зажившая ссадина. Мать бросилась к нему и прижала к груди. Мальчик — «Испачканный, пусть будет так», — подумала Лив, — мычал и дергался, пуская слюни и играя с ржавой подковой.

— Не бойся, она друг, — шептала ему на ухо Цветок, нежно глядя по голове. — Не бойся, она не обидит тебя.

Испачканный Цветок.

Испачканный посмотрел на мать и помотал головой, будто отгоняя муху.

— Как его зовут? — спросила Лив, чувствуя, как у нее просыпается гнев.

— Казо.

Лив развернулась, чтобы уйти.

— За что? — прозвучал неожиданный вопрос.

— Не поняла?

— За что вы с нами так?

— Мы?

— Он нас убьёт. Вы понимаете? Он же нас убьёт!

Лив вынула из ножен маленький кинжал. Подарок самого Рогволода.

— Ты все узнал?

Капканщик сидел на террасе и, морщась, пил пиво. Рядом стоял с виноватым и глуповатым видом трактирщик. В засаленном переднике, на плече — серое от грязи полотенце. Дедок сидел поодаль.

Капканщик устало глянул на Лив.

— Ты все узнал, я спросила?

— Да, — ответил он, отвернувшись и сделав еще глоток.

Трактирщик как-то снисходительно хмыкнул.

— Очень хорошо.

— Ничего хорошего. Толку от этого борова. И пиво дрянное...

Капканщик с презрением отодвинул кружку и вытерся рукавом. Но Лив не слушала его.

— Ты! — обратилась она к трактирщику. — Подойди.

Индро глянул на охотника, пожал плечами и подошел.

— Чего вам, сударыня? — все с той же ухмылкой спросил он, рыгнув. Изо рта воняло, как из нужника.

Вместо ответа Лив перерезала ему горло.

— Это за Испачканный Цветок, — ледяным тоном сказала она, чувствуя, как лицо покрывают брызги теплой крови.

Драгоценная шкатулка

Костёр догорал. Становилось холодно. Лив сидела, задумчиво глядя на слабеющий огонь, кутаясь в свою накидку, а заодно и в плащ Капканщика. Сам он спал, положив под голову седло и прижав к себе меч. Она всегда удивлялась, как он умудрялся не замерзнуть. Вот онаникогда не могла согреться как следует. Кажется, что тепло — тут воображение рисовало эдакую зловредную девчонку с растрепанными бесцветными волосами — каждый раз предательски ускользала, насмехаясь над тщетными попытками ее поймать. Поймать Ничто — так зовут несущую жизнь девчонку с растрепанными бесцветными волосами. Ничто хохочет над ней. Ничто шепчет: «Разденься, разденься, дура!» «Но как? Ведь я замерзну! Я замерзну, и костлявый старик-мороз со всклокоченными бровями утащит меня...» «Не утащит, дура! Он испугается того огня, что горит внутри тебя! Дура ты, дура!»

Глупо как-то. Впереди очередная сырая промозглая ночь в дикой глуши и где же тот огонь, что пылает в ней?

Хочется в родное село, в отчий дом. Где жар печи мягко припекает кожу. Где пахнет травами и свежеспеченным хлебом. А еще бражкой. Отец никогда не дожидался, когда медовуха настоится, вечно запускал туда кружку-другую...

Как хотелось предаться сладким мечтаниям о рыжих детишках и цветущих лугах, о бабах с коромыслами, но... всё это перечеркивалось искаженным в гримасе смерти лицом Дёгтя. Хлещущая из рассечённого горла кровь железным занавесом скрывает фантазии девушки.

Прошла неделя, как они покинули Лесной Удел, а Лив никак не могла отойти. Раз за разом она проворачивала в голове убийство трактирщика. Лик смерти сложился из заиклившей вереницы видений, затягивающих тебя в безысходность, во мрак одиночества. Только теперь девушка поняла, насколько одинока.

Никак не получалось вырваться из цепких объятий памяти. Снова вернуться в свой уютный мирок грёз. С каждым днём Лив всё больше склонялась к мысли, что возврата к прежнему не будет. Смерть изменила ее.

Она стала убийцей.

Удивительно, как отреагировал Капканщик. Он вскинул бровь и невозмутимо изрёк:

— Он был куском говна. Поделом.

— Вы... она его убила!.. — в ужасе пробормотал Хрустальный Человечек.

— Я и тебя убью, старик, если ты не заткнешься, — сказал Капканщик и посмотрел на спутницу. — Лив, что ты делаешь? Ты куда? Лив!

Лив сняла с пояса трактирщика связку ключей и как была — окровавленная — побежала в подвал.

Капканщик вскочил, почесал затылок, и посмотрел на Хрустального Человечка:

— Чего это она?

Старик, нервно сглотнув, пролепетал:

— Сейчас чудище приведёт. Не дай божы... Вот, вот и оно!..

Лив привела жену трактирщика. На руках Ленка несла сына. Казо жмурился, стонал и возбужденно мотал головой.

— Мы отведём их к Родрику, — не терпящим возражения тоном сказала Лив.

— К Родрику? К кузнецу Родериху что ли?

— Да-да, черт! И ты понесешь Казо.

Капканщик пожал плечами, и сказал старику, пялившемуся на калеку во все глаза:

— Пойдешь с нами.

— Что? Зачем это? Может... может... да на что я вам? Что вы пристали ко мне?

— Пойдешь с нами! — отрезала Лив. — Будешь свидетелем!

— Свидетелем чего? Чего вы от меня хотите?

— Заткнись, я сказала! Капканщик, бери Казо, и пошли!

Всё-таки Адриан ещё жил в Капканщике. Он не возразил, молча взял ребенка. Не скривился или не подвал виду. Как будто ничего не произошло. Но почему-то Казо сразу успокоился и стал теревить пуговицу на куртке охотника.

Тело Дёгтя так и осталось там лежать. Ленка даже не посмотрела на него.

Сколько раз она видела, как умирают люди?

Впервые это случилось на арене в Батхосе. Арена — амфитеатр древних. Полуразрушенное сооружение, сохранившее, тем не менее, характерное для той расы изящество, плавность и легкость.

Арена производила странное впечатление. С одной стороны — есть величественная архитектура древних, с другой она видела безжалостное воздействие времени и варварства людей. А неуклюжие попытки охотников украсить строение флагами, штандартами, знамёнами и полотнищами с изображениями государственных деятелей, битв и так далее вызывали усмешку. Лив представлялось, что амфитеатр, как и сам Батхос — это поверженный и прирученный дракон. И Варскох — сказочной красоты лес — его тюрьма.

Почему-то Лив приглянулась Рогволоду. Старик всегда был вежлив с ней. Дарил ей фрукты. Любил, когда она слушала его речи. Как правило это были воспоминания и пустые разглагольствования. И строго следил, чтобы ее никто не обижал, и ни в коем случае не распускал руки. Почему он это делал? Потому-что у нее особые способности? Может быть. Лив заметила, что в круг искателей, или видящих входят, в основном, парни. Она являлась чуть ли не единственной девушкой во всем Батхосе, не считая прислуги.

В тот день он пригласил ее на казнь.

Уже наступила ночь. Арена ярко освещалась факелами. Камилл Рогволод, как всегда в излюбленной кроваво-красной рясе, в стандартном также красном клобуке схимника предвечной церкви, сидел за дубовым столом. Позади — слуга с подносом. Узловатыми старческими пальцами, униженными драгоценными перстнями, старик лакомился финиками, орешками, изюмом и сушёными яблоками из золотой чаши, запивая это вином в золотом кубке. Рядом находилась инкрустированная алмазами драгоценная шкатулка. Внизу, на посыпанной песком арене два палача растягивали на дыбе голого мужчину. На шибенице, как говорил сам камилл.

Едва увидев это, Лив отчего-то подумала, зачем Рогволод продолжает одеваться, как адепт предвечной церкви? После Проклятой Ночи организацию запретил Канг Мститель, а идшуканта, созданная королем при активном содействии камилла, как раз и занималась истреблением ее сторонников. Может, это была своего рода насмешка? Вот как сейчас. Что должен думать этот несчастный, на «шибенице», глядя в лицо своему мучителю?

— Кто он? — тихо спросила девушка.

— Какая разница, счастье моё? — ответил Рогволод. — Не хочешь? — Он протянул ей

миндаль.

— Спасибо, камилл, я не голодна, — присев в легком реверансе, отказалась Лив.

— Ну, как знаешь, как знаешь... — Рогволод положил орешек в крошечную золотую миску и растолок орешек маленьким молоточком. Золотым. — Не догадываешься, зачем я тебя позвал, солнышко?

— Нет. — У пленника хрустнули суставы, и он замычал. Не иначе, язык отрезали, чтобы вопли не раздражали камилла.

— Ты должна увидеть, как умирают люди, — смешно пережевывая беззубым ртом ореховую толчёнку, сказал владыка идшуканты. — Посмотри на него. Что ты видишь?

— Боль, — ответила она, замерев от предчувствия чего-то ужасного. И, словно в подтверждение, услышала что-то, похожее звук рвущейся ткани. Так рвутся мышцы, или жилы, дошло до нее.

— Боль, — повторил камилл, обсасывая кусочек сушеного яблока с донельзя противным чмоканием. — Его боль передалась тебе, не так ли, милая моя? Если подумать, есть в этом что-то магическое. Он испытывает боль физическую, но каким-то неведомым способом она передалась тебе в виде боли душевной. Не так ли? Я же вижу, как ты побледнела, цветочек.

Рогволод зачерпнул горсть изюма и по одной, неспешно, отправил в рот. Жертва страшно содрогнулась и затихла. Из рта, носа и ушей потекла кровь.

— Магия, — не сводя глаз с Лив, сказал Рогволод. — Боль — это и есть магия. Сырая магия, та, что нынче в народе зовёт скверной, мороком, тленом, это, красавица, физическая боль. Трансформация, которая была когда-то — боль душевная. Так же, как мы калечим этого человека, пытая его, точно так же мы калечим и мать природу. Уже искалечили, если подумать. И так же, как сейчас, я его палач, — дрожащий крючковатый палец указал на наконец-то умершего мужчину, — так же я, в некотором роде, был палачом всей земли нашей. Но ведь я хочу исправить совершенное, звёздочка. Поэтому мы здесь.

Он протянул ей шкатулку.

— Возьми.

— Что это?

— Подарок. Не доставай, не доставай. Пока.

Рогволод неестественно, как-то зловеще улыбнулся, обнажив беззубые десны.

— Это поможет тебе преодолеть боль физическую, душенька. Это станет также твоим оружием. Береги его.

В шкатулке находился серебряный медальон, с узором из нескольких перекрещивающихся кругов. Пустячный оберег, когда-то принадлежавший одному из адептов церкви Предвечной — распространённая вещь до Проклятой Ночи. Теперь это осквернённый амулет из глубин Арута — укротитель — который должен иметь при себе каждый видящий.

Она впервые увидела как умер человек, но проклятый амулет — Лив долгое время не решалась открыть шкатулку — затмил собой происшествие. Укротитель действительно стёр дочиста ту душевную боль, которая должна была охватить ее при виде страшной казни. Она совершенно не помнила, как выглядел тот человек. Был он стар, или молод? Девушка помнила только... шамкающий беззубый рот престарелого властителя охотников на магов и то, как таяли в нём сухофрукты и измельчённые орешки. Как вытирал он алым платком слюни, растекавшиеся по морщинистому подбородку.

Так было всегда, со сколькими смертями она не сталкивалась. А посмотреть было на

что. Но почему сейчас-то так больно? Ведь кто такой Дёготь? Изверг! Может, потому что видеть боль, и причинять ее не то же самое? Может, Лив всё это время оберегали ее мечты? А она вдребезги разбила свой хрупкий мирок. Шарахнула о шербатую кирпичную стену, словно фарфоровую вазу.

Она хорошо помнила, как жители Лесного Удела украдкой подглядывали за ними. Спешно задвигающиеся занавески. Захлопывающиеся двери. Опущенные глаза.

Сказать, что Родерих удивился их визиту, значит ничего не сказать. Он был ошеломлён, и в первую очередь напором самой Лив. Как-то Рогволод (опять этот старик!) сказал кому-то из своих приближенных: «Бойтесь женщину в истинном — не притворном — гневе!»

Кузнец так стоял с неестественной улыбкой на лице. Капканщик с несвойственным для него терпением держал ребенка, пока Ленка не забрала его.

— Ты сволочь! — кричала Лив. Ее буквально трясло от ярости. — Ты, ты... подонок, слышишь! Обрюхатил девицу и выгнал её? Отдал замуж местному живодеру? Может, ты даже благословил их пред ликом своего сострадательного Кру? Несмотря на ее слёзы? Ты знаешь, что твоего сына держали на цепи? Как собаку! Хуже собаки!

— Лив... — попытался оправдаться кузнец.

— Не называй меня по имени, тварь! Ты прекратишь свои похотливые игры сейчас же! А Ленку с Казо примешь! И будешь заботиться о них! Все равно в каком качестве! Можешь жениться на ней, если хоть капля чести у тебя, мерзавца осталась, можешь нанять служанкой! Клянусь прахом отца, если хоть волос упадёт с их головы, если твои лапы коснутся хоть одной девушки!..

— Но...

— Или ты это сделаешь... — Тут Лив перешла на зловекий шепот и полезла в сумку. Вмешался Адриан.

— Лив! Лив, успокойся! Успокойся, не натвори дел, прошу тебя.

Лив посмотрела спутника так, будто впервые увидела. Она по-прежнему держала руку в своей холщовой сумке.

— Успокойся, прошу тебя. — Голос Адриана приобрел те чарующие теплые нотки, которые так нравились ей. Черты его смягчились и он грустно улыбнулся. — Дай мне поговорить с ним, Лив. Прошу тебя. Не надо.

Спустя полчаса Капканщик вернулся. Лив сидела на скамье, прислонившись к забору. Весь ее вид говорил о крайней усталости.

— Идите к нему, — обратился он Ленке. — Он вас примет. Ничего не бойтесь, вы теперь в безопасности. Идите! Теперь ты, старик!

Хрустальный Человечек вздрогнул.

— Ничего не хочешь мне рассказать?

— А чего?

— Птичка мне напела, что ты знаешь, куда отправился тот, кого мы ищем.

Лив оживилась.

— Откуда ты узнал? — спросил она.

— Ты как?

— Со мной все в порядке. Ты ответишь на вопрос?

— Поговорим по дороге. Скажу лишь, что плохо ты кузнеца допрашивала. — Он снова

повернулся к Хрустальному Человечку. — Итак, ты скажешь, дед?

Старик смешался, потом спросил:

— Табачку не найдется?

— Слушай, старый. Я сыт по горло вашей дрянной деревушкой. Отвечай.

— Но я... Он просил не говорить.

Капканщик положил руку старику на плечо и, уже гораздо мягче, проговорил:

— Что именно тебе сказал тот человек? Помоги нам, мил человек. Не он страшен, поверь. Страшиться надо нас. Скажи, и мы уйдём.

Старик вздохнул и сказал:

— А, все равно скоро подыхать. Он пошел на болота. На Ткемь, проклятую. Спросил, куды, где дорога и всё такое.

Капканщик с Лив переглянулись.

— Точно туда? Ничего не путаешь?

— Как туты перепутаешь. Разве ж много здесь болот? Ткемь одна, окаянная.

— Он тебе угрожал? Почему ты так испугался?

— Да не... — Хрустальный Человечек покачал головой. — Это вы угрожаете. Почему испугался? А вот если бы вы заглянули ему в глаза, ребятки...

Хрустальный Человечек махнул рукой и пошёл прочь.

— Что теперь? — вяло спросила Лив.

— Идем в Ткему, — коротко бросил в ответ Капканщик. — Более ничего не остается. Хоть какое-то направление.

Ткема — край ведьм, колдунов, лиходеев и мифических чудищ. Воспетая в одах бескрайняя топь. Сказочная трясина, переполненная духами и призраками. Пропитанная проклятиями земля, впитавшая в себя самые мрачные и пугающие тайны, которые никогда не разгадать.

Или всего лишь обширная заболоченная местность. Хмурые одинокие леса; приземистые холмы, поросшие багульником, брусникой и морошкой; уходящие за горизонт болота с островками рогозы и осоки и почти не рассеивающимся туманом. Унылый край, где самое распространённое проклятие — это кровососущие насекомые, а единственная тайна — удастся ли тебе отсюда выбраться живым и здоровым. Ссылка для преступников всех мастей со всей Аннаты и не только. Так было до Проклятой Ночи. Ныне это брошенные деревни, обрушивающиеся крепости, зарастающие сорняком остроги. Кто сейчас там обитает, лучше и не думать.

Дамнат мог раствориться в Ткеме без следа.

— Как мы его там отыщем? — спросила Лив. — Мы можем потратить всю жизнь, но так ничего не найти.

— Пойдём к Медвяну, — сказал Капканщик. — О что-то болтал о Ткеме. Я слышал. Так и знал, будто чуял, что твой Леший не так-то прост.

Но Медвяна они не обнаружили. Более того, его дом оказался пуст и заброшен. Имелись лишь следы их собственного пребывания.

— Я... ничего не чувствую, — растерянно произнесла Лив. Она смахнула со лба холодный пот. — Магия ушла. Тот таинственный след, который я никак не могла опознать, помнишь? Он исчез.

Капканщик впервые на ее памяти испугался. А может, ей так показалось?

Костер догорел окончательно. Лишь изредка вспыхивали едва тлеющие угольки. Вскрапывали стреноженные кони, словно сожалея о чем-то. О ее испорченной жизни, наверное. Где-то глубоко в чаще ухал филин. Призрачно и неотвратно. «Ткема готова принять тебя, милочка, — слышалось ей в пении ночной птицы. — Готова принять без возврата. Ты придешь туда и растворись в ней...»

Засыпая, Лив все вспоминала тот вечер. Спор с Капканщиком. Что толку об этом вспоминать... Он настаивал на продолжении поисков. Она предлагала возвращаться в Батхос. Зачем? Капканщик был воплощенным охотником, готовым на бессмысленное самопожертвование.

«Медвян мог быть приманкой, оставленной дамнатом».

«Плевать, все равно идем!»

«Но мы погибнем — кому от этого будет лучше?»

«А вдруг это верный след? Что ты знаешь о дамнате и его способностях — ничего! Ты даже не распознала в Медвяне этого... как его там... призрака. Во-во! Фантома!»

«Магия дамната незнакома мне. И никому не знакома. И я — не колдунья, никогда не была послушницей, не была монахиней! Я обучена укрощать! А как укротить фантома, ты знаешь?»

«Понимаю. Мы пойдем по следу...»

«Я тебе не гончая, идти по следу! Я девушка, в конце концов!»

Лив со стыдом вспомнила как заплакала. Разревелась, будто девчонка. Сломалась. Адриан обнял ее и прошептал:

— Мы должны, Лив, пойми. Такова наша судьба. Я все понимаю. Может, мы и правда сгинем там...

— Я устала, — всхлипывая, говорила она. — Я так устала...

Адриан гладил Лив по голове и думал о чем-то своем.

Добрый хмель с кровью

Прямо над дорогой висел, привязанный к склонившемуся в некоем изящном поклоне тополи, высохший от времени труп. Кожа сморщилась и почернела, половина зубов из ощерившегося рта выпали, глаза выклевали вороны.

«Вот и Ткема», — подумала Лив с содроганием.

Уже несколько дней поливал дождь. Хлюпая и скользя по непролазной грязи, охотник и видящая брели по раскисшей дороге, ведя за собой коней. Вдалеке, за редкими деревьями, виднелись полуразрушенные постройки, когда-то бывшие крепостью.

«Наконец-то. Хоть какая-то крыша».

— Это должно быть бывший пост полуденников, — сказал Капканщик, остановившись. Он посмотрел по сторонам, плюнул и устало двинулся дальше. — Где-то за той крепостью тракт, должно быть, разветвляется.

— И куда? — отрешенно поинтересовалась Лив.

— Куда ведут дороги в Ткеме, ты это хочешь знать? — Капканщик ладонью смахнул с лица воду. — Куда еще они могут вести? К полянкам, каторгам, острогам, вольным поселениям.

Девушка посмотрела на спутника. Дождь никак не повлиял на его облик — охотник был так же суров, так же угрюм, сосредоточен. Добавила бы — мужественен... Но к черту! Скорее черств, и непогода этому только способствовала.

А вот она точно походила на драную кошку. И что с ее пышными пылающими локонами? Они потухли и висят, как плети. Надоело. Надоело всё.

На дне рва плескалась мутная дождевая жижа. Надвратная башня и часть стены обрушились, пролом зарос крапивой. Ворота в господскую башню были выломаны и валялись неподалёку, тихо истлевая среди куч битого кирпича и вездесущего сорняка. Внутри имелись следы пребывания людей — недавно погашенный костер, ящики, мешки, дрова, проржавевшие доспехи и мечи.

Они действительно чертовски вымотались. Насквозь промокшие, продрогшие, оба думали об очаге и горячей похлебке. И не заметили засады.

— Отпускайте коней, гости добрые! — прозвучал грубый голос. — Пускайте, пускайте — животинки умялись по грязи-то бегать. Да и сами бросайте оружие! И руки вверх!

Зал неожиданно заполнился людьми. Каким-то серыми и словно неживыми. «Эти безвестные бродяги уже при жизни стали призраками», — подумала Лив, разглядывая их. Десять человек, одетых кто в ношенную бригантину, кто в простое суконное пальто, кто в ржавую кольчугу. Десять человек, вооруженных выдавшими виды пиками, мечами, щитами. И на всем — печать тлена и смерти.

Говорил горбатый дядька с грязной бородой и глазом, прикрытым куском черной ткани. На голове — мятый шишак. Капканщик выругался и посмотрел на Лив.

— Держись за мной, — сказал он ей и ударил своего коня по крупу. Конь взвился на дыбы.

— Эй! — крикнул одноглазый. — Ты чего это?

Где-то сбоку раздался хрип, сразу перешедший в булькающий кашель. Капканщик метнул еще несколько кинжалов. Один из бандитов, успев вцепиться в ее плащ, упал. Кинжал угодил прямо ямку под кадыком. Бандит лежал, глядя на нее рыбьими глазами и

кровь неспешно текла из раны. Лив испуганно отцепила его руку, продолжавшую сжимать кончик плаща.

Крики, ржание коней, топот копыт. Свист вылетевшего из ножен меча. Одноглазый все время визгливо орал. Капканщик кружился, нанося скупые, но точные удары. С непоколебимой уверенностью в каждом взмахе, каждом движении.

Лив судорожно нашарила в сумке шкатулку, сжала. Краем глаза заметила, как на нее летит парень с оспинами. Губа порвана. Кровь капает на потертую кожаную куртку. Парень шумно дышал. Весь его облик выражал страх. Он занес топор... Топор был ржавый — она обратила на это внимание.

Лив застыла и зажмурилась. Кто-то врезался в нее, — должно быть тот, с оспинами, — она упала, приземлившись на кого-то. Рука угодила в еще теплую кровь, ладонь заскользила. Вокруг расцветали звуки битвы: лязг мечей, шарканье ног, проклятия, сопение, рычание, возня, предсмертные стоны... Кто-то пронесся мимо. Лица коснулись капли чьего-то пота.

И вдруг — тишина, нарушаемая тяжелым дыханием. Она узнала бы этот звук из тысячи подобных. Лив открыла глаза.

Капканщик, обрызганный кровью с головы до ног, осматривался, сжимая обеими руками меч.

— Не надо, не надо! — Одноглазый затравленно озираясь, уползал прочь.

Убедившись, что все мертвы, охотник подошел к одноглазому и наступил на шею.

— Остановись, родимый. Дай мне с тобой побеседовать.

Одноглазый замер. Его левая нога была отрублена, следом тянулась кровавая полоса, медленно заполняя швы вымощенного булыжником пола.

— Э-э, да ты не жалец... Ответь на мои вопросы, и я подарю тебе быструю смерть.

Одноглазый что-то прохрипел в ответ. Капканщик присел на корточки.

— Давно ты здесь?

— Давно...

— До нас еще были незнакомцы?

— Был один... с месяц. Ночью шел, почти... поздним вечером. Будто говорил с кем-то.

Дергался, как припадошный.

Капканщик повернул бандита к себе лицом.

— Ну? Что вы с ним сделали?

— Ничего... ничего... — Одноглазый начал терять сознание. Капканщик ударил его по щеке.

— Не отключайся! Дальше! Говори, чтоб тебя!

— Мы не... мы не тронули его. Был он... был... странный какой-то. Побоялись мы...

— Куда он пошел?

У одноглазого закатились глаза.

— Ну же!

Изо рта одноглазого потекла кровь. Капканщик выпустил его.

— Умер.

Лив сидела на полу среди мертвецов, растрепанная, сжимая в руках шкатулку. Она не открыла ее. Капканщик справился сам. В который раз.

— Перестарался, — сокрушенно покачал головой охотник. — И правда устал...

Одноглазый дернулся, выплюнул сгусток крови и замогильным голосом прошептал:

— Мы следили... проследили... мы... в топи он подался... В Тунь... В Тунь, да.

Кажись... не знаю. Болтали, там какой-то анахорет обретался, дикий, нелюдимый. Может, и к нему, хуй его знае... Убей, друг, прошу... Ты обещал... Так и знал, не к добру он явился... говорил ведь... Не к добру...

«Еще труп, — подумала Лив. — И не один».

Похоже, мертвецы на деревьях являлись некоей отличительной чертой Ткемы. Своеобразной вывеской, приглашающей в ад. Висельный тракт — а как еще можно назвать эту дорогу? — закончился развилкой, как и предсказывал Капканщик. Когда-то тут красовался щит с перечнем местных поселений. Теперь это два источенных червями покосившихся бревна, к которым цеплялись посеревшие обломки досок, на которых еще угадывались линии и буквы.

— И куда дальше? — спросила Лив.

Капканщик пожал плечами.

— Как мы узнаем, — продолжила девушка, — по какому пути идти?

Большая часть из десятка дорог, раскинувшихся в стороны, словно щупальца спрута, была заброшена — завалена буреломом, поросла кустами и травой, или вовсе демонстративно перегорожена бревном. Лишь на одной имелись хоть какие-то следы жизни.

— Думаю, ответ очевиден, — ответил Капканщик, хлебнув воды из фляги.

— Почему ты так думаешь?

— На этой дороге есть хоть какие-то следы.

— Одноглазый сказал, что *он* подался в топи. Если так, то наверняка это самый глухой путь из имеющихся.

— Может быть. И который самый глухой, как ты говоришь? Глянь! А? Они все глухие. А еще одноглазый мог приврать. Отомстить напоследок. Навести на дружков. Так что, лично у меня сомнений нет.

— И в селе, если оно там есть, конечно, тоже могут быть разбойники.

— Могут. А еще там может быть горячая пища и теплая постель.

— Я бы на его месте туда не пошла, — упрямо повторила Лив.

— Но ты не на его месте. И ты понятия не имеешь, что у него на уме. Пойдем по самой наезженной. Дойдем до какого-никакого селения...

— Чтоб там либо всех вырезать, либо самим сгинуть, как ты говоришь.

Капканщик взглянул на Лив ничего ни выражающим взглядом. Сунул флягу в сумку, притороченную к седлу.

— Лив, — начал он менторским тоном. — Мы в тупике, я знаю. Что нас ждет дальше, хочешь знать? Может, мы будем бесконечно бродить по этой забытой всеми глуши. Пока не состаримся. Или сдохнем от ножа в горло темной ночью в какой-нибудь местной тошниловке. Или от кровавого поноса. Я слышал в здешних местах такая напасть очень даже распространена. А может, нам повезет. Думаю, даже Предвечный этого не знает. Но так как Предвечного, вместе со всей сворой, что верила в него, тридцать лет назад низложили, то...

Капканщика, к счастью, очень редко посещал дух умника. Лив откровенно ненавидела эту черту характера в своем спутнике. Она демонстративно отвернулась. Капканщик усмехнулся и бросил:

— Пошли.

Но не успели они пройти пару шагов, как в заметили прячущегося в кустах мальчишку лет десяти. Почти черного от грязи, или копоти, одетого в бесформенные лохмотья. Русые

волосы больше походили на солому. Пацан пристально глядел на них своими глубоко синими, какими-то нечеловеческими глазами. Настоящий дикарь.

— Ты кто? — спросил Капканщик, но юный дикарь, не издав ни звука, скрылся в чаще.

— Кто это был?

— Без понятия, Лив. Я его уже давно заметил. Потому-то и решил, что впереди село

Это ты дальше носа не видишь. Поехали.

Двинулись дальше. К счастью, изматывавший их все последние дни морозящий дождь — мга, как говорил Капканщик, — прекратился. Поднялся холодный ветер, подсушивший землю и путники наконец-то оседлали коней.

Они миновали несколько брошенных деревень. От некоторых остались лишь напоминания в виде брошенных тут и там бревен и вросших в землю и опутанных растительностью плугов, телег, колес. В каждом из них они замечали чумазого мальчишку. Вскоре путь вывел на торфяное болото.

Дорога петляла между темных озер и одиноких деревьев. Ветер гнал серые тучи. Иногда на обочине, наполовину в воде, меж стеблей камыша и болотницы торчали кости и ребра животных. Так прошло часа два, пока впереди не показались какие-то хибары. Из труб вился дымок.

Поселение представляло собой кучку лачуг, ветшающих под напором безжалостного времени и неприветливой Ткемы. Посередине находилась, будто спящее чудище, уродливая, полуразвалившаяся печь для обжига. Рядом сваленные в кучу битые кирпичи, куски торфа, сгнившее сено, черепки от посуды. Из лачуг выглянули такие же чумазые люди, как и встретившийся им по пути мальчишка. Большею частью женщины, старики и дети. Все с ярко-синими глазами.

«Магия!»

В виски кольнуло острой болью, в глазах на мгновение помутнело. Видящая привычно глубоко вдохнула, адаптируясь к натиску чужеродной энергии. Но нет, ей не полегчало. Напор был слишком силен.

Здесь жил мощный архаит. Шаман или ведун. Дамнат? Уже обосновался? Нет, тут же отвергла мысль девушка. «Колдунья, ведьма», — почему-то показалось ей. Отчего-то в этой стихии, накатывающей беспорядочной хаотичной массой, почудилась женская природа.

У печи стоял, опираясь на посох, дед с благообразной седой бородой и кустистыми бровями, в черном до пят балахоне. За ним прятался, держась за штанину, тот самый пацан, следивший за ними.

Лив остановилась, спешила.

— Что такое, Лив? — нахмурился Капканщик и по привычке потянулся за мечом.

— Тут очень много магии, — прошептала, кривясь от боли, Лив. — У меня аж висках застучало.

— Значит, он здесь... Он ведь здесь, Лив? Нет? Так и знал...

— Не сейчас, Капканщик. Дай мне собраться. Поговори с ними. И будь повежливей.

Дед — несмотря на плохое самочувствие, она успела назвать его Боровиком, — подошел, важно опираясь о посох.

— Кто такие? — поинтересовался он скрипучим голосом. — Зачем пожаловали? Живорь сказал, что вы убили крепчей Обатуры. Можно спросить: за что? С тем ли к нам пришли? Мы люди мирные...

Живорь все так же цеплялся за штанину Боровика и пускал соплю. По его выражению

невозможно было понять, боится он или нет. Пустое, безэмоциональное лицо.

Капканщик осмотрелся, сплюнул, отхлебнул из фляги.

— Живорь — это вот этот прыщ, я правильно понял? — Капканщик кивнул на мальчишку.

— Да, уважаемый, правильно. Мой внук.

— Вот же проныра... А вас как зовут, почтенный?

— Мирту. В общине нашей меня все более Твердом кличут.

Капканщик взглянул на Лив. Девушка вынула из сумки флягу с самогоном из запасов Индро-трактирщика, выпила, поморщилась и прислонилась лбом к крупу коня.

— Так, Тверд, — протянул Капканщик. — Еще вопрос, с твоего позволения. Обатур — это одноглазый головорез из ближайшей крепости на северо-восток отсюда?

— Потому я и Тверд.

— Чего? Я не понял, ты о чем?

— Да то Твердь, крепостишка, кою вы упомянули только что. Когда-то я был ее комендантом.

— Так ты из полуденников... Вот оно что. Старик, ты понимаешь, кто мы?

— Уже понял. Вы из собирателей.

— Собиратели, надо же... — Капканщик опять посмотрел на Лив. Она понемногу приходила в себя. Незаметно их обступили селяне. Все смотрели так же как и Живорь — как безмозглые животные. — Не очень оригинально. Итак, Мирту, или Тверд, расскажи мне о — как их? — крепцах! И Обатуре.

Дед, казалось смутился.

— Разбойники оне, как же иначе.

— Вы как-то связаны?

— О нет! Вы что ж?

— Врешь, старый прохиндей! Я, конечно, не видящий, как моя спутница, но...

Мирту внезапно перекосило от ужаса.

— Оне... Оне — всевидящая? — пролепетал он.

Лив краем глаза успела заметить, как одна из баб стремглав помчалась прочь.

— Капканщик, не дай ей убежать! — крикнула она. Охотник не заставил себя ждать, пришпорил коня. Засвистел аркан и несчастная баба плюхнулась лицом в грязную жижу. Лив дрожащей рукой нашарила в сумке шкатулку. Мирту, выкрикнув что-то неразборчивое, взмахнул посохом. Селяне, словно марионетки, повинующиеся кукловоду, нехотя двинулись на нее.

Она, наконец, сдернула заевшую застежку на шкатулке, чувствуя прикосновения множества холодных рук. Укротитель сверкнул на вытянутой над толпой руке. Мирту выронил посох и, падая, сжал голову.

— Не надо! — запричитал он. — Не надо!

У Лив мутилось в глазах. К горлу подступила тошнота. Толпа, так же нехотя, сонно, отступила. Капканщик волоча бабу, словно куль с зерном, подъехал к девушке. Отпустил беглянку. У нее задралась юбка, обнажив багровые пятна, как после побоев. Селянка с поразительным безразличием встала, стянула с себя петлю, отряхнулась и побрела к своим. Капканщик приставил меч к горлу корчащегося в муках старика.

— Только попробуй выкинуть еще что-то подобное, паршивец, и ты умрешь.

— Да, да! Только уберите погань! Уберите тотем-погань, прошу! Смилуйтесь, прошу!

Лив с облегчением вернула вещь на место.

— Так, старый, — сказал Капканщик не сулящим ничего хорошего тоном. — Мы должны поговорить.

В избе Мирту пахло плесенью или даже гнилью. На изъеденном червями столе стояла тарелка с лучиной. Огонек, подобно пойманному мотыльку, жалобно трепыхался. В печи начали потрескивать дрова, тут же напустив внутрь дым, отчего у девушки заслезились глаза и запершило в горле. На деревянных тарелках — холодные вареные корнеплоды, похожие на репу, засохший хлеб и пучки зелени. В глиняном кувшине — пахнувшее рвотой питьё, которое хозяин называл «добрым хмелем». То что это был хмель, Лив не сомневалась, но насчет доброты можно было поспорить. Тем не менее, Капканщик, после Боровика, конечно, опрокинул кружку даже не поморщившись.

— Приоткрой дверь, что ли, Мирту, — попросил Капканщик. Он выпил еще кружку и уже слегка опьянел. — Трубу давно не прочищал?

— Та всё некогда, гости добрые. — Мирту сих пор косился на нее.

— А рабы твои на что?

— Та какие ж оне рабы? Оне свободные...

— Что-то мне так не показалось.

— Та не, не... Оне уставшие. Непростая жизнь у нас здесь. Глухомань!

— И разбойники.

Капканщик, прищурившись, смотрел на Мирту. Хозяин замялся.

— Вы имели с Обатуром связь, не так ли?

— Какую связь с лиходеями? Мы-то люди мирные... С лиходеями не знаемся...

— Не заговаривай нам зубы! — вдруг выпалила Лив. — Скажи нам, где она?

— Кто? — Захлопав глазами, спросил Мирту.

— Ты о ком, Лив? — в свою очередь поинтересовался Капканщик.

— Куда побежала та женщина? Кого хотела предупредить?

— Откуда ж я знаю? Бабы, оне дурные же, известное дело... простите. Здешние бабы умом не отличаются. Может, испугалась...

Мирту подобострастно улыбнулся и налил Капканщику еще поила.

— Вы выпейте, мил человек. За добрую беседу нашу...

— Не пей, Капканщик! — попросила Лив. — Боровик что-то скрывает...

У Лив опять помутилось в глазах. Здешняя диковатая магическая аура — чем-то похожая на архаическую, как у вехан — путала мысли. Не переставая болела голова.

— Знаешь что, Лив. — Капканщик очень часто превращался в умника спьяну. — Ты лучше иди, поспи, что ли. У тебя скверный вид. За меня не бойся. Я расколю дедка, не сомневайся.

Заскрипела дверь, внутрь зашел Живорь. Встал сзади Капканщика, все такой же... неживой.

— Я таких, как этот жулик... — Лицо Капканщика начало расплываться. Она хотела крикнуть ему: «осторожней!», но слова застряли в горле... — Знаю таких, как облупленных... Не-е, меня не проведешь...

Как в кошмарном сне Лив наблюдала на тем, как Живорь подошел к Капканщику сзади. Как, забравшись коленями на лавку, перерезал ему горло. Как кровь выплеснулась прямо в кружку из которой он пил, которая опрокинулась с глухим стуком. Мутная, темная, дурно

пахнувшая жидкость медленно растеклась по столу.

Лив беззвучно кричала: «Адриан! Нет! Адриан!!!»

Пламя лучины отобразилось в бездонных синих глазах мальчика. Он слез с лавки и, вытерев нож об штанину, спокойно ушел. Дед исчез.

Проваливаясь в пустоту, Лив успела заметить, как Адриан ткнулся лицом в «добрый хмель» смешанный с его собственной кровью.

Танцующая в маске

Мелькали ветви над головой. Опять дождь... Капли падали на лицо, охлаждая пылающую кожу. Пылающую от слез или побоев? А может, от стыда, что они так бестолково попались? От шока, от гнева? Налившиеся влагой тучи пронесились мимо, гонимые пронизывающим до костей ветром. Тучи были похожи на клубы черного пара, вихрящегося над котлом, в котором варились их души.

Лив лежала на жесткой соломе, связанная по рукам и ногам. Телега с противным скрипом подсакивала на малейшей кочке, каждый раз причиняя боль. Точно ее подбрасывали на одеяле усыпанной колючками. При этом на девушку сбоку наваливалось что-то большое. Мелькнула ужасающая мысль: «Это же Адриан!» Лив хотела посмотреть на него, но не могла повернуться. Или боялась? Почему ей казалось, что Адриан погиб по ее вине?

Прозвище Капканщик ушло. Адриан смог освободиться только после своей смерти. Теперь он всегда будет с ней. Наконец-то расскажет о себе. Признается, что любит ее. Всегда любил. Она будет купаться в его чарующем бархатном голосе, вдыхая его запах...

Очередной толчок привел девушку в чувство. Она бредит? Капканщик, Адриан... Он мертв. Всё. Их приключение окончилось. Никакого дамната, никаких рыжих детишек, залитой солнцем, идиллической, как на лубочных картинках из детства, деревушки. Нет больше Рогволода. Нет растягиваемого на дыбе человека. Нет и не существовало никогда золотой тарелки с сухофруктами, как не существовало и трактирщика Дегтя (она ему тоже горло перерезала... странное совпадение). Сгинули в небытие Цветок и ее сыночек Испорченный, похотливый кузнец Родрик, Медвян...

Стоп. Кто такой Медвян? Где она слышала это имя?

Дождь поливает всё сильнее. Холодно.

Лив слышит голоса. Вот Боровик говорит. Совсем близко, слова до боли знакомые, но она не понимает ничего. Чьи-то мозолистые руки скидывают ее на землю. Лив приходит в себя и понимает, что в рот набилась грязь с травой. Она кашляет и отплевывается. Видит вместе со слюной кровь. Губу разбила... В сгустке крови барахтается жучок.

Пахнет мертвечиной.

Где ее сумка? Где шкатулка? Почему Капканщик не приходит на помощь? А, он ведь пьян. Он напился с Мирту — Боровиком. Забавным дедом с посохом. А она говорила — не пей. Вот дурак. Как можно пить такую гадость? Добрый хмель с кровью.

Мирту, скалясь как безумный, бьет посохом бездыханное тело Адриана, лежащего рядом с разрушенной печью. Из печи вырывается огонь, щупальца пламени тянутся к охотнику на магов, стремясь проглотить уже коченеющие останки. Боровик хохочет, выплевывая слюни и его трескучий голос с дикой болью ввинчивается в мозги. Нестерпимо болит голова.

Лив сидит, скрючившись, в тесной клетке. Сводит ногу, но она не может вытянуть ее. А так хочется. В темноте глядят на нее глубокие синие очи.

Где же Капканщик? Как она сюда попала?

Пахнет мертвечиной.

Глубокие синие очи. Укротитель сверкнул на вытянутой над толпой руке. Толпа выла, тысячи рук тянулись к тотем-погани. Лязгали зубы, разрывая ее плоть. Ей не больно. Пусть.

Всё — тлен.

Боровик остервенело бил Адриана. Он уже превратился в бесформенный кусок плоти, смешанный с обрывками ткани. В кучу битого кирпича и торфа воткнул его меч. Живорь вынул его.

Глубокие синие очи.

Тьма.

Лив открыла глаза и осмотрелась. Она находилась в тесной железной клетке. Ни лечь, ни встать, только сидеть. Просторное помещение, пропитанное плотным запахом мертвечины — древним, затхлым. Двускатная крыша. Балки опутанные паутиной. В лучах вечернего солнца, пробивавшихся в небольшие зарешеченные окна под потолком, курилась пыль. На крюках, прибитых к балкам, были развешены мумифицированные трупы, вокруг которых роились мухи и слепни. Всюду — на полу, на лавках, у каменного алтаря, покрытого тёмными пятнами, в дальнем углу — погашенные свечи с толстыми потеками. За алтарём — ширма из плотной ткани грязно-желтого цвета с бурыми пятнами. У стены напротив сидел, свесив голову, Адриан. Шея перевязана. Сквозь повязку просочилась кровь.

— Адриан! — Лив кинулась к решетке. Голос охрип. Болит горло. — Адриан, ты живой? Скажи что-нибудь!

Скрипнули ворота. Вошел Мирту, Живорь с мечом Капканщика на плече. Меч был ему явно великоват. Позади них шла женщина — на первый взгляд старая. Сгорбленная, с живописным узловатым, украшенном разноцветными лентами посохом в руке, чье навершие украшал человеческий череп. В черной нечёсаной гриве запутались цветы; колечки и монетки привязаны к тонким косичкам. Лицо густо вымазано белой пудрой, вокруг воспаленных синих глаз — небрежно нанесённая, местами отслаивающаяся охра. Одета в багровую накидку без рукавов, с широким декольте и глубокими разрезами по бокам, расшитую затейливым орнаментом, чем-то напоминавшим индариийскую вязь. Накидка почти не скрывала сочное упругое тело.

Ведьма подошла к клетке, присела.

— Подойди, — приказала она томным грудным голосом.

Лив отшатнулась.

— Не бойся меня. Я хочу лишь прикоснуться к тебе. — Ведьма прильнула к прутьям и теплая ладонь коснулась лица девушки. — Красивая. Она красивая, правда, Тверд?

Боровик послушно закивал. Живорь был невозмутим и неподвижен. Он развлекался тем, что втыкал меч в дощатый пол. В одну и ту же точку.

— Ну что же ты? — не переставая гладить ее, спросила ведьма. — Как тебя зовут?

Лив молчала.

— Как ее зовут, Тверд?

Боровик пожал плечами.

— Не знаю, госпожа. Не помнишь, Живорь? Она не сказала, как ее кличут? Нет?

Живорь никак не отреагировал. Меч ткнулся в сухую древесину.

— Она всевидящая, госпожа, — потоптавшись, сказал Боровик.

Лив присмотрелась к ведьме, стараясь не глядеть в глаза. За толстым слоем зловещего грима скрывалась красивая женщина. Трудно понять, сколько ей лет.

— Не молчи, пожалуйста, — повторила вопрос она. — Я прошу тебя. Скажи как тебя зовут?

Лив закрыла глаза.

— Почему ты молчишь?! — взорвалась ведьма и начала трясти клетку. — Почему ты молчишь, сука?! — последнюю фразу она прорычала. Лицо перекосилось от ярости, охра покрылась мелкими трещинками.

Бровик вздрогнул и попятился. Живорь никак не отреагировал. Меч застрял с углубления, и мальчик с усилием выдернул его. И снова воткнул. Туда же.

Хищно выгнувшись, ведьма стала обходить клетку.

— Тверд!

— Да, госпожа? — робко отозвался дед.

— Если она ничего не скажет, ты умрешь, — сказала она прежним зовущим успокаивающим голосом. Внезапные смены интонации откровенно пугали.

Дед вздрогнул и выронил посох. Опомнившись, поднял.

— А... э-э-э... — Мирту покрылся испариной. Заметил, что Живорь смотрит на него с интересом. — Уйди, бесеньш! Не до тебя!

Живорь не тронулся с места. Но меч завис в воздухе.

— Ну? Я хочу поговорить с ней. Она так прекрасна... — пальцы ведьмы, еле касаясь, провели по губам девушки, чуть задержавшись на маленьком шраме в углу рта.

Лив дала себе слово молчать. Будь что будет. Мирту нерешительно подошел к ведьме и что-то прошептал ей на ухо. Ведьма заметно оживилась, и грациозно подбежала к Адриану. Взметнулась накидка, обнажив покрытые татуировками стройные ноги.

Обняла его.

— Смотри! — сказала она, обращаясь к Лив. — Думаешь, он мертв? Нет. Он не мертв.

Ведьма потянула Адриана за подбородок и поцеловала. Поцелуй длился, казалось, бесконечно долго. Лив почувствовала холодок. И ревность.

— Хватит! — крикнула она, вцепившись в прутья. — Оставь его, проклятая!

Адриан закашлялся.

— Адриан! Адриан, милый мой! — Непослушные слезы покатались по щекам. — Оставь, не трогай его, стерва!

Ведьма улыбнулась.

— Ну вот. — Она нежно опустила охотника. Адриан обвел святилище бессмысленным взором и снова поник. — В твоей власти его жизнь, дорогая. Не противься! Скажи, как тебя зовут?

— Лив, — прохрипела девушка, с ненавистью взглянув на ведьму. «Я убью тебя, падаль, чего бы мне это ни стоило». — Меня зовут Лив.

— А я Тынгёт, дева Стылого Края. Мы подружимся с тобой, Лив, как ты думаешь?

Утром пришел Живорь с мятой жестяной миской. В ней была каша, судя по всему из кукурузной муки. Края миски покрылись коркой застарелой грязи. Мальчик уселся напротив, поджав ноги. Подвинул миску.

Лив нестерпимо хотелось по малой нужде.

— Слушай, бесеньш, — сказала она, стиснув зубы. Никогда не думала, что можно так сильно ненавидеть ребенка. — Мне надо в уборную. Понимаешь?

Молчание. Живорь смотрел на нее. Ей стало жутко. Было что-то нечеловеческое в этом взгляде.

— Мне надо в уборную, сукин ты сын! Понимаешь, или нет? Писать хочу, тварь!

Только сейчас Лив обратила внимание, что мальчик ни разу не мигнул. Он ближе подвинул завтрак.

— Не буду я есть! — Лив пнула тарелку. Густая каша комком плюхнулась рядом с Живорем. Он не обратил на еду внимания.

Лив терпела изо всех сил. Мелкий выродок словно чувствовал, что с ней происходит. Наблюдал. Спустя несколько бесконечно долгих минут он, наконец, ушел. Опрокинутая тарелка так осталась лежать. На кашу уже слетелись мухи.

Девушке пришлось справлять нужду прямо в клетке. Теперь к трупной вони прибавился запах мочи.

Только сейчас она заметила, что Адриана нет. И внезапно ей овладел жуткий страх. Страх смешанный с иступленной ненавистью, отчаянием, болью. В какой-то момент Лив поймала себя на мысли, что готова вцепиться в прутья зубами.

Лив проснулась ночью от зуда. Ее покусали комары и блохи.

Единственная свеча у клетки рассеивала тьму. Тынгет сидела рядом, в простом ситцевом платье, расшитом типично веханскими узорами. Лицо все так же скрыто толстым слоем белого грима, только без охры. Под левым глазом — черная полоса в виде слезы. Позади нее — коренастый мужик с холщовой сумкой на плече. Рот завязан платком, глаза... обычные, серые. Взгляд недоверчивый, настороженный. В руках мужик держал ржавые кандалы для рук и шеи.

— Мы пойдем гулять, — сказала Тынгет так, словно говорила с закадычной подругой.

— Дай мне пить... — прохрипела Лив, остервенело расчесывая укусы.

Тынгет щелкнула пальцами. Прибежала полная нескладная баба в просторной хламиде с кувшином и кружкой. Глаза тоже синие, а выражение лица глуповатое. Под хламидой что-то позвякивало.

— Пей. — Тынгет с интересом наблюдала за пленницей. Лив, уже поднося кружку ко рту, засомневалась. Ведьма улыбнулась, обнажив черные как смоль зубы. Но жажда пересилила и девушка выпила. Холодная, как лед, вода обожгла горло.

— Пошли, ибо сегодня полнолуние, — сказала Тынгет и мягко, слегка пританцовывая, выпорхнула из... сарая? Храма?

Ворха — так звали мужика, или Дубовый Пень, как назвала его Лив, — отпер клетку сковал ей руки и шею, потянул за цепь. Сделав шаг, Лив упала. Ноги подкосились. Ослабела. Подошла Тынгет, и заботливо помогла девушке встать. От нее пахло дымом, польнью и смертью.

— Я сама, — процедила Лив, отстраняясь от ведьмы. Каждый шаг давался с трудом, но она не сдастся. Ни за что. Тынгет отошла и посмотрела на пленницу, словно любясь.

— Криэ, — сказала она. — Ты сильная, видящая.

И убежала. Лив, преодолевая боль и зуд, пошла вслед. Сзади семенила та самая баба, напоившая ее водой — Репка? надо же как-то ее назвать. Репка держала факел.

Обернувшись, Лив немного рассмотрела храм. То был обыкновенный терем. Посеревшие бревна поросли лишайником. В некоторых местах стены подпирали жерди. На воротах темнел символ. Что именно там было намалевано, девушка не рассмотрела, света не хватило. Храм стоял посреди пустого, если не считать пары телег, майдана. В туманной мгле скрывались силуэты хижин — с десятков домов по обе стороны наезженной дороги. Факел выхватывал фрагменты покосившихся заборов, опутанных полусохшими повиликой и

пыреем.

Через полчаса блужданий по узким тропкам процессия спустилась к окруженному небольшой рощей озеру. Луна отображалась в зеркальной глади.

Они подошли к самой воде. Ворха снял сумку, вынул из нее молоток и гвоздь длинной больше ладони. Прибил цепь к росшему у самой воды кривому тополи, затем отдал сумку ведьме. Репка воткнула факел в землю, разделась догола и застыла в оцепенении. На нее были одеты толстенные вериги, с плоским камнем, висевшим под обвисшими грудями. Тынгет подошла к ней, что-то прошептала на ухо и открыла сумку. Репка вынула из нее... шкатулку с укротителем.

Ворха, замычав, побежал прочь. Тынгет сжала в объятиях Лив, и начала едва слышно что-то бормотать. Лив слышала, как часто бьется ее сердце. Репка дрожащей рукой достала укротитель. В ил звонко шлепнулась шкатулка. В висках Лив знакомо застучало. Синие глаза Репки потухли и стали видны слезы. Женщина шептала: «пожалуйста, не надо, пожалуйста...» Укротитель поблескивал в свете луны.

— Сгинь! — истошно завопила Тынгет, еще сильнее прижавшись в пленнице. — Сгинь, заклинаю! — ведьма швырнула в женщину ком грязи, ударивший ее по щеке. Репка всхлипнула и послушно вошла в воду. Последнее, что запомнила Лив — лицо несчастной, обращенное к луне, с мольбой о пощаде. Слезы текли по щеке, размывая грязь. Она так и шла, держа перед собой подарок Рогволода, постепенно скрываясь под водой, пока не исчезла совсем.

В тело Лив разом вонзилось словно тысяча игл. Ей никогда не было так плохо. Девушка едва держалась в сознании. Если бы не Тынгет, она бы отключилась.

Воды озера пошли волнами. Как будто озеро вздохнуло. С криком вспорхнула с дерева какая-то ночная птица. Где-то далеко-далеко бесконечно тоскливо завывали волки. Со склонов спустился туман. В свете луны казалось, что туман имеет какой-то неестественный сизый цвет. Огонь факела погас, точно его кто-то задул. Поднялся ветер. В нем слышались голоса. Мерещились лица, образы, тени... Тысячи голосов, сводящих с ума. Вихрь образов мелькавших с болезненной частотой. Девушка не знала, закрыть ей глаза или нет. Заткнуть уши или завопить что есть мочи. Ведьма не переставая что-то говорила, содрогааясь всем телом, зарывшись лицом в ее волосы, царапая ногтями спину, но Лив ничего не понимала, не ощущала. И ничего не видела. Она была как во сне. В кошмарном сне.

Обоих — деву Стылого Края и пленницу — захватила отчаянно сопротивляющаяся воле озера дикая смертоносная магия из поганого Арута. Именно так — озеро было тотемом Тынгет. Или же крючком, амулетом. Источником, искусственно воссозданным безумной ведьмой. Или кем-то до нее.

Сколько это продолжалось — неизвестно. Но прекратилось внезапно. Лив вместе с ведьмой рухнули как подкошенные. Натянулась цепь, сдавливая шею. Девушка выбралась из объятий ведьмы и прислонилась к дереву, поправив ненавистный ошейник. Выдохнула. Сердце билось как раненный зверь. В голове постепенно смолкали совершенно неразличимые, призрачные шепотки. Лив показалось, что в водах озера вместе с несчастной Репкой утонуло неведомое чудовище. Чудовище, служившее ей верой и правдой последние годы.

Тынгет лежала у ног Лив. Вздрагивала, будто плача. Мелькнула мысль: «задушить суку... Задушить. Обернуть цепь вокруг шеи».

Позади раздался шорох и показался Дубовый Пень с молотком в руке. Он смотрел куда-

то в сторону и сипло дышал.

«Был начеку всё это время», — разочарованно подумала Лив вместе с осознанием того, что не задумываясь убила бы и его.

Тынгет с трудом поднялась и придвинулась вплотную к Лив. Волосы, измазанные в грязи, белая краска смешанная с илом — все это придало ведьме сходство с диким зверем. Этому способствовали также движения — мягкие и плавные, и в то же время ошеломляюще стремительные и яростные. При этом болотная ведьма всегда будто прислушивалась к чему-то. Слышала музыку? Лив, наконец, нашла подходящее прозвище этому удивительному созданию — а она уже преисполнилась уверенности, что Тынгет не человек. Танцующая в Маске.

Какой бы ни была маска — она всегда несла смерть.

— Кто ты? — прошептала Лив.

В глазах Тынгет отобразилось любопытство. Так смотрят, должно быть, люди на неведомое создание — изучающе, оценивающе, терзаясь мыслью: «а что если...»

Тынгет неожиданно поцеловала Лив. Очень невесомо, чуть коснувшись губами. Поцелуй нёс смятение, истому, сладость, холод и тлен. Лив захотела оттолкнуть ведьму, но она уже отодвинулась.

— Уведи ее, — велела Тынгет. — С нее хватит.

Ворха выбил гвоздь и повел девушку за собой. Поднимаясь за своим молчаливым конвоиром, Лив обернулась.

Танцующая в маске, стоя к ним спиной, стянула через голову перепачканное платье и нагая вошла в воду.

Опять клетка. Сколько она здесь? Сутки, двое, трое? Пару раз в день приходил Живорь с кашей, либо вареной репой или брюквой. В первый раз Лив набросилась на еду, но с трудом проглотила кусок — так болело горло. Потом ее стошнило прямо в клетке. Отлично. Мертвецы, моча и блевотина. А ведь она когда-то ужинала с Рогволодом. Ела фазанов с золотой тарелки. Как давно это было?

Горло постепенно проходило, зуд уменьшился. А может, она привыкла к блохам? К грязи, смраду? Пару раз в день являлся Ворха, и, сковав цепью, выводил девушку по нужде. Через маленькую дверь у алтаря. За ней, в окружении зарослей чертополоха стояла покосившаяся будка с круглым отверстием в полу. В будке воняло еще хуже, чем в храме, и не только нечистотами, но и разлагающейся плотью. Будка кишмя кишела насекомыми, но девушке было плевать. Она спускала штаны и справляла естественные надобности, не обращая внимания на этого необычного, будто окутанного тенью человека, смотревшего на нее своими сумрачными влажными глазами.

И больше никого. Днями напролет Лив сидела, тупо глядя на развешенных мертвецов. Она хотела дать им имена и придумать каждому историю, но в голову ничего не лезло. У нее не осталось сил для излюбленных фантазий. Не осталось сил ни для чего. Она могла только оцепенело сидеть в собственной рвоте и бессильно отмахиваться от многочисленного гноса.

Ей очень хотелось спросить, где Адриан, что с ним, но от Живоря с Ворхой ответа точно не дождешься. Хотя, несколько раз ей казалось, что Дубовый Пень вроде как чего-то боится или ждёт — выдавал бегающий взгляд. Рот всегда был замотан грязной тряпкой. В районе рта повязка вечно намокала. Он странно, как-то мучительно дышал. Иногда мычал и тряс головой, словно хотел избавиться от голосов в голове.

«Влюбился? — кисло подумала Лив. — Увидел меня, писающую в будке с говном и опметками тел и влюбился?»

Однажды утром она проснулась от шума. Рядом стояли Мирту-Боровик и высокий статный мужчина лет пятидесяти в черной стёганке. Мужчина был лыс и гладко выбрит. К поясу пристёгнут скимитар — так, кажется, назывался этот изогнутый клинок. Такие распространены в вольных городах востока. В Батхосе иногда бывали гости с тех далеких краев. Каждая черта словно высеченного из камня лица говорила о том, что он крайне опасный человек. На майдане находилось несколько вооруженных всадников и множество избитых, изможденных человек — женщины, мужчины и дети. Трудно сказать сколько именно, где-то около тридцати. Разглядывая пленников, Лив вдруг почувствовала на себе взгляд. Кто-то из этой толпы пристально смотрел на нее. Она поискала глазами, но так и не поняла, кто именно. Все тупо и обреченно уткнулись в землю. Кто-то тихо плакал. Кто-то молился.

— Поймите, — лепетал, подобострастно согнувшись, Мирту. — Оне не позволит. Тынгет категорична.

— Где она? — Незнакомец цедил слова с выражением презрения и усталости. Лишённый интонации голос напоминал удар плетью.

— После ночи у озера приходила пару раз... — Дед виновато пожал плечами. — С тех пор как явились эти, — он кивнул в сторону Лив, — оне словно с ума сошла. Тынгет и так-то... сами понимаете. Оне меня даже грозила порешить, понимаете?

— Их надо убить. Немедленно. А останки закопать поглубже и подальше. Вы сильно рискуете.

— Дак почему ж? Кто оне такие?

— Идшуканта, дурень. Охотники Рогволода. Знаешь кто это?

Дед вытаращил глаза.

— А я-то думаю, откуда ж тотем-погань... Такая же штучка, как у вас, господин Бруд. Думал, залётные собиратели... из Вехани, бывает, сюды забредают... Всякие бывают. Оне же и Обатуру, бедолагу, со всей шайкой зарубили... Вот оно, оказывается, что...

— Соглашусь с лисой, — сказал Бруд. — И почему она тебя, старого мудака, до сих пор не выпотрошила?

— Дак за что ж? Я и так, и верой, и правдой!

— Тотем-погань, дурень — это укротитель. Утопить в его в озере — она что, с ума сошла?

— Да оне по жизни такая! Кто ж разберет, что у нее в башке? Дикая!

Мирту помялся, и, согнувшись еще ниже, поинтересовался:

— А что такое укротитель? Что он делает-то? Я ж думал, что это волшба какая. Вредная. То-то в башке прям гудело...

Бруд сплюнул и, взглянув на Лив, сказал:

— Тебе это ни к чему. Где другой? Их было двое? Кто другой?

— Мужик. Здоровый и злой. Живорек ему глотку того. — Мирту сделал недвусмысленный жест.

— И? Он что, выжил?

— Магия Тынгет творит чудеса. С ним-то оне и таскается... К озеру ходили. Любится с ним что ль? А что, дело-то такое. Таких ладных мужиков давно не бывало. Хоть и обращенный, но мужик.

— Час от часу не легче. Когда обряд?

— Не сегодня-завтра.

— Мне партию нужно сдать заказчику через десять дней. До него еще доехать надо. А твоя ведьма, видишь ли, трахается с охотником на магов!

— Ничего не попишешь. Оне такая, единственная в своем роде. Храним як зеницу.

— Храним... Чуть в петлю охотников не сунули, горе-хранители.

— Извините, господин Бруд, простите уж горемычного старикашку, но что ж вы от нас хотите? Это у вас добры молодцы, а у нас что? Крепча — вшивота пьяная, да и той уж нету. Сгинула и поминай как звали. Откель новую взять? Кто в глухомань нашу подастся, и за какие пироги, скажите на милость, господин Бруд? Скажите спасибо, что выкрутились. Еще чутка и пиши пропало. А таких гостей у нас со времен Проклятой Ночи не было. И чег искали, интересно? Неужто саму? Эта рыжая — скотская баба, скажу я вам, господин Бруд, — помню, спросила, где она? Как узнала-то? Слух пошел?

Бруд криво усмехнулся, наклонился и спросил у пленницы:

— Как зовут, видящая?

Лив переполняли ярость и ревность одновременно. Она плюнула Бруду в лицо.

— Сдохни, ренегат!

Бруд невозмутимо оттер плевков. Встал.

— Мы будем неподалёку, в просеке, — сказал он Боровику. — Как лиса появится, ты сразу ко мне.

Бруд вскочил на коня, отдал команду и его дружина, орудуя плеткой, погнала пленных прочь. В последний момент Лив заметила невзрачного неприметного мужчину. Он не отрываясь глядел на девушку, пока его не прогнали вместе со всеми. У Лив почему-то кольнуло в сердце.

Лив обнаженная спускается к озеру. Ветер играет в волосах. Заплетенные в косички многочисленные колокольчики, монетки — дары неизвестных, осколки потерянных душ, — ласково позвякивают, отдаваясь музыкой. Журчание воды, омывающей корни, выступающие из мягкого, словно пуховая перина, ила, умиротворяет. Босая ножка осторожно коснулась поверхности озера — девушка со смехом отскочила. Посеребренная луной гладь манит кажущейся тишью. По телу пробегает холодок, но она спешит. Поскорее бы окунуться с головой, заглянуть, что по ту сторону зеркала? Прикоснуться к растворенной в недрах мощи. Впустить в себя неистовство магии, старой, как мир.

Лив долго искала это озеро. Она вдруг вспомнила, как оно называлось. Жившие здесь в незапамятные времена болотные люди называли его Лисьим. С ним связана какая-то легенда, которой никто не помнит. От сказки, как и от болотных людей остались только слова. Все остальное кануло в небытие. Все остальное — тлен и пыль.

В мыслях неожиданно возникли смутные образы — земля, пропахшая шерстью. Молоко матери. Вкус крови, от которого кружится голова. Кровь пробуждает дремлющие в ней инстинкты.

А потом был голод. Преследующие ее люди. Мелькавшие в темноте огни факелов. Возбужденные голоса. Страх гнал девушку прочь. Все время, пока она бежала, продираясь сквозь царапавшие бока заросли, сопротивляясь стихиям, задыхаясь от несмолкающего лая, раздающегося повсюду, уворачиваясь от стрел, она думала об спасительном волшебстве бездонного омута в диком, забытом краю. Ее загнали в угол, и беглянке ничего не оставалось, как утопиться.

Лив всегда возвращается сюда. До сих пор она не решалась искупаться. Но сегодня, в полнолуние, наконец, сделает это. От обжигающе холодной воды захватывает дух. Девушка погружается все глубже и глубже. Там, в глубине, ждёт синева. Она спешит к ней. В очередной раз Лив пытается дотянуться до тайны. Девушка знает, что дремлющее в недрах нечто спасёт. Поможет стать собой. Столько душ она скормила этой ненасытной бездне? Пора бы вернуть то, что она потеряла когда-то.

В какой-то момент Лив начинает задыхаться. Ну же, еще чуть-чуть! Нет! Не-е-е-ет!!!

А на берегу... Рогволод. Черную рясу треплет ветер, клобук слетает с головы, обнажая редкие седые пряди. Старик стоит по колено в воде, размахивает руками и кричит. Она тонет, зовет на помощь, но Рогволод, словно не решаясь ей помочь, продолжает что-то возбужденно говорить. Силы покидают Лив.

Все, она сдается. Пусть мертвая, но она все же коснется синевы...

— Окуни-ка стервозу еще разок! — Лив вдруг поняла, что стоит на коленях перед деревянной кадкой. Дубовый Пень — она узнала это мокрое, с присвистом, дыхание, — больно сжимая шею, окунул ее в мутную воду.

— Хватит! — Лив, барахтаясь и фыркая, с шумом вдохнула. — Очухалась, наконец. Я уж боялся, что померла. Куды ее, госпожа? В клетке-то чуть не окочурилась.

— Отпустите ее, — сказала Тынгет и снова заботливо, будто старшая сестра, помогла ей

встать.

— Убежит ведь.

— Не убежит. Без него. Правда?

Ведьма свойственным только ей движением заглянула девушке в глаза.

— Ты вольна идти.

— Куда? — спросила Лив.

Тынгет опять нарядилась в накидку кровавого цвета. На этот раз лицо было густо и небрежно намазано небесно-голубой краской, сильно контрастировавшей с затянутыми тучами небом. Облик загадочной женщины, как всегда, страшил. И еще эта неестественная синева глаз. Ведьма казалась существом из далеких краев, неведомым образом очутившейся в этом мрачном месте.

— Я знаю, что ты останешься, — скорее пропела Тынгет, кружа вокруг девушки, глядя ее по спине, по волосам. Лив вздрагивала от каждого прикосновения. — Я знаю, что мы будем вместе. Ты, я и он.

— Лучше смерть, — буркнула девушка, дрожа. Она была мокрая с головы до пят, а на улице холодно. Осмотрелась — они с Боровиком, Ворхой, вездесущим Живорем и еще парой синеглазых женщин находились у одного из деревенских домов. Шагах в ста возвышался храм. На прикрытых воротах красовался знак — какое-то черное пятно. Клякса.

Тынгет неожиданно рассмеялась.

— Смерть — это дар. Понимаешь? А ведь никто не понимает.

— Где он? Дай мне его увидеть. Пожалуйста. Я прошу тебя.

Ведьма закружилась, словно захваченная слышной только ей мелодией.

— Меня зовут Лив. А тебя — лиса. Так ведь?

Тынгет внезапно остановилась. Из-за краски невозможно было понять, гневается она, или нет.

— Почему ты спросила Тверда: *где она*? Там, в Старой Печи? Почему ты так сказала?

Лив поникла.

— Не знаю. Честно, не знаю. Вырвалось. Всё указывало на присутствие колдуна. Я часто слышала, что в таких местах обычно живут ведьмы. Вот и ляпнула.

— Ах, вы не меня искали, так? А кого тогда? — Ведьма опять медленно, даже как-то преувеличенно неспешно начала танцевать, закрыв глаза и обняв себя за плечи.

— Если отпустишь нас — скажу.

Тынгет подошла к Ворхе, схватила его за голову и впиалась в него глазами.

— Неважно. Это неважно. — Оттолкнула его и взглянула на Лив. У девушки побежали мурашки по коже.

— Ты увидишься с Адрианом.

И снова убежала. Упорхнула, точно мотылек.

— Сколько ее знаю, — пробормотал, ни к кому не адресуясь, Мирту, — никак не могу привыкнуть. Умеет же жути нагнать, ведьма... Правда, Живорёк, милый мой?

Живорь с размаху рубанул кадку с водой, бросил меч и умчался прочь.

— Что это с ним? — ошеломленно спросил Боровик. — Никогда такого не было... Ох, не к добру, не к добру. Послушать бы господина Бруда, порешить бы вас, окаянных. Свалились на нашу голову. — Дед, со злобой посмотрев на Лив, засеменял прочь. — Ничего, ничего, — бубнил он, удаляясь. — Скоро обряд, нынче же ночью, если Тынгет опять не втемяшется что. Тогда и посмотрим. Вот и посмотрим...

По небу катились свинцовые тучи. В лицо била мелкая сыпь дождя. Гнулись, обрывая темные намокшие листья, деревья. Ворха положил ей руку на плечо и кивком велел ей следовать за собой.

Дом, куда привел девушку Ворха, больше напоминал землянку — неказистое приземистое строение казалось зарытым в землю. Присыпанная черноземом крыша обильно покрылась мхом.

Дом, который Лив сравнила с окаменевшим мохнатым зверем, находился в стороне от деревни, на холме. Отсюда было видно Лисье озеро. Приведя ее сюда, Дубовый Пень встал у входа, сложив руки на груди.

Спустившись на несколько ступенек, первое, что подумала Лив, едва привыкнув в полумраке — нора. Земляной пол, шкуры в углу, примитивный очаг, кучка дров, отсутствие предметов утвари — в таких жилищах обитали далекие предки людей из каменного века. И здесь сильно пахло зверем. Девушка ошарашенно подумала: «Тынгет и впрямь не человек! Лиса... она что, правда лиса?» В какой-то книге, в пору, когда она обучалась в академии в Батхосе, она читала что в Индари, (или даже в Асве? теперь уже и не вспомнить), до сих пор существуют касты оборотней. Такая магия очень сложная, требующая много сил, знаний и энергии, и мастеров, умеющих превращать животных в людей — как утверждалось в книге — почти не осталось.

В самом темном углу, на сундуке, сидел Адриан. Глаза светятся в темноте, шея так и перевязана окровавленным платком. Сидел, положив руки на колени, и весь его облик стал еще тоскливее, чем прежде. Теперь он Плач — такое имя девушка нашла наиболее подходящим. Канканщик ушел. Та противоречивая сущность, с которой так долго боролась, стараясь пробудить воображаемого Адриана, умерла. Остался раб — бездушный, безмозглый... Лив с горечью подумала, что Плач станет хорошей заменой обатуриной крепче.

Она так стояла у порога, прижавшись спиной к двери, боясь пошевелиться, боясь вздохнуть. Глядя на бирюзовые очи бывшего охотника на магов, девушка вдруг поняла, что они всегда были такими, не только в мечтах. Странно, что одно и то же в грёзах выглядит гораздо привлекательнее, чем наяву.

Лив не знала что сказать. И зачем она здесь. От нахлынувшей тоски стиснуло сердце. Захотелось заплакать, но она не позволит себе. Хватит. Адриана больше нет. Но все же, надо что-то сказать на прощание. Сказать...

Кому? Безмолвному Плачу? Разговаривать с обращенным — так, кажется, его назвал Боровик — неестественно. Ну и пусть. Не с ним девушка будет говорить. Она будет говорить с возлюбленным. Может, в последний раз. Лив понимала, что вряд ли переживет обряд.

— Я... я здесь, Адриан, — неуверенно начала она. — Ты никогда меня не слышал. Хм... что я говорю? Я никогда к тебе не обращалась. Вот дура! — Девушка смахнула внезапно выступивший пот с лица и против воли улыбнулась. — Наверно, поздно признаваться в чём-то.

Лив искоса взглянула на Адриана. Он сидел, точно статуя. Казалось, не дышал.

— Знаешь, глупо сейчас это говорить, но... я любила тебя. Любила того Адриана, которым ты когда-то был. Я, конечно, та ещё выдумщица. Всё равно. Не всегда же ты был таким... тоскливым. Что тебя сломало, интересно?

Лив немного расслабилась. Воспоминания захватили её.

— Идём, солнышко, идём, хе-хе, — говорил, опираясь на трость, Рогволод. Рядом, как всегда был Пёс. Как на самом деле звали этого неуклюжего здоровяка, неизменно смотревшего на неё с каким-то чисто детским восторгом, никто и не помнил. От него всегда разило перегаром, на рубахе — следы грязных рук. Почему Рогволод держал его при себе? Вопрос, на который никто не находил ответа. Может, он был его родственником? Внуком, например.

«Хм... внук. У Рогволода. У вечного старца, держащего своими немощными руками весь мир за яйца. При этом у мира не хватает смелости даже завизжать от страха». Так говорил Аллант — вихрастый бесшабашный блондин. Каждый раз, повторяя это, он раздражался громогласным хохотом. Аллант был вордуром (или рыцарем, как он сам себя величал) и первым поклонником, пока его не отослали в столицу, в Басилит. Будучи неисправимым весельчаком, он нес много вздора, дарил цветы, сочинял в её честь стихи, щеголял в начищенных до блеска доспехах, напивался и дерзил всем без исключения, кроме Рогволода. С «вечным старцем» шутки плохи.

Псом личный слуга стал с её легкой руки. Рогволод, узнав о склонности своей любимицы давать всем прозвища, не преминул этим воспользоваться. Лив неизменно смущалась, слыша как камилл кличет окружение её сокровенными именами. Ей казалось, что Рогволод — откровенно говоря, довольно мерзкий человек — выдёргивает прямо из груди девушки нечто глубоко интимное, клещами вытягивает мечту, и обсасывая своим слюнявым ртом заставляет слуг проглатывать. Лив аж передёргивало, стоило подумать об этом.

— Вот, красавица, уже пришли. — Рогволод остановился, переводя дух.

Они оказались в огромном круглом зале. Сводчатый потолок терялся в высоте. Солнечный свет струился через стрельчатые окна. В нишах — высокие, стройные статуи королей, богов, героев. По голубому мраморному полу вихрилась, погоняемая сквозняком, пыль. В центре стоял он.

— Представлю тебе, ласточка, твоего спутника, — Рогволод подозвал мужчину. — Барон Адриан из Шаторы. Из рода Дыбовичей. Слыхала о таких? Сказать, с кем молодец сей состоит в родне?

Адриан посмотрел на неё и скривился. Фыркнул. Лив тоже не была в восторге. Седеющий мужчина с печатью тоски на лице. А кого она ожидала? Алланта?

— Что такое, мой мальчик? Не нравится? Наша ягодка тебе, балде сухой, не пригожа? А, барон Адриан?

— Не надо, камилл. Я не Адриан, сколько вас просил. Я охотник.

— Охотничков много, господин дорогой, охотничков у нас хватает. А вот людей... — Рогволод вздохнул и вытер рот платком, преподнесённым Псом. — Не называй... Ишь ты! Постой! Лив, ангелочек! Может, назовём его как? А? Ну, не бойся!

Лив потушила глаза.

— Смущается, голубка. Ну, я сам назову...

— Капканщик.

— Чего, девочка? Говори громче!

— Пусть будет Капканщик.

— Капканщик? Что за прозвище такое? Как-то нескладно и долго. Пока выговоришь...

— Мой отец изготавливал силки для зайцев. А барон Адриан охотник...

Адриан в первый раз за всё время улыбнулся. Улыбка была очень солнечная. Словно вместо унылого охотника на магов на миг выглянул некто другой, из прошлой жизни.

— Мне нравится. Пусть будет Капканщик.

— Ну вот и хорошо. Вот и подружились, детки.

Адриан снова нахмурился.

— Простите, камилл, но у меня впечатление, что вы ведёте нас под венец.

— Дражайший барон...

— Мы же договорились — Капканщик.

— Хорошо-хорошо! Капканщик. Ты, сынок, один из лучших. Тебе и по заслугам. Сей цветочек — её зовут Лив — очень способная видящая. Будет тебе послушной...

— Я охотник на магов и колдунов, камилл. Не нянька. Девчонку ещё не хватало.

— Вот с кем ты нянькался, здыдень, так это с твоим Щёреком, пустомелей, брехуном, лентяем и болваном. Хочешь еще одного? А? Что молчишь?

Адриан опустил глаза и пробормотал:

— Нет, камилл. Благодарю покорно.

— Лив — хорошая девочка. Да-да, девочка! И что с того? Кому ещё её отдать? Сивояру? Межуху? Володиру? Чтоб её обрюхатили, в конце концов? Или что похуже. А в тебе я уверен! Будешь надёжной опорой и защитником весьма смышлёной и расторопной ученице. Конечно, это выглядит как помолвка, что-то такое в этом есть... Но что поделаешь, такова наша работа.

— Ладно. Беру девочку.

— Вот. И не беру. Она что тебе — вещь? Лив — это огонёк. Да скоро ты и сам убедишься. Бывайте, детки.

Оба проводили старика со слугой взглядом. Он с толикой раздражения и надежды. Она с волнением и страхом.

Как давно это было! Лив подошла к Плачу и поцеловала его в лоб. Он не шелохнулся.

— До свидания, барон Адриан из Шаторы. Ты так хотел поймать своего родича. Скажешь, откуда я знаю? — Лив горько рассмеялась. — Как говорил наш господин, помнишь? «Я всё знаю».

На выходе из берлоги — иначе жилище назвать было нельзя — Лив ещё раз обернулась.

— Главное сбереги себя. Может когда-нибудь освободишься. Помни о девочке!

Человек из толпы

Выйдя из берлоги, Лив увидела сидящего на вороном коне юношу в пластинчатых доспехах и начищенной до блеска мисюрке. В руке он держал копьё. Парень изо всех сил старался казаться высокомерным. Видимо, несмотря на волосы, превратившиеся в нечёсанный колтун, как у бродячей собаки, шрамы и укусы насекомых на землистого цвета лице, несмотря на изгвазданный в грязи, изрезанный изатертый до дыр тонкий кожаный плащ с нашивкой в виде перекрещивающихся колец — такой же был на ее медальоне! — статус человека Бруда давал ему такое право. Но это длилось недолго. От него не укрылась нехарактерная для здешних мест внешность Лив. Человек Бруда плотоядно улыбнулся, обнажив редкие нездоровые зубы и дал знак Ворхе связать девушке руки.

Он молча тащил девушку за верёвку, восседая на коне, словно царь, то и дело бросая на неё хищные взгляды и активно плюясь. Парень исторгал из себя противные до содрогания харчки. Плевака, вот он кто. Не нужно что-то придумывать. Кличка сама напросилась.

Лив плелась по грязи, спотыкаясь, падая на колени... Разбитые сапоги промокли. Голова раскалывалась. Знобило.

«Заболела... Вот же черт. А, всё равно умру, — обречённо думала она. — Поскорей бы. Не могу больше. Не могу. Не могу. Не могу...»

Удар по спине привёл Лив в чувство. Плевака отпустил свой конец верёвки и указал перед собой копьём. На пустыре, прямо на земле, тесной кучкой сидели пленники Бруда. Жертвы предстоящего скорее всего этой ночью обряда дикой болотной ведьмы — девы Стылого Края Тынгет, как она сама себя назвала. Хозяйки Лисьего озера. Вокруг пленников расположился отряд Бруда — человек десять хорошо вооруженных людей. Сплошь ладные мужики. Не то что крепча Обатуры. Сам предводитель отсутствовал.

— Может, развяжешь руки? — Лив обнаружила, что её голос совсем сел.

— Ещё чего! — сказал кто-то сзади и пнул девушку. Она влетела в толпу невольников. — Заройся в стадо, свинья!

Люди безропотно отодвинулись, освобождая место новой. Лив уселась, вяло подумав, что где-то рядом должен быть тот человек, который накануне так пристально смотрел на неё. И чего он ей сдался?

— Ты глянь-ка на них, — прошепелявил некто справа, забрызгав девушке ухо. Лив отшатнулась, но не обернулась. Зачем? Но некто не успокаивался: — Глянь, глянь! Это ж сплошь ренегаты! — Лив вздрогнула, услышав это слово. Пришлось-таки обернуться. Говорил тощий мужичок. Сразу стало ясно, что он не в своём уме. — Да! Как есть! Я скажу тебе, Премудрая Косб, то — грешники, коих святая Дева Полуденная покарает в свой час. Видишь того рябого ублюдка? Берегись его! Рвёт, аспид, зубы и в сумку складывает. Рвёт также ногти и волосы срезает. Зачем, спрошу я тебя, о Премудрая Косб? А я отвечу тебе — затем, чтобы сложить из них огонь нечестивый в самую тёмную ночь на окаянной земле, о которой сам Ант говорил, что она испахана злочиствием и похотью приспешников самого искусителя! А кто есть искуситель, кто сама ложь, спрошу я тебя, о Премудрая Косб? А я отвечу, не таясь, это...

— Да отстань ты от неё, юродивый! — дородная женщина в косынке приобняла девушку. — Иди отсюда, червь! Иди, иди! Да ты вся горишь, девочка! Дай я тебя одену. Нака! — На плечи Лив легло какое-то одеяние. Теплее не стало. Её трясло всё сильнее.

— Кто такая премудрая Косб? — отрешённо поинтересовалась Лив. В объятиях доброй женщины было так хорошо. У Лив начали слипаться глаза.

— Да кто ж его знает? Меня он назвал демоновой потаскушкой. А тебя премудрой. Вот так-то.

Засыпая, Лив заметила чумазого мальчугана с соплёй. Он мигнул своими зелёными... зелёными? глазами. Живорь улыбнулся и протянул ей нож, которым зарезал Адриана.

— Нет! — вскрикнула Лив и проснулась. Мальчуган, смахнув соплю, продолжал смотреть на неё.

— Успокойся, успокойся, девочка, — говорила женщина, глядя девушку по волосам. — Всё будет хорошо.

И заплакала. Лив неловко выбралась из объятий женщины.

— Говорят, что её дочь — рыжеволосую девушку, мать вот этого пацана, — зарезали люди Бруда.

Женщину сотрясали рыдания. Лив хотела что-то сказать, но не нашла слов. Хотела прикоснуться к ней, приободрить. Как её назвать? Кроме как рыдающая женщина в голову ничего не приходило.

— Не стоит, — продолжил неизвестный. Лив посмотрела на него — незаметный, непримечательный тип. Редяющие тёмно-русые волосы и короткая борода с проседью. Тот самый, из толпы. Непонятно почему у Лив участилось дыхание.

— Кто вы?

— Я? — Человек грустно улыбнулся. — Как сказала эта несчастная, я — червь. Пусть будет так. Червь.

— Эй, ты! — крикнул рябой мужик в простом ватнике. В руке он держал кнут. — Да, ты! Сука скулящая! Достала ты своими причитаниями!

Рябой с поразительной точностью накинул на шею рыдающей женщине петлю. Люди перепугано шарахнулись в сторону. Рябой потянул за верёвку. Бедная женщина, хрипя и наливаясь кровью, тянула руки к пацану, растерянно хлопавшего глазами. Кто-то закрыл ему глаза ладонью.

— Премудрая Косб, — невозмутимо сказал человек из толпы, Червь. — Знаешь, кто она? Это святой дух, посланница Предвечного, являвшаяся Полуденной Деве, возлюбленной Анта-пастуха. Дева-воительница с петлёй в руке, помнишь? Никогда не приходилось читать священные тексты? «Молитвослов Кнуда Кроткого» например? Или «Литургию Девы Полуденной»? Нет? Ну да, времена ведь другие... Петля — это заарканенная душа. Как символично, не находишь?

Рябой подтащил задыхающуюся женщину и пнул ее в ребра.

— Заткнись, свинья! Держи её, мужики.

— Может, не надо? — спросил один из дружинников. — Зачем портить товар? Бруд будет недоволен.

— Ты видел её? Она же жирная! Да она подойдет через месяц-другой! Держи я сказал! Вот так, за голову. Ага!

Рябой достал какой-то странный инструмент, напоминавший капкан и вставил его в рот несчастной. Крик захлебнулся из-за устройства. Достав клещи, мучитель начал проворно выдёргивать зубы и аккуратно складывать на землю. Женщина мычала, обливаясь кровью и слезами. Закончив с зубами, рябой переключился на ногти...

Лив закрыла глаза.

— Огонь нечестивый, злочестье... — бормотал тщедушный. — Заступись за нас, предвечный, спаситель. Избавь от приспешников Канга-ересиарха...

Лив проснулась от того, что кто-то зажал ей рот. Был уже вечер.

— Только пикни, сука ты рыжая! —дохнул в лицо запахом лука, чеснока и отрыжки утренний конвоир. — Вставай, шлюха! — Плевака потащил девушку за волосы.

— Ты куда ее? — поинтересовался рябой, с нездоровым интересом рассматривая зубы, отрубленные пальцы и связанные в пучки разноцветные волосы. Рядом лежала, накрытая плащом, добрая женщина. Должно быть, мёртвая.

— Да чуток позабавимся, Пырь. Не бойсь, не испортим.

— Давайте, — кивнул Пырь. — Только быстро. И не калечить. Девка годная.

Плевака с помощником дотащили девушку в ближайшую рощицу.

— Держи ее! — сказал он, торопливо расстегивая штаны. У Лив не было сил сопротивляться. Когда-нибудь это должно было случиться. И на это плевать. Державший её напарник Плеваки шумно дышал и вздрагивал.

— Всё, сейчас! — Плевака дрожащими руками возился с завязками. — Вот чёрт! Давай же! Ну!

Тень накрыла Плеваку. Мелькнул меч. Голова Плеваки упала прямо у неё между ног. Тело, исторгая из себя потоки крови, завалилось на спину. Напарник Плеваки оттолкнул Лив и дал дёру.

— Убить! — бросил Бруд, сев на корточки и вытерев меч об штаны Плеваки. — Я же объяснял им, — устало сказал он, глядя на Лив. — Почему они не понимают? Обращенные и то смышлёнее. Может набрать крепчу из обров, а, Димитр?

Димитр — суровый пожилой мужчина в дорогих доспехах — промолчал, вытирая меч пучком травы. Другой насильник не успел далеко убежать.

— Сожалею, Лив, что так произошло, — продолжил Бруд. — Будь моя воля, ты бы не пострадала. Но ты видящая, а я, как ты сказала, — ренегат. Я не боюсь этого слова. Пусть так. Этот выбор я сделал сознательно. Отведи её обратно, Димитр. И развяжи ей руки, это не к чему.

Бруд удалился. Через минуту послышался его рассерженный голос.

— Это еще что такое?

— Да я... — начал было оправдываться Пырь.

— Опять зубы? О боги, да за что мне это!

— Бруд, я не виноват. Я хотел только... Она больная была, вот и околела...

— Димитр!

Димитр развязал девушке руки и помог ей подняться.

— Возвращайся, — сказал он. — Без шуток.

— Димитр!

— Иду.

Лив вернулась к невольникам. Между Брудом и рябым лежала добрая женщина с разmozжённой головой.

— Димитр, брат. Свяжи-ка этого извращенца, и к свиньям.

— Нет, Бруд! Пожалуйста, Бруд! Не надо, Бруд! Мы же друзья! Нет!!!

Червь улыбнулся краешком рта и тихо сказал:

— Да воздастся смутьянам, погрязшим во грехе, по заслугам. «Литургия Девы»

Полуденной», глава 26, стих 7.

Он посмотрел на нее всё тем же ничего не выражающим взглядом и сказал:

— Уже скоро. Ты готова?

Едва солнце коснулось верхушек тех одиноких деревьев, где пару часов назад Лив хотели изнасиловать, Бруд дал команду собираться. Засвистели хлысты и продрогшая толпа засеменяла по непролазной грязи обратно в деревню Стылую. Именно так называлось, судя по шепоткам, это селение. Заплёванный невольниками, связанный и с кляпом во рту рябой мучитель по кличке Пырь бросал на всех яростные взгляды и безостановочно мычал, краснея от натуги.

Плевака с помощником и добрая женщина так и остались лежать там, на пустыре.

«Дева Стылого Края, — усмехнулась Лив. — Владычица всеми забытого клочка земли с несколькими разваливающимися хибарами. Оборотень, родившийся у Лисьего озера и переродившийся там же». Откуда она это знала?

Как ни странно, Лив вроде немного полегчало. Озноб прошёл. Осталась головная боль и ломота. Девушка шла навстречу нависшему над горизонтом кроваво-красному светилу с необычным чувством спокойствия. Должно быть, тоже самое происходит с преступниками, которых отводят на казнь. Она не прислушивалась к голосам, говорящим о том, что их не убьют, а проведут некий обряд, лишаящий человека воли, что их удел — вечное рабство. А что, жить можно. Возможно, так даже лучше. Они будут на службе у какого-нибудь господина, о них позаботятся... Еда и кров. Крыша над головой. И никаких забот.

Эту серую загнанную массу ждёт именно такой удел. Удел животных. Её — нет.

Этой ночью Лив ждёт смерть.

Спустя час, уже почти затемно, они добрались, наконец, до храма. Ярko горели, закреплённые в чугунные держатели, факелы. На воротах — небрежно намалёванный многорукий монстр с синими глазами.

Лив остолбенело глядела на рисунок. Кру. Тынгет — вот настоящая служительница этого загадочного божества. Как же сразу она не догадалась! Синие глаза, безволие, безмозглость... Кто-то рассказывал об этом. Ведь кто-то точно ей рассказывал? Возможно сам властелин Батхоса. Вечный ветхий старец. Сколько жизней он сгубил, будучи камиллом? Сколько жизней сгубил после? Интересно, Рогволод знает о существовании ведьмы Стылого Края? Девушка вспомнила недавний сон. Камилл что-то кричал ей. Ну конечно, старик же телепат! Именно посредством снов он связывался с охотниками. Хотел её спасти?

Какая сейчас разница.

Их завели в помещение, где Лив провела столько времени в клетке. Ширму сдёрнули, а за ней находилось само изваяние Кру, сшитое из мумифицированных рук, ног и кусков мяса. Венчало это пиршество ссохшейся плоти голова козла со вставленными в глазницы лазуритами. Позади идола — приваленная к стене груда костей и черепов высотой чуть не до потолка.

Ворота закрылись, скрипнул снаружи засов. Из темноты вышла Тынгет. Лицо выкрашено в черный и багровый цвета. Белый, без единого пятнышка, сарафан. Ангел смерти. Кошмар наяву. Тынгет подняла посох, выгнулась как-то неестественно, выкрикнула что-то нечленораздельное. Толпа как по команде безмолвно рухнула на колени. Кроме нее. Лив почувствовала, как её кто-то подтолкнул. Это был Плач со своим мечом в руке. Лив

посмотрела на него, вопреки всему надеясь на проблеск сознания... Напрасно. Девушка опустила голову и послушно побрела к алтарю.

Тынгет взяла девушку за руку и сказала:

— Сядь на колени, призванная. Сегодня ты — невеста небесноокого. Сегодня ты окропишь жертвенной кровью стадо вечного Кру, смоешь их души и закроешь им глаза. Их ждёт удел служения.

— Что будет со мной? — поинтересовалась Лив, скосив глаза на Плача. Он встал рядом, сложив руки на навершии меча.

— Небесноокий лишь единожды касается своей невесты. Его ласка смертельна. Тебя ждёт небытие, Лив. А что есть небытие, подруга моя? Это вечная жизнь и вечная смерть. Это дар, который немногие способны оценить. Безвременье, безмолвие, бесконечность, безмятежность, Лив. Самый драгоценный дар, какой только возможно вообразить, и получают его не осквернённые семенем, чистые помыслами девы. Пройдя через смрад смерти и увечий.

«Не оскверненные семенем, как же», — подумала девушка, вспомнив, как Плевака пытался совладать с непослушными завязками на штанах.

— Ответь мне, — спросила Лив. — Что ты сделала с Адрианом?

Тынгет наклонилась к ней.

— Тайна, Лив. Это тайна, — ответила она и покинула её.

Тынгет хищно кралась меж склонившихся людей, наклонялась к ним, гладила их по головам, что-то нашептывала, пока не остановилась подле мучителя из дружины Бруда. Вынула кляп.

— Посмотри на меня, ори. — Пырь в страхе зажмурился и отстранился, но Тынгет, мгновенно придя в ярость, ударила его по голове посохом. — Смотри на меня, ори! — закричала она и внезапно впилась в его губы. Поцелуем это назвать было нельзя. Ведьма будто высасывала из рябого жизнь. У него выкатились глаза, он попытался вырваться, но Тынгет держала цепко. Наконец, отпустив, произнесла:

— Его.

Плач схватил рябого за ворот куртки, и, прямо как щенка, потащил за собой. Бросил рядом с идолом. Пырь, плача, мямлил:

— Не надо, госпожа, не надо...

И тут началось. Тынгет била рябого посохом, завывая нечеловеческим голосом, топтала его, прыгая, как обезумевшая. Кровь летела, кропя статую Кру, оскверняя ведьмин белый сарафан, покрывая Лив и Плача.

Девушка закрыла глаза. Она постаралась, в последний раз упорхнуть в грёзы, вопреки здравому смыслу, вопреки грядущему «небытию». Пусть вернутся мечты, хоть на миг! В последний раз...

Неожиданно она поняла, что в храме воцарилась тишина.

В середине помещения, окруженный по-прежнему замершими в поклоне невольниками, стоял Червь. Тынгет, впившись ногтями в глаза уже скончавшегося рябого стражника Бруда, посмотрела на него.

— Ты кто? — Слова зазвенели в мёртвой тишине.

Лив, чувствуя, как её захлестывает волна ужаса, попятилась.

— Беркут, — сказал человек из толпы, червь.

— Дамнат... — выдохнула Лив.

Тынгет непонимающе посмотрела на девушку. Плач выхватил меч из ножен.

— Мы должны бежать, — сказала Лив, упершись спиной в грудь костей и черепов. Дамнат продолжал стоять, изучая их своим невыразительным бесцветным взглядом. Плач сделал шаг в его сторону.

— Обряд посвящения нельзя прерывать...

— Ты не понимаешь, сука ты звериная! — заорала Лив. — В бездну твоего Кру и веси ваш балаган! Мы сейчас все умрем! Все — ты, я, Плач, Бруд, Боровик, обращенные — Все!!!

— Плач не умрёт, — невозмутимо отозвался Беркут.

Тынгет с Лив одновременно обернулись. Плач — эта оболочка, скрывшая от неё Адриана, убившая Капканщика, — склонился перед человеком из толпы. Беркут положил ему на голову руку и сказал:

— И явился им демон в облике неприметном, в кандалах и цепях, — то и был дамнат, сиречь осуждённый и проклятый людьми во веки. «Молитвослов Кнуда Кроткого», глава 6. «Откровения», стих 1. Так и есть.

Мгновение — и разверзся ад. Последнее, что увидела Лив, это как Тынгет, взмахнув посохом, бросила в сторону дамната так называемый «концентрированный ветер». Пустяковое заклинание, которое развеялось, не причинив никому вреда. Спустя секунду храм словно взорвался. В ноздри ударил нестерпимый запах палёных волос. Ливнем посыпались обломки, щепки, превращенные в труху кости, земля, смешанная с кровью испарившихся пленников. В лицо дохнуло жаром. Кто-то истошно заорал.

Лив отбросило ударной волной. Лицо сёк не прекращающийся поток мусора. Она задыхалась. Нарастала паника. Девушка попробовала крикнуть, но в рот тут же забились пыль или прах. Она ползла, чувствуя, как её покидают силы. Кто-то схватил её и потащил за собой.

Тынгет. Это была проклятая ведьма. Хрипя от натуги, ведьма упрямо волокла за собой совершенно обессиленную девушку. Тьма и шум. Шум такой, что болели уши. Наконец, Лив со стоном втянула спасительный воздух. Рядом упала Тынгет. Начала отплёвываться. Остатки храма горели, освещая майдан, на котором кипела битва. Звенели, скрепясь, мечи. Периодически вспыхивал свет, неизменно сопровождаемый криками боли.

— Бежим! — сказала ведьма, немного отдышавшись.

— Не могу, — ответила Лив, не в силах пошевелиться. — Не могу...

— Можешь. Пошли.

— Куда? Куда мы пойдём?

— К озеру. Не знаю. Надо бежать... Скорее!

— Только что ты хотела меня убить. А сейчас спасаешь. Зачем?

Тынгет пожала плечами и помогла Лив встать.

— Это в прошлом. Я больше не патаи, криэ. Бежим!

Они мчались, держась друг за друга, проламываясь через кусты, не разбирая дороги, не видя перед собой ничего. Лишь полускрытый тучами обломок луны освещал им путь.

Неизвестно, сколько времени прошло, покуда беглянки не решились передохнуть. Они находились в редколесье, за которым начиналось болото.

— Я не могу покинуть озеро! — с отчаянием в голосе сказала Тынгет. — Я родилась там!

Лив холодно взглянула на ведьму. Ночью её перемазанное грязью лицо казалось

чёрным. Она сама, скорее всего, выглядела не лучше.

— Плевать на твоё озеро, — ответила Лив. — Хочешь, возвращайся.

— Нет. — Лив показалось, или Тынгет боится?

— Зачем ты это делала?

— Что именно?

— Я о демоне. Кру. Как ты стала ему служить? Кто ты такая, можешь сказать? Почему ты скрываешь лицо?

— Не знаю. Не знаю... не знаю! Сколько себя помню, всегда это делала. Вечный родил меня из...

Голос Тынгет дрогнул.

— Из зверя? Из лисы? Ты правда в это веришь?

Тынгет странно посмотрела на Лив и отползла в сторону. Уткнула голову в колени. Повисла напряженная тишина.

— Ладно, — сказала, наконец, Лив. — Времени на это нет. Надо переночевать и идти дальше.

Ведьма ничего не ответила.

— Попробуем поспать. Костёр разжигать опасно. — Лив подумала, а станет ли дамнат их преследовать? Зачем они ему? Всё равно рисковать нельзя. — Тынгет! — девушка прикоснулась к её плечу. — Не расстраивайся. Нам надо спать. Ты вообще спишь когда-нибудь?

Тынгет кивнула.

— Обнимемся. Так мы сохраним хоть какое-то тепло. А утром решим, что делать дальше.

Обе долго пытались заснуть, но, несмотря на страшную усталость, сон упорно не шёл. Лив чувствовала, что Тынгет тоже думает о событиях этой ночи. Ведьма всхлипывала. Девушка её не понимала. Кровавая убийца; лиса, обращенная в человека; безумная, бесчеловечная... ранимая? Кто она? Что она такое?

Кто сделал с ней такое? Рогволод?

Уже засыпая, Лив услышала треск кустов. Кто-то приближался. Через миг обе девушки были на ногах.

— У тебя есть какое-нибудь оружие? — шепнула Лив.

— Нет. Если только...

Тынгет подняла палку.

— Может это зверь? — спросила Лив, вооружившись бульжником.

— Нет. Это не зверь. Это человек. Раненый. Стой, где стоишь!

Человек замер. Лив услышала, как он мучительно дышит.

— Я не... — послышался слабый голос. — Я не причиню вам... вреда.

Человек шёл, загребая палую листву, опираясь одной рукой на меч, другую прижимая к животу.

— Это я. Бруд. Не бойтесь, я уже труп. Позвольте мне сказать...

Бруд закашлялся. В темноте было не видно, но судя по всему, он плевался кровью.

— Лив, лиса... подойдите, — слабеющим голосом сказал он, опустившись на одно колено. Девушки осторожно подошли, держа импровизированное оружие наготове. — Чёртов Димитр... Он предал меня, сукин сын.

— Что случилось?

— Дамнат с тем, кого ты звала Плачем и с Димитром перебили всех — обращённых, мою крепчу... всех.

Бруд согнулся в кашле. Из рта вылетели сгустки крови. Он упал.

— Скорее, — махнул он им рукой. Голос становился всё тише. — Кажется, Живорь сбежал. Всегда знал, что пацан тот еще чертёнок... Далеко пойдёт, если выживет... Лив! Подойди... Не бойся, Лив. Я был несправедлив к тебе... Хочу искупить... Потому и бежал за вами, что было сил...

— Куда пошёл дамнат?

— Вроде к озеру... Не могу сказать точно... Они подумали, что я сдох... Твой Плач пырнул меня в самое брюхо... Лив! — Последние слова были еле слышны. Лив пришлось наклониться к самому уху. — Там, во внутреннем кармане... Жестяная коробочка... Возьми... И не держи зла, Лив...

— Не бери! — вскрикнула Тынгет, отскочив в сторону.

— Я должна, — отрезала Лив, вынув предмет. — Мой ты утопила, помнишь?

Часть IV. Падение Басилита. Волк пустошей

Престарелый Рогволод проснулся ранним утром, еще затемно. Обычное дело, к которому никак не мог привыкнуть бездельник слуга. И обнаружил, что опять обмочился. Трясущейся рукой дотянулся до трости, прислоненной к кровати, постучал по стене.

— Где ты, пес шелудивый! — заорал он. И скривился. Но не от боли. От тоски, если можно так выразиться.

Во что он превратился! Даже собственный голос был ему противен — дребезжащий, невнятный. Капризный.

Тело перестало повиноваться. Какая ирония — он, Рогволод, один из самых могущественных людей на всем белом свете, не может удержать мочу. Стоит понервничать, и всё — штаны намочены. Это в довесок к носилкам (уже два года, как он перестал ходить) и еще целой куче неприятностей, о которых не хочется и говорить. В своем теле он пленник. И ничего с этим не поделаешь.

Явился, наконец, слуга — здоровенный туповатый детина. Умом он и правда не блистал, кроме того, был склонен к скрытному пьянству, но отличался безграничной, подчас исступленной преданностью. Рогволод звал его Псом. Это прозвище ему дала Лив, драгоценный цветочек, отрада последних дней. Где она сейчас? Кажется, где-то на севере Вехании. Он скучал по ней.

Пес — единственный, кому он доверял приводить себя в порядок. Гордыня и независимость никуда не делись и в девяносто лет.

Глядя на приводившего его в порядок слугу, Рогволод подумал, что это в какой-то степени забавно. По сути ты — кусок дерьма, но все возятся с тобой, делают вид, что всё хорошо, не пахнет. Что мешает им придушить хилого старикашку? Почему они так преклоняются перед ним? Не магом и не воином? А всего лишь телепатом, первосвященником, иначе — камиллом (интересно, сохранились еще круане?) — полузабытого культа бога Кру. Его самого ведь никогда не сдерживали никакие преграды. Он устранял с пути всех — тех, кого страшился, кого любил. А зачем, спрашивается?

Рогволод не мог ответить на этот вопрос. А если честно, и не задавался им. Он просто делал то, что хотел, с каким-то даже азартом. И что интересно — азарт сохранился. В отличие от мешка с костями, в котором пребывал. В последнее время осознание собственной немощи сводило камилла с ума. Это заставляло задумываться о смысле всего, чего он добился за свою долгую жизнь.

До Проклятой Ночи Рогволод был гетманом воинства девы Полуденной. Ревностно защищал право членов Предвечной церкви на исключительное пользование потоком, точно следовал догматам теургии. Но кто помнит об этом сейчас?

А после стал истребителем магов. Вот то, с чем он вошел в историю. Но Рогволод предпочитал другое определение — покоритель магов. Да он, — по сути, безвестный веханин, сын портного, — покоритель магов и никак иначе. По его приказу — именно так! — Канг вешал непокорных арутийцев. По его приказу склонившие головы и присягнувшие на верность ему — иерарху идшуканты — бывшие маги преследовали не отрешившихся от запретной веры.

Неплохо для сына портного и всем известного злодея — камилла Рогволода. Кстати, вот что интересно, за свою долгую тернистую карьеру он поимел немало пышных титулов, но в

народе так и остался камиллом. Хорошо хоть не портным. Выражаясь образно, пастух открыл Источник, а портной его уничтожил. Отличная поговорка, Рогволод не упускал случая попользоваться ею.

Но он никогда не достиг бы всего этого, если бы позволял себе поживать на лаврах.

Рогволод хорошо запомнил того сукиного сына, Ивана, что вечно слонялся по храму без дела. Из-за этого недоноска, маменькиного сыночка, Беркут — сокрушительный дар, демонический гений! — вырвался на свободу. Подумать только — тысячу лет томиться в куске кристалла. Тысячу лет страдать, пропуская через себя нескончаемый поток, в угоду палачам, выстроившим над его тюрьмой храм, трансформируя магию в удобоваримую форму. Кто из таинников, спускавшихся в шахту, думал, что в ларце, подвешенном на цепях, находится нечто живое? А что будет, если случится что-то непоправимое?

У кого из них хоть раз возникла такая мысль?

Только такая посредственность, как этот... Иван, мог стать вместилищем души древнего чудовища. Пустое место — идеальное прибежище для могущественного мага из глубины веков. Ублюдку нужно было всего-то оказаться в ненужный час в ненужном месте.

Так почему виноват он, Рогволод? В сознании живущих не кто иной, а именно камилл стал отцом жуткой трагедии, перевернувшей весь мир. Будем честны, ведь винят в том, что произошло его — зловредного паука, затаившегося в своей черной берлоге, на краю света. И название берлоге народ дал подходящее — Бездна. Никто не вспоминает, что на самом деле это Батхос, что на языке древних означает... да кому надо, что оно означает! Камилл истязает там людей, пьет их кровь и замышляет все новые и новые пакости. Мало ему Проклятой Ночи. Мало ему полчищ северян и имеров, словно стервятников кинувшихся на разом ослабевшую Аннату. Он еще что-то хочет. Бессмертия, наверное — сколько лет, а никак не помрет!

О да! Бессмертия и правда хочется. Затем, чтобы всё исправить. Затем, чтобы удавить дазната. Проклятая Ночь тяжким грузом лежала на сердце. Рогволод остро чувствовал свою вину, хоть и скрывал это ото всех. Промашка вышла с мамашей Ивана. Чокнутой неудовлетворенной бабой с маниакальными наклонностями. Кто же знал? Кто знал, что нелепые и невинные страшилки про паучьего божка из его далекого прошлого так вскружат голову Марии? С другой стороны, кто ж знал, что Беркут вселится в слизняка? Кто знал, что такое вообще возможно?

Ничего! Мысль о мести греет, и не дает окочуриться. И вот, кажется, Рогволод дождался.

Дождлся!

На завтрак были овсянка со сливочным маслом, хлеб и подслащенное вино. Рогволод с трудом проглотил кашу, а вино едва пригубил — он хоть и любил этот напиток, но уж больно пьянел буквально от пары глотков.

— Сегодня я хочу наведаться в казематы, — сказал он. Пес кивнул.

— Там сыро, господин, и холодно, — ответил он. — Я одену вас потеплей.

Два дюжих молодца, облаченных в черные рясы, под неусыпным контролем Пса, несли кресло по длинным темным коридорам. Факел в руке Пса потрескивал, освещая запотевшую грубую кладку. Чем ниже они спускались по узким полустершимся ступенькам, тем больше Рогволоду не хватало воздуха. Начинал донимать сухой кашель, от которого дьявольски чесалось горло.

«А ведь эти мрачные помещения никогда не видели солнечного света! Сюда никогда не проникал ветер с горных долин. Здешняя тьма помнит еще прежних хозяев!»

Здесь, в этом спертом и неподвижном воздухе, в сырых стенах, в попискивании крыс, разбегавшихся перед ними в разные стороны, как нигде ощущалось присутствие смерти. А он зодчий, создавший это царство забвения, пыток и тайн. Еще один эпитет, которым он сам себя и наградил. Неожиданно Рогволод подумал, что все его... достижения, вся жизнь — это череда разрушений. Он ничего не создал. Бог, созданный пастухом, — бог, в которого он, если честно, никогда не верил, — говорил пастве, что каждый мужчина обязан построить дом, вырастить сына и посадить дерево. Тот бог, камиллом которого он до сих пор, по неведомой прихоти толпы являлся, — бог уродливый, предлагавший взамен жизни, полной страданий и боли, спасительное ничто, — позволил потокам крови осквернить Источник. Одного не существовало. Другой, затаившись в паутине под потолком, злобно хохотал, сверкая бездонными синими очами. Рогволод досадливо поморщился. В последнее время часто приходят подобные размышления, но ничего, кроме раздражения, не вызывают. Тогда почему же он думает об этом?

И надо не забыть напомнить Псу убить паука. А то больно вольготно устроился в его покоях.

— Пришли, господин, — вывел его из задумчивости Пес.

Они оказались в просторном круглом зале, освещенном дюжиной факелов.

— Позови Жевра.

Смотритель казематов Жевра, — горбун со шрамом на лице — приковылял к носилкам, опираясь на клюку, и неуклюже поклонился.

— Чего вам, архонт? — спросил Жевра неприятным гнусавым голосом. Рогволод едва взглянув на него, отвернулся. Крайне неприятный тип с отталкивающей физиономией, причем таковой вид бедолага приобрел после пыток, которым подвергся по его же приказу. Был ли Жевра-разбойник, известный в своё время убийца и насильник предан ему? Что за душа скрывалась за этой внешностью?

Только Рогволод так поступал: мучил, истязал, а потом заставлял служить себе. И неважно, кем становились его жертвы — такие вот монстры, как Жевра, или несправедливо осужденные граждане.

Жевра почтительно молчал, ожидая, когда иерарх соизволит обратить на него внимание.

— Значит, вот что, — сказал Рогволод. — Я хотел бы побеседовать, — тут он понизил голос, — с ним.

Смотритель поклонился и произнес:

— Я понял, господин.

— Как он себя чувствует?

— А что с ним случится? Это ж тварь та еще...

Рогволод махнул рукой и Жевра поспешно отошел.

— Пес!

— Да, господин!

— Возьми меня на руки и следуй за горбуном.

Они еще минут десять плутали по коридорам, спускались по узким винтовым лестницам, покуда не остановились перед массивной металлической дверью в глубокой нише. Жевра вынул и нагрудного кармана связку ключей, вставил в замок.

Дверь со скрипом отворилась.

— Прошу, — сказал Жевра поклонившись.

Пес усадил камилла в кресло у входа, вынул из кольца в коридоре факел.

— Вставай, — сказал Жевра, пнув лежащего на тонкой гнилой соломенной подстилке.

— Освети-ка его получше, — откашлявшись, попросил Рогволод.

Закованный в цепи поднялся и выпрямился. При взгляде на него Рогволод невольно начинал считать себя сморчком, настолько высок был узник. Он имел тонкое и изящное телосложение, в котором однако ощущалась немалая сила, и острые, может даже хищные черты лица. Цвет кожи в сумрачном свете факела казался болотным.

— Приветствую тебя, Иенааль.

Иенааль смерил камилла взглядом, полным безграничного презрения. Он был имером — чистокровным древним, и считал ниже собственного достоинства разговаривать с людьми — существами низшими, едва-едва отличавшимися от животных. Пять лет, проведенных в этом подземелье, не изменили его мнение и не сломили волю.

Рогволод понимал это. Он прекрасно видел, какие муки испытывает это гордое создание. Бывает, камилл называл его *бадром* — имеры воспринимали это слово, как оскорбление. А иногда, когда хотелось особенно сильно досадить Иенаалу, Рогволод именовал его человеком. Всё равно, что человека обозвать дерьмом. Хуже не придумаешь.

Тем не менее, Иенааль не сдавался. Упорно молчал, лишь изредка отвечая краткими репликами, полными высокомерия. Но сейчас Рогволод не собирался начинать игру в «кто кого могущественней».

Он наконец-то придумал, что ему сказать.

— Надеюсь, Иенааль, что ты выслушаешь меня, — начал Рогволод, еще раз откашлявшись. — Это в твоих интересах. Ты слышишь меня?

Иенааль оставался непроницаем. Даже по колено в грязи и дерьме имеры могли сохранять величественный и неприступный вид. Рогволод всегда сам себе казался вошью, оскверняющей идеальное творение. И пусть! Гадить так приятно! Если задуматься, он занимался этим всю жизнь.

— Неважно, — не дождавшись ответа, сказал камилл. — Сначала повторим то, что я всегда тебе говорил. Сейчас, и, кажется навеки вечные ты — лишь бадра. Смердящий дикарь, которого чураются даже люди. Ты хуже человека, Иенааль. Вот, посмотри на Жевра! Кто он? Кусок говна — извини, приятель, но так и есть, — Жевра усмехнулся, показав редкие гнилые зубы. — А ты хуже него, мой дорогой. И это не оскорбление. Что стоят оскорбления таких говнюков, как мы с Жевра? Так считают твои соплеменники. Соплеменники ведь не примут тебя, так? Ты будешь моим рабом всегда, останешься им и после моей смерти. И позор твоему клану. Твой клан уже низвергнут. Они наверняка отправлены в пустоши. Потому что ты не свершил... как это у вас зовется-то? Ритуальное самоубийство с помощью чунта — ножа освященного в молоке... опять забыл... впрочем, не важно. Видишь? Я много чего знаю! Когда ты попался, уж мы позаботились, и твой ножичек изъяли. И вот, ты сидишь тут уже пять лет, а твой клан мерзнет в пустошах. Покаяние и смирение! Пока ты не умрешь, как подобает воину, не умрут и они, искупив кровью запятнанную честь.

Рогволод рассматривал имера, стремясь выловить хоть малейший признак эмоции. Ничего. Традиционно холодные, привыкшие искоренять всё суетное *чистокровные*, как называли себя имеры, никогда не поддавались чувствам. За пять лет Иенааль только заостенел в этом.

— Но... — продолжил Рогволод. — Я никогда ведь не начинал с этого? Вот ответ мне, дружочек, хорошо ли ты читал «Мистерии»? Что может спасти тебя и твой клан? А?

Иенааль, дышавший тихо и незаметно, согласно чии, все же на миг затаил дыхание. И это не укрылось от пронизательного старика.

— Подловил? Вот так! Хотя я и моложе тебя, мой ненаглядный, но тоже пожил, и умуразуму научился. Спаси тебя и твой клан может только спасение нации. Великая цель!

— Я не верю тебе, туша. Что ты можешь знать о великой цели?

— Пусть проклянет меня Кру! Что тут знать-то? Погасить Источник — вот великая и единственная цель. Цель похода Ассадхи, благословленного Неведомыми. Благословенного предками. Воина, давшего обет одиночества, воина, смирившего плоть и разум. Ассадха снизошел до людей, если можно, конечно, так назвать дикарей севера, и стал избранным. Дать великую жертву, низвергнувшись в бездну, проклясть себя и чрез боль, отринув гордость, семью и достоинство, достичь великой цели — избавить мир от проклятия Источника. Когда-то это попытался сделать Беркут. Ныне дамнат, осужденный и проклятый вовеки. И людьми и имерами, что примечательно. Всё согласно букве и духу учения кудха. С каких это пор у вас проклятое искусство, за что так порицали и преследовали Беркута, стало главенствующим? А? Времена меняются, не так ли? Только вот что я тебе скажу, бесценный мой. Вы не сможете этого сделать. Ни Ассадха, ни кто-либо другой. Сказать почему?

Иенааль промолчал, не подавая вида, но Рогволоду же понял — внутри имера бушует ураган.

— Если ты попросишь, я скажу почему. Снизойди же, Иенааль, Волк пустошей.

— Ты знаешь мое сакральное имя? — не шелохнувшись, едва слышно произнес Иенааль. — Теперь я тоже дамнат.

— Считай, что оно явилось мне во сне.

Воцарилось молчание.

— Говори, — наконец, сказал чистокровный.

— Ваша безмерная гордыня стоила вам родины. Арут, Анната, Кальвент — как все это раньше звалось? Мидиарахна, так кажется. О, еще Батхос. Это ведь бывшая цитадель Неведомых? Я угадал? Не удивляйтесь, это всего лишь предположение. Ткнул пальцем и вот, видите, как оно? Попал. Впрочем, тут и гадать-то нечего. И так понятно, что это бывшая тайная обитель. У нас достаточно ученых мужей, способных перевести вашу вязь на стенах, видите ли.

Рогволод усмехнулся и потер руки. Все, Иенааль попался. Теперь он его не отпустит. Камилл заерзал. Вот опять: от долгого сидения начинала болеть задница и сводить ноги. Как всегда некстати.

— Пес!

— Да, господин?

— Подушку ты прихватить забыл, верно? Знал ведь, что мне предстоит важный разговор с господином Иенаалем!

— Не знал, господин.

— Ах, ты еще спорить будешь! — Рогволод схватил трость и ударил слугу. А скорее неловко ткнул в живот. Вряд ли эта бестолковая детина что-то почувствовала. Рогволод подумал, что экзекуция скорее вызывала жалость, чем страх. Еще одно напоминание, что ему давно пора на тот свет. А ведь когда-то он охаживал нерадивых плеткой... Некоторых забивал до смерти...

— Простите, господин, — пробормотал Пес.

— Глупая ты скотина!

— Простите, господин.

— Жевра!

— Я слушаю, архонт?

— Сними свой армяк и постели на кресло.

— Слушаю, архонт.

Иенааль наблюдал за тем, как два дюжих мужика поудобнее устраивают немощного старца с нескрываемым отвращением. Только проклятые имеры могут так презирать.

— Я знаю, что ты думаешь, — сказал Рогволод, вздохнув с некоторым облегчением. — Примерно так сношаются навозные жуки, верно? — он коротко скрипуче рассмеялся. — Жевра!

— Слушаю, Архонт?

— Принеси-ка воды, только потеплей, в горле пересохло.

Жевра удалился.

— Итак, о чем это мы? Ближе к делу, а то и я умаялся, с этими-то придурками! — Рогволод злобный метнул взгляд на Пса, отчего тот согнулся еще ниже. — Вот представьте себе, любезный друг, завоюете вы Аннату и подойдете вплотную к Аруту... Хм... Я вот думаю, хорошо вы придумали-то! Пустить на убой толпу этих мохнатых дикарей. Чтобы понять, что ваши правила чести не работают на поле боя, вам понадобилась тысяча лет, однако... Но не будем отвлекаться. Что дальше? Ответит кудха на вопрос, как погасить Источник?

— Да, у нас есть способ, туша.

Рогволод опять рассмеялся.

— Туша, туша. Пусть так. Пусть мы паразиты, выедающие твои внутренности, бадра. Еще раз назовешь меня тушей, начнутся опыты. Жевра у нас мастер на это.

Смотритель к тому моменту вернулся с кувшином в руке. Услышав последнее, он плотоядно усмехнулся.

— Давай поговорим без оскорблений, — предложил Рогволод. — Итак, вы знаете, как погасить Источник. Но как вы подберетесь к нему?

Иенааль смутился.

— Концентрация сырой магии, того, что в народе зовут скверной, в Аруте просто невероятно высока, — не унимался камилл. — Вы не сможете даже приблизиться к источнику. Вы умрете. Все, как один, включая вашего любимого Ассадху. Умрете в мучениях, в безумии. Будете засылать толпу за толпой и все без толку. На что Ассадха надеется? На магию древних, что его якобы оградит? Или он хочет возвеличить себя в веках, как великий, но чрезвычайно глупый герой? Я знаю, что это авантюра, Иенааль.

Рогволод умолк, переводя дух. Отхлебнул из поднесенного Псом кувшина. Как Пес ни старался, но струйки воды все равно пролились на впалую грудь Рогволода.

— Как выйдем наружу, обязательно отдам приказ тебя выпороть, пес смердячий! — разразился бранью Рогволод. — Опять принял на грудь, сучий потрох? Я что тебе говорил об этом?

— Простите, господин!

— Вот видишь, почтенный Иенааль, я можно сказать властелин и полноправный хозяин здешних мест, а то и всей Аннаты, чего там! Но не могу отучить этого вшивого подлеца от

пьянства! Что скажешь, родимый? А, что я тебе говорю... Ну, так ты понял меня?

— Что ты предлагаешь? — холодно поинтересовался Иенааль.

— Сотрудничество, золотой мой, сотрудничество! Взаимовыгодное. На пользу обоим народам, ради будущего благоденствия и процветания. Это зло в Аруте, что вот уже тридцать лет отравляет нам всем жизнь, надо наконец, искоренить. Не надо так смотреть на меня! Я хоть и злодей, но не самоубийца же! Мои люди, специально обученные, подготовленные, проведут ваших. Это будет непросто, но выхода нет, не так ли? Ведь затем вы отважились на такой шаг? Нам всем грозить гибель, верно? Я слышал мнение, что Источник неиссякаем. И зараза будет распространяться. Дальше и дальше. Покуда мы все не сойдем с ума.

Иенааль молчал. На этот раз он размышлял. Рогволод не дал ему времени усомниться.

— Не забывайте, милый сердцу товарищ, что в моей идшуканте полно бывших таинников. Эти люди веками учились укрощать Источник, до того, как... Не будем об этом. Так что, дело верное. Я, Рогволод, предлагаю помощь Ассадхе. А ты, как чистокровный, можешь искупить грех прикосновения к людям невероятной пользой. Для всех нас. Вернуться к семье ты не сможешь, сам понимаешь, но смоешь позор. Так что, думай!

— Допустим, я тебе поверю. Что дальше?

— Я отпущу тебя. Вот так просто. Даже без условий. Таким, как ты, условий не надо. Я и так знаю, куда ты отправишься и зачем. Выбирай, Иенааль, Волк Пустошей. Время не ждет. Срок тебе до завтра. На этом разреши откланяться. Унеси меня прочь из этой вонючей дыры, Пес.

Иенааль рассмеялся. Тихим и очень мелодичным смехом.

— Что такое? — не без раздражения спросил Рогволод.

— Есть проблема, ту... камилл.

— Какая же?

— Я должен взять тебя с собой и пред ликом Ассадхи подвергнуть влаэдвавте. Тогда он меня выслушает. Иначе никак. Не забывай, Ассадха принес великую жертву, а я всего лишь опозорился. Разница просто чудовищная. По всем нашим законам, я должен свершить чиджра, как только обрету свободу. Убить себя чи́ун-таэ, если ты не понял. С живым мертвецом никто разговаривать не станет, даже отверженные в пустошах.

— Ах вот оно как? Что такое вла... как там?

— Священная смерть. Только несущий кровь... как у вас? Кровь королей. Если я омою стопы Ассадхи королевской кровью, то буду прощен и смогу говорить с ним.

Рогволод хихикнул.

— Ну ты рассмешил, негодник! Ты что же, записал меня в короли? Боюсь тебя разочаровать, милый мой. Я сын портного. Чернь мракобесная. И потом — посмотри на меня! Разве я выдержу столь долгий путь? Даже до Басилита, который, вроде, скоро осадит твой герой-войка. Да я подохну уже через час!

— Если ты не подходишь, тогда кто?

Рогволод призадумался.

— Если ничего другого не остается... Тогда надо пленить Канга.

— Как я это сделаю? Да еще в одиночку?

Рогволод хитро прищурился. Облизнулся.

— Кажется, я знаю, что делать. Я дам тебе в сопровождение двух помощников. Идите в Басилит и свяжитесь там с нашими ребятами — вордурами. Ими командует Григ. На редкость безмозглый человек, но в умелых руках неплохое орудие.

— И?

— У Канга есть двое детей. Мальчик и девочка.

— Мальчик и девочка?

— Да. А что такое?

Иенааль задумался, потом сказал:

— Надо вести обоих.

— Снова что-нибудь священное? — поерзав, раздраженно спросил Рогволод.

— Нет. Тебе не понять, камилл. Тут речь идет об этикете... Долго рассказывать.

— Какие же вы... замороженные, сукины дети! Почему нельзя просто так придти к Ассадхе и поговорить по душам как принято у нас, у людей?

Иенааль снова рассмеялся. Рогволод поймал себя на мысли, что ему одновременно и нравится, как имер это делает, и раздражает.

— Скажи мне, камилл, — спросил пленник, понизив голос. — Если бы к тебе пришел... скажем, дамнат, ты поговорил бы с ним по душам, вот так просто?

Утром моросил дождь. Пахло свежестью. Рогволод зябко поежился. Но дышать было легко. Эх, как же ему не хватало свежего воздуха! Да еще очищенного утренним дождем! Сразу вспоминается молодость...

Пес, кажется трезвый, поправил на нем одеяло. Пошла ли порка ему на пользу? Нет конечно. Камилл может спасти мир от гибели, но избавить слугу от вредной привычки никто не в состоянии. Странно устроена жизнь!

Во дворе, нетерпеливо стуча копытами по брусчатке, тряс гривой гнедой конь. К седлу были приторочены изящный и кажется такой хрупкий лук из скрученных особым образом прутьев ледяного дерева, такой же легкий и невесомый меч и колчан из кожи шартаха — кровожадного чудища, обитавшего далеко на севере. Вот зачем нужно делать колчан именно из этого зверя? Камилл хорошо знал, что даже просто выследить его непросто. А ведь еще надо умертвить. И обработать кожу. Кожа шартаха обладала целым рядом свойств, делавших ее непригодной к обработке. Что за ребячество? Эти чистокровные, живущие почти вечность по сравнению с людьми, в сущности так и остались детьми.

Неподалеку ожидали двое всадников в полном боевом облачении. Два испытанных бойца. Надежных и невозмутимых. Один из них полностью в черном: вороненные латы, штаны и начищенные до блеска сапоги. Меч в черных ножнах. Смуглая кожа, аккуратная борода с проседью и черные глаза. Данвариец, по имени Итулла́. Другой был местным. Жилистый дядька лет шестидесяти, если не больше. Даже внешний вид подтверждал это: поношенная бригантина, поношенные кожаные штаны. Осип, таинник из числа стражей. Скверный дядька.

Двое закоренелых убийц, на совести которых немалое количество предвечников всех мастей. Они помогут имеру, должны, во всяком случае. Ничего лучше все равно не найти.

Вышел Иенааль. Чистокровный выглядел так, словно переночевал пару дней у знакомого: подтянутый, стройный, гибкий. Серебристая кольчуга выглядела как новая. При дневном свете оказалось, что его кожа необычайно бледная, как у мертвеца. Признак высокой касты. Иенааль имел в роду предков из Эпохи Строителей. М-да, непростой парнишка. Как-то жаль такого отпускать.

Чистокровный прищурился — было пасмурно, но для него все равно слишком солнечно. Единственное напоминание, где он провел последние пять лет.

— Пес! — сказал Рогволод.

— Да, господин?

— Отдай нашему другу игрушку.

Пес вынул из-за пазухи небольшой кинжал, покрытый тонкой вязью имерских рун.

— Возвращаю тебе твою чунту, дружок, — сказал Рогволод улыбаясь. Крохотная, но такая сладостная шпилька напоследок. Принять священный кинжал из рук грязного раба. Ох, как же хорошо!

— Чиун-таэ, — хмуро поправил Иенааль, пристегивая кинжал к поясу. — Ты не можешь меня не оскорбить напоследок... Рогволод.

— Ты о Псе? — Камилл улыбнулся, показав сухие десны. — Ну прости старика. Такой вот я вредный. Поздно меняться. Да и девственницы в белых шелках, чтоб торжественно вручить тебе твою штуку у меня нет. Или как там это у вас делается?

— Это они и есть? — Иенааль кивнул в сторону поджидавших его воинов. Осип чертыхнулся и сплюнул. Итулла даже не взглянул на имера, с наслаждением подставив лицо дождю.

— Да. Хорошие ребята. Простые и далеко не глупые. Лишних вопросов не задают. Лучше всякой грамоты. Помогут решить вопрос.

— Доверия не внушают.

— Вот и хорошо. Чем разбойничей рожа, тем спокойней. В наше-то время как иначе? К тому же они особые. Думаю, столичные разгильдяи их послушают. Да и небольшую порку им не помешало бы устроить...

— Прощай, Рогволод.

— Удачи в дороге.

Иенааль легко вскочил на коня и вскоре вся троица скрылась за воротами.

Рогволод приказал Псу отвести себя во всегда пустующий зал богов. Круглое просторное помещение, видимо призванное подавить тебя — ничтожного червя — величием. Он и чувствовал себя червем, что пачкает вечность одним своим присутствием. И это приносило ему удовольствие. С некоторых пор камилл часто здесь уединялся. В зале богов как нигде вставал вопрос: кем он станет для потомков? Поймут ли когда-нибудь потомки, что он... во всяком случае старался исправить то, что произошло.

Сводчатый потолок терялся в высоте. Солнечный свет струился через стрельчатые окна. По голубому мраморному полу вихрилась, погоняемая сквозняком, пыль. Все, как и в тот день, когда он познакомил Лив с Адрианом.

— Оставь меня, — велел Рогволод.

— Господин? — растерялся Пес.

«А ведь Пес искренне опасается за меня, — подумал Рогволод. — Этот придурок словно обезумел в стремлении обеспечить мне комфорт. Вот так дела! Единственный по-настоящему верный слуга заботится обо мне только потому, что недалек умом. А вовсе не из-за любви».

Рогволод вздохнул.

— Пошел прочь! — раздраженно повторил он. — Иди, иди, болван!

— С вашего... господин...

Пятясь, великан, удалился.

— Где же ты, звездочка? — прошептал камилл. — Я ведь уже не тот. «Парить» уже не

состоянии. Но мое старое нутро подсказывает, верно подсказывает, что Адрианушка-то подвел. Так и знал. Чуюл ведь, чуюл! Не может мальчишка для утех стать рыцарем без страха и упрека. Да и Мария — не зря в народе ее прозвали Кровопийцей — оставила несмываемую печать. Почему ты чурался собственного имени, собственного прошлого? Думал ли ты, в том своем сопливом возрасте, дорогой мой Капканщик, что вылизывая промежность твоей обожаемой госпоже, ты заложишь, так сказать, фундамент собственной никчемной жизни? А я отдал тебе, сволочи, такой нежный цветочек. Эх, Лив, Лив... Где же ты, девочка...

Рогволод еще раз вздохнул и заметил, что плачет. Интересно отчего: глаза слезятся от старости, или он и в самом деле расчувствовался? Камилл смахнул слезы, посмотрел по сторонам и в крайнем раздражении крикнул:

— Ну хватит! Наслаждаешься видом моих страданий? Выходи уже!

— Ханут? — раздался вкрадчивый голос и рядом с коляской камилла возник мужчина в черном и в серой повязке, скрывавшей все лицо, кроме глаз. Руки в перчатках были сложены на груди.

Бессмертные Ии. Таинственная демоническая секта с далекого юга.

— Приветствую тебя, ханут, — склонил голову человек. — Прошу простить меня — не смел прерывать твои молитвы.

— Молитвы... — фыркнул Рогволод. — Когда-то я и впрямь молился. Ни к чему хорошему это не привело. Как мне к тебе обращаться?

— Называй меня хайим, ханут.

— Итак, хайим, в прошлый раз вы запросили непомерно высокую цену. Теперь вы готовы практически за пару медяков. Что изменилось?

— Я бы предпочел не распространяться об этом.

— Не люблю недомолвок. Где гарантии, что вы не придете ко мне однажды ночью?

— Кдусна, ханут! — поклонился убийца. — Это кдусна. Внутреннее дело бессмертных. Вам не о чем беспокоится.

— Попутно вы решили подзаработать?

— Грешна плоть наша, ханут. Всем надо есть.

— Вот же прохвосты! Вы и самом деле думаете, что умнее всех? Я ведь вижу тебя насквозь, любезный! Вам надо кого-то устранить в столице? Верно я угадал?

— Кдусна...

— В жопу тебя с твоей кдусной!

Убийца склонился еще ниже.

— Ладно, не обижайся на старика. Грешна не только плоть, но и душа.

— Воистину, ханут!

Рогволод пожевал беззубым ртом и сказал:

— Итак, все в силе. Вы должны проследить за той троицей, что сегодня выехала.

— Имер и два охотника.

— Да. Убейте их, если они не смогут выкрасть детей Канга. Затем убейте Анастасия. Басилит должен пасть. Понятно?

Убийца выпрямился, церемониально указал на Рогволода:

— Ханут.

Затем на себя:

— Хайим. Жизнь берущий. Навеки, и только смерть нам помешает.

Рогволод не удержался и улыбнулся, надеясь, что со стороны выглядело это зловеще:

— Вот и хорошо. Ничто не мешает нам спасти мир!

Именем короля!

Мервы воняли падалью — как же он не почувствовал! С другой стороны, чем здесь только не несло. Вон, со стены, например, доносились такие запахи! И все же, только мервов здесь не хватало.

Кир опустил голову и вздохнул. Он всегда настаивал на своем прозвище. Ослепительный. Что за ребячество! сказала бы... Что за кретинство! скалился чертов Тимьян. Никто не догадывался, почему он так себя называет, за исключением Верги и Меда. Этих двоих не провести. А все потому, что у него водились игрушки, которые на юге известны, как ларь.

Сейчас осталась одна-единственная штука. Он стиснул в кармане шарик. Шероховатый на ощупь. Впитавший тепло ладони.

Мервы как по команде остановились. Одновременно вынули тонкие и хрупкие на вид мечи.

В застекленное окно смотрела бледная луна.

«И чего ждут? — улыбнувшись, подумал Кир. — А ведь так всегда бывает! Даже мертвецы совершают те же ошибки, что и живые».

И он прыгнул. Стекло разбилось со слишком громким звоном, но мгновение спустя раздался оглушительный взрыв, заложивший уши. В спину дохнуло жаром. В осветившем все вокруг ярком зареве Кир с ужасом увидел стремительно надвигающуюся стену.

Успел сгруппироваться. К счастью, стена оказалась не стеной вовсе, а трухлявой дранкой, покрывавшей какой-то сарай. Кир рухнул на покрытый соломой земляной пол, проломив стеллажи со всяческим никому не нужным скарбом.

«Блять... Вывернулся, все-таки. Опять».

Охая и потираяшибленные места, Кир поднялся. Ощупал себя. Кажется цел. Стеллажи смягчили падение.

«Значит, нас поджидали, — подумал он отряхиваясь. — Но откуда? Что там делали имеровы дохляки? А может, они поджидали кого-то другого? Или Мёд что-то скрывает, или о проходе известно еще кому-то».

Кир раздраженно сплюнул. «А не замешан ли тут тот предатель, о котором говорил Верга? Как его там? Имя, похожее на гадину... Хадина! Сдали город и бежать! Бегут, черти, как крысы с тонущего корабля. Ладно, надо найти Тимьяна».

Кир вышел на улицу. Там уже столпился народ, глядя на пылающий дом, где только что сгорели мервы вместе трупами хозяев. Стараясь не привлекать внимания, Кир вернулся к коню, взял его за поводья и пошел к харчевне, где остался Тимьян.

Но едва взглянув на заведение, Кир заподозрил неладное. Уличный фонарь разбит. Квартал погрузился в темноту. Конь Тимьяна, беспокойно встряхивал головой и фыркал. Поведение животного указывало на магию. Двери в забегаловку были распахнуты настежь и оттуда вился дымок.

— Вот же гадство! — процедил Кир. — Обложили со всех сторон! В этом городе секретов нет, похоже.

Он постарался успокоиться.

— Что же делать? Бежать к пузану? Нет, бросать гаденыша нельзя. Надо его вытаскивать. А вдруг засада? Эх, была не была...

Осматриваясь, Кир короткими перебежками достиг харчевни. Пахло дымом с примесью едкого кисловатого запаха. Он завязал на лице платок и, стараясь не дышать, огляделся. Глаза понемногу привыкли к темноте, что позволило разглядеть силуэты нескольких человек. На терраске лежал какой-то нищий бродяга. Внутри еще трое. Двое из них — хорошо вооружены. Еще один — четвертый — сидел, прислонившись к стене.

Вот же он, Тимьян, без сознания! Кир подхватил его и, задыхаясь, выскочил из харчевни. Взвалил товарища поперек его же лошади, и, держа ее за поводья, пришпорил своего и помчался прочь отсюда.

«Надо найти укромное место, — думал Кир. — Забиться в какой-нибудь загашник и привести этого хмыря в чувство».

Вскоре Кир заметил небольшой заброшенный сад, раскинувшийся на склоне, усеянном тесно столпившимися бедняцкими хибарами. Пустыми. Народ уже покинул свои жилища.

«Как есть крысы! — ругался про себя Кир. — Мы тут бьемся за них, а они уже смылись! Что за народ!»

Зато тут можно притаиться и отсюда хороший обзор. Привязав коней неподалеку, он начал приводить Тимьяна в чувство.

— Ну же, умник, очнись!

Тимьян, наконец, закашлялся.

— Воды, — прохрипел он.

— Да где ж я тебе ее возьму, бесполезный ты кусок дерьма! Воскрешай уже, надоел. Что случилось?

Тимьян, продолжая кашлять, страдальчески взглянул на склонившегося над ним Кира.

— Рад тебя видеть, задница. Ты даже не представляешь как... Поищи воды, пожалуйста... И побольше. Она будет как противоядие... Или я загнусь...

— Ладно. Жди здесь и не вздумай помереть!

— Постараюсь...

Через пять минут Кир вернулся с флягой.

— Эй! — Кир опять похлопал товарища по щекам. Тот осоловело посмотрел на него. — Действительно плохо дело. Пей, скорее!

Кир помог ему напиться. Тимьян охнул, потер переносицу.

— Как же мне скверно. Никогда не думал что... — Он взглянул на Кира и осекся.

— Нет уж рассказывай. Я тебя, подонок, от смерти спас, не забудь.

— Спасибо, что уж тут, — хмыкнул Тимьян, и осушил флягу до дна. — Неплохая такая перспектива: стать твоим должником. Теперь будешь попрекать меня до гроба.

— А как же! Говори, кто это был? Там, в харчевне? И что за дым?

— Старые друзья. Лучше тебе не знать, кто это. А дым... только никому не говори... Да что это я? Ты же трепло!

— Может тебе врезать разок?

— Ладно, ладно! Дымовуха, или ядовитый дым, или еще как, — заклинание, которому меня научил Мёд. Простая, в общем-то вещь, и необходимая, в некоторых случаях. Срабатывает, если поблизости есть огонь... Не думал правда, что такая дрянная. Сам чуть копыта не откинул...

— Так надо было бежать, а уже потом кидать заклинание! А ты что?

— Не успел. Меня чуть не сцапали. Надо было что-то делать, и лучшего я не придумал.

Дурак, ослабил хватку. А все ты виноват!

— Я? Это почему? Я-то как раз выкрутился!

Кир поймал себя на том, что привычно самодовольно ухмыляется.

— Выкрутился? — недоверчиво спросил Тимьян.

— В тупике, о котором рассказывал Мёд, ждала засада, — сказал Кир, разом нахмурившись. — Мервы. Чуть не зарубили меня.

— И как ты выбрался?

— Применил свое блестящее искусство воина. Мервы... хм... Их нет.

— Что-то ты юлишь, задница!

Кир со злостью хлопнул себя по коленке.

— Ну хоть сейчас можно без этого?

Тимьян опустил глаза.

— Ладно, не кипятись. Давай назад, к нашим. Если они еще там.

— Ехать сможешь?

— Плохо ты меня знаешь. Пошли.

Кир наблюдал, как Тимьян не без труда взобрался на лошадь со смесью беспокойства и некоего злорадства. Странные у них в бригаде отношения...

— Знаешь что? — задумавшись, произнес Тимьян.

— Что?

— Мне надо возвратиться туда, в ту харчевню.

— Начинается...

— Кир, послушай. — Кир против воли вздрогнул, услышав свое имя из уст Тимьяна. Он никогда не обращался к нему по имени... — Дело серьезное.

Тимьян был действительно сильно обеспокоен. Как будто, придя в себя, прозрел.

— Понимаю, сейчас время не подходящее, — сказал он, уставившись куда-то вдаль, — но выхода нет. Много лет я скрывался от прошлого... но теперь оно меня настигло. Я должен осмотреть тех людей.

Почему-то Киру было больно видеть Тимьяна таким. С него слетела маска насмешника, и то что он увидел, не нравилось ему все больше.

— Ты уверен?

— Да.

— Они же мертвы? Зачем тебе трупы?

— Осмотреть. Надо понять, что делать дальше. Большого не могу сказать.

— Я с тобой.

— Нет, Кир. Это только мое дело.

— Я с тобой, — упрямо повторил Кир. — Не спорь. Ты в седле еле держишься. Поехали.

В харчевне «На перекрестке» дым уже рассеялся. Квартал по-прежнему был погружен в темноту и одиночество. Все ярче светила луна. Незаметно в пугающую тишину ночи проникали еле слышные крики по ту сторону стены.

Трупы вооруженных людей исчезли. Даже в темноте Кир увидел, что Тимьян смертельно побледнел.

Вордуры долго вели Эндрю, Вергу, Мёда и принца Дакси по узким улочкам, все время поднимаясь вверх.

— В узилище ведут, не иначе, — ворчал Эндрю, оглядываясь с мрачным видом. — В

казематы вордуровы. Вот же ж твари!

Верга, Мёд и, что удивительно, юный Дакси сохраняли спокойствие. Зато Григ вмиг разразился бранью:

— Я сказал — молчать, подлецы! Говорить будете, когда я позволю!

— Ты еще отшлепай меня, шавка! — огрызнулся Эндр, потянувшись к косарю, но Верга, перехватив его руку, шепнул:

— Не кипятись, исан. Разберемся.

Но крикливый командир вордуров уже завелся, выплеснув изо рта брызги:

— Молчать!!! В последний раз повторяю — молчать!!!

Эндр подумал, до чего же он жалок, этот коротышка, обладающий слишком уж луженой глоткой. Его вопли наверняка слышат даже дикари за крепостной стеной. И от него не укрылось, как смотрел на Грига старик в поношенной бригадине. С едва скрываемым раздражением. А вот данвариец в черном делал вид, что ему плевать. Друнгу опять показался знакомым его облик.

Между тем Григ продолжал бушевать и его крики разносились по тесным и непривычно безлюдным улицам, только усиливая чувство грядущей беды. «И кто только поставил его командовать? Ведь это же насмешка! Очередная извращенная шутка Рогволода? Слышать, он большой выдумщик!»

Вордуры привели их в собственный замок. Двор, со всех сторон окруженный стенами, пустовал, если не считать каменной скамьи и стопки корзин, сплетенных из ивняка, в нише под лестницей.

— Сдайте оружие и за мной! — не терпящим возражений тоном рявкнул Григ и соскочил с коня.

— Подчинимся, исан, — тихо посоветовал Верга.

— И что потом? — не обратив на совет никакого внимания, поинтересовался у Грига Эндр.

— Просто поговорим, рódный, — в первый раз за все время подал голос старик в поношенных доспехах.

— Прошу вас не встречать, пока я не скажу, уважаемый господин Осип! — отрезал Григ, выпятив грудь. — Сдавайте оружие, я жду!

— Исан, прошу без глупостей, — повторил Верга.

Эндр помедлил, затем фыркнул:

— Ладно! — И швырнул косарь на землю. — Веди, умник.

— Дождетесь, дорогой мой, ох дождетесь! — прошипел Григ, пригрозив пальцем.

— Да пошел...

— Эндр, да будь ты благоразумен, в самом-то деле! — не выдержал Мёд, отстегивая меч и киня его рядом с косарем. — С нами принц, в конце концов!

— Вот именно! Послушайте совета вашего товарища! За мной!

Григ вместе с Осипом и данварийцем провели Эндра, Вергу, Мёда и принца в мрачное темное сырое помещение со сводчатыми стенами и двумя лавки из грубо сколоченных досок.

— Может, представишь нас? — скалясь, спросил Эндр.

— Да пожалуйста! — Григ не умел разговаривать тихо и его манера кричать раздражала уже всех. Кроме Дакси. Такая выдержка и в его-то годы! Мальчик далеко не прост. — Это Осип, а это Итулла! Посланцы самого Рогволода, бича паршивцев-предвечников! Бича

всяческих разбойников, колдунов, еретиков и смутьянов, коими вы, по моему глубочайшему убеждению, как раз являетесь!

— Так, уважаемый Григ! — попросил Осип, едва сдерживая злость. — Уйди, прошу тебя.

— Уйти?! — подбоченившись, переспросил Григ. — То есть как это, уйти? Может, объяснитесь, господин Осип? Вы вообще понимаете, с кем разговариваете?!

— Да, прекрасно понимаю. Уйди, не мешай.

— Прекратить! — Григ уже сорвался на визг. В небольшом помещении от его крика натурально закладывало уши. Кажется, командир столичных вордуров мог пытаться изменников одним лишь своим голосом и получалось бы неплохо. — Я здесь командир и никто иной! Ясно? Ясно, или нет?!

Осип вздохнул, устало посмотрел на Итуллу и кивнул. Данвариец без раздумий врезал Григу в челюсть кулаком в кольчужной перчатке. Крылатый шлем со звоном упал и сам командир вордуров рухнул прямо в ноги сидевшим на скамье Эндрю со спутниками.

— Наконец-то хоть кто-то его заткнул, — сказал он. — А то у меня уж руки чесались.

— Я ж тебе, родной, документ показал, — прошипел Осип, пнув Грига в бок. — Чего ж тебе еще-то? Выкинь его, Итулла. Надоел, хуже собаки брехучей.

Итулла схватил Грига, словно щенка, за воротник и вышвырнул за дверь. Осип кинул вслед крылатый шлем и закрыл дверь.

— Вот же мозгляк! — плюнул Осип с презрением. — И шлем у него на редкость убогий! И где такие делают?

Итулла молча отошел в тень, скрестив руки на груди.

— Исан, — шепнул на ухо Эндрю Верга, пристально наблюдая за данварийцем. — Тебе не показался этот человек знакомым?

— Точно, рожа знакомая.

— Я узнал его.

— И кто это?

— Потом скажу.

Осип сел напротив.

— Ну что, други? Погугарим по-мужёцки что ль?

— Погугарим, — ответил Эндр. — Чего тебе, старый?

— Где скрываете Нию, лапochку нашу?

— Вообще-то имя Ниа не склоняется, болван, — с вызовом посмотрев на Осипа, сказал Эндр. — Это понимаю даже я, неуч тот еще.

— Склоняется, не склоняется... да начхать. Мне нужна принцесска.

— Зачем? Чтоб скормить ее этому вашему людоеду, как его... Такое древнее чудище... Это правда, что он пожирает младенцев? Говорят, в их крови содержится амбра бессмертия. Поэтому он никак не сдохнет?

Осип закинул ногу за ногу и усмехнулся. Снаружи послышались крики и цокот копыт. Старый охотник, прислушавшись и встряхнув головой, будто отгоняя назойливые мысли, ответил:

— Пытаешься вывести меня из себя? Ну-ну, пытайся дальше. Сказать честно, вот как на духу? Кого там ест Рогволод, меня не интересует вовсе. Меня дело интересует. И вы — ваша хуина свора, коей место на плахе, — мне скажете, гдесь девчонка.

— Позволь мне, Эндр? — вмешался Мёд.

— Валяй, умник, — разрешил Эндр. — А то от здешних прохиндеев меня уже тошнит.

— Зачем вам, достопочтенный господин охотник, Ниа?

— Нужна. Для государственных дел.

— Она, как вы изволили заметить, принцесса. Вряд ли камилл может так просто распоряжаться особой королевской крови. Смею предположить, это требование, как и наше задержание, незаконны.

Осип открыл было рот, но Мёд жестом попросил его промолчать и продолжил:

— Знаю, что вы скажете, господин охотник — в чрезвычайные времена чрезвычайные решения. Но давайте вспомним закон. В указе короля Канга тридцатилетней давности об учреждении института идшукантов, сказано, что организация может взять роль главенствующей во время смерти короля с целью пресечения смуты и посягательств на трон до вступления законного наследника на престол. То есть, едва совет десяти объявит нового короля, вы должны — в указе об идшукантах прямо так и написано! — перейти к нему в подчинение. В подчинение! Как, собственно, мы и сделали. Напомню — вся тридцатилетняя история вашего ордена и есть служение королю.

— Или служение короля ордену, — буркнул Эндр.

— Ну не знаю, — возразил ему Мёд. — Во всяком случае внешне это выглядело вполне пристойно. Если не брать в расчет то, чем занимался орден...

— И где же тут нарушения? — ехидно поинтересовался Осип. — А? Где новый король-то?

— Перед вами.

— Не понял?

— Сего отрока, — Мёд эффектным жестом указал на задумавшегося мальчика, — несколько часов назад совет десяти — вполне себе легитимное учреждение, вы не находите? — во главе с главным советником Анастасием объявил новым королем Даксимом Первым. А вы не слышали? Как же так, уважаемый?

— С чего ты взял? — изумленно спросил Эндр.

— Да глашатаи трубили на площади. Услыхал по дороге к вам.

— И ты все это время молчал?! — крикнул Эндр.

— А что бы это поменяло? — спокойно возразил Мёд.

— Как это что? Да мы...

— Ну хватит! — устало прервал их Осип. — Король, не король, не важно. Принц поедет с нами. Принц и его сестричка. И точка.

— Зачем они вам? — спросил Эндр с налившимися кровью глазами.

Дакси коротко рассмеялся. Все тотчас посмотрели на него.

— Скажите мне, господа, — спросил он все тем же тихим, лишенным какой-либо интонации голосом, — кто-нибудь из вас интересовался историей? Может вы, Мёд? Или вы... Верга, я не ошибаюсь?

— Допустим, — осторожно ответил Мёд.

— Тогда ответьте мне, что становится с детьми почившего короля во времена смут? Не морщите лбы, я вам скажу. Чаще всего их убивают, реже заключают в темницу, а еще реже — используют, как... марионеток. Сдается мне, что нас с Ниа ждет и первое, и второе... — Тут мальчик прислушался к шуму, доносящемуся за дверью. — И третье, господа.

— Именем короля Даксима Первого, законного вседержителя Аннаты! — раздался до боли знакомый голос Грига, — приказываю вам освободить... э... короля? Точно?

Освободить короля! и выйти с поднятыми руками! Со мной армия его величества! Вы слышали меня, подлецы! Сейчас вы сполна расплатитесь за свои злодеяния... чего? Этого не надо? — спросил он уже тише, видно у кого-то спрашивая совета, или разрешения. — Будь по вашему, умолкаю.

— Вот сучонок-то! — воскликнул Осип. — Нет, ты представляешь, Итулла? Ты когда-нибудь видел, чтобы человек так быстро перевертывался? Еще с час назад он порывался чуть не глотки перерезать этим иноземным прохвостам, что зубоскалят тут, сидя супротив нас, и вот он уже примкнул к Анастасию!

— Теперь я понимаю, почему вашей идшуканской шайкой в столице заправляет такой прыщ, — ядовито прокомментировал Эндр. — Такие всегда и везде пролезут. Тьфу, блять!

— Не могу не согласиться с тобой, толстяк, — ответил Осип. — С поправочкой: не шайка, а хорошие ребятки, понятно? Впредь попрошу быть повежливей.

Эндр в ответ еще раз плюнул. Осип нахмурился и почесал лоб.

— Что же будем делать-то, Итулла?

Но Итулла не ответил. Он смотрел на Эндра с Вергой, и всегдашнее выражение высокомерного равнодушия сменялось страхом и яростью.

Быть услышанным

Оставив коней пастись на пустыре, за амфитеатром, братья, Беддах и Ниа двинулись следом за вордурами, пленившими Эндрю со спутниками и принцем. Пробирались закоулками, стараясь не упустить скрывающуюся за очередным поворотом процессию.

Басилит — во всяком случае его северная, зажиточная часть, — страдал от излишка суровой величественности. Всё здесь должно было напоминать о героическом прошлом столицы. Высоченные однообразные, с узкими окошками-бойницами, дома, из обтесанного жидкими тысячами рабов серого камня, нависали над тобой, точно сказочные великаны. В извилистых улочках ветра завывали так, что иногда казалось, будто плачет неведомое чудовище. Стоптаные за века лестницы, выбитые прямо в скалах, зимой покрывались наледью и по ним, порой, невозможно было ходить.

Каллад прожил здесь большую часть жизни. Какие чувства можно испытывать к городу, который не дал ему ничего, кроме нищеты, позора и страданий? Ненависть? Есть такое. И в то же время, как-то незаметно ощущалось нечто вроде привязанности. До встречи с Эндрю он не знал другого мира. А теперь надо покинуть место, где родился и вырос, отдав его на растерзание дикарям с нелюдьми. Грустно. Досадно.

Каллад встретился взглядом с девушкой. Она нахмурилась и отвернулась.

— Боишься, что она прочтёт твои мысли? — спросил Аркера. — Не бойся, это вряд ли. Контакт может быть только если ты сам позволишь. Наверное. Кто его знает, как это работает? Иногда и правда ты как бы врываешься в мой мозг. Странная это штука, телепатия. Мы с детства вместе, но каждый раз я хоть чуть, но... пугаюсь, что ли. Может, Мёда при случае расспросить об этом? Не стоит? А почему? Я понял, понял, не стоит о сокровенном с этим хлыщом. Понял. Ладно, двигаемся дальше.

Они заметили, что Беддах все время чуть слышно ругается.

— Ты чего бубнишь? — поинтересовался Аркера.

— Эндрю с ребятами и пацаном угодили в лапы шукантей, Кир с Тимьяном пропали... Не нравится мне это. Ох и не нравится. Положим Кир с Тимьяном как-нибудь выпутаются, ежели, конечно, они в переделку попали, но...

Ниа остановилась и встревоженно посмотрела на веханца.

— Ты чего это, красавица? — обеспокоился Беддах.

— Вы говорите о тех двоих? Один с такой самодовольной улыбкой, другой с похотливой, тот, которого ваш командир отругал?

— Да, о них. Первого зовут Кир, второй — Тимьян.

— Они в беде.

— Час от часу...

Ниа напряглась, словно пытаясь что-то вспомнить. Закрывает глаза. Все трое переглянулись.

— Чего это с ней? — спросил Аркера.

— Откуда ж я знаю, — буркнул в ответ Беддах. — Что делать-то далее?

— Ничего не поделаешь, надо идти за пузаном, — пожал плечами Аркера. — Надо выручать принца. А парни сами выберутся, не впервой. Что думаешь, Ниа?

Девушка не отреагировала.

— Ниа? Ты в порядке?

Принцесса вздрогнула, открыла глаза и неуверенно ответила:

— Да... Может быть. Не знаю... я в порядке. Да, я в порядке.

— Решено, — неестественно бодро сказал Аркера. — Идем за мужиками, пока не потеряли их из виду...

— Тимьяна ждет... — прошептала принцесса. — Нет, его ждут... И Кира тоже... Из ждет... беда.

Она пошатнулась, но Аркера успел ее подхватить. Откинул с лица прядь волос. Ниа смертельно побледнела. А потом у нее начались судороги. Аркера с перепугу отпустил ее и девушка упала на мостовую, ударившись головой.

— Ты что творишь, балда? — воскликнул Беддах. — Убьешь деваху ведь!

— Это... прости, но она... как бы... окаменела, что ли, — развел руками Аркера, испуганно глядя на бьющуюся в конвульсиях девушку. — Что делать-то? Что с ней такое?

— Эх ты, рубака хренов! — проворчал Беддах. — Ничего не делать. Это падучая. Сейчас пройдет. Хреново, конечно, но с этим жить можно.

— Падучая? Я слышал, в рот надо вставить... что-нибудь. Палочку, нет?

— Зачем?

— При падучей в рот палку или ложку вставляют... Чтоб язык не откусила. Кажется так. Верно?

— Попробуй вставь. Она тебе палец вмиг откусит. Если, конечно, сможешь разжать челюсти. Пройдет, не впервой вижу... И ни разу еще больные язык себе не откусывали. А пока... Каллад! Беги-ка за друзьями нашими, не упусти из виду. А мы тут с Аркерой поухаживаем за бедняжкой. Она еще с полчаса будет приходить в себя... Как очухается, пойдем следом. Давай-давай, парень, беги!

Каллад не заставил себя упрашивать. Он испытывал неловкость. Как будто стал свидетелем чего-то очень личного.

Удаляясь, обернулся. Беддах с чисто отеческой заботой что-то говорил, приобняв обмякшую девушку, и глядя ее по волосам, а брат глядел на нее во все глаза...

Каллад остановился и против воли улыбнулся. И тут же нахмурился. «Эта любовь не принесет тебе добра, — то ли подумал, то ли обратился к брату он, но Аркера его не слышал. — Если это любовь. Что мы знаем об этом? Что мы в это понимаем?»

Ничто так не сблизает, как несчастье. Ничто так не заставляет влюбиться, как принцесса в беде. Вот же дьявол! Каллад никогда бы не подумал, что все эти сопливые сказки, от которых его буквально тошнило уже сизмальства, могут ожить.

Между тем отряд, арестовавший принца, достиг цели. Как и ожидалось, вордуры завели всех четверых в замок идшукантов, в их главную столичную резиденцию. Подобно любому зданию в столице, замок был практически неприступен. Каллад раздраженно помотал головой. Что за бред! Неприступен? Так мыслят только тупые вояки — если есть стены, надо их разрушить. Нет, надо думать, как проникнуть внутрь по-тихому.

Он какое-то время внимательно рассматривал замок, но глазу не за что было зацепиться. Стены, стены, стены. Басилит — город стен. Здесь все отгораживались от всех.

Каллад в сердцах плюнул. Что тут можно придумать? Эх, сюда бы Вергу или чертового Мёда. Иногда он откровенно завидовал их умению выпутываться из самых, казалось бы, неприятных ситуаций.

Каллад стоял в тени, глядя на массивные закрывающиеся ворота, обитые полосами железа. Уличные фонари освещали красующийся на них символ этой проклятой

организации. Молот и алая роза. Мёд, полагая себя знатоком геральдики, часто рассуждал об их значении. Дескать, молот — это сила и неизбежность правосудия. Роза олицетворяет святость и духовную чистоту. Имеется в виду чистота в которой нет места таким, как Мёд... Да что там говорить! В мире псов старика-камила нет места таким, как все они. Всё их братство — это отщепенцы и грязь, по мнению почившего короля-марионетки и кукловода Рогволода. Хитрый старый бес — бывший гетман воинства Девы Полуденной — сумел не просто выкрутиться из безнадежной ситуации, которую он же и устроил (Каллад не сомневался в этом ни секунды), но и стать этим самым молотом.

Вздыхнув, он пошел назад. Брат с Беддахом уже шли навстречу, поддерживая еще слабую принцессу.

— Она в порядке, — ответил на невысказанный вопрос Аркера.

Каллад кивнул в сторону, откуда пришел.

— Да мы уже поняли, где они, — сказал брат. — Только что делать-то будем?

— Ждать, чего ж еще-то? — ответил Беддах. — Затаимся. Не лезть не напролом! Эх, был бы тут Кирушка... Он бы, чертяка, пролез куда следоват...

— А если их там запрут? Или вообще... — Аркера осекся, взглянув на Ниа.

В это время ворота отворились. Из замка выехало несколько всадников во главе с горластым коротышкой в смешном крылатом шлеме, и спешно ускакали прочь.

— Что происходит? — пробормотал Беддах.

Не прошло и пяти минут, как коротышка вернулся с отрядом королевских гвардейцев во главе с...

— Анастасий! — прошипела Ниа, едва увидев тучного напояженного мужчину, восседавшего на коне, словно царь. — Ненавижу его!

— Ого! — изумился Аркера. — Быстро же вернулись! Как будто ждали?

— Ненавижу!..

— Успокойся, девочка, — положив руки ей на плечи, прошептал Беддах. — Лучше скажи нам, что происходит-то? Ты же в их кухне курилась? Должна знать, что почем!

Но Ниа дрожала. То ли от ярости, то ли от страха.

— Успокойся, — ласково продолжал Беддах. — Не хватало нам еще припадка. Ты с друзьями. Так что ответь на вопрос.

— Не могу утверждать точно, но слухи давно ползли, что Григ...

— Постой, Ниа, — перебил ее Аркера. — Кто такой Григ?

— Вон тот прыщ в крылатом шлеме. Он глава вордуров в Басилите. Так вот, Григ вроде состоит в «Ключе». Я сама слышала, как об этом шептались стражники.

— Что за «Ключ»?

— Слишком много вопросов, красавчик! — неожиданно резко ответила Ниа. — И хватит на меня пялиться!

Аркера отпрянул, как от пощечины.

— Да я не пялюсь на тебя...

— А то я не вижу!

— Успокойтесь оба! — ругнулся Беддах. — Молодежь... Всё бы вам шашни друг с другом устраивать!

— Шашни?! — задохнулась от возмущения Ниа.

Аркера не удержался и прыснул со смеху.

— Прости нас, Ниа. Беддах старый ворчун, а я — молодой увалень. Что поделаешь, у

меня есть глаза и я смотрю. И если есть на что посмотреть, я смотрю на... красивую девчонку. Но будь спокойна — я не Кир и не Тимьян. Глупых шуточек не будет, даю слово.

Он посмотрел на Каллада.

— Да и братан сердится. Давайте к делу. Все-таки, Ниа, будь добра и просвети нас, что такое, или кто такой «Ключ»?

Ниа, обхватив себя за плечи, некоторое время, видимо боролась с собой. Внутри нее смешалось всё — детские обиды, беспокойство за брата, злость из-за того, что они стали пешками в чужой игре.

— Ключ это такой... тайный орден, — наконец, сказала она. — Почти что новый культ. Взамен старой веры. И в нем все высокопоставленные люди. Анастасий их глава. Ключ всегда — всегда! — преследовался идиотами. Помните, три года назад повесили Диурмия? Бывшего до Кипра главным советником? Помните?

Аркера кивнул. Каллад тоже.

— Говорят, он был магистром «Ключа».

Беддах задумчиво покивал:

— Свято место пусто не бывает. Следовало ожидать, что заместо предвечников придут новые. А в чем суть «Ключа»-то?

— Они верят, что Дакси и есть ключ. Ну, избранный что ли...

— Ага! — понимающе протянул Беддах. — То-то я думал, о чем же Эндр с вами толковал? Так оно теперь понятно. Ключ, это чтоб магию возродить, значит. Вот оно что... И крыс шукантный среди них. А Кипр же что? Он тоже из тех?

— Да.

— Так. Я что-то не понимаю... Он велел вас упрятать до поры до времени, я правильно понимаю?

— Да, так и есть.

— Так Анастасий что же? Он тоже этого хочет?

— Нет. Внутри ордена Ключа — это только мои догадки — существует раскол. Сторонники Кипра считают, что нам не выстоять в войне с Ассадхой, и Дакси еще не готов. Поэтому нас надо спрятать. Сторонники Анастасия... они объявили братишку новым королем.

— Чего? — изумились Беддах с Аркерой. Каллад выгнул бровь. С каждой минутой все становится запуганней и сложнее. Каллад начал понимать каково это — быть пешкой. В чужой игре. И это ему не нравилось.

— Новый король, — ответила Ниа, глядя на замок, за которым скрылся отряд Анастасия и Грига. — А вы не слышали? Дакси теперь — Даксим Первый.

— И чего ты сразу не сказала? — спросил Аркера.

— А какое это имеет значение? — взорвалась Ниа. Похоже, девка действительно не подарок. Чуть что, сразу кипятится.

— Потихе, не кричи так, деточка, — сказал Беддах. Веханец, кажется, действовал на нее успокаивающе. Девушка посмотрела на него и потупила взор.

Ей явно не хватало отца. Бедная богатая сиротка. Каллад так и не понял, как к ней относиться. Но что-то в ней ему определенно нравилось.

— Нам все равно не править, — сказала она мрачно. — Никогда. Да мы не хотим этого. Ни я, ни Дакси. Всю нашу жизнь мы просидели взаперти. Всю жизнь нам что-то говорили не слыша нас, и чему-то учили, не спрашивая.

— Оставим этот разговор, — сказал Беддах. — Дадут боги, выберемся, а там уже будем думать, что дальше. Сначала подумаем, как быть с этим?

— Ты же сам сказал, ждать? — недовольно сказал Аркера, стараясь не смотреть на девушку.

— Подумаем, — почесав затылок, начал Беддах. — Они все в замке шукантей. Значит либо Анастасий выйдет с нашими и отправится во дворец, либо...

— Либо начнется резня.

— И в том и другом случае — расклад не очень.

— Что делать?

— Я думаю, есть выход, — вмешалась Ниа.

— Говори.

Ниа замялась. Посмотрела на окружающих ее наемников. Остановила взгляд на Аркере.

— Ты же лучник, так?

— Да, и очень неплохой.

— Убей Анастасия!

— И что дальше? — спросил Беддах. — Скажи мне, девочка, как это поможет делу?

Ниа надулась и уткнулась в землю. Каллад решил, что сейчас настал момент... обратиться к ней.

«Ниа, — осторожно начал он. Девушка ожидаемо дернулась и несмело посмотрела на него. Если к Аркере она относилась как дикая кошка, яростно оберегающая свое целомудрие, к Беддаху — как отцу, которого у нее не было, то его явно боялась. — Ниа, хорошо, что ты меня слышишь. Не пугайся так, я не кусаюсь...»

— ...убийство Анастасия внесет сумятицу, — продолжал Беддах, не замечая, что Ниа уже не слушает его. — А это еще хуже. Кто знает, что взбредет в бошку толпе вооруженных людей? Надоть ведь сохранить ваши жизни, так? Вот от этого и отталкиваемся...

И почему он заговорил с ней? Каллад и сам не понял. Это был сиюминутный порыв. И он хотел этого. Хотел заговорить... Ведь все это время, со дня смерти отца, он невыразимо одинок. Да у него есть брат, с которым прошел огонь и воду. Но то брат! Брат есть брат, и всегда им будет. Но брат никогда не даст ему чего-то настоящего. Чего-то сокровенного.

Быть услышанным кем-то другим. Сказать что-нибудь. Прошептать, и пусть слово родится. Только для того, кто по-настоящему примет ценность того, что он скажет.

Любой звук, произнесенный вслух, разрушит эту магию, возникшую между ними. И потому девушка молчала, ожидая. Аркера тоже что-то почувствовал и насупился. Приревновал? Каллад улыбнулся, взглянув на звездное небо.

«Я рад, что ты меня слышишь, — мысленно сказал Каллад, и, подумав, добавил: — Я обещаю, мы вытащим твоего брата. Чего бы нам это не стоило. Аркера! Поговорим?»

Они отошли. Глядя в глаза брату, Каллад всем телом ощущал, что она на него смотрит. На них обоих. Странно, наверное, это выглядело со стороны. Два парня в полном молчании друг против друга.

Наконец, они вернулись.

— Вот что мы решили с Калладом, — сказал Аркера. — Мы залезем на стену и будем оттуда наблюдать. Не вмешиваясь. Будем ждать подходящего момента. Дадим знак...

— Только не магический! — вставил Беддах. — Знаю, Мёд учил тебя подобным штукам! Он и Тимьяна научил...

— Я не дурак, знаю, Беддах. Делать такое в логове вордуров — все равно что сунуться в

петлю. Не бойсь, у нас есть способы попроще. А вы с Ниа будете неподалеку.

— Решено, — кивнул Беддах. — Хороший план. Лучшего не нам все равно не придумать.

Стена была высотой в полтора-два человеческих роста и венчалась прямоугольными зубцами. В глухом темном тупике, к стене были привалены потрескавшиеся, местами подпаленные бревна и брусья, неподалеку — кучка битых кирпичей и булыжников с каменоломен, мешки с песком. Место давно заброшенное, сорняки пробились меж строительным мусором.

— Как раз, — оценил Аркера. — Прямо нарочно для таких, как мы, правда Каллад?

Каллад кивнул. Указал на стену и повернулся, но Аркера остановил его, положив руку на плечо.

— Постой, брат. Скажи мне, что было там, с Ниа?

Каллад стряхнул его руку. Посмотрел на него сверху вниз. Он был старшим и в прямом и в переносном смысле.

«Ты и в самом деле думаешь, что мы ей ровня? Ты что, Аркера? В своем уме? Еще совсем недавно как крысы, шарились по помойкам и прятались в подвалах и всяких клоповниках. А теперь ты ревнуешь ко мне принцессу? У нас заказ, и мы выполним его. Мы — чертовы наемники, запомни это!»

Аркиера ухмыльнулся.

— Все так, брат. Все так. Но ты меня не обманешь. Тебя она и впрямь зацепила. А что до меня... да плевать. Ровня или нет. Все мы люди. Идем.

Каллад забрался на кучу, скрестил пальцы и подсадил брата. Не успех Каллад моргнуть и глазом, как брат протянул ему руку.

— Цепляйся, черт бы тебя побрал!

Они спрыгнули на боевой ход и сразу пригнулись. Кто-то что-то выкрикивал. Что именно, они не разобрали. А затем раздался оглушительный вопль Грига:

— Да! Вы меня так просто не возьмете!

Свист мечей, вылетающих из ножен. Тишина.

— Я посмотрю, что там, — шепнул Аркера, осторожно выглянул и сел обратно. С сомнением покачал головой. — Черт! Выгляни-ка сам. Ничего не понимаю...

Совершенству нет конца

За прилавком, подмяв сломанный табурет, лежал, неестественно выгнув шею, хозяин харчевни. Тимьян лучше осветил его каганцем, нашедшимся на прилавке. Глаза открыты. В рот вставлена тряпка, видимо полотенце с плеча. Другой конец полотенца, смоченный в крови, покоился на груди.

— Не опасно свет зажигать? — как-то слишком буднично поинтересовался Кир. — Не просекут?

Тимьян ничего не ответил. Он глядел на безвестного мужика и в который раз задумался, как так получается, что жертвы тех, кто, как он надеялся, остался в далеком прошлом, неизменно выглядели согласно канону. Ничто не могло поколебать их решимость следовать канону. Никакие случайности. Или закономерности.

«Нужно всего лишь правильно умереть», — вспомнил Тимьян слова учителя со странным именем Туут.

В том чертовом монастыре всё определялось бесчисленными правилами, записанными века назад в «Канон слуг Бессмертного Ии».

Вот и сейчас: труп выглядел покорно, как раб.

Кир со скучающим видом сплюнул.

— Что с ним? — спросил он, мельком взглянув на мертвеца. — Чего ты так уставился на него?

Тимьян очнулся от оцепенения и посмотрел на товарища. Привычное раздражение, возникавшее всегда, когда рядом находился «сынок пузана», исчезло. Парень спас ему жизнь и добровольно пошел с ним, не подозревая, с кем придется иметь дело.

Странно это: чувствовать поддержку. Бескорыстную. От человека, которого презираешь. Надо быть честным — ведь он недолго любил Кира. Ослепительного, черт его дери.

— Что молчишь? — повторил Кир.

— Это знак, — сказал, наконец, Тимьян. — Знак, что он раб и не стоит осквернять его кровью и плотью бледу. Клинок «бессмертных».

«Орудие убийства священо, — говорил Туут. — Лишая жизни любое живое создание, ты бросаешь вызов богам. И только Ии сможет оградить тебя от проклятия и кары. Запомни, низший, бледа — это дар того, кто вечно в тени. Нельзя пятнать бледу кровью раба, кровью животных и кровью недостойных. Для этого есть руки. Или палка. Палка для раба — самое то».

— Но вот же кровь? — указал Кир на полотенце. — Разве нет? И зачем они заткнули ему рот? Они что, пытали его?

— Тряпка нужна для того, чтобы рот был открыт. Глаза и рот открыты. Это значит, что он будет слеп и нем в ином мире. Он будет раб. А кровь — это печать. Убийца, жертвуя частичкой собственной крови, открывает врата ям скорби. А иначе бедолага остался бы в коме. В небытии. Его душа сгинула бы. Это плохо... Демону плоти требуются рабы. Ии нуждается в достойных. Нужно всего лишь правильно умереть. Питать сому — страшный грех.

Тимьян вдруг заметил, что Кир рассматривает его со смесью любопытства и... страха. Все, кто имел дело с «бессмертными», рано или поздно начинали испытывать страх.

— Кем ты был в прошлой жизни? — Серьезный тон Кира немного обескуражил. Как

будто Ослепительный впервые в жизни увидел Тимьяна без маски.

Да так и было, на самом-то деле. Он всегда носил маску.

— Убийцей, — ответил Тимьян.

— Не простым убийцей, насколько я так понимаю?

— Не простым... Убить человека просто, Кир. Убить так, как это делают *они* — не может никто. — Тимьян посмотрел Киру в глаза. — Надо спрятаться. Они придут.

— И что тогда?

— Посмотрим. Ты готов? Помни, ты сильно рискуешь. Если уйдешь, я пойму.

— Нет. Мы братство, как-никак. Я не боюсь смерти. Иначе я не стал бы наемником.

— Хорошо.

— Но вот вопрос: куда делись остальные?

Тимьян пожал плечами.

— Ушли. Или их унесли. Неважно.

— Лучшее место для засады — крыша. Я люблю крыши. Особенно ночью.

— Те, кого мы будем ждать, знают об этом. Мы останемся здесь. Спрячемся.

— Думаешь, это хорошая идея? Да и где здесь прятаться?

— Здесь было много смертей. Это плохо. Можно пробудить демона плоти. Того, кто вечно голоден. — Тимьян горько усмехнулся, увидев, как Кир с сомнением покачал головой. — Забей. Просто поверь: в харчевне на нас не нападут. Если только не очистить ее от запаха смерти. Но это долго и сложно.

— До чего же замороченные эти твои приятели!

Тимьян хотел бы улыбнуться, но не смог. С каждой минутой становилось тяжелее.

— «Бессмертные» возвели убийство в ранг культа. Это древняя община. Их философия настолько сложна, что даже «тайные» не постигают суть учения полностью. Совершенству нет конца. Поэтому их нельзя покинуть. Это тягчайший грех, понимаешь, Кир? Оттуда выхода нет вообще. Только в чертоги Ии. Каждый павший член общины предается хувуре. Это такой погребальный обряд. Так его душа поступает в услужение Ии. Вечный убийца, где бы ты ни был: здесь, или там.

Тимьян вздохнул. Однажды он задал вопрос Тууту: «Почему бессмертные, учитель?»

— *Цель монаха, — ответил Туут, как обычно, огрев Тимьяна палкой, — достичь бессмертия. Это же очевидно! Почему ты задаешь глупые вопросы, низший?*

Противный старик всегда его бил и никогда не звал по имени. Он был низшим. До поры.

— *Взгляни, — еще разок испытал спину мальчика на прочность, сказал Туут. — Что ты видишь?*

— *Природу. Деревья. Траву.*

Старик улыбнулся. Когда он улыбался, Тимьяну становилось и страшно и смешно. Птичий человек выглядел до того нелепо, что иногда это пугало.

— *Природу... Все рождается и умирает, но природа... она бессмертна. Что есть бессмертие? А, низший?*

— *Не знаю.*

Удар палкой.

— *Тебе это и предстоит узнать, низший.*

— Я совершил невозможное, — проговорил Тимьян. — Бежал. Исчез. Надеялся, что навсегда. Зря. А ведь учитель предупреждал: «Тебя все равно найдут».

— Понял, — мрачно сказал Кир.

— Я гордился тем, что порвал с ними, — с невыразимой печалью продолжил Тимьян. — Тешил себя мыслью, что исключителен. Уникален. Как же я ошибался.

— Знакомое чувство, брат.

Тимьян вздрогнул, услыхав такое обращение. Брат. Какое простое и теплое слово. Он похлопал Кира по плечу.

— За дело. Ждать придется долго.

— Наверху, на балках, — оглядевшись, предложил Кир. — Хорошее место.

Они сидели, согнувшись, глотая пыль, не смея стряхивать с лица паутину, на перекрестьях скользких от многолетней копоти балок. Во тьме.

Они ждали. Прошел час, другой.

Тимьян вспомнил, как он встретил того старика.

Он не сразу понял, что за ним наблюдают. Беззубый, с редкими седыми волосами, на первый взгляд такой же нищий и немощный старик. Запыленная, обтрепанная понизу черная ряса была подпоясана простой пеньковой веревкой. Залатанная котомка переброшена через плечо. Старик опирался на палку, с навершием, обмотанным тряпкой. Несколько редких волосков на подбородке. Водянистые и невыразительные глаза. Каждая морщинка на покрытом пигментными пятнами лице с шелушащейся кожей постоянно дергалась. Это производило странное и пугающее впечатление. Старик был похож на птицу.

— Я знаю о чем ты думаешь, — сказал вдруг старик, остановившись напротив него и заслонив солнце. Он говорил, шепелявя и причмокивая, постоянно вытирая рот очень подвижными для столь почтенного возраста пальцами.

— О чем? — прохрипел мальчик.

— Вчера умер твой отец, а сегодня умрешь ты.

Мальчик повесил голову. Ему все равно. Он не ел несколько дней. Смутно помнил, как некто — покрытый мокнущими язвами мужик, от которого остро воняло мочой, — умер в сточной канаве. Его вдруг скрутило судорогой и он свалился туда. Тимьян помнил, как этот мужик — правда что ли отец? — пускал пузыри, окунувшись в черную смрадную жижу. Кому-то стало смешно. Мальчик побрел дальше. Кто-то кинул вслед гнилой овощ, попавший ему в затылок. Мальчик обернулся, подобрал его и съел. Грязь скрипела на зубах.

Это было вчера?

— Это было вчера. А сегодня ты умрешь.

И старик начал избивать мальчика. Удары сыпались как из рога изобилия, но Тимьян уже не чувствовал их. Его били сколько он себя помнил. Хотя... Помнил он не так много.

Неожиданно он услышал:

— Проснись! Проснись, или умри!

Ярость нахлынула на мальчика. Может, в первый раз за все его никчемное существование. Он вскочил и со всем отчаянием обреченного на вечные страдания человечка набросился на старика. И... ощутил на горле прикосновение стали.

Холодной, как лед.

Старик улыбнулся во весь рот.

— Ага! — сказал он, дохнув ему в лицо запахом чеснока и чего-то давно протухшего. — Проснулся?

И швырнул его в пыль. Тимьян снова впал в оцепенение. Он тогда подумал, что изо рта

старика пахло древностью.

— Меня зовут Туут. Запомни это, низший. — Старик протянул ему руку. — Ты пойдешь со мной.

— Куда?

— В киновию. Я монах, сынок. И ты тоже им будешь. Пойдем...

Наконец, когда Тимьяну стало казаться, что идея с засадой не выгорела, дверь медленно, протяжно скрипнув, открылась. Едва забрезживший рассвет сгустил силуэт пришельца. Тимьян понял — это «тайный». Выругался про себя. «Тайный» не станет заходить внутрь.

Или зайдет?

Тимьян хорошо помнил, что в последние годы пребывания в киновии, среди «посвященных» (кем он и являлся) и «тайных» нарастало недовольство новобранцами. Новобранцы отличались легкомысленностью, склонностью к кутежам и, — самый тяжкий грех! — болтливостью. Чистка, инициированная «тайными», поставила общину на грань исчезновения. Именно этим и воспользовался Тимьян. Война «ждущих», составлявших большинство в монастыре с кучкой «посвященных» и «тайных» никому не пошла на пользу. Смута в самом сердце противоестественного в своей изощренности порядка.

Кто знает, во что превратилась община сейчас? Может, это единственный уцелевший «тайный»?

Тянулись мучительно долгие минуты. Ждать всегда тяжело. Тимьян видел напряжение и нервозность напарника. Только бы не выкинул чего... Зря он позволил парню идти с собой. «Тайные» одним своим видом могли привести в смятение любого. В таком состоянии можно выкинуть что угодно.

«Тайный» смотрел по сторонам, не шевелясь, не издавая ни звука. Кажется, что он даже не дышал.

И в тот момент, когда не только Кир, но и Тимьян уже готов был прыгнуть, человек ушел.

— Понял, что мы здесь, — сказал Тимьян, выдохнув.

— Что дальше?

— Идти за ним.

— По крышам.

— Нет.

— Почему?

— Сдались тебе эти крыши, — скривился Тимьян.

— Да ладно тебе! — удивился Кир. — Я всегда так делаю. На крыше кто нас увидит?

Это же очевидно!

— Там, откуда ты, может это так и есть. — Тимьян задумчиво огляделся. За скалами разгорался рассвет, освещая вечные снега в неповторимый алый цвет. — Но тут такое не пройдет. Крыши Басилита не для людей. Они против людей.

— Не все очевидное — очевидно, — говорил Туут. Тимьян подумал, что слишком часто он стал вспоминать учителя. — Я бы сказал, что для обывателя очевидное — это глупость, прикидывающаяся истиной. Мне опять ударить тебя, низший?»

Юноша в ответ зло усмехнулся.

— Попробуй. И ты знаешь, что я уже давно не низший.

— Тогда почему ты задаешь глупые вопросы?

Удар последовал, но юноша перехватил палку.

— Стар ты стал, учитель.

— Я уже давно стар, — ответил Туут, ударив его ногой в пах. — И ты даже не представляешь, как давно... — добавил он, глядя на скривившегося от боли ученика.

— Что-то ты сам не свой, брат, — услышал он голос Кира. — Очнись! У нас дело, не забыл?

— Да, я в порядке. — Тимьян постарался прогнать воспоминания и сосредоточиться. — Крыши не подойдут. На них трудно забраться и так же трудно передвигаться. К тому же там все загажено пометом. Распугаем ворон. Так себе прогулка. Пойдем пешком.

— Будь по твоему. Пошли, что ли? А то потеряем подлеца из виду. Ведь он же не простой сукин сын?

— О, ты это понял? Хвалю.

— Насмехаешься? Ты забыл добавить: задница.

— Мой учитель вместо похвалы бил меня.

— А ты, значит, вместо этого бросаешься оскорблениями?

— Хватит болтать. Пошли.

Навстречу бежали люди. Толпы людей. Напуганные, с тюками, волоча телеги со скарбом, покрикивая на упирившихся детей. Ветер, врывавшийся в тесные улицы, нес запах гари. Всё отчетливей доносились звуки войны: бой барабанов, глухой рев рогов, вопли. Даже здесь они чувствовали, как сотрясаются стены от бесчисленных камней.

— Штурм возобновился, — с умным видом изрек Кир. — Рановато.

«И все таки он задница».

Постепенно Тимьяна начало охватывать нездоровое возбуждение. Он пытался подмечать детали, находить скрытое. Узреть чертову суть, будь она неладна. Но получалось из рук вон плохо. Путались мысли, то и дело выскакивали из потаенных уголков памяти фразы, сказанные Туутом, обряды, нескончаемо долгие бдения в ожидании жертв...

Первая жертва.

— Да, это здесь, — сказал мальчик. — Я помню.

Старик погладил подбородок. Они находились у ворот замка. Вход в него охраняли два стражника в стеганках, остроконечных шлемах, с пиками в руках.

— Знаешь, что удивительно? А, низший?

— Что?

— Ты поразительно равнодушен к побоям.

Мальчик пожал плечами.

— Да, — продолжал разглагольствовать учитель. — Я знаю, тебя били всю жизнь. Но все равно. Неужели тебе не больно?

— Вы сами сказали: боли нет.

— Нет, я не так сказал. Я сказал, что боль — это лишь оболочка, за которой скрыто... — Старик внезапно умолк.

— Что скрыто?

— Я скажу тебе. Потом.

Старик присел и посмотрел в глаза мальчику. Мальчику с безразличным взглядом. И глухой, дремлющей где-то глубоко внутри ненавистью.

— Я открою тебе много тайн, низший. Ты станешь на путь, который либо дарует

тебе нечто, недоступное другим, либо приведет к смерти. Ты хочешь этого, а, низший?

Мальчик не колебался ни секунды.

— Да, хочу.

— Хорошо. Видишь того охранника у ворот? Да, да, с ожогом на лице. Этот ожог оставила твоя мать.

Старик взял его ладонь и вложил туда нож.

— Это бледа, помнишь?

Мальчик не колебался ни секунды.

— Я помню, учитель.

— ...Неизбежно! — услышал он крик. Тимьян вышел из оцепенения. Огляделся. Кир с тревогой смотрел на товарища. Они находились среди беженцев. Люди в смятении бежали к южным воротам.

— Кто это сказал? — спросил, дрожа, Тимьян, но его голос потонул в гомоне толпы.

— Мы его потеряли? — всплеснул руками Кир. — Так и знал, блядь!

— Кто это сказал?! — заорал Тимьян, озираясь с диким взглядом.

— Сказал что?

Кто-то толкнул Тимьяна в плечо.

— Простите, — пробормотал сутулый мужчина с ребенком в руках.

Тимьян схватил мужчину за воротник, притянул. Тот чуть не выронил малыша. Поднялся женский крик. Малыш заплакал. Кинжал за пазухой приятно холодил. Это не бледа. Бледу он выкинул в море, там, в Карте. Но, как сказал Туут, бледой может стать любой клинок. Главное — путь к бессмертию.

— Повтори, что ты сказал? — хрипло дыша, потребовал Тимьян у мужчины.

Ребенок плакал.

— Что вам надо? — визжала рядом женщина. — Отпустите! Отпустите! Убивают!

Тимьян разжал пальцы. Мужчина с ребенком и женщиной спешно ретировались, сыпля проклятиями в их с Киrom адрес.

— Неизбежность... — шептал Тимьян.

— Да приди ты в себя, в конце-то концов! — тряс его Кир. — Пошли! Ты знаешь, куда идти?

В этот момент что-то бухнуло. Из-за домов поплыло облако пыли. Беженцы, толкаясь и крича, припустили еще быстрее. Кто-то падал, кто-то бросал пожитки. По мостовой рассыпались овощи и фрукты.

— Он пошел туда! — Проорал ему в лицо какой-то старик. На мгновение Тимьяну показалось, что перед ним Туут.

— Что? Что ты сказал? Ты кто?! — Тимьян вцепился в него. — Ты кто?..

Бледой может стать любой клинок. Главное — путь к бессмертию. Совершенству нет конца. Запомни, низший...

— Простите... — лопотал старик, опустив глаза. Они всегда так делают. Будто отведя взор, можно избежать смерти. Глупцы! Ханут хайим! Берущий жизнь да не дрогнет! — Видимо вы ищите того человека, в черном. Он туда пошел... За тем переулком он свернул налево. — Старик махнул рукой в сторону, противоположную той, куда все бежали.

— Отпусти деда, Тимьян, — сказал Кир. — Идем. Теперь мы знаем куда.

Они с трудом протиснулись сквозь потоки обезумевших от страха людей. Свернув туда,

куда указал старик, Тимьян увидел знакомый дом с одинокой рощицей позади.

Маленький ухоженный дом, лужайка, где когда-то цвели цветы, ныне превращённая, стараниями Эндра, в каменный сад, старый сонный пес на цепи у крашенной в белый цвет конуры.

Рядом с ней — человек в черном. «Тайный». Казалось, человек кричал: «Ну? Чего ты ждёшь?»

— Это же дом Мариши! — удивился Кир. — Подруги толстяка.

— Ты видел его?

— Кого?

— Того, кого мы преследуем?

— Нет. Там никого не было. И вообще, здесь как-то тихо.

— Здесь всегда тихо, — сказал Тимьян, вынув меч. — Он там.

Сердце колотилось как бешеное. Они все уважали эту кроткую добрую женщину. Если с ней что-то случится... Если с ней что-то случится... Если с ней что-то случится...

Дверь была открыта. Вошли тихо, держа наготове мечи, напряженно осматриваясь. В комнате, на застеленном льняной скатертью столе горела одинокая свеча. Рядом — кувшин, расписанный Маришей вручную. Орнамент из цветов. Лужа крови рядом с опрокинутым стулом.

Мариша висела, повешенная за шею на потолочной балке. Лицо страшно побагровело, превратив миловидное его в оскал смерти. Висела обнаженная. Живот вспорот. Кровь медленно стекала по ногам, капая на пол.

Два горизонтальных надреза и один вертикальный. Ворота в ямы скорби. Она предназначалась тому, кто вечно голоден. Она — еда демона, крадущего жизнь. И она — начало.

Тимьян медленно обернулся и посмотрел на Кира. Ослепительный стоял, потрясенно глядя на изувеченный труп Мариши. С глаз потекли слезы.

Тимьян вынул кинжал...

Бледой может стать любой клинок.

И вонзил его в грудь Кира.

Поднявший меч да не опустит его

— Эй, что за... — только и успел произнести Осип. Итулла выхватил тонкую кривую саблю — килич — и приставил к шее Эндра. Одновременно горла самого Итуллы коснулся кинжал, невесть откуда взявшийся у Мёда. Верга ударил остолбеневшего Осипа по затылку. Старик упал на колени.

— Сиди спокойно, или умрешь, — произнес Верга, отобрав у старика меч и заняв место за Итуллой. Лоб Итуллы покрылся испариной.

— Вот же ж блядство, — плюнул Осип. — Ловкачи, ёп вашу мать...

На Дакси всё это не произвело, кажется, никакого воздействия. Он даже не поменял позы.

— Я так и знал, что вы болваны, — сказал Эндр, скрестив руки на груди и буравя взглядом Итуллу. — Вы что думали, у нас игрушек, кроме мечей, больше нету? Вы же с наемниками дело имеете, придурки! Надо было шманать по полной!

— Я долго буду ждать?! — орал Григ во дворе.

— Скажи ему, — обратился к Осипу Верга, — пусть подождет.

— Ага, заговори ему зубы! — сказал Эндр.

— Как? — чуть не взвизгнул Осип. — Что я ему скажу?

— Что, сдулся, старый? — прошипел Эндр. — Где же твой острый язычок? Отсох?

— Пошел на хуй!

— И это говорит человек, уполномоченный камиллом вершить государственные дела, — заметил Мёд.

— Отвлеки его, — повторил Верга, — пока мы не решим вопрос с твоим помощником.

— Итулла! — обратился к напарнику Осип после некоторого раздумья. — Кончай дурить, опусти сабельку. Давай вместе этими прощелыгами помозгуем, как быть...

— Он не опустит килич, — сказал Эндр. — Опустить самый данварийский меч? Как там говорил наш геройский предок, а, Итулла? Поднявший меч да не опустит его, пока не свершится справедливая месть. Так, кажется? — Итулла шумно дышал и с опаской косился на Мёда, словно пытаясь по нему понять, что же такое хочет выкинуть Верга за его спиной. — Данвариец с киличем — это... даже не знаю с чем сравнить-то. Да и похер, у нас с Итуллой старые счеты. А ты, охотничек засратый, делай, что тебе говорят!

— Так вы знакомы, я погляжу?.. — мрачно усмехнулся Осип.

— Еще как!

— Повторяю еще раз!.. — начал Григ.

— Да подожди ты! — крикнул в ответ Осип. — Сейчас выйдем.

— Что-то долго вы там возитесь! Предупреждаю, если что-то с королем случится...

— Да не случится с ним ничего! — рывкнул Осип. — Сейчас, дайте только король оправится, мы ему попу подотрем, и выползем, так уж и быть...

— Ты думаешь, это смешно? — спросил Мёд.

— Ну простите, я вам не принц. Говорить не умею.

— Ага, глотки зато перерезать научен.

— Этому учиться не надо. Это сразу на практике постигается. А чтоб языком молоть, тут надо книжки читать. А я с книжками не дружон.

— Не ври! — возразил Мёд. — Бывший таинник уж точно книжки читал. И немало...

— Шутки здесь неуместны! — Григ возвысил голос и стало казаться, что он находится прямо за дверью.

— И я тебя приметил, зверь ты поганый, — прошипел в ответ Осип, посмотрев на Мёда с откровенной ненавистью. — И без видящего понятно — морда чародейская!

— Вы делаете мне честь, называя чародеем, господин палач.

— Да ну вас! — подал вдруг голос Дакси, подошел к двери и крикнул: — Анастасий! Ты слышишь меня?

— Да, ваше величество!

— До чего ж у него противный голосок, у этого твоего советника, парень, — буркнул Эндр. — Как у любителя мальчиков... Так и чешутся руки кишки ему выпустить... Да, Итулла, старый друг? Давненько не виделись! Сколько лет, сколько зим! Только представь, я твою злодейскую рожу сразу и не признал.

Итулла как-будто раздумывал. Килич мелко дрожал в руке.

— Мы скоро выйдем! — не обращая ни на кого внимания, продолжил Дакси. — Ждите. Все понятно, господин первый советник?

— Да, ваше величество!

— И пожалуйста, отрубите голову бывшему главе вордуров Григу.

— Чего? Это как?.. — послышались растерянные голоса.

— А что? — сказал Эндр. — Я только за.

— Я тоже, — невесело кивнул Осип.

— Ваше величество? — взвизгнул Григ. — Да за что?

— Анастасий! — повторил Дакси. — Вы меня слышали? Приказ ясен? Отрубите изменнику голову! Приказ короля! С этого дня институт идшукантов упраздняется!

— Но, ваше величество...

— Не спорьте!

— Но вы еще не вступили в возраст!

— Вы объявили меня королем, не так ли?! И в дни, когда отечество в опасности, вы будете говорить мне, что я не должен руководить государством? Зачем же вы меня королем сделали? Это что, тоже измена? Может, приказать и вам голову снести?

— Э... нет, ваше величество. Но...

— Я отдал приказ!

— Так точно, ваше величество, — растерянно ответил Анастасий.

Дакси развернулся к Осипу, так и стоявшему на коленях с обреченным видом.

— А теперь вы, — понизив голос, обратился юноша к нему.

Осип поднял голову, плюнул в сторону и спросил:

— Что я?

— Теперь вы крикнете: «Измена! Григ, как и вордуры был верен королю, а король за верность его убивает! Предательство! К оружию! Малолетний король спятил!» Что-то в этом духе.

— Зачем? Что за бред?

— Умная мысль, — похвалил парня Мёд. — Приступайте, почтенный. Гвардейцы с вордурами начнут грызню, и у всех нас будет шанс. Не секрет что вашу братию недолюбливают. Грызня начнется точно. Так что, почтенейший, прошу. Иначе все загремим к Анастасию в гости. А этого никто не хочет. В том числе и его величество.

Осип поднялся с колен, отряхнулся.

— Может, отпустишь оружие, Итулла? Смысл-то сейчас кровь друг дружке пускать? Подумай! Успеете еще погрызться.

— Прошу вас не медлить, пока Григ не лишился головы.

Во дворе между тем нарастало недовольство. Вордуры никак не ожидали такого поворота событий. Послышался свист выхватываемых из ножен мечей.

— Успокойтесь, прошу вас! — увещевал их Анастасий.

— Это что же такое, твою-то мать?! — завопил Григ. — Я тебе, пидору жирному, продался, как распоследняя шляха, а твой крысеныш меня под нож?! Ах ты говна кусок!..

— Уберите оружие! Сейчас все решим! Прошу вас, господа...

— Кажется, начинается... — с удовлетворением кивнул Мёд. — Вот сколько живу на свете, могу сказать, что две вещи люди готовы делать не медля ни секунды...

— Срать и убивать! — закончил за него Эндр и неожиданно расхохотался прямо в лицо Итулле. Тот дернулся, но килич не опустил.

— Хм... Я хотел другое сказать... Но это тоже вариант.

Осип подошел к двери, и, приоткрыв ее, крикнул:

— Братья! Да, это я, Осип! Обращаюсь к вам, верные сыны Рогволода! Вы слышали собачьего сына, того, кого плешивые развратные ублюдки, возглавляемые не менее развратным ублюдком, провозгласили королем?! Слышали? И каково вам? Не дайте в обиду Грига, нашего сподвижника! Режьте королевских говноедов! Убейте всех! Спасайтесь и спасайте брата! Ибо псы Даксима хотят восстановить предвечных! Да не допустим этого!..

— Хватит! — слишком властным для такого юного возраста голосом потребовал Дакси. — Разошелся...

— Да! — раздался торжествующий возглас Грига. — Вы меня так просто не возьмете! Сейчас пустим вам кровь...

— Он и правда редкостный дурак, — озабоченно помотал головой Осип. — И как ему такое место досталось?..

— Вам виднее, почтенный, — ехидно ответил Мёд.

Итулла вдруг бросил килич. Сел на колени. Склонил голову.

В поднявшемся во дворе шуме, лязге скрестившихся мечей, Эндр расслышал полный горечи голос Анастасия:

— Почему?..

Во дворе замка идшукантов начался бой. И было непонятно, кто с кем дерется.

— Ты разглядел? — спросил Аркера, снимая со спины лук. — Наши с принцем там, или нет? Что делать-то? Мне показалось, что наших нет.

Каллад помотал головой. Темно, а двор освещался всего-то четырьмя факелами, вдетыми в обручи на стене.

Григ — этот мелкий горлопан — вопил, что есть мочи.

— За Рогволода и свободу от магов! За Рогволода, мать вашу так! Убьем жиробаса! Выпотрошим хряка!

— Что происходит? Григ, сучонок, ведь пришел с Анастасием? Мы же сами видели! А теперь он бьется с гвардейцами короля? — Аркера уже не понижал голос, так как шум стоял такой, что впору затыкать уши. В бою всегда шумно. В бою люди кричат от возбуждения, от боли, в агонии. В бою сталь встречается со сталью, рождая лязг и скрежет, от которых холодеет нутро и свербит в ушах.

— Эй, постой! Да ты чё? Каллад! Ну вот, опять! Что ж ты нетерпеливый такой!

Каллад спрыгнул. Следом свистнул Аркера. Мягко приземлившись, Каллад успел подумать, что глупо это, свистеть посреди такого шума. Братишка хотел дать знак своим? Услышат ли? Да и где они? Чутье подсказывало, что Эндр сотоварищи прячутся неподалеку.

Выпрямился. Пальцы привычно сжали рукоять, обильно пропитанную его потом. Такую родную. Меч — вот первая и единственная истинная любовь. Охваченные пылом сражения, противники не увидели нового участника или же не обратили внимание. Но когда увидят, будет поздно.

Большинство гвардейцев были облачены в кирасы или латные доспехи. Именно среди них он и оказался. Таких легко убивать. Бей в шею — она не защищена. Выпад, еще выпад. Тела падают будто мешки набитые песком. Просто работа. Грязная и неприятная. Остается только уворачиваться от крови, и морщиться от звуков смерти: булькающих хрипов, сдавленных стонов. И плача. Кто сказал, что солдаты не плачут? Пред ликом смерти плачут многие. К смерти нельзя привыкнуть.

Легко убивать незнакомых тебе людей. И темнота Калладу не помеха. Да и теснота тоже. Слишком часто приходится биться в тесноте. В плотном строю разгоряченных тел. Вдыхая все богатство запахов, источаемых человеком. Кровь, пот, говно и вывороченные кишки рождают неповторимый дух, присутствующий только там, где битва.

И к этому тоже нельзя привыкнуть.

Пока до солдат Анастасия дошло, в чем дело, большинство — человек восемь — пали. Аркера подстрелил половину вордуров. Благо они были защищены хуже, чем отборные воины павшего первого советника. Бригантины, кольчуги и ламеллярки, к тому же не лучшего качества. Аркере тоже не преграда ни тьма, ни латы, ни щиты.

Всего несколько секунд и бой закончился.

— Я ж сказал, кто-то свистнул! — услышал Каллад знакомый голос. — Аркера свистел, значит! Я знал, что они где-то неподалеку. Братья! Добьем сукиных детей!

— Постойте! — крикнул Анастасий. Каллад поискал его глазами и увидел. Советник спрятался в нише под лестницей на стену, среди корзин. С опаской выглянув оттуда, он приказал: — Солдаты! Бросайте оружие!

Гвардейцев осталось только три человека, из них двое с ранениями.

— Кто ты такой? — прохрипел Григ, стоя на одном колене, сплевывая кровь и глядя на Каллада снизу вверх. И он был ранен. Из сочленений в латном нагруднике капала кровь. Капитан столичных вордуров был очень бледен. Не жилец.

— Убей его, хлопец! — сказал кто-то позади него. Каллад обернулся. Говорил старик в видавшей виды бригантине. — Убей его, не видишь, что он труп!

— Ах ты... сволочь... — Григ говорил все тише. Пошатнулся, и, чтобы не упасть, оперся рукой о землю. Кровь текла изо рта не останавливаясь.

— Что, орать уже нет сил, сопляк? — Скривился старик и плюнул в лицо Григу, а затем посмотрел на Каллада. — Ну, спаситель наш, избавитель! Что ждешь? Режь его дерьмо!

Каллад зашел Григу за спину, вынул кинжал и перерезал ему горло, не сводя глаз со старика.

— О, спасибо! Меня Осипом кликать, ежели что...

В висок пожилого охотника на магов воткнулась стрела. Осип вытаращил глаза, захрипел и завалился набок.

— А его — Каллад! — крикнул со стены Аркера.

— Правильно! — сказал Эндр, подняв свой косарь с земли. — Еще одним говнюком меньше.

— Что с оставшимися делать? — спросил Мёд. В бойне уцелело шесть человек. Трое гвардейцев и трое вордуров. И Анастасий, так и стоявший подле корзин.

— Пусть идут, — скомандовал Эндр. — Да, и откройте ворота. Наши там ждут. Да? Аркера? Иди сюда!

— Я здесь, командир. — Аркера уже спустился и осматривал павших, вынимая из их тел стрелы.

— Кто там, снаружи? Все?

— Беддах и Ниа.

— А Тимьян с Киром где?

Аркира пожал плечами.

— Не знаю. Пропали.

— Пропали?

— Думаю, они встряли в переделку.

— Почему ты так решил?

— Долго рассказывать, командир. Давай здесь разберемся сначала... так, а с этим что?

Аркира нацелился на еще одного вордура, во всем черном. Он был безоружен и очень мрачен.

— Это Итулла. Не обращай на него внимания. Опустит лук.

Эндр помахал косарем, видимо сожалея, что так и не пришлось пустить его в ход и объявил:

— Все свободны! Кроме тебя, Итулла. И тебя, Анастасий. Поговорим. Итак, Анастасий воробышек ты наш! Поди сюда, хватить прятаться. О, и принцесса пришла. Благодаренье богу нашему, птички целы.

— Нам некуда идти, — хмуро сказал один из вордуров.

— Как некуда? Идите на стену. Или бегите, как многие делают. Я бы на вашем месте так и сделал. Где ваши остальные?

— Это все.

— Неужто разбежались?

— Легко бить рабов, — с глубокомысленным видом произнес Мёд. — Нелегко быть рабом.

— Вот, — согласился Эндр. — Послушайте этого умника и проваливайте. Всё равно этот город обречен. Так ведь, Анастасий?

Анастасий робко подошел, брезгливо осматривая трупы и стараясь не ступить на кровь.

— Чего вам надо?

— Я хочу его смерти! — злобно выкрикнула Ниа. Кажется, что картина, развернувшаяся перед ней несколько ее не испугала. Как впрочем и Дакси. Мальчик даже не стал глядеть на валявшиеся всюду тела, подошел к сестре и обнял ее.

— Успокойся, сестра, — тихо сказал он, вдыхая запах ее волос. — Успокойся.

— Я спокойна, — сжав ладонь брата, ответила Ниа.

Каллад скривился, осмотрев заваленный телами и залитый кровью двор замка идшукантов. Посмотрел на обнявшихся посреди побоища Дакси и Ниа. Их юность и красота резко контрастировали с окружающим.

— Ладно, — начал Эндр. — Времени нет. Анастасий! Поговорим?

Анастасий старался не смотреть на мертвых. Униженные перстнями пальцы нервно сжимались и разжимались.

— Скажи, чего ты хочешь? — спросил его Эндр. — Какие цели преследуешь? Только, прошу, не говори мне о борьбе с захватчиками, о поруганной родине, свободе...

— Но я действительно этого хочу, — печально ответил советник.

— Твой внешний вид говорит как раз об обратном.

— Внешность — обман. — Анастасий вздохнул и посмотрел на небо. Ниа фыркнула и отвернулась. — Хотите знать, какие цели я преследовал? Хорошо, я скажу, а поверите вы мне, или нет, мне все равно. Но для начала позвольте спросить вас, друнгарий, почему меня — именно меня, сибарита и любителя мальчиков, как многие думают, — почему меня приблизил Канг? Безвестного дворянина, больного человека? Уверен, многие задавали этот вопрос...

— Я отвечу тебе, «безвестный дворянин» и «больной человек», — вмешался Мёд. — Ты придумал этот культ? Я имею в виду «Ключ»?

— Да, эта гнида придумала сказочку, в которую почему-то все охотно поверили! — прошипела Ниа, с ненавистью глядя на советника.

— Постой, сестра. — Дакси мягко отстранил сестру, по-стариковски заложил руки за спину и подошел к Анастасию. — Господин советник! Вы всегда казались мне умным человеком. Скажите, вы что, искренне верите, что «ключ» может существовать?

— Откровенно? Да, мой король, я верю, что «ключ» может существовать. А кем был Ант-пастух, если не этим самым «ключом»? Как мог он приручить такую невиданную мощь? Вы никогда не задумывались? Что вообще вы знаете об Источнике, о самой Предвечной Церкви, столь поспешно отданной на заклятие одними из самых верных своих служителей? Я говорю о Канге и Рогволоде.

Дакси промолчал. Анастасий еще раз вздохнул.

— Я знаю, что вы, мой король, не «ключ». Вы «слепы», увы. И... долгие годы тщетных поисков лично меня заставляют усомниться... Но вы сын Канга, мой король, и кто, если не вы встанете во главе защитников отечества? Не смейтесь, ваше высочество, — сказал он в ответ на язвительный смех Ниа. — Вы даже не представляете, что ждет Аннату.

— Что такого страшного в Ассадхе? — поинтересовался Мёд. — Просветите нас, если уж вы такой сведущий.

— В Ассадхе? Ничего. Не Ассадху надо опасаться. Вернее, не только его. Самой Аннате он ничего не сделает. Мы ему не нужны. Опасность представляют северяне. Да, именно эти дикари биммы и добеи. Мы привыкли думать, что это животные. Привыкли относиться к ним свысока. А они — эти животные — нас ненавидят. Причем самой лютой ненавистью. Когда падет Басилит, нас ждет истребление. А если Ассадхе удастся уничтожить Источник, то... Аннаты просто не станет.

— Арутийское проклятие и так уничтожает нас, — возразил Аркера. — Разве нет?

— Да. Но вспомните, чему и кому мы обязаны? Вся слава и мощь Аннаты зиждилась на великом Источнике открытым Антом-пастухом. И вместо того, чтобы постараться побороть ужасное бедствие, постигшее наш народ тридцать лет назад, мы наоборот, лишь ускорили собственную смерть.

Эндр в раздражении махнул рукой.

— А, к чертовой матери тебя, Анастасий! Я понял, что ты герой, которого так недоставало здесь. Но, как ни крути, Басилиту не выстоять. И поэтому надо парнишку не

кидать в пекло, а сберечь. Думается мне, Кипр был прав. Так что мы выполним заказ и схороним принца... тьфу ты! Короля, и принцессу. Вот и все. Уходим. Скоро рассвет.

У ворот Каллад обернулся и посмотрел на оставшуюся среди трупов одинокую рыхлую и нескладную фигуру советника. Жаль его. Что-то подсказывало, что вопреки своей внешности, привычкам и невоздержанности в еде и страстях, этот человек искренне желал своей стране блага.

Тень, скорбь

Тимьян бежал, расталкивая спасающихся горожан, которых становилось все больше. Бежал к южным воротам, надеясь вырваться из Басилита.

Кинжал...нет, бледу он оставил в доме Мариши. Надел неприметный серый плащ нашедшийся в шкафу. Всё, прошлого больше нет. Он один на всем белом свете. Его имя — не Тимьян. Отныне он — тень. Пшута, на языке «бессмертных».

— *Если я низший, — задумчиво глядя на глиняную кружку с пивом, спросил мальчик, — то ты кто?*

— *Допивай, — вместо ответа сказал Туут. — Надо идти. И не задавай глупых вопросов. За глупые вопросы следует наказывать.*

Тимьян вдруг заметил, что кружка имела неправильную форму.

— *И почему ты меня сейчас не ударил? — поинтересовался он. — Ведь я задал глупый вопрос.*

Старик с наслаждением отхлебнул, не спеша поставил свою правильной формы кружку на камень подле себя.

— *А как ты думаешь, низший?*

— *Кто ты? Ты и правда монах?*

Туут на мгновение задумался, затем сказал:

— *Доверься чутью, низший. Скажи то, что может тебе показаться странным. Ну? Смелее!*

— *Ты бессмертный?*

Старик расхохотался.

— *Слишком просто, низший, — отхлебнув еще глоток, ответил он. — Если хочешь бессмертия, не будь человеком. Запомни это.*

— *Хотеть и быть бессмертным — не одно и то же...*

Рука с кружкой застыла в воздухе.

— *Что ты сказал, низший?*

— *Ты не бессмертный.*

И мальчик посмотрел на него. Туут удивленно приподнял бровь.

— *Прошлого нет, — продолжил мальчик, словно во сне.*

— *Так, — довольно кивнул Туут. — Продолжай.*

— *Я — тень. И моя кружка не совершенна.*

С этими словами мальчик швырнул свою кривую кружку о стену лачуги и пошел прочь.

— *Я заплачу за ущерб, хозяин, — бросив монету в пыль, сказал Туут. — Мальчик потерял отца, понимаешь?*

Грохот нарастал. Война была уже близко. Дым и пыль поднимались в небо, а затем, оседая, пачкали стены ущелий с многочисленными островками сосен и елей, цеплявшихся за осыпающиеся склоны, и неотвратимо двигаясь по улицам, захватывая беженцев в свои удушливые объятия.

А еще этот пронзительный вой, издаваемый дайрами. Всего-то пара штук, а сколько страха! Дайры не причиняли вреда — то были всего лишь призраки, но они наводили просто животный ужас. Смешавшись с криками, воплями, бранью обезумевшей толпы, заполонившей улицы и лавиной двинувшейся к южным воротам, родился неповторимый гул,

вводивший чуть ли не в экстаз, только усиливавшийся от вида сломанных телег, брошенных на произвол судьбы лошадей, плача потерявшихся детей, домашней утвари, разбросанной по мостовой.

Отовсюду неслись разговоры о мертвяках имеров. Как так получилось, что мервы проникли в город — загадка. Голову не покидала мысль о предательстве. Страх заставляет людей делать то, на что они никогда бы не решились. Одни впускают врага в дом, другие готовы без раздумий бежать туда, куда никто вот уже тридцать лет не решался соваться. С другой стороны, что они знают о магии имеров? Последние войны с ними закончились, если он верно помнил из летописей, что заставляли его читать в киновии, семьсот лет назад. И кто такие эти биммы, добеи, прочие северяне? Они не знали, с кем сражаются. Да и зачем сражаться? Чтобы удержаться на клочке земли между смертью и смертью? Город был обречен. И все жертвы напрасны.

Тимьян сбавил шаг и слился с толпой, накинув на голову капюшон. Он напряженно размышлял. Надо было покинуть город во что бы то ни стало. Первая преграда — южные ворота. Они заперты вояками Анастасия и короля Даксима Первого. Тимьян усмехнулся, услышав эту новость. Надо же, оказывается, им надо было увести не кого-нибудь, а короля. Хотя... какое это имеет значение! Для тысяч людей — простолюдинов, солдат, бежавших со стены, вельмож и их слуг, торговцев, шлях, воров, — любая новость, прозвучавшая здесь, лишь приближает их к смерти.

Где, интересно, Дакси? И остальные? Тимьян отогнал эту мысль. Не время сейчас думать об этом. Он порвал с прошлым, чтобы вернуться к еще более далекому прошлому.

— *Знаю, что ты хочешь сделать, — произнес Туут. — И я тебе скажу банальную, в общем-то истину: от прошлого не убежишь. Вот так просто, низший.*

— *Ты знаешь, что я уже давно не низший, учитель, — ответил Тимьян. — И я не могу иначе. Киновии больше нет.*

— *Киновии нет, — согласился Туут, вдохнув запах гари, витавший вокруг. — Но прошлое есть. Запомни это. Или оно тебя настигнет, или ты его примешь, чтобы раз и навсегда изменить. Ты понял меня, низший?*

— Я больше не наемник, — тихо говорил Тимьян, опять, как и много лет назад, вдохнув запах гари, витавший вокруг. — Я не головорез Эндра. Я снова низший. Я буду звать себя Пшутой. Прав был старик, от прошлого не убежишь.

Но потом Тимьян подумал, что будет после того, как он выйдет за пределы города? Полдня пути по тракту вдоль Королевского ущелья до последнего кордона. Кордон представлял собой массивные стены, преграждавшие путь в долину. Ворота из стали толщиной чуть ли не в локоть. И отряды лучников на боевом ходу, на высоте в четыре человеческих роста. Кордон охранялся элитными частями идшукантов Канга, которым нипочем была скверна Арута. Несколько сотен отборных воинов, единственной задачей которых являлось убивать всех, кто приближался к воротам.

Как преодолеть эту преграду? Выход один: через горы. Тимьян понимал, что это дьявольски трудно, но выхода нет. Он выживет. Только бы отыскать тайные тропы, по которым все это время проникали в город многочисленные шпионы, контрабандисты, беглые рабы и просто любители приключений.

Тимьян остановился. Вздохнул. Он сдержал чувства, рвавшиеся из груди. Для скорби нет времени. Первый шаг уже сделан. И каждый последующий обещал быть труднее.

— Как же так-то? — вопрошал диковатого вида дед. — Всего-то пара дней и все? Как же так-то? Как стены-то пали? Да разве ж в наше время такое было возможно?

— Врешь, старый прохиндей! — сказал тучный мужик в расписном кафтане и сундучком под мышкой. На голову толстяк напялил нелепого вида мохнатый колпак. Тимьян подумал, что он, верно, принадлежал к какой-то гильдии торговцев. — Врешь, оборванец! В твоё время такого и в помине не было!

Кто-то снял с головы торговца колпак.

— Отдавай сундук, сукин сын! — зарычал этот кто-то.

— Эгей! — побагровел толстяк. — Ты чего это надумал? Ну-ка! Авло! Турко! Вы где, подлецы? Отдай сундук, я говорю. Авло, Турко? Вы что же, вы где же...

Толстяк получил кулаком в лицо, что заставило его взвыть и прикрыть рот пухлой рукой, вмиг окрасившейся кровью.

— Так его! — завопил дед. — Из за вас, сволочи, все это! Бейте его! Вот кто сдал город! Вот кто сдал, говорю!

Тимьян проталкивался сквозь толпу к воротам. Со всех сторон он слышал разговоры. Народ шумел, бурлил.

— Звери! Звери невиданные полезли на стены! С клыками во какими! А еще дубеи приволокли какое-то деревянное чудо, высотой с гору! Оно изрыгало огонь и камни раскаленные. Вот и убоялись наши! Понятно, почему остальные крепости так быстро пали!

— Драконы! Драконы, мать их! И имеры на них! Погибель нам!

— Сдали город! Анастасий, и Кипр, и вся свора. Гац, подлюка такой, открыл ворота! Видали — скоко мертвяков имеровых в городе? Вот и оно!

— И мертвяки пьют кровь!

— Во-во!

— А куда дальше-то? Вот мы здесь, а дальше-то?

— Подыхать, вот что!

— Вот же глупцы вы, люди добрые! Вы что же, не понимаете? Нету у нас больше полуденников! Было бы воинство, как в старые добрые времена, хрен эти бледные уродцы вместе с их приспешниками дикарями к нам сунулись бы! Вмиг изжарились бы священным огнем! И драконов ихних туды и мертвяков и дубеев, всех! А сейчас что? Нету у нас больше магии! Нету! Поблагодарите Канга за это!

— И Рогволода!

— Да-да, и Рогволода.

— Говорят, камилл приказал всех убить. У кордона войска и будут бить нас, горемычных. Говорил я — давно уж это замыслили. Еще старый король на пару с камиллом, чтоб он сдох, падла престарелая. Все по плану! Имеры столько ему золота отсыпали...

— Да и нету никакой скверны! Да вы что, люди добрые! Неужто все еще верите в эти байки? Увольте!

— А что же там?

— Да кто его знать?

— Так почему Аруту закрыли? Просто так?

— Что-то делается там... Втайне. Говорю вам — скверна для отвода глаз.

— Драконы!

— Ох ты, каков умник!

— Я знаю! Кум мой по весне, чрез горы туды ходил.

— И что?

— Да ничего. Хотел добра пособрать. До самого храма дошел, токо представьте...

— Собрал?

— Да не... Звери там. Всякое зверье дикое. Опасно, вот и ушел отсюда. И черепа и кости человеческие. Страсть! Горы черепов!

— С ума не сошел?

— Кто? Кум? Нет.

— У твоего кума ума нет, так что нечему там сходить. Без мозгов-то с ума не сойдешь!

— Да пошла ты!

— Знаю я твоего кума! Это Намырник, верно? Не он ли, летом, повесился у тебя в сарае?

— А вы говорите, скверны нет...

— Нету, нету, вот клянусь...

— Кем?

— Э... Да хоть здоровьем доченьки!

— Иди ты, юродивый...

— Идите, да откроется вам! Ищите, да обряцете! Ибо спасение есть не где-нибудь, а в самой геене! Да спустится с небес Косб Премудрая, да поразит она приспешников дамнатовых, и очистит землю обетованную от скверны! Образумьтесь, люди добрые!

— Вот он, явился...

— И как не боится...

— А кого бояться-то?

— ...ибо покарал Предвечный и Канга-ересиарха и приспешников его! Вы видите это! А нам спасенье! Спасенье во веки веков! Помолимся, братия и сестры!

— Да закрой ты рот, убогий!..

— ...и падут ворота, и ступим мы на землю святую, дарованную нам пророком Антом!

И чрез огонь и страдание очистим ее!

— Вот, оказывается, как все просто...

— А я слышал, что новый королек повесил Анастасия!

— Да ты что?

— Точно! В замке шукантей. А сам бежал! С етими, как их, с какими-то разбойниками иноземными.

— Да я сразу сказал! И зачем Гац и Эдмом всякое отребье понаняли? Вот и результат!

— Драконы, мать их так! Не драконы, а говнюки...

— Драконы! Драконы! Драконы!!!

Тимьян, толкаясь, протиснулся к воротам. Стража, невзирая на крики закипавшей от ярости толпы, держала ворота закрытыми. Командир, восседая на коне, кричал:

— Пока сам дракон не прикажет, не отопру и все!

— Да подошли уж все! Всех дикари с мертвяками порешили! Где твой Гац с Эдмом?

— Не знаю ничего! Приказ...

— ...Дыра в стене, я сам видел! Проломили! Пока вы здесь отсиживались, ваши уже ворон кормят!

— Пошли вон, я сказал!

Солдаты оттащивали к стене напоровшихся на копья людей. Собралась уже приличная

куча истекающих кровью трупов.

— Приказ!

— Душегубец! Своих же колешь, сволочь!

— Пошли вон!

В командира кинули камень, а потом еще один. Один попал в шлем, другой в лицо. Командир пошатнулся. С разбитого носа потекла кровь.

— Ах ты ж еб твою... — пробормотал он, дрожащей рукой ощупывая лицо. — Да как вы?..

В солдат, охранявших ворота, полетел шквал камней. Некоторые успели закрыться щитами, некоторые упали.

— Что делать? — заорал кто-то из солдат. — Куда нам? Блажко ведь мертв?

Командира уже рвали на части. С воплями и гиканьем. Тимьян расслышал скрежет вминавшихся доспехов. Еще минуту назад Блажко был на коне, и вот его уже топчет толпа.

Конь в толпе ржал и вскакивал на дыбы. Его успокаивали, хватали за поводья и хлопали по гриве. Тимьян подумал, как это символично. Человека не жалко. Человек пусть сдохнет, а скотина пусть живет.

— Почему так? — поинтересовался мальчик, обеими руками схватившись за поводья и стараясь удержать брыкающегося коня. Его хозяин — рыцарь в латах и шлеме с забралом, хрипя и кашляя, полз по раскисшей от дождей дороге. Капли дождя стучали по полированному панцирю.

— Я бы дал тебе тумака, низший, — ответил Туут. — За глупый вопрос, понимаешь, да? Но я занят. Так что, считай, я тебя ударил. Вообрази себе это. А еще лучше, сам себя тресни по носу, хорошенько так! — Старик, кряхтя, сел на корточки, и начал возиться с завязками шлема. — Да снимайся ты, вот же гадство...

Рыцарь издавал булькающие звуки. Туут, упершись ногой в спину рыцаря, силой стянул шлем с головы. Рыцарь застонал и окунулся лицом в лужу.

— Ха! — оттирая тыльной стороной руки пот со лба, сказал Туут. Было довольно душно, несмотря на непогоду. — Прямо как твой мнимый папаша, не находишь, низший? В смерти нет никакого геройства, только грязь, нечистоты и вонь. Давай-ка, низший, покончи с ним.

Мальчик передал поводья учителю и забрал у него нож. Бледу. Он почувствовал некоторый трепет. Обычный неприметный нож. И в то же время, священный клинок божественного Ии.

— Перережь ему глотку! Ну же, а то сдохнет ведь, и будет мясом в ямах скорби. А нам бы сделать дар Ии.

— Как резать?

— Как резать, как резать... Да как умеешь. Сделаешь быстро, или сделаешь медленно, от этого многое зависит, низший. Запомни это. А пока ты будешь резать, я скажу тебе, почему конь важнее. Потому-что животное — это природа. Природа — это вдохновение Ии. А человек лишь паразит на ее теле...

— Отступаем! — Командир все-таки нашелся. — Выставляем копыя! Выполнять!

В это время в небе возникли дайры. Обе призрачные твари буквально сплелись из воздуха. Завораживающее зрелище. Словно прикоснулся к чему-то, что за гранью твоего понимания. Стихли разговоры. Стал слышен каждый шорох, каждый вздох. Кашель, стон, всхлипывания. Шепотки. Молитвы Предвечному. «Мама, что это такое?» — прозвучал в

тишине нежный детский голосок. Тимьян вдруг уловил отдаленный звон колокола. Он вспомнил слова Аркеры, сказанные, кажется, вечность назад: «Уже хоронят нас...» Звонарь, будто умирая, бил совсем медленно.

Дайры спикировали вниз и пролетели прямо над головами. Черные, как будто из дыма. Можно было разглядеть, что они были как бы сотканы из множества хрупких лоскутков. Крохотные кусочки плоти похожих на сказочных драконов фантомов рассыпались дождем, и, не долетев до земли, таяли.

Странно, но от фантомов несло мертвечиной. Тимьян успел подумать, как могут призраки источать какой бы то ни было запах? Обе твари внезапно пронзительно завывали и, сделав круг, взмыли вверх. И там, уже в облаках, растворились.

Толпа пришла в ужас. Разом все закричали. Те, кто был позади, орали громче всех. Оттуда, вместе с предсмертными стонами, несло одно слово.

— Мертвяки! Мертвяки! Мертвяки!

— Мертвяки! — осенив себя запрещенным знаком Предвечного, прошептал стоявший рядом плешивый мужчина. Тимьян запомнил выражение лица девочки лет шести, державшей мужчину за руку. Большие голубые глаза смотрели на наемника с интересом и надеждой на то, что все это — игра.

Люди окончательно обезумели. Задние напирали, началась давка. Стражники с вытаращенными глазами смотрели, как на их копья набрасываются люди. Мужчины, женщины, старики, дети. Их толкала толпа. Невинные жертвы, вознесенные на алтарь войны. За пару минут перед стражниками выросла гора тел. Новый командир, что-то прокричав, убежал. Остальные солдаты, побросав копья, поспешили за ним. В них летели камни. Тимьян видел как одному из солдат булыжник размозил голову. Он почему-то был без шлема.

Тимьян начал задыхаться. Отчаянно озираясь в поисках выхода, он увидел в нескольких шагах от себя парашют на высоте в два человеческих роста. За парашютом боевой ход крепостной стены. Если удастся запрыгнуть на него, можно проникнуть в надвратное помещение. Если не открыть ворота, страшно подумать, что может произойти.

Он взглянул на девочку. Она обхватила отца за руку. Ее сдавили со всех сторон. Девочка обессиленно открывала рот в тщетной попытке вдохнуть. Губы посинели. Сам мужчина плакал, стонал. Он понимал, что дочь вот-вот умрет. Что он сам умрет. Но ничего поделать не мог.

Давка нарастала. Вокруг царил шум, издаваемый тысячами гибнущих в невообразимой тесноте людей. Стража смешалась с толпой, втоптавших в брусчатку погибших от их рук граждан. Слышно было, как стучат люди в запертые ворота.

— Отдай ее мне! — крикнул мужчине Тимьян. Мужчина уже не понимал, что происходит. Он был в полубморочном состоянии.

Напрягшись изо всех сил, Тимьян выдернул из тьмы разгоряченных тел девочку, и, одной рукой прижимая ее к себе, вскарабкался по телам наверх.

Девочка с шумом втянула в себя воздух.

— Держись! — велел Тимьян, забросив ее, будто мешок с репой, за спину. Девочка вцепилась в него, со всей силы сжав шею. — Не так сильно, — захрипел наемник, бесцеремонно карабкаясь по головам людей. — Я же задохнусь!

Но девочка не слышала, ослепленная страхом. Тимьян, недолго думая, прыгнул. С первого раза запрыгнуть не удалось. Он упал, подмяв под себя малышку. Волнующеся,

словно море, спрессованная в одну единую плоть, скованная небывалым ужасом, повинующаяся единому стадному порыву толпа, кажется, даже не заметила этого падения.

Девочка не ослабляла хватки. Она превратилась в зверенка, не воспринимающего ничего, кроме жажды жить.

Тимьян, опираясь на плечи, головы, руки, тюки с тряпьем, еще что-то, — он не видел — поднялся. Достал нож. Оступаясь, балансируя, хрипя, обливаясь потом, подобрался к парапету. Множество рук цеплялись за него, но он отпихивался, пинал их.

Прыгнул. Рука ухватилась за край парапета. Влажная, скользкая кладка. Другой рукой в отчаянной попытке уцепиться вонзил нож в расселину между кирпичами. Удержался.

Тимьян перекинулся через край парапета и с облегчением прислонился к стене. Оттянул горла руки девочки. Вдохнул. Девочка изо всей силы прижалась к нему, зажмурившись и всхлипывая. Сопли текли по личику. Тимьян вытер их рукавом.

Внизу многие пытались повторить его прыжок. Но никому это не удавалось.

— Все хорошо, — неловко буркнул Тимьян. — Стой тут. Никуда не уходи, поняла?

Он повернулся, но девочка уцепилась за него.

— Я тебя не брошу, не бойся.

Она смотрела на него, обеими руками держа его за штанину. Совсем как щеночек.

— Ладно, иди за мной.

Тимьян вынул меч и открыл дверь в надвратное помещение. Там пахло потом и дегтем. Бочки у стен, сложенные пирамидой копья и мечи. На полу — оловянные тарелки с остатками еды, бутыль с водой или вином, ломоть хлеба на тряпице. Внутри находилось трое. Они повскакивали с мест.

— Что вы здесь делаете?

— Это... мы... мы заперли вход сюда, — сказал один из стражников, рыжий лопоухий увалень, смахнув с бороды крошки хлеба.

— Зачем? — с презрением поинтересовался Тимьян.

— Так это ж... толпа сюда ворвется... Как же мы-то? Убьют же!

— Все ваши внизу либо мертвы, либо вот-вот умрут. А вы тут уютно заперлись в надежде переждать? Жрете, пьете!

— Да...

— Поднимайте ворота, глупцы! — рявкнул Тимьян.

Солдаты переглянулись.

— Приказа нет... — начал рыжий.

Тимьян обухом меча ударил его. Тот согнулся. Два его напарника похватались было за мечи, но Тимьян ударом ноги выбил меч из рук одного, другому приставив к горлу клинок. Меч, звякнув, ударился об стену.

— Поднимайте ворота, или я вас убью.

Девочка заверещала.

— Успокойся, — сказал Тимьян, прижав ее к себе и настороженно наблюдая за стражниками, неохотно начавшими накручивать цепь, открывая тысячам путь к мнимому спасению. — Я здесь.

Тимьян и ребенок брели по дороге. Убийца и незнакомая девочка. Она стискивала своей ручонкой его ладонь, хмурилась и все время смотрела вперед, изредка поглядывая на Тимьяна. С надеждой, как ему показалось.

Прошло несколько часов после того, как он заставил стражу открыть ворота и выпустить уцелевших в той жуткой давке наружу. Кажется весь город шел по тракту — нескончаемая вереница людей.

Тимьян хотел избавиться от девочки. Предлагал шедшим рядом женщинам, старикам, любому, чей вид внушал доверие, забрать ее. Тщетно. Никто не собирался обременять себя в преддверии неизвестности. От них шарахались, как от прокаженных. В этот вечер все сторонились всех.

Люди направлялись на юг, к последнему кордону. А ему ведь надо в горы. Куда он пойдет с ней? С «бессмертными», идущими по следу? Что с ней делать? Может, все-таки получится избавиться от обузы, которую он добровольно взвалил на себя? Бросить?

Тимьян понимал, что нет, не бросит. Он начинал думать, что девочка — его наказание. Или спасение. Все больше захлестывало отчаяние. Ему было плохо. Хотелось втянуть в легкие воздух, но с каждым вдохом казалось, что дышать тяжелее.

Перед ним возникло лицо Кира. В последний миг жизни — изумление, попытка что-то сказать. Струйка крови сползала по подбородку.

Тимьян свернул с дороги и углубился в лесок. Подальше от всех. Прочь от равнодушных глаз. Прочь от безликой толпы. Девочка послушно шла за ним. Даже какая-то смешная в своей серьезности.

Наемник остановился и через силу улыбнулся ей. Девочка разжала руку. Недоверчиво отступила на шаг.

Тимьян отстегнул ножны с мечом, бросил на землю. Он больше не мог сдерживаться. Слезы вырвались из груди. Он упал на колени.

— Кир! Прости, Кир! — рыдал он, сжимая в руках прелую листву. — Я не мог иначе. Кир! Я не мог... Они убили бы всех. Я должен был порвать со всеми... Иначе никак... Я должен был это сделать! Ради остальных...

Тимьян уткнулся лицом во влажную холодную землю.

— Прости, Кир! Прости, прости, прости...

Он лег, обхватив себя за плечи, сжавшись. Он плакал. Девочка легла рядом, обняв его. Она гладила его по волосам.

Солнце закатывалось за горы. Пошел мелкий снег. За деревьями мелькала темная масса бредущих по тракту людей.

Песнь последнего героя

Анастасий стоял во дворе идшукантов, среди трупов. Он всегда боялся крови. И смерти. Самое яркое воспоминание детства: мертвая мать в своей грязной измочаленной кровати в трущобах Руана, этого гигантского шумного муравейника. Города грехов, города смрада, вечной жары, жрецов, проституток, воров. Она пролежала так сутки — старая нищая шлюха. Отекшее мраморное лицо. Мухи, деловито ползавшие по остаткам пудры на лице. Грязно-синие губы с застывшей каплей крови в углу. Открытое окно, развевающиеся занавески. Яркое солнце, задорно освещавшее весь этот ужас бытия.

Направь свое око, Предвечный! Направь око всевидящее на злодеяния, что сеют прегнаиты, боронфы и культисты, на чьем челе — печать зла! Рассей тьму невежества и зломыслия! Осияй светом благим невесту пророка, пречистую Деву Полуденную...

Анастасий глядел на разрубленные тела гвардейцев, вордуров. Покрытые уже запекшейся кровью куски плоти. Он чувствовал, как к горлу подступает тошнота. Как и в тот раз. Всякий мертвец напоминал ему мертвую мать. В любом проявлении смерти мерещился тот мертвенно-бледный лик, затянутые пленкой глаза, как у снулой рыбы и едкая пьяная ухмылка, не сошедшая с нее, даже когда она ушла в мир иной.

Дева Полуденная, меч карающий, щит веры, ключ к спасению! Чистая помыслами, несущая весть всеблагую... И был дан ей венец, и вышла она победоносная и чтобы победить...

Анастасия вырвало. Одна лишь горечь. Одна лишь вода и желчь. Вопреки всей своей прошлой жизни он ничего не ел эти два дня. Два дня он владел самой могучей — пускай в прошлом, плевать! — империей. Два дня он, юношей ублажавший языком и прочими частями тела старых одиноких женщин в том же проклятом Руане, правил Аннатой, — королевством, в представлении иных народов отождествлявшейся с закованным в латы воином со знаменем Девы Полуденной в руках. И единственное, что он сделал — это лужица яда, исторгнутая из насквозь пропитанного пороками нутра. Точно так же, как и тогда, тридцать пять лет назад.

...вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя «смерть».

Два дня — и у ног его руины.

Ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли — умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными.

И у ног его — прах. Столько лет унижений, интриг и заговоров! Он — сын шлюхи, сам бывший шлюхой всю жизнь. Став фаворитом Диурмия, он придумал, а вернее, облек в удобоваримую форму все те нелепые суеверия, царившие при дворе, и вошел в число избранных «Ключа», тайного ордена, который должен был придти на смену предвечной церкви, на смену ненавистному и глупому Кангу. Бестолковому вояке, одурманенному демоническим гением Рогволодом. И возродить, наконец, то, чем была свята и сильна испокон веков Анната — крепостью веры отцов, силой откровения пророка, мощью воинства пречистой девы Полуденной... Он искренне верил в это. И эта вера пугала его самого.

И явилась ей жена, облеченная в солнце, именем Косб Премудрейшая, и подарила ей острый меч, чтобы им поражать народы. Чтобы пасти их жезлом железным; топтать точило вина ярости и гнева Вседержителя. Предвечного и Нерушимого.

И снова Анастасию почудилось лицо матери в очередном мертвом солдате. Он отшатнулся, застонав. Чуть не споткнулся о распростертое тело другого неизвестного гвардейца. Они шли вместе на эту встречу, но он не знал их... Так всегда бывает — мечты о величии обрекаются в форму разрушений. Еще утром он надеялся, что станет тем самым щитом...

А скорее, просто обманывал себя.

— Ханут, — прозвучал голос. Анастасий так задумался, что не заметил человека в черном, в серой повязке, скрывавшей лицо.

— Чего? Вы кто?

— Во славу Бессмертного Ии, — сказал незнакомец. — Да примет сущий пищу из рук моих...

Последнее, что увидел Анастасий — это сверкнувший в свете факелов клинок.

«Очень тонкий, — успел подумать советник короля Канга. — Почему он такой тонкий?..»

— Хикриват. — Незнакомец отряхнул капли крови с бледы. Наклонился и вытер кинжал о тунику Анастасия.

Отрубленная голова шлепнулась в кучу человеческих тел, потихоньку покрывавшихся снегом.

Над городом вновь раздавался колокольный звон. Скорее плач, скорее призыв получить милосердную смерть, как избавление от разверзнувшегося ада. Он снова нёс над Басилитом привычную, но ставшую вдруг такой очевидной скорбную песнь, порой заглушая шум войны.

Древняя столица Аннаты — когда-то владычицы мира — пала. Полчища Ассадхи ворвались в город.

Над городом раздавался колокольный звон, возвещая о смирении перед грядущим, возвещая о былом, что ушло навсегда.

Каллад посмотрел в сторону храма, увидел зарево от пожара и подумал, что звонарь — это последний герой павшей империи. А они — их жалкая, в общем-то, кучка — бегут, как крысы с тонущего корабля. Теша себя надеждой, что, может в будущем...

— Я должен идти за Маришей, — сказал вдруг Эндр, остановившись и посмотрев на небо, освещенное заревом пылающего города. Пошел снег, мелкий, легкий, невесомый.

— Понимаю, — кивнул Верга.

— Ты не пойдешь со мной.

— Почему, исан?

— Ты должен вытащить детишек.

Каллад почувствовал, как Ниа мысленно вспыхнула при этих словах, но тут же успокоилась. Не время было для капризов.

— Понимаю, — согласился Верга с мрачным видом.

Эндр положил ему руку на плечо.

— Вижу твои сомнения, друг, — сказал он, посмотрев ему в глаза. — Много лет мы были вместе. Но сейчас я пойду один. И знаешь что? Я уверен, что Мариша не захочет бежать с нами. Она не покинет этот город. Но я не могу иначе. Я не могу иначе, Верга. Я люблю ее.

Верга пожал Эндру руку. Они обнялись.

— Понимаю. Береги себя. И ее. Еще встретимся.

— Да, друг. Обязательно.

Эндр подошел к Мёду.

— Будешь у Верги теперь правой рукой, умник. И не будь такой занозой в заднице, каким ты обычно бываешь.

— Постараюсь, Эндр.

— Бывай! — Друнг похлопал его по спине. — Братья! Что вам сказать-то?

— Меньше слов, толстяк, — сказал Аркера, пожав ему руку. — Чую, столкнемся. У меня чуйка что надо, сам знаешь.

— Вот тут хрен его знает, какая у тебя чуйка, — ответил Эндр. — Но будем верить, будем верить. Каллад! Ты всегда меня пугал, если честно. Но, черт меня возьми, лучшего мечника я еще не встречал. Для меня было честью быть с тобой в одном строю.

Каллад кивнул, пожимая его шершавую руку. С одной стороны, он никак не мог отделаться от ощущения, что с толстяком они еще пересекутся. С другой стороны... на него накатила горечь. Он привык заглушать в себе чувства. А сейчас... Сейчас ему стало неловко.

— Дети! — продолжил Эндр, прижав к себе Ниа и Дакси. — Вы в надежных руках. Верю, парни вытащат вас и уберегут.

Ниа вдруг обняла его и заплакала.

— Ну, не стоит, — сказал он ей, мягко отстранив от себя. — Ты чего? Я старый ворчливый вояка. Ну хватит. Мне, как и вам, пора. Ночь в самом разгаре. До рассвета вам надо скрыться. Думаю, Тимьян с Киром угодили в неприятности. Надеюсь, они вас найдут. В этой суматохе, — продолжил Эндр, обернувшись и прислушавшись к шуму вокруг, — вряд ли я с ними встречу, но кто знает... Бывайте, друзья!

И Эндр ушел в ночь.

— У меня одного чувство, что мы отпускаем его на смерть? — с горечью сказал Аркера, глядя на удаляющуюся, слегка сутулую фигуру их многолетнего командира.

— Он будет жить, — неожиданно произнесла Ниа, вытирая слезы. — Но радости ему это не принесет.

Все переглянулись.

— Нам пора, — сказал Верга, обнажив меч. — Мёд, веди.

— А где наш друг Итулла? — как всегда с ноткой меланхолии в голосе спросил Дакси.

Эндр шел, как всегда, уверенно, привычно чеканя шаг, сжимая в руке добрый косарь. Так ему казалось во всяком случае. Если честно, никогда не задумывался, как выглядит со стороны. Смуглый кривоногий коротышка с путанной бородой и щербатой улыбкой. Старый пират с безнадежно далеких Южных морей. Сойдет ли такой за честного воина? Вряд ли.

Эндр нахмурился, вспомнив Итуллу. Никак не ожидал, что мерзавец склонится перед ним. Надо было убить его. Он осмотрелся. Безлюдно. И удивительно тихо. Тишина остро чувствовалась, даже несмотря на доносящиеся отовсюду звуки хаоса, боли, ярости и страданий. Здесь — в этой части города, уже покинутого жителями, но не затронутого бойней, — Эндр находился как-будто в огороженном от всего плохого мирке.

Так часто бывает на войне. Тишина манит. Усыпляет.

Высокие каменные здания почти смыкались вверху, образуя щель, паутиной покрывающую город. Когда он впервые увидел Басилит — увидел с вершины горы, — то подумал, что это, наверное, какой-то сказочный великан ударил по монолитной плите, раскроив на множество мелких островков. Город-крепость, где каждый дом — это бастион,

в котором можно держать осаду годами. И вот, он покорился за какие-то пару-тройку дней. Длань, Лакусса, Крокота держались и того дольше.

Плевать. Какое ему дело? Лишь бы Маришку убедить убраться отсюда.

«Клянусь! — думал он, глядя в темное небо. Снежинки капали на разгоряченное, несмотря на легкий морозец, лицо. — Клянусь, что останусь с тобой! Хотя, кого я обманываю...»

Где-то впереди нарастал шум. Эндр неумолимо двигался туда, прислушиваясь к треску лопающейся черепицы, угрожающему рокоту сгорающего дерева, до боли привычным крикам боли и рычанию озверевших от крови северян. Вдыхая такой привычный запах дыма, паленых волос, тлеющей плоти... Вот что действительно возбуждает. Вот что наполняет жизнью!

Эндр остановился и встряхнул головой. Шум нарастал. Улицы заполнялись завоевателями. Друнг подумал, что вот сейчас, здесь, находясь в квартале от бойни, он точно так же ожидает драки, как и в дни молодости. Это как окунуться в бушующее море.

— Эх, была не была! — крикнул он и побежал.

Спасительная тишина осталась позади.

— Итулла? — спросила Ниа. — Кто это?

— Какой-то знакомец нашего толстячка с Вергой, — ответил Мёд. — Прямиком с их далекой родины. А по-совместительству охотник из секты Рогволода. Другого убил Аркера и правильно сделал. Другой был редкостным мерзавцем. Но что-то мне подсказывает, что Итулла не лучше. У каждого из нас за плечами целый ворох тайн, дорогая моя принцесса.

— Нам не до этого, — отрезал Верга. — Сбежал, и хрен с ним.

— Так он ведь убьет Эндра? — спросил Дакси. — Насколько я понял...

— Не думаю.

Дакси пожал плечами.

— Дело прошлого? — тихо поинтересовался принц, глядя на непроницаемое лицо Верги. — Все интересней и интересней. В первый раз, когда я увидел Эндра, подумал: «Почему он еще жив?»

— Ха! — улыбнулся Мёд. — Многие так думают. Бьюсь об заклад, твоей второй мыслью было: «Почему эта шайка головорезов до сих пор не убила этого психованного карапуза?»

Дакси улыбнулся.

— Нет, но что-то похожее.

«Слишком уж умный королек наш, — подумал Каллад. — Еще одна заноза в заднице, мать его. Почему я не могу отделаться от мысли, что парень не так прост, как кажется?»

— Нам пора, — сказал Верга, — Как-нибудь потом я расскажу вам о нас. И об Итулле.

Он достал те самые ножички. Кинжалы Серого. Зачарованные «безмолвными братьями». Оба еле-еле светились. Тусклым голубовато-серым свечением.

— Я забыл, что это значит? — почесав затылок, поинтересовался Беддах.

— Мервы. Где-то неподалеку. Бежим!

Прямо перед Эндром возник верзила в шлеме, похожем на медный котелок. Верзила осклабился, обнажив беззубый рот.

— Шлем у Матвея на кухне спёр? — спросил Эндр, одним точным движением полоснув

северянина по горлу.

Беззубый верзила рухнул у его ног. Шлем упал с головы и покатился прочь.

— Эй! — раздался голос, больше похожий на рычание. — Эй ты!

— Надо же, по-нашему говорят, — плюнув, пробормотал Эндр.

Из объятых дымом и огнем переулков вышло трое северян в меховых накидках поверх доспехов. Эндр отметил, что доспехи были мятые, с многочисленными царапинами, покрытые бурными пятнами. Оружие — в основном секиры. У одного имелся обрубок двуручника. И круглые щиты из покоробленных досок, скованные листами железа.

Бородатые морды, все какие-то перекошенные. Будто создатель вырубил их из ледяного дерева тупым топором, а потом, устав, оставил как есть.

— Сюда иди!

— Пошел ты в бездну, ублюдок. Некогда мне с вами! — Эндр развернулся и бросился в другую сторону, но оттуда выскочило еще двое, один с копьем, другой с палицей. Эндр оглянулся. Трое сзади не спеша подходили.

— Хмурый мертв, — буднично сказал обладатель двуручника, пнув беззубого.

— Ты кто? — спросил самый здоровенный из них, с окровавленной повязкой, прикрывавшей один глаз. Видимо вожак.

— Хотел бы я сказать: «твоя смерть!», но не все так очевидно.

— А ты скажи: «моя смерть!». Так будет верней. Правильно я говорю, мужики?

«Мужики» закивали. Северянин с палицей, заревев, бросился на Эндра. Друнг принял боевую стойку, но в последний момент упал тому в ноги, дав бедолаге подсечку. Северянин явно не ожидал подобного и шлепнулся, выронив палицу и разможив себе нос. Глухой стон и вытаращенные глаза товарищей были этому свидетельством.

«Один на время вышел из строя», — подумал Эндр. Он уже видел, как тощий парень с оспинами приготовился насадить его на пику так, словно хотел вилами подцепить стог сена. Эндр с прытью, завидной для его веса и возраста вскочил, отбил косарем пику, и всадил кинжал тощему в лицо.

— Кто же так копьем машет, родимый! — сказал Эндр, вытащив нож.

Истошный вопль перепугал бы даже мертвого.

Но не этих дикарей.

— Убейте его!!! — заревел гигант.

— Да пошли вы! — ответил Эндр, швырнув копье, выхваченное у тощого. Это произошло так быстро, что никто не успел загородиться щитом. Копье прошило горло одному из обладателей секиры. Его отбросило назад, прямо на товарищей. Северянин с обрубком двуручника упал на спину. Воспользовавшись замешательством, Эндр побежал прочь.

Тупик, где находился лаз, о котором рассказывал Мёд, погрузился в непроглядную тьму. Здесь сильнее обычного пахло дымом. К этому примешивался еле заметный, но отчетливый приторный запах.

— Идем в темноте, — прошептал Верга, еще раз посмотрев на кинжал Серого. Он светился ровным и отчетливым сиянием. Серый цвет с красными переливами. — Ниа, Дакси — в центр. Аркера — лук! Любое шевеление — стреляй! Здесь только враги. Мечи наготове! Все начеку!

Каллад наткнулся на кого-то и тут же притронулся к Аркере.

— Здесь кто-то лежит, — тут же сказал лучник.

Внезапно зажегся шарик огня. Он парил над раскрытой ладонью Мёда. Маленький трепещущий. И такой реальный. От него исходило ощущение уюта.

— Ты что делаешь? — шикнул на него Беддах. — Магия же! Да и заметят...

— Плевать, — с видом мудреца ответил Мёд, наклоняясь к телам. — Теперь уже нечего скрываться. Кто это такие, может кто-нибудь сказать?

— Это Хадина и его люди. — Верга усмехнулся, разглядывая разрубленные на куски тела. — Сдал город и бежал.

— Глупец всегда полагает себя умнее других, — сказал Мёд.

— Так и есть, — задумчиво погладив подбородок, подтвердил Дакси, глядя на мужчину с торчащим из виска ножом. — Хадина всегда был недалек умом. Он был, я бы сказал, типичным служкой моего папаша. Но вот вопрос: если он сдал город, то почему не остался на милость победителя?

— Вряд ли мы это узнаем.

— Однако этот глупец, видимо, знал о тайном проходе, — сказал Верга. — Что скажешь, Мёд?

— Если я знаю, почему бы и другим не знать?

— Ты говорил, что твой человек немой.

— Я тоже так думал. Так или иначе, выхода у нас нет, не правда ли? Придется нырять в нору.

— Далеко еще? — удивительно, но даже проявляя нетерпение, Верга умел говорить очень спокойно.

— Здесь, в десяти шагах. — Мёд кивнул куда-то позади себя.

— Раз так, освети-ка тупик получше. Если нас кто-то ждет здесь, лучше биться при свете.

— Согласен.

Мёд взмахнул рукой и шарик огня, увеличиваясь, поднялся на высоту в три человеческих роста.

Вокруг были сплошные руины. Дымящиеся обломки дерева смешались с битым кирпичом. С трех сторон тупик окружали отвесные скалы.

И хлопья медленно падавшего снега.

— А чем это так воняет? — поморщившись, спросил Аркера.

Со всех сторон их окружили мервы.

В какой-то момент Эндр заблудился. Он увидел, а прежде учуял, как в конце улицы северяне бросают в огромный костер тела. Вонь оттуда доносилась такая, что замутило даже видавшего виды Эндра. Повернул назад. Всюду проклятые дикари. Он сторонился их. Напялил на голову рогатый шлем какого-то бедолаги. Его отрубленная башка валялась у порога дома с выломанными дверьми.

— Хозяин дал отпор, — пробормотал Эндр. — Бессмысленный героизм...

Шлем помог. Захватчики были заняты тем, что пили, грабили, насильовали. А пузатый коротышка в рогатом шлеме с косарем в руках их не интересовал. Но в какой-то момент, он услышал позади голоса. Знакомый рык. Одноглазый искал его, расспрашивая соотечественников на своем гавкающем наречии.

— Черт бы его побрал, — буркнул Эндр. — Вот же заноза в заднице...

Друнг оказался на центральной улице. По обе стороны толпился народ. Уцелевшие

жители — в основном старики, — стояли вперемешку с северянами. Зарево от пожаров ярко освещало двигавшуюся процессию.

Отборные воины северян на мохнатых конягах, в темных доспехах, перехваченных потертыми кожаными ремнями, с обязательными пятнами крови и царапинами. Знаки отличия, не иначе. Далее ехали бородатые, кряжистые, неопределенного возраста дядьки, увешанные оружием, своим и трофейным. Это были, видимо, вожди или же самые знатные воины. Бойцы рангом пониже — кажется, их звали хольдами, или как-то так, — держали цепь, с прикованными к ней пленными защитниками крепости. Теми, с кем он стоял плечом к плечу всего-то несколько часов назад. Побитые, раненные, изможденные. Спотыкающиеся, окровавленные. Некоторые босые, с наспех перевязанными ранами. Их понукали, словно стадо коров. Щелкали бичи, от звука которых вздрагивали, шепча молитвы предвечному (а кому еще?) местные жители.

У Эндра сжалось сердце. Он чувствовал себя предателем. Всеё смотрел на них — и победителей, и побежденных, — и твердил про себя: «Простите, братья, простите...» В какой-то момент он не выдержал и тоже закрыл глаза...

Из оцепенения его вывели крики.

Северяне приветствовали союзников, местные таращились, охая от ужаса.

Имеры ехали на устрашающего вида зверях. Шартахы — так их звали, похожие чем-то львов с родины. Об этих свирепых зверях, весь вид которых излучал угрозу, ходили легенды. Звери скалились, обнажая острые, как копья, клыки, роняя слюну и непрерывно облизываясь. Налитые кровью глаза сверлили окружающих. Эндр видел, что даже северяне шарахаются от них.

Наездники — имеры — являлись полной противоположностью зверям. Высокие и изящные, в великолепных доспехах, в остроконечных шлемах. Каплевидные щиты, длинные тонкие мечи, штандарты с причудливыми рунами на них. Каждый — подчеркнуто спокоен и высокомерен. Каждый был будто бы картиной, сошедшей со страниц летописей.

Один ехал особняком, на вороном коне, без шлема. Серые волосы падали на плечи, на щеке — тонкий шрам. И необычное выражение лица: смесь тоски, страдания и... еще чего-то неуловимого.

Ассадха, догадался Эндр. И тут неожиданно их взгляды столкнулись. Лишь пару секунд они смотрели друг на друга, и за это время Эндр понял, что Ассадха, вопреки соплеменникам был слишком настоящим. Несущий в себе тяжкий груз, чуждый всем воитель, который не смотря ни на что не свернет с избранного пути.

Именно такие способны разрушить мир. Эндр вздохнул и развернулся было, чтобы уйти, как вдруг заметил с противоположной стороны... Итуллу. Старый родовой враг. Он и забыл про него. Итулла отдал себя на милость друнга, сложив оружие у ног. Но лишней раз доказал, что у него нет чести — присутствие убийцы доказывало это. Эндр фыркнул, стиснув в руке косарь. Настало время разобраться с ним...

— Вот он! — раздался крик. «Да провались ты в бездну, одноглазый ублюдок! — подумал Эндр. — Ладно, надо бежать, с Итуллой потом разберусь».

И он снова побежал, прежде поискав глазами Итуллу. Его нигде не было.

Поражало то, что все мертвяки были одинаковые. Они походили друг на друга, как две капли воды: юноши с мертвенно-бледными лицами, в черных развевающихся платьях, с тонкими длинными мечами в руках.

— Ох ты ж, — застонал Беддах. — Как же совладать-то с такой прорвой?

Никто не ответил. Мервы безмолвно бросились в атаку. «Такого еще не было, — подумал Каллад, встав в защитную стойку. — Странно биться с теми, кто уже умер».

Мёд что-то выкрикнул, содрогнулся, вскинув руку с зажатым в ней предметом.

— Эй, что с тобой? — спросил Аркера. Он уже успел выпустить пару стрел, но никакого эффекта это не принесло. Упавшие мервы — один со стрелой в глазу, другой во рту, — поднялись и, как ни в чем не бывало, двинулись в их сторону. Стрелы так и торчали из лиц.

У Мёда глаза заволокло непроглядной черной пеленой.

— Да он колдует! — выкрикнул Беддах то, что и так все поняли.

Между тем остальные скрестили мечи с нападавшими. Аркера закинул лук на спину и вынул обычно пребывавший в ножнах меч. Каллад быстро понял, что надо отрубать мервам головы. Но мервы двигались очень быстро. Единственное, что спасало всех от гибели: мервы часто промахивались. Такое впечатление, что они были слепы. К тому же мервов скопилось действительно слишком много. Они больше мешали друг другу. За пару минут вокруг них выросла гора обезглавленных тел, источавших жар и зловоние.

— Все пригнитесь! — не своим голосом закричал Мёд. — Падайте, черт бы вас побрал!

Каллад в последний момент дернул за руку Ниа, глазевшую на происходящее с широко раскрытыми глазами. Она упала прямо на него. Он почувствовал ее горячее дыхание. В какой-то момент Ниа зажмурилась и всем телом прижалась к нему. Каллад, сам того не ожидая, обнял девушку. Больше всего на свете ему хотелось уберечь ее от зла.

— Что происходит? — крикнул Беддах.

Они вдруг оказались в самом центре смертоносного вихря, подхватившего мервов и закружившего их, словно листья. Вокруг бушевала стихия, разбуженная заклинаниями. Вой ветра оглушал. Все тесно сгруппировались около Мёда. Он продолжал что-то говорить, держа над собой предмет, похожий на металлический шарик величиной с кулак. Мервов швыряло на скалы с невиданной силой, размазывая их, разрывая на ошметки, падавшие вниз бесформенной массой. И, что примечательно, бескровной.

Спустя какое-то время все прекратилось. Мёд пошатнулся, но Аркера с Вергой подхватили его.

В оглушающей тишине раздался шлепок. Последний мерв отлепился со скалы.

— Все целы? — чуть дрогнувшим голосом поинтересовался Верга. — Если все, бежим. Ищите лаз, теперь его будет не трудно найти. Быстрее!

Обломки разрушенных и сгоревших зданий раскидало по тупику. Куча мелкой щепы, перемешавшейся с кусками тел.

Мёд быстро пришел в себя. Отстранил от себя Аркеру. Сунул шарик в сумку.

— Спасибо, я сам. Непривычно, после стольких лет применять такое мощное заклинание. Слегка подурнело, только и всего.

— Ты хорошо помог, — сказал Верга. — Мы бы не выстояли.

— Кажется, нашла! — сказала Ниа, ногой разгребая обломки. — Вот здесь?

Дыра — всего-то небольшое круглое отверстие посреди камней, разбитой глиняной посуды, щепок, и прочего мусора — зияла чернотой.

— Умница! — воскликнул Беддах.

Мёд посмотрел на скалы.

— Вот черт! — выругался он. — Об этом я и не подумал. Поторопитесь! Сейчас скала рухнет.

Со склонов уже срывались обломки, падая на остатки брусчатки.

— Верно, — согласился Аркера. — К тому же, на такой шум обязательно явятся гости.

— Когда они явятся, тупика больше не будет. И если мы поторопимся, достать нас точно не смогут.

— Эх, была не была! — сказал Беддах, сложив руки на груди и зажмурившись.

— Ты чего это, помирать собрался? — усмехнулся Аркера.

— Да ну тебя! — ответил веханец и прыгнул. — О! Здесь не так глубоко! Девайте детей, я подхватчу!

Последним в «дыру» спрыгнул Мёд.

— Бежим! — крикнул он, наколдовав огненный шар. Впереди был земляной ход, по которому можно было передвигаться только пригнувшись, со стен свисала паутина. — Бежим, а то через минуту здесь так и останемся!

И они помчались вперед. В неизвестность. Глухой грохот падающих со склонов глыб настиг их, когда они ушли довольно далеко. На них посыпалась земля. Тоннель позади рухнул и их заволокло пылью.

Но они продолжали путь, сплевывая землю, отряхиваясь и ворча.

— Забавно как-то, — буркнул Беддах. — Радоваться, что избежал смерти, находясь в кротовой норе.

— Бывает и хуже, — ответил Аркера.

Путь им освещал «светлячок», как назвала огненный шарик Ниа.

Спустя какое-то время Эндр отыскал ее дом. Дом был цел. Вот и хорошо. Одно из немногих уцелевших строений посреди хаоса. Обрадовавшись, он кинул проклятый рогатый шлем в сторону и рванулся было навстречу любимой, но вдруг остановился.

Что-то было не так. Сердце почуяло беду.

Эндр поспешно забежал в дом...

— Нет... не может быть...

Мариша лежала на полу рядом с Киром. Кто-то накрыл ее скатертью со стола. Обломки кувшина, из которого он прошлой ночью пил вино, валялись рядом с опрокинутым стулом в луже крови. Кир выглядел удивительно живым. Молодой, симпатичный. Слишком милостивый для их ремесла, так говорили Эндру многие. Парень словно уснул.

На столе — окровавленный кинжал.

Эндр упал на колени.

— Бледой может стать любой клинок, — прозвучал голос и из темного угла вышел человек в черном. Серая повязка скрывала лицо. За ним — еще трое, точно в такой же одежде. На лицах — черные маски. — Не трудись, ты нас не знаешь, — тихо сказал незнакомец. — Мы искали Тимьяна. Это — его рук дело.

— Не может быть, — прохрипел Эндр, тупо глядя на страшно обезображенное, распухшее и почерневшее лицо Мариши. В голове застыло воспоминание, как он целовал ее. А еще он вспомнил десятилетнего голого мальчишку, забившегося под повозку, где уже остывало жирное тело его хозяина. В тот день было очень жарко.

Эндр хотел прикоснуться к возлюбленной, но не смог.

«Это всего лишь тело, — подумал он. — Всего лишь тело».

Хотелось заплакать, хотелось завывать, словно дикий зверь, но в душе была лишь пустота.

— Не может быть... — как во сне, повторил Эндр.

— Все возможно, Эндрат Корний Поморник, — сказал незнакомец, подходя к выходу.

— Почему?

— Если бы я знал ответ на этот вопрос, я стал бы богом. Нише иштарон, мой друг. Ибо благоволит тебе великий Ии. Твой друг Тимьян позаботился о твоём маленьком братстве. Благодарю его. Убей его. Уверен, вкус этой крови очень понравится существу.

— Я тебе не верю, сукин сын. Это ты убил их!.. Кто ты?

— Слова, слова, друнгарий. И даже ты в них не веришь. Кстати, за тобой следят.

Эндр с трудом поднялся. Исподлобья взглянул на «тайного».

— И это не те мясники, что ищут тебя. Ты знаешь, о ком я. Нише иштарон, друнгарий, нише ишнемэ.

С этими словами убийцы ушли. Эндр так и стоял, опустошенно глядя на тела Мариши и Кира. «Они как мать и сын», — тупо думал он.

— Я знаю, ты здесь! — спустя какое-то время донесся до него голос одноглазого. Может, сам создатель послал кровавого ангела по его душу? — Ты здесь где-то прячешься! Выходи! Мы все равно тебя найдем, подлец!

Эндр прикрыл лицо Мариши скатертью, взял на столе кинжал.

Перед домом собралось человек пятнадцать.

— Один на один, ты, кусок говна, — сказал Эндр, выйдя на крыльцо.

Одноглазый ослабился.

— Согласен. Дайте ему щит что ли...

— Не нужно. Я убью тебя и так.

— Ха! Ну попробуй!

Северяне как по команде расступились в круг. Факелы в их руках потрескивали, отбрасывая на лица бойцов неровные блики огня.

Эндр никогда не нападал первым. В всяком случае, старался. Если противник проявлял нетерпение, исход часто был предрешен. Но одноглазый не спешил. Вместо этого он предпочитал издеваться над ним.

— Ну что же ты, сало? Нападай! Покажи, на что способен! Ну давай! Давай, раб! Ты мой раб, знаешь? Если ты выживешь, посажу тебя на цепь вместе со свиньями. Любой хряк подумает, что ты хорошая свинка. Будут тебя ебсти. Глядишь, и опоросишься!

Все заржали.

— Ну давай, свинка моя!

У Эндра в душе закипала ярость. Ярость — плохой помощник в бою, но друнг уже потерял самообладание. Слишком много всего навалилось. Он кинул в одноглазого кинжал, который тот с легкостью отбил, а затем кинулся в атаку.

Одноглазый с завидной для такого великана прытью увернулся от рубящего удара сверху и в последний момент закрылся щитом от скрытого удара кинжалом.

— Еще один кинжал? — удивился одноглазый. — Видали, ребята? Да это наемник! Это интересно. Что ж, покажи еще фокусы! Сколько еще их у тебя?

У Эндра начали трястись руки, он задыхался от душившей его злобы. Где-то в глубине души он понял, что проиграл.

— Думаешь, что я — всего лишь тупой добеец? Нет! Я — твоя кара! Понял, свинка?

Друнг с ревом обрушился на одноглазого, в отчаянии пытаясь достать его, но северянин всегда уклонялся, или защищался щитом. Добеец был слишком хорошим бойцом. Эндр стал задыхаться, буравя усмехающегося противника налитыми кровью глазами.

«Пусть он меня убьет», — подумал он, снова бросившись в атаку. Перед ним мелькнуло лезвие секиры.

Ничего. Боли нет. На миг он растерялся. Что произошло? Он увернулся? Где одноглазый ублюдок? Толпа северян слилась в одну сплошную грязную массу, хохотавшую и издававшую рычание.

— Ты — мой! — откуда-то издали услышал он. В затылке полыхнул огонь и растекся по телу. Перед глазами все поплыло.

Эндр упал, выронив косарь. «Точно, кровавый ангел...»

Эпилог. Охота началась!

Тынгет брела впереди, обхватив себя за плечи и поглядывая на Лив, а чаще на укротитель Бруда на ее руке. Ведьмовской балахон превратился в лохмотья, почти не скрывавший измазанное землей и кровью тело. Ведьма то и дело останавливалась и тщательно покрывала лицо грязью. Грязь подсыхала, падала, и все повторялось.

— Почему ты это делаешь? — спросила Лив, но в ответ Тынгет все сильнее замыкалась в себе.

Укротитель Бруда оказался кольцом, мелко исписанным рунами предвечников. Очень старая вещица, которую хозяин никогда не чистил, отчего оно почти почернело. Черное кольцо на грязном огрубевшем пальце. Лив тупо уставилась на свою ладонь. Это рука молодой девушки?

Сам ренегат так и остался там, где умер. У них обоих не было ни сил, ни желания его хоронить.

— Так почему ты скрываешь лицо? — повторила Лив вопрос. Но Тынгет шла, спотыкаясь, точно пьяная, изредка останавливаясь, а потом начиная в свойственной ей манере кружиться в странном и пугающем танце, словно прислушиваясь к чему-то и шепча что-то свое. Срывала растения, нюхала их, выкидывала небрежно, швыряла чуть ли со злобой, рассыпала с нежностью. Она была противоречием, эта странная ведьма. Переплетением противоположностей. И зверем и человеком. И, в то же время, ни тем ни другим.

Лив не знала как к ней относиться. Совсем недавно Тынгет хотела ее убить. Принести в жертву своему безумному божеству. Но это было... так давно. События прошедшей ночи — всего лишь сон, настоящее — тоже сон. Девушка устала, она не замечала ничего вокруг и послушно следовала за ведьмой.

А ведь начало их совместного пути вселяло надежду, как ни странно звучит. Чудом уцелев после обрушения дамнамом храма «небесноокого», Лив, вопреки собственному телу, болевшему от многочисленных порезов и ушибов, пребывала в бездумной эйфории, что ли.

(Хм... Назвать таким возвышенным словом — небесноокий! — кровавого идола, превращавшего людей в безмозглых рабов... Да, у тех, кто создал Тынгет, — а не был ли им сам Рогволод? — было извращенное чувство юмора).

Но эйфория быстро сменилась апатией. Единственный вопрос придавал ей сил: «Кто такая Тынгет? Кто она такая? Кто?» Где ненависть к той, что чуть было не отправила ее на тот свет? Где жажда мести, или хотя бы злорадство? — видишь, ты в таком же дерьме, что и я! Ничего, кроме навязчивого отупляющего любопытства.

«Неужто правда лисица? Лисица...»

Плевать на то, что их ждет. Может, смерть. Может, они сгинут в Ткеме, в краю болот, пропитанных страданием. Главное узнать...

— Скажи, кто ты? Почему ты... — Тынгет обернулась.

— Уже вечер, — сказала ведьма. — Мы идем целый день. Ты устала. Я устала. Сделаем привал. Тем более, что у нас гость.

— Кто? — встрепенулась Лив.

Из путанных зарослей вышел Живорь. Он плакал. Из серых глаз непрерывно текли слезы.

Беркут задумчиво наблюдал за бойней, сложив руки на груди и слегка покачиваясь в такт затухающей где-то глубоко внутри пульсации магии. Половина крепчи Бруда была истреблена, и сейчас их окровавленные тела лежали перед ним, будто бы принесенные ему в жертву овцы.

Позади оседала пыль от разрушенного до основания храма. Странно так называть убогое строение посреди необъятного болота. Но это так свойственно людям: обожествлять то, что достойно лишь презрения. И этот дикий несусветный идол — персонификация их звериной сущности. Только этим люди и отличаются от хищников: они верят, что пожирают друг друга во имя абстрактного спасителя, благословившего их на это.

Беркут отряхнулся и посмотрел на вставших на его сторону воинов.

Тот, кто слева, Димитр, вытирал тряпицей свой массивный двуручник с видом ремесленника, хорошо сделавшего привычную работу. Этот старый вояка, в трофейных, вне всякого сомнения, доспехах, был загадкой. Добровольно, не задумавшись ни на секунду порешил бывших собратьев и сейчас в нем нет и намек на сожаление. Димитр производил впечатление человека, не просто не задающего лишних вопросов, а банально не интересующегося ими. То, как быстро он предал своих же, вызывало некоторые опасения... Хотя, тут и не за кого было сражаться. Шайка оборванцев и неудачников.

Что ж, умелый головорез, привыкший следовать за сильнейшим, нашел такого. Сполна. Оставался вопрос: как Димитр оказался среди подобного отребья? Что его связывало с ренегатом? Надо при случае расспросить его об этом.

Кстати! За всей этой суматохой он, к сожалению, упустил Бруда. Плевать, гад все равно подохнет. Глупец! Умер бы с честью от меча Димитра, например. Умереть от меча — это же почетно? Или нет? Сколько ни изучай людей, не понять.

А вот ведьма с рыжей скорее всего нашли свой конец под обломками. А жаль. Особенно ведьму. Она бы ему пригодилась.

Тот, кто слева, был не так прост. Беркут знал, что его зовут Адриан. Смутные воспоминания всплывали в памяти — в той его ипостаси, что зовется Иваном.

Кажется, Иван замечал Адриана в обществе своей матери, Марии Кровопийцы. Да стыдно признаться, но Иван порой любовался стройным юнцом, не в меру красивым, похожим больше на хорошенькую девушку. Юнец был дорогой игрушкой, развлекавшей обезумевшую от переизбытка вседозволенности, секса и крови женщину. Беркут хорошо понимал, почему потом Адриан стал охотником на магов. Это было своего рода искупление. После Проклятой Ночи слишком многие осознали, что жили мягко говоря, несправедливо. И Великая Охота на магов — не более, чем уход от осознания того, что путь, которым они следовали тысячу лет, привел к невиданной катастрофе.

Сейчас Адриан был пуст — архаичная магия, применявшаяся здесь скорее по наитию, вычистила его сознание. Вернуть ему воспоминания не представлялось возможным. После уничтожения идола, представлявшего собой особым образом настроенный крючок, превращавший жертв в примитивных существ с минимальным набором инстинктов, достаточных для выполнения нехитрой и, как правило, крайне тяжелой работы, Адриан освободился от оков послушания. К нему вернулись все его эмоции в удвоенном размере. А точнее, не эмоции, а одна лишь слепая жажда убивать. Абсолютно безмозглое и смертоносное орудие, удерживаемое и направляемое единственно его волей.

Волей Беркута, или дамната, как называл его сброд, сидевший перед ним на коленях:

жители деревни и те из крепчи, у кого хватило ума сложить оружие и пасть ниц. Он видел и читал их. Он знал их имена и упивался страхом, переполнявшим их. За время, что он был Червем, Беркут окончательно переродился. Иван ушел в тень. Слабовольный, противоречивый человек должен окончательно исчезнуть. И сегодня он делает это. Стареее человеческое тело обновится.

...вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя «смерть»...

— Димитр, Адриан, — негромко сказал Беркут.

Оба посмотрели на него. Димитр, с тонкими морщинками вокруг глаз, глядел спокойно и несколько устало. Взгляд Адриана пугал даже самого Беркута. Бледный лик не живого и не мертвого. *Зёртэ*, так звались такие рабы у имеров когда-то. Когда он — Иенааль — еще существовал.

— Убейте рабов Кру, всех, которые здесь есть. Мне они ни к чему. Остальных гоните к Лисьему озеру. — Беркут посмотрел на трясущегося деда, поглядывавшего по сторонам с целью, видимо, улизнуть. — Ты! — Дед вздрогнул. — Тебя зовут Мирту?

— Да, господин... э-э... владыка?..

— Здесь все? Я имею в виду живых, а не рабов.

Дед судорожно кивнул.

«Не густо», — подумал Беркут, посмотрев на перепуганную горстку жителей болот. Большой частью бабы и старики.

Димитр с Адрианом волокли в сторону не сопротивлявшихся безвольных рабов. Их волю ему пришлось подавить. Впрочем, сделать это было нетрудно. Единственное, что у них имелось — слепой ужас. Димитр методично перерезал им горло. Адриан топтался рядом.

Куча плоти. «Смерть всюду и лишь в вере спасение наше», — вспомнил слова Кнуда Кроткого Беркут.

— Мирту! Веди.

— Что с нами будет, о владыка?

Беркут ничего не ответил, мысленно перекрыв ему дыхание. Мирту захрипел, схватился за горло и упал. Несколько минут он катался по земле, судорожно хватая воздух. Беркут ослабил хватку и спросил:

— Еще есть вопросы?

— Нет, владыка, — хрипя и откашливаясь, выдавил из себя Мирту.

— Веди.

Уже поздней ночью они набрели на хижину. Тынгет видела во тьме словно кошка. Или лиса.

— Осторожней, не упадите, — сказала она. Ломкие полусгнившие стволы разъезжались в стороны. Лив и сама едва не шлепнулась, а ведь пришлось еще вести за руку Живоря.

Паренек постоянно всхлипывал, размазывая сопли по лицу. Как-то внезапно он превратился из малолетнего безмозглого садиста в безмозглого же нытика. У него осталось только это и больше ничего.

Тынгет отнеслась к пацану с безразличием. А Лив упрямо тащила за собой. «Прям как мамаша какая, — думала Лив с тупой раздражительностью. — Я буду ведь мучиться с этим выродком вопреки себе же. Ну что же за дурная я баба! Ну почему? Почему я тащу его с собой?»

— *Брось его, — равнодушно сказала тогда, на привале, Тынгет. — Он отработанный.*

Его не вернешь.

— *В каком смысле? — чувствуя, как внутри нее закипает гнев, спросила Лив.*

— *Он все равно умрет. К нему не вернется разум. Если только не произойдет чудо.*

— *Неужели в нем не осталось вообще ничего?*

— *Какие-то крохи остались. Если бы... не тот человек, Червь.*

— *А что он?*

— *Он поднял бурю, которая выжгла всех рабов.*

— *Тех, у кого были синие глаза?*

— *Да.*

— *А почему у тебя не изменился цвет?*

Тынгет улыбнулась и еще пара засохших кусочков грязи отлепилось от лица. В свете костра ее глаза горели необычайной синевой.

— *Это мой естественный цвет.*

— *Цвет... лисы?*

— *Нет. Цвет человека.*

— *Но...*

— *Я не хочу об этом говорить.*

— *Хорошо.*

Воцарилось молчание. Живорь всхлипывал, прижимаясь к Лив.

— *Я не брошу его, — упрямо повторила Лив.*

— *А камень зачем? — спросила Тынгет.*

Лив сразу съежилась. Едва увидев ненавистного пацана, она схватила камень.

— *Ты хотела его убить.*

— *Это ты виновата, сука дикая! — взорвалась Лив. — Ты и твой проклятый идол!*

Тынгет несколько секунд смотрела на них, потом ушла. Она долго бродила меж кустов, танцуя.

Избушка была необитаема. Покрыта вековой пылью, пришло на ум Лив.

— *Надо набрать дров, — сказала Тынгет, взяв в углу чугунок и поставив его в центре. Прямо над ним в крыше имелось отверстие. — Ночь будет холодной.*

И когда они грелись, прихлебывая воду из родника, которую набрали в кувшинчик, валявшийся под столом, Живорь вдруг, завороченно глядя на огонь, улыбнулся.

— *Огонь, — пробормотал он. Или ей послышалось. Тынгет сидела в углу, обхватив колени руками. Синие глаза светились, отражаясь от маленького и уютного огня в чугунке.*

— *А ты говоришь, Живорь отработан, — сказала Лив. — Какой же ты чумазый, — добавила она, пригладив спутанные волосы.*

— *Огонь, — повторил он, посмотрев на Лив и смахнув соплю.*

Тынгет молчала. Кажется, она замечталась. Почти вся грязь сошла с лица. Лив впервые более-менее разглядела ведьму и поразились.

В Тынгет было что-то неземное. Красота ее, не скрываема даже тонким слоем пыли, завораживала, увлекала. Потрясала. Глядя на нее, Лив пыталась подобрать слова, но не находила их. В ведьме волшебным образом переплелись звериные и человеческие черты, родив лик, который притягивал взор так, что от него трудно было оторваться.

— *Тынгет... — ошеломленно прошептала Лив.*

— *Огонь... — сказал, разинув рот, Живорь.*

Ведьма вздрогнула, метнула на них полный ужаса взгляд, закрыла лицо руками, и

опрометью выбежала из хижины. Хлопнула покосившаяся дверь.

— Тынгет! Постой!

Лив побежала за ней.

— Тынгет!

Стоя на коленях у воды, ведьма спешно размазывала грязь по лицу. Лив с Живорем, держась за руки, подошли к ней.

— Тынгет! — Рука Лив замерла у ее плеча.

— Уйдите!

— Ты плачешь?

— Уйдите, прошу.

Ярко светила луна. Тынгет глядела на свое перемазанное отражение. С лица в воду капала жидкая грязь.

— Тынгет? — произнесла Лив и обняла ее. К ним присоединился и Живорь. — Не бойся меня, Тынгет...

Так они и сидели, обнявшись. И болото дышало и перерождалось, даруя им такое зыбкое, неуловимое и исчезающее ощущение свободы.

А позади незаметно наблюдал за ними престарелый монах, опираясь на посох Богохульника.

Ранее утро. Рождающееся солнце слепит глаза. Тихое озеро. Старый причудливо изогнутый вяз у самой воды. Петляющая тропинка, ведущая к берегу. И там несколько валунов, сложенных полукругом. «Хорошее утро», — подумал Беркут, но тут же нахмурился. Двенадцать человек в сухом остатке. Половина — старики и старухи. Мало.

— Что тут было? — спросил Иван, прислушиваясь к биению магии. Где-то там, глубоко в воде — источник.

— Достоверно незнамо, владыка, — согнувшись так низко, что голова едва не касалась земли, ответил Мирту. — Сказывают, капище болотников было когда-то. Оне дикий народ были. Сгинули уж давно. Только камни и остались.

— Это достаточно мощный источник, — задумчиво произнес Беркут. — Плохо дело...

— Что вы сказали, владыка?

Беркут посмотрел на старика. Тот всеми силами пытался быть полезным. Заискивал, лебезил, крутился под ногами.

— Зачем ты мне, старик?

Мирту побелел.

— Да я... Это ж...

— Докажи, что ты мой слуга.

— Всегда, владыка, всегда!

— Убей их!

— Кого? — переспросил трясущимися губами Мирту.

— Вот этих. Самых старых. Димитр! Подведи их! Вот — пять человек. Ну как?

— Э-э... да разве ж...

Беркут спокойно, царственно притянул Мирту к себе и посмотрел в глаза.

— Докажи, что ты мне нужен. Ну?

У старика на лбу проступил пот.

— Ты не дурак, Мирту. Ты понимаешь, что я не какой-то там Бруд. И они, — Беркут

указал на Димитра с Адрианом, — не крепча.

Мирту сглотнул комок в горле и кивнул.

— Димитр, дай ему нож. — Старик продолжал кивать, видимо от шока плохо соображая. Димитр с презрительной ухмылкой вложил ему в ладонь маленький тонкий кинжал. — Иди к воде. Надо будет поставить жертву на колени, и вскрыть горло так, чтобы кровь попала в воду. Понял? Режь хорошенько. Одну руку кладешь на затылок, другой режешь. Кровь льется, ты ждешь, пока не наступит смерть, затем сталкиваешь труп в воду, идешь за следующим. Понятно? Они сопротивляться не будут. Но учти: плакать и молить — будут. И даже очень.

— Нет! — закричал Мирту, упав на колени, залившись слезами и обхватив его за ноги. — Нет! Пощади, владыка! Я не могу! Я не могу, о великий! Нет!

— Не можешь? Скольких ты отправил на заклятие той вашей ведьме, а? Как просто убивать чужими руками. А свои собственные обогреть кровью?

— Пощади! Я не могу, я не могу...

Беркут ногой отпихнул Мирту.

— Начинайте, — сказал он. — И этого прихватите. Достаточно он покоптил небеса.

Стенания, мольбы, крики, хрипы. Димитр с Адрианом быстро расправились со стариками. И громче всех кричал Мирту.

Беркут смотрел, как их порченная кровь растворяется в воде колдовского озера, как тела колышутся на мелководье и чувствовал, как через него начинает течь магия. В глазах потемнело. Тело стало вдруг таким чувствительным. К ветерку, к косым прохладным лучам, пробивавшимся через лесок на противоположном берегу. К шепоткам обреченных на заклятие, к шуму природы. Беркут пошатнулся, но силой воли взял себя в руки. Заболела голова. Кажется все жилы готовы лопнуть от напряжения.

— Димитр, Адриан, — хрипло сказал он. — Остальных — сюда!

Оставшиеся — пять баб и паренек с глуповатым видом, толкаясь, плача и молясь сгруппировались перед ним. Все избегали смотреть на него. Все, кроме паренька. Он пялился на Беркута с самым невинным видом. В какой-то миг он вдруг увидел в нем... себя. Нет, не себя. Ивана. Дурачка, что бесцельно бродил по необъятному храму. Дурачка, тридцать лет хранившего его, Иолариё, мечтательного кудха, всего лишь желавшего изменить мир к лучшему.

— Этого, — Беркут указал на парня, — в сторону. Пусть живет, пока.

Димитр пожал плечами и выдернул юношу из объятий обреченных. Одна из женщин держала его руку до последнего, говоря: «Прощай! Прощай!»

Беркуту вдруг все опротивело. Пора начинать. Он распростер руки и воскликнул:

— Да свершится!

И свершилось.

Иенааль сидел на краю уступа. Клочок голой земли, кусок скалы посреди необъятного густого хвойного леса. Снизу, вокруг, позади — буйство зелени и бурлящие облака, будто напарывающиеся на выраставшие из этого моря горы. Дремлющие гиганты, укутанные вечными снегами.

Земля, на которую ступило когда-то их благородное племя — племя древних. Влекомое зовом Мидиарахны, ткущего мир.

Как так получилось, что дикие звери, чей век так недолог, чей разум так низок, чей

облик так ужасен, обрели такое могущество? Вопрос, на который они за всю тысячу лет так и не получили ответа.

Но Иенааль был уверен, что его народ ответ и не искал. Пока люди стремительно развивались, имеры так и остались гордцами, закостеневшими в собственном высокомерии. Они предпочли лед и холод безжизненных гор, долин и пустошей крайнего севера. Они поселились там, куда не отважились придти даже дикие племена севера. Царствовавшие там метели, казалось, окончательно выветрили из них остатки разума.

Сотни лет имеры влачили откровенно жалкое существование, отчаянно цепляясь за прошлое, за свои неуклюжие и архаичные обряды и традиции. С их молчаливого согласия подверглись уничтожению, а выжившие — унижению, те из них, что звали себя «истинными». Те, кто хотел мира. Те, кто принял и понял людей. Теперь остатки «истинных» — на далеких Южных островах. Теперь они бадры — изгои, дикари.

Ирония судьбы: люди — своего рода домашние животные — обрели разум, а их бывшие хозяева его утратили, превратившись в натуральных зверей.

Иенааль считал это неправильным. Он горячо приветствовал в свое время Ассадху. Воина из презираемого и ненавидимого многими клана кудха. Ассадха пришел, чтобы исправить то, что свершил другой кудха — Иоларийё, проклятый отщепенец, раскрывший всему миру свое сокровенное имя — Беркут. Чем обрек на поругание святая святых любого клана — тотемат.

Тот, кого люди называют дамнатом, плюясь при этом и осеняя себя ритуальными жестами, отгоняющими зло.

Ассадха пришел, чтобы загасить Источник — величайшую загадку мира. Бездонный колодец неведомых душ. Свидетельство о том, что было задолго до них.

Ассадха презрел честь, семью, род, клан ради их будущего. Отчаянно и бездумно бросился в бой, вряд ли понимая, чем может обернуться эта авантюра.

Иенааль еще раз помолился ткущему мир. Судьба выбрала его, еще одного отщепенца, для свершения великих дел. Пройдя через грязь и забвение, тропой унижений, но он вразумит и направит героя. Старик Рогволод подсказал хорошую идею.

Но для этого ему нужны детеныши короля. Дакси и Ниа. Он был уверен, что безмозглые даже по меркам людей помощники провалят дело. Они сгинули в пламени войны и это хорошо.

Иенааль поклонился четырем сторонам света. Слегка провел чиун-таэ по ладони. Окропил землю кровью.

— Призываю тебя в свидетели, сущий! Ты, что вечно ткет ткань мироздания! Охота началась!

Некоторые неупорядоченные сведения о мире

Димиарахны, глоссарий

Нижеследующий текст представляет собой слегка отредактированные черновые наброски. Когда я создавал мир, иногда начинал куражиться, представляя себя чем-то вроде седовласого летописца. И вот что получалось. Кому-то, может, будет интересно посмотреть, как и из чего рождается книга и что вообще творится в башке творца миров.

Если вы дочитали до этого места — мое безмерное уважение!

Легенда об Анте-пастухе

Сведения об Анте-пастухе содержатся в «Литургии Предвечного» и в «Евангелии Патафа-немого» — официальных священных писаниях Предвечной Церкви, религии аннатов, кальвентов, картийцев и других народностей. Согласно им, живший долине Арут юноша по имени Ант набрел на Источник (Предвечный Источник, согласно тексту. То есть созданный богом, Предвечным) и открыл его тайны. Предвечный даровал ему могущество, потому что юноша был благочестив, умен, милосерден и трудолюбив. Антипод Анта — некий злой колдун из расы *древних*, посланный демоном Бездны — паукообразным чудовищем. Колдун выведен в писаниях под разными именами и терминами, в основном поэтичными и совершенно заурядными, как-то: приспешник тьмы, демон из Бездны и т. д. Название *дамнат* (у древних аннатов — осужденный, проклятый) появляется только в «Молитвослове Кнуда Кроткого», распространённого среди правоверных молитвенника. Скорее всего именно поэтому словечко *дамнат* и стало неофициальным наименованием главного зла.

Дамнат, то есть колдун из расы *древних* реально существовал. Кроме того, известно так называемое «сокровенное имя» колдуна — Беркут. А вот настоящее имя, увы, утеряно. У *древних* и *имеров* «сокровенное имя» знали только самые близкие — семья, клан, либо брат по крови, то есть тот, кто обязан тебе жизнью. Это говорит о том, что Беркут и Ант изначально были друзьями, что само по себе из ряда вон выходящее событие. *Древние* относились к людям как низшей расе и такое было немыслимо.

В неканоническом и запрещенном «Евангелии от Дамната», написанным неизвестным (есть теория, что автором был сам Беркут. Есть те, кто утверждает, что ее написал не кто иной, как Ант-пастух), Источник — это видоизмененная (под воздействием каких-то скрытых в природе сил) магия *древних*. Беркут — это один магов той расы, отщепенец, покинувший свой народ ради исследования новой аномалии в Аруте. Беркут принадлежал к редкой даже у *древних* секте ученых *кудха*, занимавшейся нахождением и запечатыванием аномалий. *Кудха* полагали, что магия имеет природное, а не божественное происхождение и поэтому способна изменяться, становясь более опасной. Среди правоверных *древних* было распространено мнение, что источники — это дар их жутковатого паукообразного божества *Димиарахны* (или Ткущего Мир), и всякое воздействие на них — святотатство, караемое смертью.

Как оказалось, Беркут справедливо полагал, что аномалия может стать угрозой и хотел запечатать ее, но не смог из-за крайне сильной ауры. Ант-пастух, согласно «Евангелию от Дамната», был слугой Беркута, а после — его учеником. Что произошло между Антом и Беркутом — неизвестно, в «Евангелии от Дамната», об этом ничего не сказано. Ясно, что

Беркут погиб. Существует апокриф, легенда, что убил его Ант и что душа, или некий одушевленный ступок, сущность Беркута не исчезла, а осталась, на многие века прикованная к Источнику. Именно душа — без сознания, воспоминаний и так далее. В момент смерти душа Беркута вобрала в себя какую-то часть энергии Источника. Все эти годы Источник существовал в стабильном состоянии только благодаря заключенному в ней Беркуту. Может об этом знал и сам Ант. Может, покорить Источник можно было только так, и сам Беркут пытался повернуть что-то подобное. Но стабилизировать аномалию, как догадывался Ант, могла только душа *древнего*, ведь каждый *древний* несет в себе частичку сущности *Димиарахны*, и, следовательно, Источник — не что иное, как проявление магии далеких предков самой расы *древних*.

Во время событий Проклятой Ночи душа Беркута каким-то образом вселилась в какого-то аколита, по преданию, страдавшего слабоумием. Устойчив миф, что это якобы был сын Квотона и Марии. В любом случае мы этого не узнаем, ибо из летописей известно только об одном сыне последнего архимага Арута — Петре. Источник пришел в нестабильное состояние и выбросил огромное количество сырой необработанной магии, в мгновение ока истребившей все вокруг.

Миф о Создателе

В виду крайней изолированности *древних* и их потомков *имеров* (*бадров* не берем в расчет по причине скатывания их цивилизации до уровня дикарей), сведений, кто такой Димиарахна немного. Существуют несколько манускриптов *имеров* и устные предания людей в виде сказок, мифов, легенд и т. д. Многие древние верования (вспомним хотя бы того же Кру) включали в себя паукообразных божеств и демонов, что несомненно навеяно культурой *древних*. Один из самых известных мифов дошедших до нас, имевших место среди предков нынешних арутов, рассказывает о некоем страннике, описания внешности которого нет (Вечном Страннике) из глубин космоса, который победив Дух Отчуждения, заселил мир жизнью. Также в мифе говорится о том, что Вечный Странник окутал мир коконом, или саваном, но пропустил кусок, что как бы намекает на происхождение магии, а конкретно на Арутийский Источник.

Этот миф более-менее согласуется с теми источниками, которыми мы располагаем (манускрипты *имеров*). Почему у *древних* он изображался в таком виде, неизвестно. Ниже приведен текст мифа.

Он летел сквозь пространство и время, сжавшись в комок в своем тесном, неудобном, но сияющем, словно само солнце, коконе.

Он чувствовал, как Великая Пустота беспомощно пролетает мимо, тщетно пытаясь схватить его. Чувствовал, как протягивая гигантские огненные руки-хлысты, щелкает медленно тающими в Безбрежном Ничто зубами-льдинками, но...

Безмятежно спал.

Он не знал, кто он и откуда, но ему было так хорошо и уютно в его доме-коконе.

Его разбудил сильный толчок. Кокон разбился? Не поняв толком, что произошло, Он испугался и зажмурил глаза, сжался, затих, но когда до него дошло, что ему ничего не угрожает, он открыл глаза, и увидел... землю.

И земля была прекрасна. Его взору — взору Вечного Странника — предстали высокие горы, бескрайние равнины, красиво изрезанные долины, пустыни, где ветер, играя, точно малое дитя, создавал и тотчас разрушал барханы, бурные реки и величественный океан, пригревший на своей груди россыпь крохотных островков, словно заботливая мать родных

детей.

Но плохо было то, что здесь отсутствовала жизнь, и солнце не освещало этот чудесный мир. Солнце скрылось за тем, что он назвал Духом Отчуждения, и дух этот являлся тьмой, окутавшей землю плотным непроницаемым саваном холода и уныния.

И плохо было то, что его кокон раскололся и разлетелся, усеяв землю мириадами мельчайших кусочков.

И тогда Он, поддавшись порыву, воскликнул:

— Не может столь прекрасное место пребывать более в ледяном безмолвии! Пусть осколки моего кокона примет в себя земля и согреет! И когда я разгоню мглу и изгоню отсюда Дух Отчуждения за пределы Солнечного Круга назад в Великую Пустоту, остатки моего кокона превратятся в то семя, из которого явится жизнь!

Так Он и сделал. Почувствовав небывалый прилив сил, Вечный Странник взлетел ввысь и сошелся в смертельной схватке с Духом Отчуждения. Три дня шла битва, от которой содрогалась и стонала земля. Наконец Дух отступил, и улетел в извечную Пустоту, где нет места свету, нет места теплу, нет места ничему, из чего способна высечься искорка жизни, а есть только холод, тьма и вечное, всепоглощающее уныние.

Он спустился на землю. Солнце светило вовсю и разбуженные её ласковыми лучами колосья поднимались, заполняя зеленью равнины, долины, плоскогорья...

Он засмеялся, щуря глаза на солнце. Но он так устал, изгоняя Дух Отчуждения, что захотел отдохнуть. И пока он бродил по земле, в поисках места для уединения, радость его омрачила мысль: «Что, если тьма вернется? Что помешает ей возвратиться? Или же я обречен на вечную борьбу с ней?»

Он долго искал ответ на этот вопрос. Что может защитить эти цветущие ростки, шелестевшие у ног, этот дивный воздух, наполненный тысячью звонких голосов?

И тут Он нечаянно наступил на один цветок. Стебель сломался, лепестки осыпались, цветок завял и умер. И душа цветка, лишившись оболочки, воспарила над ним. Душа была светом, излучавшим тепло, душа была сгустком эмоций, душа была самой жизнью, и душа была полной противоположностью тьме.

Озарённый, он воскликнул:

— Вот она — душа! Как вас, оказывается, много! И я ничего не замечал! И всё это время вы парили в небе, не зная покоя! А цветы... я не могу даровать вам бессмертие. Ваше тело рождается и умирает, и это закон бытия, но вы — душа, жизнь — остаетесь. Я сплелу из вас новый кокон, блистательный настолько, насколько у меня хватит сил, и покрою им землю. И тьма не прорвется сквозь него!

Он немедленно принялся за работу, и вскоре земля укрылась, точно одеялом, сотканным из света коконом, населенным Вечной Жизнью. И это был главный труд его жизни, и закончив его, он решил уйти на покой.

Он нашел место в высоких горах на берегу восточного океана, в небольшой пещере, где и устроился, зная, что его миру ничто не угрожает. И уснул на долгие-долгие годы.

И не знал Он, не заметил, что кокон имел маленькую дыру, прореху далеко на юге, над черными морями, где находились выжженные солнцем черные острова.

Природа магии

Что же из себя представляет магия — неизвестно. Ясно, что это некая энергия, которую можно трансформировать в другую энергию (магия стихий, свойственная людям) или способствовать взаимодействию с мёртвыми (некромантия древних имперов).

В чистом виде магия невидима, неосвязаема, неслышна, но может быть ощущаема. Это проявляется в виде навязчивых мыслей, депрессии, кошмаров и т. д. Под воздействием чистой природной магии, как вида энергии, человек постепенно сходит с ума и вскоре умирает (от самых разных причин — усилившейся хронической болезни, несчастного случая, самоубийства и т. д.). Скорость воздействия зависит как от особенностей каждого конкретного человека, так и от интенсивности потока. Общепринятое мнение о скверне или порче, выбросившейся из Арутийского Источника во время Проклятой Ночи, что это некая «испорченная» магия в корне неверна. Скверна и есть чистая (или сырая) магия. О том, что чистая магия — давайте называть её так, ибо слово скверна несёт в себе негативный отпечаток в отличие от вышеприведённого нейтрального термина, — так сокрушительно может сказываться на людях, никто не знал, так как издревле магия была, что называется, нарасхват.

Итак, тут мы плавно подошли к видам магии и способам её «приручения». Существует *магия рассеянная* и *магия источников*. *Рассеянная магия*, или *архаичная*, как следует из названия, рассеяна по миру, аккумулируется с помощью так называемых «крючков» (*канки, амулеты, тотемы* и так далее). Иногда в роли «крючков» естественным образом могут выступать камни, растения, но это редкость. Такая магия распространена в Вехании, странах юга, у северных народов.

Магия источников — теургиям — сосредоточена, как вы уже догадались, в источниках, или аномалиях. Во всех случаях, за одним исключением, — это маленькие локальные месторождения. Особенно много их в Аннате, Кальвенте, Хаэрте. Как правило эти источники быстро истощаются. Поэтому многие — тот же Кальвент — на профессиональной основе занимаются постоянным поиском таких источников. Некоторые (Данвария, Индари, Вольные Города), сочетают источники с архаичными способами аккумуляции. Источники сами по себе являются, если можно так сказать, крючками, и нуждаются только в трансформации (в церкви Предвечного этим занимались специально обученные люди — *таинники*). В архичной магии такой нужды нет — колдуны, ведуны, одним словом *архиты*, накапливая магическую энергию, естественным образом преобразуют её в готовую для использования. Как это работает, то есть сам механизм неизвестен.

Все практики во всех странах стали результатом многолетних опытов вслепую, методом проб и ошибок, так как истинной природы магии никто не знает.

Арутийский Источник

Арутийский Источник не зря называется аномалией. Это единственное в своём роде месторождение, обладающее неиссякаемыми запасами сырой магии. Как и почему он образовался — неизвестно. Благодаря ему последователи церкви Предвечного обладали значительно большим могуществом, по сравнению с другими государствами, что способствовало быстрому возвышению Аннаты.

Как о нём узнал Беркут, почему о нём до того времени никто не знал, как получилось у Беркута с Антом приручить такую мощь — на все эти вопросы нет прямого ответа, а рассматривать домыслы здесь нет смысла.

Наиболее вероятно, что об источнике известно с незапамятных времён. Он обладал дурной славой, как средоточие зла, место обиталища демонов. Отсюда такое отношение к нему *имеров* и *Ассадхи* в частности. Кудха Беркут и Ант-пастух — это, своего рода, авантюристы, решившие рискнуть жизнью ради достижения своих целей. Беркут, как выше

сказано, хотел изучить, а потом запечатать источник, Ант решил его приручить. И у него это, как ни странно, получилось.

Пр. Ночь показала, что источник и в самом деле крайне опасен. Многие исследователи склоняются к мнению, что душа Беркута, вплавленная в печать (устройство, позволяющее преобразовывать сырую магию; в Церкви Предвечного контролируется кастой таинников), позволило на какое-то неопределённое время стабилизировать поток. Как мы знаем, в стабильном состоянии аномалия продержалась тысячу лет. Возможно на это повлияли какие-то другие факторы, незнакомые нам.

Также большинство склоняется к мнению, что кровавые ритуалы Марии Кровопийцы, с расчленением женщин, детей во славу бога Кру, проводимые ею с подачи камилла Рогволода, вряд ли стали причиной катастрофы. Возможно, это дополнительно сыграло свою роль в цепочке, приведшей к катастрофе, но не более того. О том, что источник становится опасен свидетельствует то, что в Аруте с каждым годом множилось число безумцев, самоубийств, спонтанной агрессии и т. д. В последнее десятилетие перед Пр. Ночью Арут стал самым опасным местом для жизни из-за огромного количества разбойников и сект, созданных обезумевшими магами церкви Предвечного.

Падение могущества магов Арута, множась число смертей среди послушников, преступления и странное поведение отцов церкви (вспомним сумасшедшие Квотона) — все это прямо говорит о неустойчивости Арутийского источника. То, что когда-нибудь это должно было случиться — бесспорная истина.

Бесспорно и то, что выплеснувшуюся из источника магию никак не затолкать обратно. Все последующие за этим попытки, поиски так называемых ключей были бессмысленны, так как сила источника и выходящего из него потока превосходила всякое разумение. Именно поэтому Ассадха и отважился на завоевание Аннаты.

Магия древних и их потомков имеров

Древние и *имеры* не способны пользоваться магией так, как люди. Они как бы вытягивают её из мёртвых — это называется *магия душ*, или *магия мёртвых*, или *некромантия*. Это наводит на мысль, что магическая энергия в своей основе содержит души умерших. В связи с этим можно сделать предположение, что магия источников — это магия, возникшая на месте кладбищ. На это намекает и то, что большинство их находится возле древних капищ, захоронений и т. д.

Тогда возникает справедливый вопрос: что такого могло случиться в Арутийском Источнике, если правда то, что магия возникает из душ? Какое немыслимое количество умерших сосредоточенно там, и откуда?

Некоторые исследователи отмечают такую постановку вопроса. Особенности магии *древних* (создание так называемых призраков — боевых духов, и неспособность управлять стихиями) говорят о том, что древние смогли освоить одну из ипостасей магии, которую они и называли *некромантией*. Скорее всего, сама магическая энергия состоит из нескольких элементов, что объясняет сосредоточение ее у захоронений. В любом случае, мы мало что знаем о сути магии. Но ясно одно — Арут не стоит на костях умерших. Арут — это аномалия, имеющая, скорее всего, вземное происхождение.

Глоссарий

Агуррахи (шпионы); *волканы* (волки); *дайры* (драконы); *аватары* — собирательное название магических существ имеров; *рех* (левд. — исчезающий, призрак, вселяющийся в животное); *мервы* — имеющие плоть боевые создания, воины; *иллофриеры* (иначе: иллы,

убийцы) — боевые магические создания имеров.

Анна́та — королевство, занимающее большую часть континента Димиарахна. Столица — Басилит. Коренные жители — аннаты, раса — люди. Форма правления теократическая монархия. Власть поделена между архимагом, главой Ц. Предвечного и королем. Изначально архимаг заведовал духовной стороной, король — светской. Но к моменту описываемых событий, обе ветви власти практически стали соперниками. Неофициально долина Арут стала независимой территорией, кроме того, церковь по-прежнему имела вес и в Аннате. Это очень раздражало короля. Канг Мститель воспользовался Пр. Ночью, заключил союз с главой Воинства Девы Полуденной Рогволодом, и упразднил существовавшую свыше тысячи лет церковь. На их месте была учреждена карательная организация — Идшуканта. Началось преследование верующих, магов и всех сочувствующих. Арут был объявлен запретной зоной.

Тарск, Длань, Крокота, Лакусса — города в Аннате. Находятся севернее столицы Басилита. Басилит стоит в ущелье, меж гор, в хребте Собачья Цепь.

Анвелле — кинжал-невидимка. Оружие убийц в Вольных городах.

Архидракон, Дракон — воинские должности в Аннате, Кальвенте, Вехании и др., соответствующие командующему армией, гарнизоном.

Архимаг, адепт, высший маг, аколит, созерцатель, таинник, причетник, отрок, гетман, полуденные стражи (полуденники, рыцари Девы Воительницы) — церковные должности в Ц. Предвечного, маги различной степени могущества. Таинники делились на стражей, спускавшихся в шахту и творивших охранные заклинания (в основном холод), и книжников, изучавших древние трактаты. Книжники являлись как-бы интеллектуальной силой, они работали в тесном сотрудничестве со стражами. Цель таинников — контроль над шахтой. Все остальные должности, исключая архимага (глава церкви, как правило, назначался из книжников) и гетмана Воинства Девы Предвечной (глава боевого крыла Пр. Церкви назначался из стражей), были вспомогательными. Адепты — собирательное название высшего сословия, в которое входили высшие маги, таинники, рыцари Девы и руководство.

Асва — пустынный им малонаселённый континент на юге, за Индари. Населён в основном одичавшей нечеловеческой расой бадров, или грязных, иногда называемых нечистыми. Это же название — нечистые — употребляется по отношению к созданиям, родившимся от смешанного брака людей и бадров. Самоназвание — ныне крайне редко употребляющееся — истинные. Потомки древних, захотевших жить с людьми в мире. Большинство истинных было истреблено людьми, оставшиеся — сосланы на Асву.

Безмолвные братья — тайная организация магов-воинов из Данварии. Им отрезали языки. Традиционно занималась охраной императора. Безмолвные находились в тени, их никто не видел и об их существовании знали только император и его ближайшее окружение.

Боевой ход — ход или проход с бойницами вдоль крепостной стены.

Варницы — навесные башни, расположенные в верхней части крепостных стен и башен, предназначенные для вертикального обстрела штурмующего стены противника стрелами или ручным огнестрельным оружием, сбрасывания камней, выливания кипятка и смолы.

Варскох — массивный хвойный лес на северо-западе Аннаты, место где находится Батхос — цитадель Идшуканты. По одному из утверждений, где-то в Варскохе находился Шарад-Джан, легендарный храм Димиарахны, резиденция *неведомых* расы *древних*. Храм так и не был найден.

Великая Охота (на магов) — последовавшее вскоре после Пр. Ночи преследование всех служителей ПЦ. Особенно активна была первые лет пять. Многим адептам — например таинникам и высшим магам, созерцателям и учёным, — предлагалось начать служить в Идшуканте. Несогласных либо казнили, либо ссылали в Ткему.

Вехания — княжество на северо-западе Димиарахны, находящееся под протекторатом Аннаты. Столица — город Логи. Коренные жители — вехане. В горах Вехании живут полудикие исчезающие племена — левды, чуны и другие. Все — люди. Официальная религия — ПЦ, но фактически большинство населения принадлежат язычникам, или архаитам.

Ткема, или Трясина — провинция в Вехании, обширная болотистая, местами скалистая местность. Место ссылки каторжников Аннаты, а после упразднения Ц. Предвечного место сборища разбойников, беглых преступников, сектантов, скрывающихся от Идшуканты.

Вольные Города Востока — *Пеш, Гвинна, Ранкасин, Ардраир, Энема, Астрия* — города-государства, населены людьми.

Гвеллед — магия кудха, описанная в «Евангелии от дамната». Считается, что книга была написана одним из учеников Беркута, имя которого не сохранилось. В Евангелии описаны основы и практики этого способа магии, философия кудха, но содержится крайне мало сведений о том, кто же такой сам Беркут. Есть несколько рукописных экземпляров книги, хранившихся в Арутийском храме. Гвеллед — уникальная система, сильно отличающаяся от некромантии и от теургии. Единственный, кто практиковал её, кроме дамната, Анта-пастуха и ближайших учеников (все они были позже умерщвлены Антом), это монах, спасший Ивана-отшельника.

Данвария — островное государство, находящееся на юго-востоке от материка Димиарахны. Столица — Данвар. Коренные жители — данварийцы, раавенты — люди. Правитель — император. *Раавент* — крупная провинция в Данварии. Столица — Карва.

Долина Арут — обширная провинция в Аннате, со всех сторон окружённая горами, а также одноимённый город Арут. Место, где находится Источник, ныне — заброшенная мёртвая территория. После магической катастрофы Пр. Дня, там могут обитать только существа, приспособившиеся к сильнейшей магической аномалии, которая зовётся в народе скверной.

Проход в Арут охраняется кордонами, в том числе, кордон есть на пути из Басилита на юг. Кордоны поставлены после Пр. ночи.

Древние — нечеловеческая раса, бывшая в древности (до открытия Источника) главенствующим народом в Димиарахне. Древние (их царство так и называлось — Димиарахна) создали высокоразвитую цивилизацию, отличавшуюся крайней жестокостью к другой, более отсталой расе — людям. Название Димиарахна (на языке древних что-то вроде жизни, или души, иначе — Одушевлённое Начало) восходит к главному богу древних, жуткому паукообразному существу, прародителю всего живого. После открытия Источника, возведшего людей на новый уровень в развитии, вели с ними длинные изнуряющие войны, которые в итоге, привели к расколу в их народе на *истинных*, лояльно относящихся к людям, и *чистокровных*, настроенных враждебно.

С годами *истинные* (*бадры*), преследуемые сначала *чистокровными*, а потом и людьми, были оттеснены в Асву, где постепенно, не без вмешательства людей, снизились до уровня дикарей, *чистокровные* же (*имеры*), после бесплодных попыток сокрушить растущее могущество магов Источника, отошли на север, в Эрру, где основали государство Хошлог.

Древние короли Аруты — первые властители Аннаты были выходцами из Арутийского храма. Короли избирались советом четырнадцати, в которые входили представители церкви, знати и рыцарей. В дальнейшем Анната пришла к более привычному формату династической монархии.

Друнг, или **друнгарий** — принятое в Данварии воинское звание, командир элитного боевого подразделения — друнгарты, численностью около 100 человек. Бойцы друнгарты занимались в основном разведкой, диверсиями и различными спецоперациями, включая ликвидацию определенного врага.

Дыры-убийцы — отверстия в потолках и сводах воротных проездов крепостей и замков, через которые защитники крепости, находящиеся в помещении над воротами, поражали ворвавшегося в воротный проезд противника при помощи тяжёлых предметов (камней), стрел, кипящих жидкостей (кипятка, смолы) и т. д.

Захаб — коридор между двумя крепостными стенами.

Зубец, простенок, ласточкин хвост — выступ, элемент венчающий парапет крепостной стены или башни.

Идшуканта, или отдел разыскания и лишения теургии служащих бывшей Предвечной церкви при короле Канге — учреждённый королём Кангом Мстителем и возглавляемый камиллом *Рогволодом* карательный орган, занимавшийся ликвидацией последствий Пр. Ночи. Занимался преследованием и истреблением адептов ПЦ (см. *Великая Охота*). Символы — молот и алая роза.

Идшуканты, вордуры, разрушители, охотники, видящие, архонт или **иерарх** (на манер предвечников) — должности в Идшуканте Канга.

Индари — самая южная страна Димиарахны, расположенная на побережье Огненного моря. Столица — город Дейя. Остальные крупные портовые города — Киртин, Шуумт, Ассалей. Люди.

Исан — у данварийцев и раавентов означает «отмеченный кровью». Термин очень распространен среди военных, им часто именуют особо почитаемого и уважаемого командира.

Камилл — один из верховных титулов кровавого и зловещего культа синееокого многорукого бога Кру, одного из многочисленных архаичных религиозных верований веханцев. К круанам принадлежали глава Идшуканты Канга Мстителя Рогволод и ведьма Стылого Края Тынгет. Кузнец и ведун Родерих, приютивший на ночь носителя дамната Ивана-отшельника исповедовал так называемое псевдоязычество — называя себя круанином, на самом деле не имел ничего общего с этим культом.

Кальвент — второе по величине государство Димиарахны. Столица — Руан. С этим королевством Анната вела долгие изнуряющие войны. Коренные жители — кальвенты, люди.

Канг Мститель — последний король Аннаты. Убит накануне штурма Басилита. Отличался жестокостью и недалёким умом. Практически все своё правление находился под сильным влиянием Рогволода. Идея истребить магов — его. Рогволод, справедливо опасаясь за свою жизнь, предложил ему создать на основе Воинства Девы новую военизированную организацию, которую он назвал «Идшуканта» (на одном из веханских диалектов значит «травля»). Официальное название: отдел разыскания и лишения теургии служащих бывшей Предвечной церкви при короле Канге. В народе прижилось простое «охотники на магов».

Это положило начало Великой Охоте.

Квотон Слабовольный — последний архимаг ПЦ. Отец Ивана и Петра. Погиб во время Пр. Ночи. Был сумасшедшим. Занимал свой пост совершенно формально, ибо фактически правил Рогволод.

Ключ — гипотетически: человек, который сможет приручить Источник, а также одноимённая тайная секта, возникшая на обломках Церкви Предвечного после Пр. Ночи. Адепты Ключа преследовались Идшукантой. Приверженцы ключа верили, что Ант был ключом, то есть человеком, невосприимчивым пагубному воздействию магии, и что найдётся новый ключ.

Косарь — большой нож с широким лезвием, чем-то похожий на мачете. Часто применялся в качестве небольшого меча, а также при разделке мяса, вырубке зарослей и т. д. Распространённое оружие пиратов юга (особенно данварийцев).

Кудха — секта *древних*, основанная Беркутом, дамнатом. Кудха позиционировали себя как исследователи магических аномалий, и ратовали за контроль над всеми источниками, что предполагало связь с низшей расой людей. Это шло вразрез с традициями, верованиями *древних*. За свои убеждения был изгнан. Именно он и обнаружил Арутийский источник. Изучая его, слился с людьми, взял себе несколько учеников, среди которых был Ант-пастух, и начал обучать их особой магии кудха — синтезу сил Арут. источника и традиционной некромантии древних, так называемому Гвелледу.

Ларь, лар, лара, ларёк (название произошло от имерского *холáри ле́* — яркий, ослепляющий свет) — шарик размером с теннисный мяч, начиненный взрывчаткой. Изготавливается некоторыми гильдиями алхимиков в вольных городах. Каждая гильдия хранит в секрете рецепт изготовления. Дюжина ларей стоит очень и очень дорого, поэтому как оружие они мало распространены. Кир получил пару дюжин в награду за услугу, оказанную одной из гильдий в Ранкасине. Взрыв происходит от удара о твердую поверхность и сопровождается ослепительной вспышкой.

Мария Кровопийца — мать Ивана Отшельника и Петра Усекновителя, жена архимага Квотона Слабовольного. Была дальней родственницей, а также любовницей Рогволода и последовательницей культа Кру. Когда говорят, что Рогволод виновник трагедии, имеется в виду именно то, что он вовлёк Марию в секту круан. Увлёкшись верованием, Мария совершенно обезумела. Многочисленные оргии, изощрённые пытки и кровавые ритуалы по мнению многих повлияли на то, что произошло (кровь развоплотила печать и все такое). Сам Рогволод сначала попытался образумить ее, но потом, поняв, что это бесполезно, уехал в Батхос (твердыня *древних* в Ткеме), которую он сделал своей личной резиденцией. Гвардия, размещённая там, впоследствии стала основой Идшуканты. Факт, что он был далеко в Пр. Ночь, позволил его убедить короля Канга в непричастности к трагедии.

Мидиарахна, или просто Арахна — мир, в развиваются действия.

Мистерии (*Сири'Мидха, Тайны, Сны Ткущего* и так далее) — священное писание имеров.

Мисюрка — тип шлема с железным навершием (теменем) и прикреплённой к ней металлической сеткой (кольчугой).

Неведомые — главный управляющий орган в Хошлоге. Состоит из семи мудрецов.

Петр Усекновитель — сын Марии и брат-близнец Ивана. Служил в Воинстве Девы Предвечной. Стал верным помощником матери. Активно участвовал во всех ритуалах. После

гибели матери и бегства одержимого Беркутом Ивана, отправился на его поиски с целью убить. Он полагал, что виновник всех бед Беркут. Вместе со своей группой погиб в горах Вехании от охранного фантома (реха), поставленного монахом.

Печать — устройство, позволяющее сдерживать энергию магических источников. В Аруте таким устройством был крупный кристалл со вживлённой в него душой Беркута, вставленный в металлическую форму из особого сплава. Он висел на цепях над самой шахтой. Предполагается, что это был обычный алмаз, правда особо крупного размера. Состав сплава неизвестен, но также есть версия, что то была сталь для выковки элитных мечей (в состав таких сталей добавлялись легирующие добавки).

В помещении, где находился Источник с печатью (шахта, на жаргоне предвечников), необходимо было поддерживать очень низкую температуру, во избежание развоплощения. Поэтому у таинников, обслуживающих комнату (где-то 5 на 5 метров), главным заклинанием была магия холода. Кроме того, там всегда находились ящики со льдом.

У ордена таинников было два сословия: книжники и стражи. Книжники изучали все, что связано с самой шахтой, способами укрощения энергии, поддержания печати в исправном состоянии, а также подготовки стражей.

Задачей стражей было обслуживание шахты. Стражи были самой тяжёлой и опасной для жизни профессией. Их долгое время готовили к нахождению в непосредственной близости с аномально высокой концентрацией маг. энергии. Впоследствии именно таинники-книжники стали готовить охотников и видящих.

Полуденная Дева — полумифическая подруга Анта и одна из первых его последовательниц. Выведена в писаниях как создатель «Воинства Девы» — первой профессиональной армии ПЦ.

Поток — магическая энергия в момент её применения и неофициальное (народное) название магии людей.

Проклятая Ночь — ночь, когда разрушился Источник, приведший к крупнейшему за все время существования человеческой цивилизации выбросу сырой необработанной магии (скверны) и уничтожившей большую часть жизни в долине Арут.

Псевдомагия, или **архаичная магия**, **шаманизм**, **ведовство**. Архаичная магия вехан (а также диких племён, населяющих горы Вехании) основана на древних поверьях. Псевдомагия существовала до теургии, и представляет собой комплекс неупорядоченных случайных практик, в основе своей схожих с теургией. Псевдомагия распространена также в других регионах, например в Индари. Соответственно, *архаит* — человек, практикующий псевдомагию. Смотрите также: *Природа магии, отличия*.

Сводная стрельница — фортификационное сооружение, предназначенное для дополнительной защиты входа в крепость.

Северные территории — иногда называемые Бимма, или Эрра, земли, где проживают полудикие людские племена нордов — добеев, биммехейцев, вореов.

Скверна, **порча**, **пагуба**, **белая чума**, **безумие**, **морок** (см. Проклятая Ночь) — сырая магия Источника. Воздействие ее характеризовалось следующим:

«Шепот создателя». По мнению многих, природная, или сырая магия — это трансформировавшиеся под воздействием сил природы души умерших. Отсюда голоса, которые слышит человек, подвергающийся ее воздействию.

«Смиряющий обруч» — головная боль, по той же причине.

Оба воздействия в больших количествах приводили к сумасшествию, неконтролируемой

агрессии, реже — к мутациям. В самых редких, буквально единичных случаях человек становился крючком (другие названия: канка, амулет, оберег и т. д.), то есть получал способность накапливать в себе магическую энергию и применять ее. Вред для здоровья и наличие интеллекта у случайных людей — это отдельный вопрос. Известно, что такие «природные маги» быстро умирали от мутаций, опухолей, уродств и разрушающих последствий от собственного потока.

Скорпион — стационарный двухплечевой стреломет торсионного действия.

Сокровенное (тайное) *имя имеров* обычно даётся в честь какого-либо животного, или птицы. Если сокровенное имя станет известным, то носящий его будет опозорен и должен совершить ритуальное самоубийство.

Телепатия — одно из самых странных и необъяснимых проявлений магии. Приводить здесь множество конспирологических теорий нет смысла. Важно то, что телепатии нельзя научиться. Это способность, данная природой. Ва'атна, или испивший из колодца желаний — так называли телепатов древние. Все *неведомые* — телепаты. Предвечники называли таких слугами дамната и преследовали, хуртины — неприкасаемыми, которых изгоняли в пустоши; шараты из Индари из их числа набирали в стражу танта (первосвященника), этерны из Данварии считали телепатию особым благословенным даром. В Вольных городах телепаты часто становились убийцами и ворами.

Теургия — наука о магии, излучавшаяся в ПЦ, и официальное наименование магии предвечников. В момент наивысшего могущества Аннаты, ПЦ распространилась по всей Димиарахне, и теургия стала основной практикой.

Турá — осадная башня.

Укротитель — как правило простой магический амулет. Каждый видящий обучался нескольким заклинаниям — обнаружению магии, ментальной боли и прочих психических воздействий.

Хазрт — небольшое теократическое государство, занимающее западное побережье Димиарахны. Столица — Карта. Коренные жители — западные кальвенты, или картийцы. Правитель — теуруг, или архимаг. Религия — Западная Предвечная Церковь, или Ультрат (ультрат — боевое подразделение ЗПЦ, славится своей жестокостью) Другое название — церковь пророка Хуртина. Самоназвание — евсеи (благословенные). Как маги ультраты значительно слабее аннатицев, так как у них нет столь крупной аномалии, как Источник.

Хошлог — загадочная страна, населённая враждебной людям нечеловеческой расой имеров, или чистокровных. Находится на архипелаге Эрра, за Северными территориями.